

ВЕРОНИКА ГОРБАЧЕВА

ИНАЯ СУДЬБА

КНИГА I

Судьба иногда делает странные выверты: совмещает несовместимое. Сводит тех, кому вовсе не суждено встретиться. И вот уже стоят друг против друга всесильный герцог — и простая деревенская девчонка, дрожащая от страха. Шла себе по лесу, и вдруг — удар по голове, тьма... А потом выясняется, что на ней — платье герцогини, обручальный перстень герцогини, похищенные герцогиней важные документы, да и саму Марту называют беглой герцогиней. И ждёт её пыточная, допрос — и позорная казнь. Если только не сумеет оправдаться...

Вместо пролога

У герцога Жильберта Анри Рене де Бриссака де Фуа д'Эстре пропала супруга. Это бы ещё полбеда, поскольку его светлость отнюдь не пылал нежными чувствами к златокудрой Анне де Бирс де Фуа д'Эстре, красотой затмевавшей многих прелестниц провинции, и нашёл бы в себе силы отнестись к данной потере если не стоически, то философски. Почий его половина в бозе или попади в грубые лапы разбойников — муж недолго бы оставался безутешен. Претерпи очаровательная жестокое насилие и потерю чести, сдохни от чумы или угоди в лапы инквизиции — его сиятельство и бровью не повёл бы. Господь соединил, Господь разъединил, на всё его воля. К супруге Жильберт Анри Рене был по определённым причинам, мягко говоря, холоден, а если откровенно — одно упоминание об очередных её шалостях заставляло светлейшего бледнеть от тихой ненависти. И тогда, пугая окружающих, наливался багрянцем безобразный шрам над верхней губой, темнели до черноты жгучие, слегка навывкате глаза цвета спелой вишни и дёргалась левая щека, хоть и парализованная давним магическим ударом, что когда-то оставил на челе светлейшего метку, из-за коей он и получил прозвище Троегубого...

Но не будем предаваться злословию, подобно бесцеремонной черни, что и святых не замедлит вынести на поругание. Сказано в Писании: не суди, да не судим будешь; и ещё — каким судом судите, таким и вы будете судимы, какой мерою мерите — такой и вам отмерят. А прежде, чем высматривать сучки в глазу светлейшего, вспомни: их ведь может оказаться достаточно для небольшого костерка под специальным железным креслицем для особо болтливых...

Итак, ежели бы коварная половина соизволила всего лишь бежать с очередным любовником — его светлость с чувством перекрестился бы, возблагодарив Всеблагое, и отправил бы понтифику, недавно воссевшему на престол после распутной папессы Иоанны, прошение о разводе, подкреплённое фактами прелюбодеяний супруги. И уж будьте уверены, фактов, как и свидетелей, оказалось бы немало. Иное дело, что герцог болезненно воспринимал малейшее пятнышко, грозящее осесть на белоснежные крылья его репутации. Он и без того вынужден был выделять значительную долю ежегодного дохода на сокрытие походов любовобильной половины. Ах, если бы она нашлась, к примеру, с перерезанным горлом в собственной... демоны с ней, пусть даже в чужой постели, и можно было бы всё замять и сымпровизировать вполне благопристойную кончину! Так ведь нет: скверно блудница жила — скверно пропала.

Очень скверно. Ибо вскоре после её исчезновения секретарь герцога мэтр Фуке обнаружил, что тайник в кабинете его светлости вскрыт, несмотря на хитромудрые замки и охранные заклинания. А главное — похищены документы Особой Государственной Важности. Попадание хотя бы одного из них — а таковых набиралось тринадцать, скверное число, очень скверное — в руки недругов герцога, а так же представителей некоторых соседних государств, находящихся по отношению к прекрасной Галлии в состоянии хрупкого эфемерного перемирия, означало немедленное развязывание очередной войны, на которую у государства не было ни денег, ни ресурсов. За блестящими позолоченными

фасадами парадных резиденций сиятельных вельмож, чьи кошельки Жильберт д'Эстре беззастенчиво опустошил, дабы не одной казне нести расходы по обороне, скрывалось порой такое, что поневоле стороннему наблюдателю могла придти на ум старинная поговорка: «На брюхе-то шёлк, а в брюхе-то — щёлк»! О, нет, опять-таки не будем бездумно повторять за злыми языками. Блажен муж, не идущий на совет нечестивых, и да вверит он бестрепетно судьбу свою в руце мудрых и безгрешных правителей, заботящихся о нашем же благе!

...Выражаясь сухим канцелярским слогом, дело, поначалу определяемое как банальная супружеская измена, запахло изменой государственной. И то, что одновременно с Особо Важными Документами пропали фамильные драгоценности покойной матушки светлейшего, в протокол тайного следствия даже не заносилось. Ибо то — деяние низменное, воровское, недостойное огласки. Найдите мне документы, жёстко сказал герцог, а уж со всем остальным я как-нибудь разберусь. И добавил в адрес соглядатаев, прозорливо приставленных ранее к неверной супруге, пару-тройку слов, также не вошедших в протокол. Шпионов же приказал повесить. Впрочем, сменив гнев на милость, распорядился лишь выдрать хорошенько; и те низко кланялись и благодарили, ибо поротые задницы заживут, а ума прибавят, да и сами, дураки, живы останутся, и семьи опять-таки при кормильцах... Суров, но справедлив Жильберт Анри Рене де Бриссак де Фуа д'Эстре, да славится имя его после имени нашего Государя во веки. Аминь.

Глава 1

Ещё не открывая глаз, Марта поняла: вокруг что-то не так. Вместо продавленного тюфяка, чьи бугры и впадины были давно пересчитаны её телом, она лежала на чём-то холодном и жёстком, а главное — со всех сторон тянуло сыростью, как в погребе. Не звякала во дворе собачья цепь, не орал петух, не было слышно фырканья Гнедка на конюшне, и поросёньего хрюка, и гусяного гогота. Обычно во дворе первой подавала голос оголодавшая за ночь скотина. Едва прочухавшись, Марта спешила к колодцу, умыться и попить, натаскать воду для всего дома, и стоило ей взяться за ворот — на пронзительный скрип колодезного ворота выскакивала тётка — доить Зорьку, но допрежь ублажить болтушкой, с вечера запаренной, потому как молоко у коровы на языке. Марта же кормила остальную живность. Утро не представлялось без этих привычных звуков и действий, однако сей час странная тишина царила вокруг, даже комары не зудели.

Где-то неподалёку узнаваемо застрекотала сорока, которой вроде бы неоткуда было взяться. Ещё одна странность, ибо птицы не очень-то любили дядюшкину кузню и облетали её стороной. С предчувствием чего-то нехорошего Марта чуть размежила веки — и снова прижмурилась. Почему так светло? С какого перепугу ей приспичило заснуть среди бела дня, когда все добрые люди работают? Да свет-то какой яркий, бьёт прямо в глаза... Она невольно заслонила ладонью. И вдруг её осенило: утро-то давно миновало! Ну, конечно, она уже отработала домашнее послушание, и только ополоснула руки, собираясь подсесть со всеми к столу, как ей сунули кусок краюхи — пожевать дорогой — и наказали быстренько куда-то сбегать... вот только куда? Марта хорошо помнила, что заторопилась: ведь тётка грозила, ежели замешкается, оставить без завтрака и без обеда. А очень хотелось получить хоть несколько ложек горячей пшённой каши, что уже допревала в печи, наполняя избу и сенцы сытным духом, ведь днём и ночью разбирал голод... Вот она и поспешила. Куда?

Марта, наконец, догадалась сместиться в сторону и сразу же почти ослепла, оказавшись

в полумраке. Повернулась к источнику света — должно быть, слишком резко, потому что затылок ожгло болью. Охнув, девушка потянулась к голове. Боязливо прощупала. Под пальцами наливалась здоровущая шишка. Господи боже, кто это её так? Или сама приложила в беспамятстве?

Стоило чуть сдвинуться — и снова она угодила в темноту, но не вся, только бок и голова, а оставшееся на свету плечо светилось неестественно белым. До Марты, наконец, дошло: сидит она прямо в снопе света, льющего из окошка где-то под потолком... Впрочем, не таким уж и высоким. Сидит на самой границе солнечного пятна, оттого-то один бок припекает, другой — холодит. И находится она в незнакомой какой-то избе, в развалюшке, прямо сказать, пустой, заброшенной, потому что жилым духом и не пахнет, даже мыши не скребутся в подполе, и не пойми где тут дверь... Впрочем, когда глаза привыкли, Марта её углядела — низенькую, скособоченную — рванулась было встать, но зашипела от боли. Опять голова...

Сейчас-сейчас, она уже поняла, что надо сперва немного посидеть, выждать, когда боль пройдёт, а потом уже тихонько подниматься. Сейчас... А окошко-то махонькое, пустое, даже пузырьём не затянута, просто прорублена дыра почти под скатом крыши, с пола из него ничего не разглядишь. Видно, что день на дворе, щебет доносится, слышно, что деревья скрипят и шуршат... Много деревьев, вот, похоже, ветер пронёсся — и зашумело, словно кипучая волна... Это её, Марту, в лес, что ли, занесло?

Как, как она сюда попала? И почему спала, да так крепко, что не почувствовала, как башку чуть не проломила? Это же невозможно — так стукнуться и даже не проснуться! И вдруг, похолодев от догадки, Марта едва не завывала в голос. Не сама же она себя так, по затылку-то, уделала, это только сзади кто-то подкрался да огрел. Подкараулил, когда она краем леса бежала, огрел палкой или дубиной, много ли ей надо? Ведь поговаривали, что неподалёку новая шайка собралась, промышляет по ночам. А её, Марту, белым днём отловили, дуру беспечную, зацапали без чувств, притащили сюда и насильничали — что ещё от плохих людей ждать, ладно ещё, что не убили...

Она всхлипнула и тотчас в страхе зажала рот ладонью. Не реветь! Только не реветь, вдруг ОНИ ещё близко и вернутся — позабавиться или добить, чего доброго... Но всё было тихо, не считая голоса одинокой кукушки да частых дробей дятла снаружи. Никто не торопился завершать чёрное дело.

Марта перевела дух. Ей даже глянуть на себя было страшно, не то, что прощупать и убедиться — всё ли цело. Уже понятно, что самое дорогое, что есть у девушки, она потеряла, и тут уж ничего не поделать. Не поделать... Значит, хватит размазывать сопли. Ей, бесправной сироте, рано или поздно не миновать было такого позора. И без того удивительно, сколь долго она себя сохраняла, обидно только — для кого? Охохонюшки... Однако нечего теперь рассиживать, пора как-то возвращаться домой, и хорошо бы — с виду хотя бы нетронутой, тогда, глядишь, никто ни о чём не догадается. Ну, опоздает она, попадёт под тёткину ругань, останется без обеда... потерпит, ничего страшного. Придумает по дороге, что наплести.

Главное — жива. Спасибо, Господи, что хоть от смерти сберёг!

Куда же её всё-таки посылали? Кажется, принести что-то. А она вот с пустыми руками возвращается, потому, как даже ума не даст, чего от неё хотели. Запилит тётка-то, ох, запилит, что без ничего пришла, а ещё больше осердится, ежели платье будет попорчено. Цело платье-то? Не порвано? Без пятен? А то выставит сейчас напоказ весь свой грех

невольный, и тогда уже ни дядя, ни пастор не помогут, никто не посватается. А не прикроешь позор замужеством — пойдёшь по рукам. Значит, нельзя, чтобы люди хоть что-то заподозрили.

Марта в очередной раз попыталась приподняться — и замерла. Девушки говорили, что после близости, особенно в первый раз и не по согласию, здорово всё болит — и переднее место, и заднее порой, поэтому она уже приготовилась к неприятным ощущениям, но, оказывается, зря. Ныла разве что разбитая голова, но это — не п о з о р н о. И вот ещё что: дышать было... тяжело как-то, одежда непривычно туго сжимала бока. А вот женское место — нет, не болело ни капельки. И... сухо там, ей-богу, сухо. Марта, хоть и в девушках ходила, но наслушалась про эти дела от подружек, да и трудно в деревне жить — и не знать, как э т о происходит. Неужто её не тронули? Тогда для чего оглушили? Она не богачка, чтобы выкуп требовать; лицом, может, и сошла бы за знатную, а остальным-то... Уж года два, с той поры, как начала расти грудь, Марта старалась натягивать на себя не те нарядные тряпки, что подсовывала тётка, а что-нибудь постарее да поплоче, а когда ругали — прикидывалась дурочкой. Только, кажется, это не всегда помогало.

В затылке снова стукнуло. У Марты было странное состояние — она и понимала всё, и словно её уносило временами куда-то. И тошнило сильно. Попить бы...

И всё же — обесчестили её или нет? Убедиться, что и впрямь осталась невинна, можно было лишь одним способом — проверить, нет ли крови. Марта потянула на себя подол — и ахнула, только сейчас поняв, во что одета. Вместо привычной грубой холстины замызганного повседневного балахона на ней было нечто гладкое, белое, приятное на вид и на ощупь, точь в точь господское платье, в каком, дай бог памяти, щеголяла баронская племянница. Однажды Марте случилось встретиться с наследницей, когда обе ещё соплячками были, то-то нагладелась... Впрочем, маленькую баронессу никто не посмел бы назвать соплячкой, даже собственный злющий дядя, чтоб ему... Со страшным бароном было связано что-то нехорошее, но память Марты снова напрочь перемкнуло. Да и не до того ей стало. Разволновавшись, она кое-как поднялась на коленки, затем умудрилась встать, хоть её и шатало во все стороны, и наконец, оглядела и ощупала себя, как смогла. От увиденного стало совсем нехорошо.

Платье на ней и впрямь было господское: из самого что ни на есть атласа, с верхом, затканым белыми розами, и такими же по подолу. Края коротких, чуть ниже локтя рукавчиков, пенились кружевами, а на широченные юбки пошло столько материи, что можно было бы, пожалуй, обшить всех многочисленных Мартиных племянниц и племянников. Все белые, юбки-то, правда, по низу грязью уляпаны, жалость-то какая... Дура, себя пожалей, в сердцах одёрнула Марта и взялась было за юбку, приподнять, как вдруг на левой руке ослепительно вспыхнула, попав в луч солнца... звезда. Нервы, и без того натянутые, не выдержали, и Марта взвизгнула и затрясла кистью, словно на пальце у неё засел мохнатый паук-крестовик. Прозрачные, как вода, грани звезды переливались всеми цветами радуги, камень явно был дорогой, в золотой оправе, и Марта, не в силах отвести от него взгляд, тихонько заскулила. Она-то, простота, боялась, что её изнасиловали, а всё гораздо хуже! Так плохо, что дальше некуда!

Девушка яростно пыталась стащить кольцо, но то не поддавалось, будто кто заколдовал, лишь обдирало кожу да больно кололось оправой. С потерянным девичеством ещё можно было бы жить, но ведь теперь получается, что она — воровка! Её найдут, арестуют, отвезут в городскую тюрьму, а завтра на рыночной площади отрубят руку и заклемят. Жизнь

кончена... Кто ей поверит? Заикнёшься, будто сама не знаешь, что да как — поднимут на смех, скажут: вот темнота деревенская, сама глупая — и нас за недоумков держит.

Бежать. Домой, огородами, за кусточками, что б никто не видел. Найти кусок сала — и уж тогда кольцо снимется, непременно! Палец обложить льдом из погреба, чтобы сошёл отёк, намазать жиром и... Марта метнулась к низкой двери и вдруг споткнулась. С ноги слетела туфелька, тоже явно господская, беленькая, с бантами, на высоком вычурном каблучке, к которому селянки непривычны. Мало того, что кто-то её обул — подобрал юбки, Марта увидела на ногах белые тончайшие чулочки, прихваченные ниже колен подвязками.

Ей снова захотелось завывать. Куда она собралась? Домой? В господской одежде? Да уж лучше голышом! Мало того, что перстень, явно украденный, на руке сияет, выдаёт с потрохами, так ещё и каждый встречный-поперечный придерётся: откуда ты такая разряженная? С кого сняла? Что, прикопала кого-нибудь в овражке?

Она пропала. Она пропала. Она пропа...

Сидя на холодном земляном полу, Марта раскачивалась из стороны в сторону, взявшись за голову, и в отчаянии бормотала одно и то же: я пропала... Оттого и не слышала, как отряд рейтаров окружил лесную поляну, на которой стояла её заброшенная избушка, как сомкнулась цепь вооружённых людей. Опытные наёмники действовали бесшумно: не бряцали оружием, не переговаривались, ибо план поимки преступницы был заранее обговорен и вбит каждому ещё с час тому назад, в деревне, после того, как местный пастушонок, оглядываясь, не видит ли кто, сообщил капитану, что, кажись, заметил ту самую беглую девк... даму, которую третий день ищут. В сторону заимки бежала, нет, брела, спотыкалась, видать, вымоталась вся. Пастушка опросили подробнее, сунули в зубы пару серебряшек — награда знатная за десять слов — да пригрозили отобрать, если узнают, что соврал. Обговорили план: доходят без шума, смотрят, нет ли рядом кого — вдруг у беглянки тут встреча назначена, хорошо бы повязать всех сразу! Не исключено, что будут выставлены часовые, ведь число сообщников неизвестно, поэтому — поглядывать, зря не рисковать. А главное — брать всех живыми.

...Дверь распахнулась, едва не снесённая с петель сильным ударом. Марта зачарованно, не в силах двинуться с места, как в страшном сне, смотрела на чёрный силуэт мужчины, облачённого в доспехи. В спину ему светило солнце, лица было не разобрать, лишь блеснули белки глаз, странно отсвеченные синим. Ужасный человек надвигался, как рок. Судьба. Смерть.

Лязгнуло вынимаемое из ножен железо.

— Подымайтесь, ваша светлость, — спокойно сказал приятный мужской голос. — Именем закона — вы арестованы.

* * *

Возок был закрытый, душный, на высоких колёсах со странными упругими накладками. Не трясся, не выматывал душу, а мягко покачивался; после получаса такой езды Марту замутило. Но хуже всего была не тошнота, ранее неведомая крепкой деревенской девушке, и не то, что с неё не сводил глаз незнакомый рослый мужчина в кирасе и при тяжёлой трёхгранной пшпаге, настолько длинной, что на неё, как на вертел, можно было насадить перепуганную и окончательно упавшую духом саму Марту. Самой скверной была деревянная груша во рту, которая, казалось, с каждой минутой всё больше распухала от слюны, и

приходилось то и дело сглатывать. И ещё — тошнотворный привкус дёгтя и чужих ртов, и впивающиеся в скулы тонкие кожаные ремешки, туго стянутые на больном затылке и не дающие кляпу отпасть, если попытаешься вытолкнуть его языком.

Из-за этого-то кляпа она не то, что оправдаться — пикнуть не успела. Там, в избушке, сообщив, что она арестована, незнакомец чуть посторонился, и в дверцу протиснулись ещё два дюжих молодца. Потеряв от страха дар речи, Марта попыталась отползти, теряя туфли, но её живо подхватили под руки и выволокли из халупы на белый свет, на зелёную траву, выставив на обозрение двух десятков вооружённых мужчин, что к тому времени окружили поляну. Куда бы Марта не повернулась — в голову ей глядели арбалеты.

Статный и мужественный капитан рейтаров бесстрастно оглядел бледную, как мел, девчонку, хватающую ртом воздух, и пожал плечами. Дело есть дело. Он всего лишь выполняет свой долг. По его знаку один из державших Марту, стянув зубами перчатку, резко и больно ткнул острым грязным ногтем под нижнюю челюсть, а когда та, невольно ахнула — умело загнал в приоткрывшийся рот деревянный шар, на шершавых боках которого имелось уже немало отметин. От чужих зубов. Затем, не давая опомниться, споро перехватил девичьи руки верёвкой.

— Сожалее, сударыня, — в учтивом тоне не было ни грана издёвки, — но, согласно указаниям вашего супруга, вам запрещено говорить, а нам — слушать всё, что вы можете высказать. Причины вы и сами знаете. Будьте благоразумны. Следуйте за нами и не пытайтесь бежать, вам не уйти. Антуан и вы двое, обыщите дом, остальные разбейтесь на тройки и прочешите ещё раз округу. Первый, кто найдёт бумаги, получит особую благодарность от господина герцога.

Свет так и померк в глазах Марты. От герцога? Какие бумаги? Какой супруг? За кого её приняли? Мыча и дёргаясь, она пыталась протестовать, но солдаты встряхнули её, а один — несильно ткнул кулаком в бок.

— Отставить, — негромко приказал капитан. — Руки не распускать. Её светлость — дворянка, и пока не осуждена — пользуется привилегиями своего сословия. Держать, но не бить. Сударыня, рекомендую успокоиться и вести себя достойно, не провоцируйте моих людей.

— Ваша милость! — окликнули его из лесниковой избушки. — Пройти не изволите? Нашли кое-что!

У Марты голова шла кругом. Как её только что назвали? «Её светлость... сударыня...» Какая ещё светлость? Единственный человек, кого в деревне и даже в баронском замке называли «его светлостью» — с почтением, ненавистью восхищением или завистью — был герцог Жильберт Анри Рене де... в общем, столько имён, что не упомнишь. Но кто он — и кто она? И что этому всесильному герцогу до ничтожной селянки, про которую он и слыхом не слыхивал? Чей супруг ему пожаловался на свою, должно быть, нерадивую супругу?

Да ведь это она! — озарило Марту. Она, злодейка, чья-то провинившаяся жена, которую все ищут; подкараулила похожую девушку... не сама, конечно, наняла кого-то за деньги, потому что госпожи все слабенькие, такие по голове как следует и не огреют. И уж конечно не перетащат с лесной дорожки в домик, Марта, хоть и маленькая, но увесистая. Эта беглая жена передела её в своё платье, чтобы уж точно за неё приняли, и навела погоню... Девушка мычанием попыталась привлечь к себе внимание, но добилась лишь того, что один из приставленных часовых снова врезал Марте под дых, на сей раз, от души.

— С-сучка благородная, — только и прошипел. Но вдруг вытянулся в струнку и

равнодушно уставился в небо, не обращая внимания на задыхающуюся от боли девушку. Причиной его внезапной сдержанности был возвращение капитана.

— Предупреждаю... — сухо сказал он в пространство, но рейтар почему-то сразу понял, что обращаются к нему.

— Виноват. Забылся. Больше не повторится, кэп... капитан.

Бросив на подчинённого внушительный взгляд, офицер пристроил на ближайший пенёк небольшой ларец, вынесенный из развалюхи. Откинул незапертую крышку, бегло просмотрел содержимое. Судя по нахмуренным бровям — остался недоволен.

— Здесь десять свитков, сударыня, — обратился он к пленнице. — Я не спрашиваю о судьбе оставшихся трёх, вряд ли мы найдём их поблизости, но рекомендую в скором будущем не запирайтесь и сообщить своему супругу, кому вы их передали. Прислушайтесь к доброму совету, будьте откровенны. Мне даны полномочия уведомить вас, что чем благоразумнее вы себя поведёте, тем легче будет ваша участь.

...Вот такое чудовище сидело сейчас напротив Марты и зорко отслеживало каждое её движение.

Почему чудовище? Потому что только такой человек мог, не моргнув глазом, распорядиться убить единственного Мартинового защитника. Когда возок с ещё не зашторенными окнами проезжал по единственной сносной дороге через деревню, чуть ли не под колёса выскочил пастор Глюк, взъерошенный, потерявший где-то широкополую шляпу, перепуганный насмерть.

— Во имя Господа! — расслышала Марта через закрытую дверцу. — За что её взяли? Это же невинная девица, у нас все её знают! Она ничего дурного не...

Капитан приоткрыл дверцу.

— С дороги, святой отец. — По его знаку двое молодцов подхватили пастора под руки. — Вы обознались. Нами задержана беглая преступница.

— Какая же это... Это же Марта, племянница здешнего кузнеца! Офицер, тут какая-то ошибка!

— Это вы ошибаетесь, господин пастор. Её личность установлена и обсуждению не подлежит. Ищите свою прихожанку в другом месте, святой отец.

— Но... но... как же так... Вы не можете без разрешения господина барона... — Пастор попытался даже схватиться за оглобли, словно надеясь хилыми руками остановить возок. — Господин барон де Бирс, её хозяин, он будет очень недоволен...

— Убрать, — коротко бросил капитан. Захлопнул дверцу, быстро задёрнул кожаную плотную штору в окне, затем то же самое проделал с противоположным. Снаружи раздался странный хекающий звук, тонкий вскрик... Военный поморщился, но ничего не сказал. У Марты же дыбом встали волоски на руках — она вдруг поняла, что пастора Глюка больше нет. Его убили. За то, что пытался за неё заступиться — она и не ожидала, видит Бог, заступы именно от него, но ведь поди ж ты... И хотя причин любить священника не было — разве он заслужил, чтобы его рубанули шпагой?

А она, Марта? В чём она провинилась? Какая-то богатая бездельница накуролесила, а потом взяла и подсунула вместо себя её, ни в чём не виноватую! Девушка невольно всхлипнула. Всю жизнь она отбивалась от людских нападков — незаконнорожденных не слишком-то любят, но она привыкла огрызаться, отвечать умным словом, иногда молчать и терпеть, в зависимости от обстоятельств. Но никогда ещё не чувствовала себя столь беззащитной. На мальчишек можно было пожаловаться дяде — но Марта предпочитала

лупить обидчиков сама, и никто ещё не проболтался, что девка ему синяков понаставила, стыдно было. От домогательств пастора Глюка спасало терпение и способность хранить полное равнодушие. Но так, чтобы полная безнадёжность впереди — такого ещё не было.

Никто больше не заступится. Никто. Дядя Жан ничего не знает, да и скажут ему, что её увезли — поди догони этот возок... Нет, не надо догонять, она не хочет, чтобы дядюшку постигла та же участь, что и пастора. Ей придётся защищаться самой, как умеет. Только бы дали заговорить!

Она же простая крестьянка, неужели по ней не видно? Ах, да, платье... Но ведь не слепые же они, те, кто её ищут! Должны быть глаза у этого остолопа-мужа, к которому её везут! Пусть платье на ней господское, личиком она... не уродина, действительно, могли и за дворянку принять... Ой, как же она забыла, ещё и бумаги какие-то при ней нашли! Но капитан, должно быть, и в глаза не видал той, кого ищет, знает только по рассказам, а вот доставят её, Марту, к тому, кто велел сыскать, тот глянет — и сразу скажет: кого вы мне тут подсовываете? А ну-ка, везите обратно!

Марта сникла.

Было ей от роду семнадцать лет. Взрослая уже девица, перестарок, можно сказать, а всё в сказки верит. Разве господа отпускают девушку просто так?

Она с трудом сглотнула слюну — даже за ухом что-то щёлкнуло — и попыталась украдкой размять занемевшие кисти. Пальцы затекли, и кольцо больно впивалось в безымянный.

— Прошу прощения, сударыня, — словно очнувшись, неожиданно заговорил капитан. Наклонившись — девушка от неожиданности сжалась в комок — ловко и быстро, несмотря на полумрак, царящий в возке, нашарил и развязал ремешки, аккуратно вытащил кляп и даже соизволил платком вытереть Марте подбородок от подтёков слюны. Тщательно протёр деревянную грушу, сунул в сумку на пояс.

— Это была временная мера, скажем так — показательная. Не хотелось бы делать её постоянной на всём пути нашего следования. Вы меня хорошо поняли? Ни слова с вашей стороны без необходимости, ни в моём присутствии, ни в присутствии солдат. Если я услышу хоть что-то, кажущее подозрительным — эта вещь вновь будет пущена в ход, на сей раз — до самого вашего свидания с его светлостью. Вы обещаете молчать?

Молчать? Да всё её спасение было в том, чтобы вопить на весь мир, что она невиновна! Однако Марта, перемогая себя, кивнула. Снова сидеть с унижительно раскрытым ртом, снова терпеть вонючую затычку не хотелось. Она потерпит, не век же им ехать! И потом, её ведь собирались о чём-то там расспрашивать? Вот тогда и скажет...

И она стала проговаривать в уме оправдательную речь. Господа ведь гладко говорят, значит и ей нужно также, не запинаться, упаси боже, чтобы выложить сразу и понятно. Например:

«Я Марта. Я живу в деревне Сар. Мой дядя кузнец. И я не та, кто вам нужна».

Наверное, слишком просто.

«Я Марта, простая девушка из Сара».

«Я Марта. Никакая не беглая жена, господин хороший, вы посмотрите только на меня хорошенько...»

Ой, плохо... А ну, как она действительно похожа на беглую? Но деваться-то некогда, надо подобрать и запомнить правильные слова, чтобы не растеряться, когда настанет её время.

Руки ей так и не развязали. Лишь остановившись спустя пару часов на каком-то постоялом дворе, освободили, провожая в уборную. Хорошо, юбки не задрали, не помогли, нарушая пресловутую дворянскую честь, иначе Марта сгорела бы со стыда. Проводили в небольшой хлипкий сарайчик с дощатым помостом, зияющим двумя зловонными дырами, и заперли снаружи. Правда, не торопили, заметив, как она поводит плечами и растирает кисти, пытаясь вернуть чувствительность. Сопровождающие без стеснения журчали тут же за стенкой сортира, Марта сквозь зубы шипела все известные ругательства, что слышалась в своё время в кузне у дяди и пыталась подобрать юбки, чтобы не запачкаться в дерьме, кое-где щедро удобрившем пол. Да у самого последнего лодыря на деревне отхожее место не в пример чище! Содрогаясь от отвращения, кое-как пристроилась на помосте. И вот странности женской души! несмотря на плачевность собственного положения, ей до смерти было жалко нарядного платья, хоть и чужого...

«Хороша бабенция», — буркнул голос за стенкой. «Я б завалил, ей-бо... что скажешь, Тони? Пока кэп-то не видит. Он, поди, за тем же самым к хозяйке попёрся, успеем...» «Сдурел?» — крикнул второй, судя по голосу — постарше. «А чё?» «А то. Не положено. Кэп у нас законник, а по закону, знаешь как? Пока баба не осуждена, да ещё дворянка — она, считай, невиноватая ни в чём и под законом ходит. Боже сохрани хочь глянуть не так — по судам потом затаскает! Вот погоди, приговорят — перед исполнением на всю ночь нам отдадут, наиграешься». «Точно?» «Что б мне пропасть, ежели вру». «Так ить... не одни мы в гарнизоне, и кроме нас желающие найдутся». «И чё? Её не убудет, а куда добро беречь, если утром в расход?» Марта застыла, не успев натянуть тоненькие, отороченные кружевом штанишки. Трясущимися руками машинально завершила начатое да так и оцепенела, завернув юбки выше колен. «Да вот ещё что...» — голос второго, судя по всему — более опытного стража, многозначительно понизился. «Ты, брат, этого... того... хотелку-то свою пока припрячь. Ишь, глаза-то замаслились! Не вздумай её щипать там или лапать, а то допрыгаешься...» «А чё?» «А то. Херцог наш, конечно, крутенёк, да однако же, муштина, на баб податлив; и хоть на сучку свою сердит... всё может стать. Глядишь — ублажит его, расстарается — и снова в силу войдёт, он, хоть суров, херцог-то, но, сказывают, отходчив. Ну, посечёт, ну, помучает — да простит. Вот и подумай своей башкой, кого эта мамзелька припомнит, чуть в себя придёт?» «Кого?» «Болван! Того, кто её хоть пальцем тронул, пока она в немилости была; уж это как пить дать, всех соберёт, я эту породу знаю. С виду ангелица, а в душе... Сучка, одно слово. Не связывайся».

Зависла пауза. Марта, чуть дыша, оправляла платье.

«Ото ж», — неуверенно пробормотал тот, что моложе. «Всё-то ты знаешь... А ну, как не нажалуется?»

Старший сплюнул.

«Я предупредил. Смотри, сам вместо неё на кол сядешь! Ему всё едино, кто на нём, честный солдат или бл...дь благородная. Не маленький, сам думай».

На пути в возок Марту пошатывало от ужаса. Ноги не несли. Капитан, глянув ей в лицо, подставил локоть.

— Обопритесь на мою руку, сударыня, — сказал учтиво и помог: и на подножку ступить, и в возок залезть. И связывать больше не приказывал, хоть по-прежнему глаз не спускал. Остаток пути Марта молчала даже не из-за угрозы кляпа: от комка, застрявшего в горле. Стало быть, герцог и есть — разгневанный супруг? Страшно было невероятно. И будь она в самом деле из благородных — уже давно лежала бы без чувств, ибо, по словам женщин

и девушек, прислуживающих иногда в баронском замке, у барышень и у знатных дам есть такая манера — то и дело в обморок брякаться, это признак души чувствительной и нежной... А ещё корсеты виноваты, которые так сжимают, что у девочек груди не растут, как положено, а остаются крошечными. Потому-то бароны да прочие господа любят за деревенскими девками охотиться — те корсетов не носят...

К концу пути Марта устала бояться. Она тупо глядела в одну точку — на поблёскивающую в полумраке медную шишку в стене, и всё гадала — для чего она? Но вот карета замедлила ход, в окошко со стороны возницы стукнули. Капитан повернул шишечку, створка окна подалась.

— Что там?

— Посыльный от его светлости! — сообщили снаружи. — Велено передать: ждут. Проводить прямо к коменданту в кабинет.

— Хорошо, — лаконично ответил капитан. Захлопнул оконце и повернулся к Марте.

Противно засосало под ложечкой. Всё, прибыли? Вот сейчас-то и начнётся самое страшное? В сумраке недолго и ошибиться, но почему-то Марте показалось, что в синих глазах военного мелькнуло сочувствие. На секунду её охватило желание — рухнуть на колени, целовать руки этому человеку и умолять, умолять не вести её никуда, оставить здесь, в возке, заступиться перед страшным герцогом. Она не хочет на кол! За что? Она ни в чём не виновата! Словно угадав её намерение, военный подчёркнуто энергично положил ладонь на эфес шпаги.

— Итак, сударыня, — голос его был сдержанно-суров и непреклонен, и Марта как-то сразу поняла всю бесполезность задуманного. Этот не пожалеет. — Мы на месте. Напоминаю: вам запрещено говорить с окружающими до самой встречи с его светлостью, нам запрещено слушать, если вдруг вы не выдержите. Предупреждаю: меры в случае слушания будут применены куда более жёсткие, чем раньше. Держите себя в руках.

Девушка молчала, чувствуя только, как в груди зарождается дрожь. Пустой живот свело. Голода Марта не чувствовала, напротив — её даже подташнивало, от дорожной тряски, от вновь зарождающейся паники, да и разбитая голова давала о себе знать.

— У вас ещё есть шанс, — внезапно быстрым шёпотом проговорил капитан. — Вы слышали, мне велено доставить вас к коменданту? В кабинет, а не в пыточную. Значит, поначалу с вами попытаются договориться. Хотите жить — не упрямитесь. Вы поняли? — Взглянув на него дикими глазами, Марта истово кивнула. — А сейчас — молчите, Бога ради. — И первым вышел из возка.

Руку Марте никто не предложил, да она и не ожидала. Не было у неё такой привычки. Подхватили с двух сторон, как тогда, на поляне, и молча повлекли через необъятный мощёный двор, в тяжёлые двери, хлопнувшие за ней, как крышка гроба, по длинному коридору, освещённому масляными лампами, мимо зарешеченной двери в подвал, и наверх, по лестнице, на второй этаж... Собравшись с духом, Марта приготовилась храбро взглянуть в лицо человеку, от единого слова которого зависело, жить ей или умереть. Но старания пропали втуне: она оказалась всего лишь в приёмной, большой, почти лишённой мебели комнате с двумя широкими скамьями вдоль одной из стен. В одном из углов проступал угол печи, очевидно, призванной отапливать и соседнее помещение, но сейчас от голубых, безумно дорогих изразцов веяло не теплом, а холодом. То ли августовский вечер напоминал, что не за горами осень, то ли Марту знобило. Перед дверью, обитой медными полосами, капитан остановился. Взялся за внушительное кольцо, негромко стукнул. Дождавшись

отклика изнутри, распахнул, обернулся к пленнице — и сделал приглашающий жест. Сопровождающие при этом вытянулись, как на параде, словно тот, кто находился за дверью, уже прожигал их взглядом.

Помедлив и не дождавшись действий со стороны пленницы, капитан выразительно приподнял бровь, посторонился, энергично кивнув в сторону дверного проёма. Марта скорее почувствовала, чем увидела, как рейтар справа занёс руку — наверное, чтобы подтолкнуть. Не дожидаясь, пока к ней прикоснётся тот, кто обсуждал её за стеной сортира, она поспешно шагнула вперёд. Скорей бы уж... Пусть всё решится, она больше не выдержит этого страха.

***

В кресле напротив камина, вытянув ноги в высоких ботфортах к огню, сидел мужчина в чёрном. При Мартином появлении он даже не шелохнулся, продолжая мрачно глядеть на пламя. Красноватые отблески плясали на его лице, в полировке тяжёлого кресла, и непонятно было: то ли это живой человек застыл, как мёртвое дерево, то ли кресло под ним оживает, дышит, хочет погреться и потянуть подлокотники к огню... Марта робко сделала несколько шажков. Остановилась. Чёрный человек повернул голову — и девушка замерла, как мышь, парализованная предсмертным ужасом перед котом.

Он был уже немолод, герцог д'Эстре, наверняка лет тридцати пяти, а то и сорока, почти старик... с точки зрения молоденькой девушки. Старый — а совсем не седой, в копне иссиня-чёрных волос — ни единой белой нити. Марта даже не догадывалась, сколько женщин мечтали вцепиться в эту гриву в порыве страсти; а уж сколько мужчин жаждали небрежно поднять её, отделённую от туловища, и отбросить прочь... Ей вообще было не до мыслей. Она и лица-то светлейшего разглядеть не могла, потому что от волнения перед глазами зарябили какие-то пятна.

— Итак, Анна, — обманчиво спокойным голосом проговорил всесильный герцог и наконец, поднялся, заложив руки за спину. — Ты всё-таки здесь. Не могу сказать, что рад тебя видеть. Полагаю, это взаимно. Тем не менее, объясниться нам придётся.

С каждым шагом он приближался к Марте всё ближе, пересекая бесконечную, как ей казалось, комнату с неотвратимостью тяжёлой ледяной глыбы, крошащей на своём пути рядовых мелких товаров. Если бы девушка знала язык жестов, она бы поняла, что руки его светлости, сцепленные в замке за спиной, чесались слишком уж сильно — в порыве либо закатить дражайшей супруге оплеуху, либо вообще придушить на месте. Потому и прятались от греха подальше.

— ... А ведь обстоятельства таковы, что тебе надо бы радоваться нашей встрече, ибо дела твои любым судом могут рассматриваться не просто как прелюбодеяние и кража, но в первую очередь как государственная измена. Каково при этом наказание — ты знаешь. Только я могу защитить тебя перед королём.

Марта открыла рот, чтобы вставить хоть словечко, но «супруг» пресёк её попытки.

— Помолчи.

Приблизился вплотную, плотно сжав губы. Над верхней — розовым усиком тянулся рубец знаменитого шрама, из-за которого герцог и получил своё прозвище — «Троегубый». Марта не сводила с него глаз. На какое-то мгновение ей вдруг показалось, что всё это — во сне: не может такого случиться на самом деле! Никогда не встретятся в реальной жизни настоящий герцог, живая легенда — и она, простушка из забытой богом деревеньки...

— Будешь говорить, когда разрешу. Я готов закрыть глаза на твою распущенность и даже оставить тебе свободу — в определённых рамках, ибо намерен впредь установить за тобой самый жёсткий контроль. Но всё это — при условии, что ты немедленно возвращаешь украденное. Твой любовник так ничего и не сказал о тебе, скорее всего, не по стойкости — таких женщин, как ты, не выгораживают — а просто по незнанию. Думаю, он сам не прочь был бы воспользоваться результатами твоих трудов, но, к сожалению, — герцог развёл руками, — подробностями ему уже не поделить. Вынужден огорчить: его кончина не была лёгкой.

Он выдержал паузу, но, не дождавшись ожидаемой реакции, подчёркнуто недоумённо приподнял брови.

— Как! Ни слёз, ни горестных воплей о почившем? Впрочем, правильно, самое время подумать о себе. Итак, я жду ответа.

«Вы ошиблись!» — попыталась сказать Марта, но из пересохшего горла вырвался лишь невнятный сип. Нахмурившись, герцог взял с письменного стола и протянул ей серебряный кубок.

— Вот, выпей. Не бойся, в отличие от тебя, не имею привычки травить собеседников.

Послушно хлебнув, Марта закашлялась от неожиданности: горло обожгло вином, которое она сроду не пила, разве что на причастии в церкви, да и то — оно было разбавленным и всего-то ложечка, а тут... в волнении Марта хватанула от души. Даже в глазах поплыло.

— Можно... воды? — с трудом спросила она. С непривычки хмель ударил в голову и придал храбрости. Во всяком случае, хоть голос прорезался.

— Пей, что дают, — резко ответил мужчина. — И брось свои игры, я не собираюсь тут перед тобой вытанцовывать. Анна, ты же хитрая женщина, раз уж хватило сообразительности провернуть всю эту аферу; но уже пора понять, что разжалобить меня не получится. Я жду ответа: где оставшиеся письма?

Тянуть было нельзя. Вряд ли в дальнейшем у Марты будет случай вернуть словечко, чтобы хоть как-то оправдаться. Вот тут-то и пригодились вытверженные за дорогу слова. Начало заготовленной речи покатилося на удивление гладко.

— Я не та, за кого меня приняли, — Марта заговорила быстро, опасаясь, что её прервут. — Я простая деревенская девушка, господин герцог, меня зовут Марта... У меня даже прозвища нет, потому что отца нет, я незаконнорожденная, правда. Должно быть, я просто похожа на ту, кого вы ищете...

И запнулась. Слова кончились. Там, в возке, она ловко приводила доказательства того, что она — это она, а не чья-то сбежавшая супруга; но сейчас — не осталось ни единой мысли. И, на беду свою, она даже не поняла, что слишком уж пригладила свою речь, дабы не опростоволоситься. Вот эта правильность её и подвела.

— Так и думал услышать что-нибудь в этом роде, — угрюмо отозвался собеседник. — Ты совсем изолгалась, Анна. Что это за игры? Разве так говорит деревенщина? Ну-ка, скажи что-нибудь ещё. Серьёзно, скажи, что-то мне твой голос кажется странным. Тебе так старательно затыкали рот? Кляпом — или чем-то ещё?

Марта в отчаянии заломила руки.

— Вы всё равно не поверите! — вырвалось у неё. — Что бы я не сказала...

— Вот! — герцог торжественно поднял указательный палец. — Совершенно верно! Всегда поражался твоему неумению не замечать очевидных вещей. Говоришь, деревенская

девушка? Святая простота... — Он медленно обошёл Марту по кругу, высокий, широкоплечий, она чувствовала себя рядом с ним этакой былинкой, которую вот-вот сломают и не заметят. — Ну, давай рассуждать логически. Ты выглядишь точь в точь, как моя жена; хоть и немного потрёпанная, похудевшая, но три дня в бегах — не шутка. На тебе платье моей жены, обручальное кольцо моей жены; письма, которые нашли рядом, были выкрадены моей женой... — Он возвысил голос. — И после этого ты ещё имеешь наивность... наглость, я бы сказал, заявить, что ты не моя жена? Хватит!

Последнее слово он словно выплюнул Марте в лицо, и та, невольно зажмурившись, пригнулась и вжала голову в плечи — ей показалось, что сейчас её ударят.

— Прекрати, — чуть ли не с ненавистью бросил герцог, — что ты прячешься, я ведь тебя ещё ни разу пальцем не тронул! — Внезапно тон его переменялся. — Что это? А ну-ка... к свету...

Цепко схватив Марту за локоть, он поволок её к столу, на котором горели в нескольких канделябрах свечи. Повернул спиной к себе, коснулся Мартино затылка — как раз в том месте, где волосы были испачканы красным.

— Тебя что — били?

— Я — Марта, — невпопад чуть слышно отозвалась девушка. — Меня кто-то ударил по голове. Оглушил так, что я... как это? Без чувств упала, да. — От страха она начала сбиваться и путать слова. — Я ничего не помню — кто это был, где... Пришла в себя в лесной избушке, переодетая вот в это, — дёрнула манжету рукава. — А тут — ваши люди... Всё, — выдохнула. И прижала руку ко рту, сдерживая рыдания. Она боялась, что если сорвётся и заревёт в голос — тут-то её и побьют, наконец. А может — и ещё чего хуже. А ещё — боялась герцога, который отчего-то молчал, и пока она говорила — всё прощупывал шишку у неё на затылке, не побрезговал проверить.

— Зная тебя хорошо, могу предположить, что ты сама ударилась о дерево, лишь бы меня запутать, — сообщил он. И Марте стало совсем плохо. Не верит! — Или упала откуда-то — с лошади, например, а теперь выдаёшь ушиб за последствия нападения. Простая крестьянка? Большой глупости ты не могла придумать. С твоими-то изящными ручками...

Он бесцеремонно, как куклу, развернул девушку к себе, перехватив ладонь, затем другую. И умолк, изучая неумело подровненные, кое-где обломанные ногти, пальчики, хоть и тонкие, но в заусенцах, мелкие шрамы и царапины... и твёрдые мозольки, набитые черенком лопаты. Не барские были у Марты ручки, это точно, хоть её, как хорошую вышивальщицу, работой не мучили, задавали только самое лёгкое.

— Идиоты, — сказал медленно и устало. — Кого я держу? Дали себя провести. Похожее личико, богатое платье... А на руки-то никто взглянуть не удосужился. Ноги покажи, — бросил коротко. Повторил, глянув: — Идиоты. Почему в сабо? В атласном платье — и в деревянных башмаках, ничего глупее не придумали... Почему, спрашиваю?

— Туфли были велики, — чуть слышно ответила Марта, — слетели.

Ещё когда её поволокли к возку, господская обувь начала сваливаться с Марты при каждом шаге. Капитан рейтаров, однако, не растерялся: зорким оком углядел в кустах того самого пастушка-доносчика, жаждавшего узнать, чем всё дело закончится, дабы растрезвонить затем по всей деревне. Любопытного наградили подзатыльником, а заодно вытряхнули из башмаков, которые, к счастью, пришлись Марте впору.

— Велики? — Его светлость глянул ещё раз на её ноги. Скептически приподнял бровь. Чёрт его знает, в этих колодках не разберёшь... — Ну-ка, разуйся. Однако... Да ты и ростом

кажешься чуть меньше Анны. — Заложив большие пальцы за жилет, пристально разглядывая, обошёл несколько раз вокруг девушки. — Нет, всё-таки не пойму, Анна — не Анна... Марта, говоришь?

Со вздохом вернулся в кресло.

— Ну, давай, раздевайся, Марта.

Ей показалось, что она ослышалась.

— За... зачем?

— Затем. Врёшь ты или нет — навскидку определить затрудняюсь; вызывать каких-то возможных родственников из деревни для официального установления личности — нет времени, поскольку если ты не моя жена, надо вновь снаряжать людей на поиски... Будем проводить опознание скорейшим методом. У Анны на теле есть кое-какие отметины, которые я хорошо помню. По ним и определим. Если ничего не найду — ступай на все четыре стороны; а найду... — Он, прищурившись, сообщил ласково: — Найду — на всё моя высочайшая воля. Я здесь и казню, и милую. Поняла?

— По...поняла, — прошептала Марта. Взялась за край лифа — и застыла, краснея.

— Так не тяни, милая. Или мне позвать солдат на помощь? Вот будет для них потеха, ничего не скажешь... Тебе ведь иногда чем больше зрителей, тем лучше?

Похоже, он упорно пытался разглядеть в ней сбежавшую супругу, несмотря на собственные логические доводы. Медлительность жертвы лишь выводила его из себя.

— Ну что ты возишься! — рыкнул он, потеряв терпение, и Марта вновь непроизвольно зажмурилась, что-то прошептав. — Что? Говори громче!

— Не могу...Завязка на спине, ваша светлость... шнуровка. Простите, ваша светлость, я её сама не развяжу.

Герцог внезапно остыл. Задумчиво посмотрел на жертву. Была ли это его родная змея подколотная или и впрямь волею насмешницы-судьбы вляпавшаяся в крупную интригу деревенская простушка, но... она была права. Снять самостоятельно, без посторонней помощи платье с тугой шнуровкой от лопаток до самого копчика не представлялось возможным, если только ты не знаменитый королевский шут Гудди, прославившийся на всю страну умением освободиться от любых пут.

— Прикажешь самому тебя раздевать? — фыркнул сердито. Молча зашёл девушке за спину и отыскал узел, хитроумно запрятанный в специальный потайной кармашек на верхней пышной юбке. Сильно ослабив шнуровку, отвернулся:

— Дальше сама!

И отошёл — подальше от соблазна. Неопределённость положения выводила его из себя. Допрос давно сбился с намеченного плана, приходилось импровизировать; в иное время эта игра показалась бы ему интересной и увлекательной, но не сейчас. Он сам не знал, чего ему больше хочется: чтобы жертва оказалась всё-таки сбежавшей стервой — и тогда, в соответствии с озвученными недавно условиями, пришлось бы сохранить ей жизнь, сделав, конечно, невыносимой, но его честь, репутация не пострадали бы, а главное — угроза новой разорительной войны растаяла бы, как дым. Или же присмотреться к этой милой простушке, если она такова, как на первый взгляд кажется, проверить, остались ли ещё на этом свете чистые, свежие, не изолгавшиеся... Свою благоверную он ещё найдёт, из-под земли достанет, это лишь вопрос времени, а пока... Что-то зашуршало, герцог стремительно обернулся, хватаясь за кинжал. Расслабился, болван, потерял бдительность, размяк! А что, если за это время...

У него перехватило дыхание.

В ворохе упавших юбок Марта напоминала некую юную богиню, выходящую из морской пены; её герцог однажды увидел на незаконченном полотне в мастерской одной столичной знаменитости. Впрочем, богиня вряд ли носила короткую, выше колен, сорочку, из-под которой пикантно выглядывали кружевные зубчики панталон, и уж точно на точёных Венериных ножках не красовались белые чулки, подхваченные под коленами подвязками. Его светлость аж глаза прикрыл, дабы избежать вожделения. Не помогло. Какая сволочь вздумала на неё это напялить? Это же так... соблазнительно... Нет, как хитро продумано! Мол, была бы герцогиня фальшивая — подменным было бы только платье, но посмотрите хорошенько, на этой особе ещё и нижнее бельё от лучшей модистки, конечно, это та, которую ищут!

Глянув в широко открытые, полные стыда и отчаянья, карие глаза, его светлость словно пропустил удар кулаком под дых. Ему нужно больше доказательств. Больше. Он не купится на этот кроткий ангельский взгляд. Пусть сперва докажет свою невиновность... невиновность...

— Чулки можешь оставить. — Герцог с неудовольствием отметил, что по непонятной причине охрип. — Всё остальное долой. И ближе к свету, быстро, — добавил сквозь зубы. Его реакция на Марту... Анну, черт её дери! совершенно ему не нравилась. — Не стесняйся Жену свою я и не в таком виде лицезрел, даже не одну, а с несколькими кавалерами, а если ты — простая деревенская девушка, как утверждаешь... В деревне ведь и нравы просты, наверняка уже кувыркалась с кем-то не сеновале, а? Признайся, было?

Это что же, теперь он ей все обиды припомнит, на жену накопленные?

— Зачем вы так? — прошептала Марта. Но больше ничего говорить не стала. Бесполезно что-то доказывать; скорее бы это всё закончилось, ей уже всё равно, как, лишь бы закончилось... Медленно стянула через голову чужую сорочку, пропахшую душистым цветочным запахом. И почему это его светлость всё время заходит ей за спину? Ненормальный какой-то. Знакомые девушки рассказывали, что мужчин в первую очередь интересует грудь, а потом уже остальное...

— Тебя что, наказывали? — Герцог провёл ладонью по вздрогнувшей от прикосновения обнажённой спине с трогательно торчащими лопатками. — Не понимаешь? У тебя вся спина в отметилах от розог, и давнишних, и свежих, кто тебя так?

— Пастор...

Голос у Марты сел. Потому что именно сейчас, стоило услышать о наказании, водворился на место кусочек памяти, растерянной в лесной избушке, и стало ясно, отчего временами горит и чешется спина. Шрамы заживать не спешили, кожа у Марты была, не в пример прочим, нежная, видать — от неизвестного отца доставшаяся... Метки от лозины, вымоченной в солевом растворе, долго покрывались коростой, горели от проступающего во время работ пота, пачкали, бывало, сукровицей нижнюю рубашу. И ещё она вспомнила, каково это — быть привязанной к столбу, вздрагивать от каждого удара и ощущать, как впиваются в незащищённые груди и живот острые выступы бывших сучков, лишь слегка сглаженные телами тех, кто здесь отбывал своё до Марты. Три столба были крепко вкопаны в земляной пол в специальной комнате при домике святого отца, три «столпа смирения и умерщвления плоти и страстей человеческих...»

— Что ты натворила? — уже мягче спросил герцог.

— Ничего. Это не... наказание. — Марту пробил дрожь. — Он всех красивых девушек

порол. Особенно постом. Чтобы не соблазнялись и других не вводили в искушение.

— Не заговаривай мне зубы. Продолжаем. И бельишко снимай; у тебя как раз на попке должна быть родинка.

— Ваша светлость, — не выдержав, взмолилась Марта, пытаясь обернуться, но была жёстко придержана за плечи, — а если там действительно что-то есть? Бывают же совпадения...

Сильные мужские пальцы побарабанили по её плечу.

— Бывают. А что ты так разволновалась? Сама не знаешь, как выглядишь? Ты что, в зеркало на себя не глядела?

— Откуда у нас зеркала, ваша светлость?

— Довольно. — Окончательно потеряв терпение, герцог одной рукой перехватил её поперёк живота, пригнул к столу, а другой — сдёрнул с девушки панталончики, как с малого дитяти, которого собираются высечь. И гневно выдохнул, не обращая внимания на сдавленный писк Марты. Родимое пятно в форме сердечка было на месте.

— Ах ты... — тихо проговорил герцог, чувствуя, как глаза заволакивает багряная пелена гнева. — Ты всё-таки... и ты осмелилась плести тут...

Ещё немного — и он убил бы её на месте. За наглую ложь. За то, что едва не повёлся на эти чудесные, кроткие, как оказалось — лживые глаза, на краснеющие ушки и плечики, на россыпь веснушек, с которыми Анна безуспешно боролась. Убил бы... И только собственная ярость дала ему понять, как же, оказывается, он хотел, чтобы эта... эта дрянь оказалась не потаскухой, а милой прелестной девочкой, свежей и незапятнанной, о которой он когда-то грезил...

Он оттолкнул Марту с такой силой, что та впечаталась животом в край стола и распласталась на столешнице, как лягушка, а сам навалился сверху. Она даже не успела понять, что происходит, а железные пальцы уже сомкнулись на её шее, пригвоздив, не позволяя поднять головы. Что, что он увидел? Чем она его прогневала?

— Не дёргайс-с-ся, — от злости светлейший зашипел, как разъярённый питон. — Лживая дрянь...

— Ваша светлость! — придушенно вскрикнула Марта, поняв, что вот сейчас и произойдёт непоправимое. — Не надо, пожалуйста! Я девственница!

— Молчи! — коротко и страшно рыкнул он, заламывая ей руки за спину. Ещё немного — и он вывернул бы их из суставов, и никакая дыба не понадобилась... В дверь сильно ударили. Марта зарыдала в голос.

— Ваша светлость, — послышался голос синеглазого капитана, — вы просили предупредить, если чересчур расшумитесь...

— Вон! Убью! — коротко выдохнул мужчина, ещё сильнее придавив девушку. Рыкнул — и только сейчас воспринял её последние слова.

Бог мой... Такого не сыграешь.

Стиснул зубы.

Вынул себя ослабить хватку.

Приподнявшись, залепил себе пощёчину. Боль отрезвила, привела в чувство.

— Винсент! — окликнул гневно, — ты ещё здесь?

— Да, ваша светлость, — отозвался из-за двери капитан. — Я вам ещё нужен?

— Нет. Иди. Я в порядке.

Герцог шумно вздохнул и перевёл взгляд на распластанное перед ним, дрожащее тело. И

ведь убил бы... Вот из-за подобных вспышек его и боятся. И ходят о нём различные слухи. Да пусть боятся, лишь бы подчинялись, но не всегда оно к месту. Кажется, он перепугал девчонку до смерти. Неужели и впрямь — невинна?

Потёр лицо ладонями. Третьи сутки на ногах, демоны дери его дражайшую беглую половину, не удивительно, что сорвался. Надо держать себя в руках. Осталось недолго.

— Ну, ну, Марта, — погладил девушку по бедру. — Всё, я не сержусь. Не бойся.

Она приподняла голову, попыталась обернуться — да так и замерла, боясь лишним движением вызвать очередную бурю. Думала, что ко всему готова, а оказалось — чуть не умерла только от намерения герцога, что же будет, когда он приступит к делу? Ведь наверняка — не надолго он остановился: уже и раздел, и разложил под себя, сейчас просто успокоит, чтобы не дёргалась, не мешала получать удовольствие... И продолжит. На всё его высочайшая воля. Он тут царь и бог. Вздумает Марта сопротивляться — позовёт солдат, один раз уже грозился...

Обречённо закрыла глаза. Услышала властное:

— Лежи так. Не двигайся.

Так и есть. Сейчас начнётся...

Мужская ладонь погладила напрягшуюся ягодицу. Это герцог, не устояв перед зрелищем оголённых белых полушарий, бережно огладил одно, то самое, что пробудило в нём недавно зверя. Бог мой, какая кожа... — подумал, невольно оттягивая то, что должно было последовать. Но дело требовало завершения.

Не может быть одинаковых родинок у двух просто похожих женщин. В природе не существует абсолютных повторений. Даже эта девочка... да, невероятно схожа с Анной, но если приглядеться тщательно — можно обнаружить различия: чуть меньше рост, чуть изящнее сложение — что удивительно для крестьяночки-то. Ступни куда миниатюрнее, волосы более насыщенного оттенка... Метка не могла повторять оригинал точь в точь. Если бы не ярость, вырвавшаяся из-под контроля и временно ослепившая — он бы понял это сразу. Сердечко на прелестнейшей девичьей попке было слишком идеальным... Слишком... На девичьей...

Не о том ты сейчас думаешь, одёрнул себя его светлость. После. У тебя ещё будет время. И попробовал ногтями подцепить то, что с первого взгляда казалось пикантным родимым пятнышком.

Марта ёжилась, чувствуя, как твёрдые ногти царапают кожу на бесстыдно выставленном напоказ седалище, и начинала недоумевать. Его светлость — извращенец? Что он там делает? Может, это ласки какие-то изуверские, о которых она ничего не знает? Неожиданно кожу обожгло, но сразу же по больному месту ласково похлопали.

— Вот так и делаются фальшивые приметы, — её чуть сильнее вжали в стол, и она совсем уже снова приготовилась страдальчески зажмуриться, но тут прямо перед носом появилась большая мужская ладонь, демонстрирующая кусочек чёрной бархатистой кожи. Марта едва не завизжала от страха и неожиданности. Это что, её кожа? — Пластырь для мушек, — снизошёл до объяснения герцог. — Чего-чего, а этой дряни у моей супруги порядочный запасец. Всё, Марта, всё. Поднимайся.

Какое там — поднимайся! Кажется, у неё отнялись ноги. Видимо, что-то сообразив, герцог подхватил её подмышки и помог выпрямиться. Помедлив, подтянул на место панталончики. Сунул в руки сорочку.

— Да ты меня слышишь? Всё, хватит тут голышом стоять, соблазнять меня. Одевайся.

Давай-давай, быстро.

Не в состоянии поверить, что насилия не будет, она судорожно прижала рубашку к груди. Скомканный комок батиста не мог прикрыть затвердевших от холода и пережитого ужаса сосков, но Марта, похоже, не осознавала собственной наготы.

— Ты меня слышишь? — строго повторил герцог. Она уставилась на него бессмысленным взором. — Эй! Милая! Очнись! — И попытался вытащить из намертвевших пальцев сорочку.

— Я... я Марта, — вдруг всхлипнула девушка, — Марта! Пожалуйста, не надо!

— Понял, понял. — Он всё-таки сумел завладеть смятой тряпкой, расправил, кое-как натянул через голову икающей от слёз девчонке, помог просунуть в прорези дрожащие руки. — Ты Марта, простая деревенская девушка, так? Ты не Анна... — она истово закивала, растерялась, замотала головой и поспешно принялась оттирать влагу со щёк и подбородка. Похоже, приходила в себя. Подцепив с пола ворох юбок, герцог скептически посмотрел на неё.

— Ну, нет, милая, камеристкой быть я не нанимался. Иди-ка сюда... — Увлёк её к камину и силком усадил в кресло. Прикрыл юбками. — Ты меня понимаешь? — Она вновь затрясла головой, но уже осмысленно. — Сиди здесь, голоса не подавай, просто жди, когда я тобой займусь... Да не в том смысле займусь! Надо же с тобой как-то определиться, не выгонять же на улицу, на ночь глядя...

Марта, наконец, прозрела. И не поверила своим ушам.

— Вы меня отпустите? Правда? Ваша светлость... — Перехватила руку герцога и жарко поцеловала. Никогда так не делала, даже к пасторской... особенно к пасторской руке не могла подойти, как её ни шпыняли прихожане, но тут — само собой вышло. Светлость с досадой крикнул, но руку не отобрал. Прикосновение Мартиных губ и мокрой щеки было неожиданно приятно.

— Перестань, милая. Довольно. — Он постарался подпустить строгости в голос, но не мог, чёрт дери, чувствуя вину — и перед кем! Подавив вздох, погладил девушку по голове.

— Ты поняла, что нужно делать? Ну-ка, повтори.

— Сидеть тут, — с готовностью отозвалась Марта. — Молчать. Ждать, когда вы меня выгоните... ой, то есть...

— Вижу, поняла. Вот и сиди.

Его сиятельство украдкой перевёл дух.

Если бы не капитан, привыкший угадывать малейшие изменения в интонации светлейшего голоса...

— Винсент! — окликнул. Тотчас дверь скрипнула, будто за ней давно ждали. — Заходи. Ты мне нужен.

Капитан рейтаров, скорее всего, так и дежуривший у порога, вошёл, почтительно наклонив голову.

— Здесь, ваша светлость.

Окинул взглядом комнату — и пристально посмотрел на Марту. Та, запунцовев, спрятала лицо в юбки и постаралась зарыться в них поглубже, а потому не заметила, как Винсент Модильяни вопросительно и несколько обеспокоенно глянул на своего господина: «Она?» — а тот едва заметно качнул головой. И уж тем более Марта не могла видеть, как бравый синеглазый капитан сдержал вздох облегчения.

— Восстановите наблюдение за Гайярдом, — распорядился герцог, наливая вина.

— Оно не снималось, ваша светлость.

— Хорошо. Что говорят наблюдатели? Будешь, кстати?

— Благодарю, пока предпочту воздержаться. Менталисты сообщают: тайных попыток проникновения ни в ваши покои, ни в кабинет не было. Странное оживление магических потоков в районе моста и соседних кварталов говорит о скрытой слежке, но конкретных шагов пока нет. Мы себя тоже не проявляем.

Его светлость усмехнулся.

— Они ждут.

— Осмелюсь спросить...

— Ждут результатов моего свидания с супругой, — желчно пояснил герцог. — Выкину я их наживку за порог или проглочу? Они знают, что я скор на расправу, и наверняка решили, что раз уж девчонку до сих пор не выгнали — значит, отправили к палачу и допрашивают. А это долго, трудно выколлотить сведения из человека, который ничего не знает... Им нужно убедиться, что я занят, свёрнул поиск и снял с дома охрану. Вот тогда — они сунутся в дом за тем, что не сумели взять в первый раз. Винс, убираем внешние посты. Оставляем только менталистов и ждём визита в Гайярд.

— Уже сделано, ваша светлость. Однако...

— Что?

— Эманации чужой магии замечены неподалёку отсюда, как раз напротив ворот. Выход под контролем. Они действительно ждут — появитесь вы или нет.

— Чёрт. — Герцог в досаде хлопнул ладонью по столу. — Хотел сам взять подлецов, на месте, а теперь не уйти. Выйду — спугну...

— В этом нет необходимости, ваша светлость. Мы хорошо знаем своё дело. Не упустим.

— Думаешь, скоро попытаются?

— Думаю, ваша светлость. Их терпение не беспредельно, да и время на исходе — вы же сами дали бриттам срок до полуночи, после чего велели убираться из столицы. Уверен, к плану с двойником, — еле заметный кивок в сторону притихшей Марты, — эти умники имеют непосредственное отношение. У вашей супруги недостаточно сильное воображение, чтобы продумать все детали... Наверняка она уже в посольстве. У неё могут быть дубликаты ключей?

— Она сама считает себя ключом, — процедил герцог. — Я же сам разрешил ей доступ в спальню, только о печати не говорил, так что Анна в полной уверенности, что сможет пошарить в последнем тайнике и без меня. Конечно, она заявится собственной наглой персоной.

— Я лично прослежу за поимкой.

— Винс... — Герцог хлопнул капитана по плечу. — Ты читаешь мои мысли. Помни: требования к секретности остаются в силе. Чтобы ни одна мышь не просочилась через ваши кордоны, никаких слухов, никаких догадок! Город спит и видит сны.

— Я помню, ваша светлость. Позвольте идти?

— Иди. И привези мне Анну... или её голову. Как уж выйдет.

— Слушаюсь, ваша светлость.

Неожиданно герцог притянул капитана к себе и, заключив в объятия, мощно хлопнул по затянутой в панцирь спине.

— И будь осторожен. В последнее время она путалась с выходцами из Некрополиса, могла и их привлечь. Не теряй бдительности.

Синеглазый, усмехнувшись, буднично кивнул, отсалютовал и вышел. Не оборачиваясь на Марту, герцог бросил в пустоту:

— Одевайся. Я не смотрю.

Спохватившись, она принялась шустро натягивать юбки, почти не путаясь в завязках. Подглядывание за старшей кузиной-горничной, когда та красовалась в господских обносках, не прошло даром: интуитивно она находила нужные шнурочки, пуговики, крючки. Вот только с лифом опять вышла неувязка. Надеть его кое-как получилось, а вот стянуть... Заслышав шорох, она обернулась и вскрикнула: герцог стоял рядом.

Молча, в который раз за этот вечер, он развернул её спиной к себе. С ловкостью опытной горничной справился со шнуровкой. Лишь однажды поинтересовался:

— Не туго?

Марта, словно язык проглотив, лишь мотнула головой.

Закончив, его светлость осторожно сомкнул руки вокруг девичьей талии, огладил юбки — ладно ли сидят, и, склонившись, осторожно прикоснулся губами к нежной шее, прямо к границе, от которой начиналась загорелая полоска. И как он не заметил её раньше? Его-то благоверная всеми силами старалась отбелить кожу и пряталась от солнца, у него это совсем вылетело из головы. Верно говорят, что предубеждение слепит глаза и застилает разум. Марта перестала дышать, и из опасений, что она задохнётся, герцог великодушно прекратил лёгкий флирт.

С тоской посмотрел на затейливый переплёт высокого окна, за которым уже чернело ночное небо.

Последние часы ожидания мучительны. Особенно, если связаны с осознанием того, что после свершившегося события для тебя лично наступит иная эпоха. Эра. Даже если этого никто не заметит.

— Ваша светлость... — услышал он робкое.

— Что, милая?

— Я могу идти?

— Сколько тебе лет, Марта? — не отвечая на вопрос, поинтересовался он.

— Семнадцать. А что?

— Два года разницы между вами... И целая пропасть. Вы словно из разных миров, хоть светит вам одно и то же солнце... Ладно, это я о своём. Сейчас я не могу тебя отпустить, потерпи. Слишком многое зависит от того, останешься ты здесь или выйдешь. Скоро Винсент закончит кое-какие дела, привезёт сюда кого надо — и ты свободна. Только вот что: у тебя есть к кому пойти здесь, в Эстре? Родня, подруги? Видишь, никого. Куда же я тебя выпущу? Побудь пока здесь, а утром я отправлю тебя домой, с сопровождающим. Он проследит, чтобы тебя никто не обидел, наверняка кто-то заметил, как тебя арестовывали, уже пошли слухи... Не бойся, мы заткнём слишком болтливых. Я ведь кое-что тебе должен?

Марта воззрилась на него в священном ужасе. Он? Всесильный герцог де Фуа д'Эстре — он е й должен? Сейчас небо обрушится на землю или пойдёт дождь из лягушек.

— Я... — Его светлость оглянулся, словно в поисках поддержки. — В общем, иногда я бываю неправ. Не держи на меня зла. Устал я что-то...

Он снова покосился на окно. Прислушался. Не видна ли цепочка факелов от подъезжающей процессии, не скрипят ли ворота? Впрочем, наивно ждать немедленного результата, Винсент уехал четверть часа назад и раньше полуночи вряд ли вернётся...

На плечи герцогу с размаху опустился груз нескольких суток бессонной работы, нервов,

допросов, поисков, разочарований, политических дрызг и закулисных игрищ, устраиваемых жаждающими поплясать на его костях... Бог сподобил его родиться герцогом, а может, лучше было бы простым смердом? Иметь под боком вот такую незатейливую, но зато уж наверняка верную жёнушку, чтобы смотрела обожающе, несмотря на все его глупости, чтобы рожала ребятишек, чтобы видеть, как растёт и множится семья, заполняют землю его повторения, в чём-то похожие, в чём-то — сами по себе. Просто, мирно, без затей... Герцог провёл ладонью по лицу. Идиллия. Скоро приедет капитан... и вместе с действительностью ткнёт его светлейшую морду прямо в грязь. По самые уши. И он будет хлебать — и благодарить небеса за то, что удостоили его родиться герцогом, дабы мочь навести хоть какой-то порядок на этой грешной земле...

— Устал я что-то, — повторил он.

Прошёл к камину, скинул внезапно потяжелевший камзол прямо на пол, сел в кресло. Не поднимаясь, потянулся — и подбросил в огонь несколько поленьев.

— Вот что мы сделаем, Марта. Я сейчас отдохну, посплю немного, потому что впереди у меня большая работа, до самого утра, а ты — сиди здесь и никуда не уходи. Чтобы я открыл глаза, а ты тут, рядом. Поняла? Кивни.

Марта послушно кивнула и опустилась на скамеечку у ног герцога. Тот уснул мгновенно, откинув голову на широкую спинку, и Марте казалось, не на кресле он сидит, а на троне, и она у его ног как верная собачонка. Почему-то эта мысль не была ей неприятной. Скрипнув, приоткрылась от сквозняка оконная створка, потянуло ночным холодом, и девушка, обмирая от собственной смелости, подняла с пола сброшенный светлостью камзол и завернулась, как в шубу. Сразу стало тепло, а заодно и понятно, что атлас — он только для балов и праздников хорош, где пляшут и веселятся, а в обычной жизни нужно бы что-то подобротнее. Ох уж, эти господа...

Она сидела, не шелохнувшись, и смотрела на синие огоньки, пляшущие по догорающим поленьям.

Спасибо вам, ваша светлость, за вашу доброту, за то, что не побрезговали перед деревенщиной извиниться, за заботу. Только бесполезно это всё. Капитан Винсент, он хоть и бравый военный, и, видать по всему, ваш друг, но к барону «затыкать рот» не пойдёт, хоть и надо бы, только Марта не скажет, что надо, потому что — стыдно о таком говорить. Они — господа, а она...

«...грязь под моими ногами!» — словно наяву, услышала насмешливый оклик. Щеку опалает воспоминание о пощёчине. «Знай своё место, приبلуда! Мать твоя прижита невесть от кого, тебя под забором нагуляла, сама скоро по рукам пойдёшь... Что ты кочевряжишься, святую из себя строишь?»

«Ваша милость», — угодливо шепчет пастор. — «Ничего, обломаем, обломаем... Возьмите пока Августу, она за честь сочтёт, ручки лобызать будет...»

«Это которая сисястая? С голубыми глазищами, весёлая такая?»

«Она, ваша милость. Кланяться будет и благодарить...»

...Выпоров девушек, пастор нет-нет, да и тёрся о спину какой-нибудь наказанной, нет, не о спину, а почему-то о попу, и сутана его при этом сильно оттопыривалась. Марта не была наивной простушкой, в деревне трудно сохранить неведение о том, что происходит между мужчиной и женщиной, но смотреть на грешное поведение того, кого называли «святым отцом» и целовали руку с пучком розог, было противно. Её чуть не стошнило, когда однажды не повезло, и «избранницей» оказалась она. Впрочем, некоторые из девушек вели

себя по-другому: смущённо хихикали, томно выгибали спины, как-то странно отставляя задки, словно кобылки под жеребцом... Пастор был доволен. Он любил «распознавать грех», а особо грешных — уводить в отдельную каморку, где и наказывал очень уж сильно — судя по доносящимся вскрикам и стонам. Грешницы почему-то особо удачно выходили замуж, причём кто-то неизвестный снабжал их щедрым приданым. Поэтому селяне не возражали, когда на очередной проповеди священник призывал вести к нему голубиц для очищения от возможной скверны. В основном — не возражали. Дядя Жан не знал, что племянница туда ходит, иначе бы прибил — не её, а тётку, которая в ногах у Марты валялась, вымаливая, чтобы та пошла вместо её дочек. Первый раз Марта дала слабину, а потом — боялась, что если откажется, Джованна отыграется на дяде. Грозилась ведь в питье ему подсыпать что-то нехорошее...

...В пасторскую каморку для особо грешных вела ещё одна дверца — со двора. Земля у входа была плотно утоптана копытами. И не раз болезненно чуткий слух Марты улавливал, помимо сопения, испуганных или довольных вскриков и копошений в чуланчике, лошадиное фырканье и звяканье сбруи снаружи. Потом она самолично увидела, тайком обежав молельню, кольцо коновязи... нет, два кольца, вделанные в бревенчатую стену...

К ней пастор не подходил, только порол. Барон запретил трогать. Сперва, говорит, я её вместо любимой племянницы муженьку подсуну... утрётся муж-то, ему всё одно, с кого невинность получить, в темноте и не разберёт... а потом для себя поберегу. Уж больно похожа на племянницу, буду пользоваться — начну представлять, что с ней...

Правду говорят, что божьи жернова мелят медленно, но верно. Отправился барон на войну, не успел самолично племянницу выдать, как-то без Марты обошлись. А с войны владетель Сара и трёх близлежащих деревушек вернулся, разбитый параличом после какой-то странной, поговаривают — дурной болезни. Целый год девушки выходили замуж безбоязненно, не отбывая законной повинности в барской спальне.

...А сегодня утром тётка отправила её с поручением к пастору. Поручение-то было плёвое — попросить облатку для болящей бабки, тёткиной матери, не могла она нынче сама к причастию пойти. И только сейчас Марте подумалось: а какое это причастие, коли день — не воскресный? Вторник сегодня, нет службы-то...

И обдало её запоздалым ужасом. Последним за этот долгий день.

Значит, барон за ней всё-таки послал. А пастор Глюк... не её выручать кинулся, а себя спасать. Барон в гнев страшен, пока разберётся, что не по вине святого отца девчонка пропала — зашибёт. Вот оно как складывается... Не шарахни Марту по голове неизвестные злодеи, не выдай вместо преступной герцогини — была бы она сейчас вообще жива?

А завтра добрый герцог отвезёт её назад, в Сар... Прямо в зубы к барону. Видно, от судьбы не уйдёшь.

Она смотрела на угасающие синие огни на поленцах и думала: ещё не поздно. Встать. Закрывать окно. Тихо-тихо, чтобы не лязгнуло, прикрыть на каминной трубе вьюшку-заслонку. А потом вернуться на место, может, даже, прислониться к боковинке кресла... или опереться о мужское колено, чем чёрт не шутит... Герцог — крепкий сильный мужчина, такие спят долго. Час-другой — и они с Мартой уже не проснутся никогда. Угар сделает своё дело быстро и милосердно.

И больше ни над своим бесполезным девичеством не трястись, ни ждать, цепenea, когда же барон распорядится её по полю пустить и собак по следу науськать, как уже делал с девушками, которые ему, даже немощному, угодить не смогли... Вы тоже отдохнёте, ваша

светлость. От распутной жены, от тяжких государственных трудов, от злобных и завистливых людей...

Одно только вдруг огорчило Марту. Герцог-то по своей белой кости да славным делам пойдёт прямо в рай, а ей... ну, понятно, куда дорожка уготовлена. Прямиком в пекло, как самоубийце. И по всему выходит, что больше они никогда не увидятся, и будет у них у каждого своя Вечность: у него — без печалей и воздыхания, у неё со стоном и скрежетом зубовным.

Марта опечалилась.

Умирать больше не хотелось. Но всё-таки...

Она уже решилась встать, когда на голову опустилась тяжёлая тёплая ладонь. Герцог спал, но даже во сне велел собачке оставаться на месте.

Так она и просидела до рассвета, не шелохнувшись, рядом с тем, кто так и не стал её первым мужчиной.

Глава 2

Ночь текла себе и текла — под негромкое размеренное дыхание уснувшего герцога, под монотонное тиканье напольных часов в тяжёлом футляре... За окнами время от времени звучала мерная поступь солдат по брусчатке — то ли обычный дозор, то ли поджидали тех, за кем его светлость снарядил капитана. Ох, как он страшно сказал тогда: принеси мне, мол, её голову... Неужто так можно? Под одним одеялом спать, один хлеб есть — и так ненавидеть? А она его? Впрочем, что гадать-то: у любимого мужа не воруют.

Марта старалась не шевелиться. Несмотря на то, что досталось ей сегодня крепко и незаслуженно — она не держала зла. Каждый может ошибиться. Ведь понял же его светлость, разобрался, отпустил, даже... ей-богу, прощенья просил... Всё по справедливости. И даже случаем не воспользовался, чтобы свою силу мужскую проявить, вот что. Хоть и была она полностью в его власти, руки-ноги ослабли от страха, не копнулась бы. Знать, не здесь и не сейчас уготовлено ей девичество потерять.

Может, попроситься в монастырь? И мужчин нет, и барон не отыщет. Сказывают, там строго. Посты, молитвы, иногда и розги с хлыстами, власяницы для умерщвления плоти... Марта вздохнула. К голоду-то она привыкла, а вот плоть умерщвлять не хотелось.

В животе предательски заныло.

Ничего. Она потерпит. Не впервой.

Ладонь герцога до сих пор покоилась на её макушке и, говоря откровенно, хотелось, чтобы эта невольная ласка продлилась как можно дольше — нечасто ей выпадало ласковое слово, а уж по голове только матушка в детстве гладила. Чтобы приятное чувство защищённости длилось как можно дольше, Марта старалась не шевелиться и, дабы не заснуть, принялась рассматривать комнату. Благо, на свечи комендант оказался щедр, их на столе в канделябрах торчало штук по восемь в каждом, а Марта умела считать, вот и сосчитала: восемь да восемь — стало быть, шестнадцать... да ещё по масляному светильнику на каждой стене. Но масло выгорело быстрее, чем окончательно оплыли цилиндрики хорошего белого воска.

Рука его светлости оставалась тёплой и мягкой, не верилось, что эти пальцы недавно впивались в шею, словно клещи. Да и сам герцог, спящий-то, вроде смягчился, стал добрее. Осмелев, Марта осторожно переложила державную длань на подлокотник и снизу вверх глянула на живую легенду, свирепого и благородного, жуткого и справедливого, яростного и отходчивого... Много чего о нём говорили, но сходились в одном: Его светлость п р о с т ы х людей не обижал. С дворянами бывал крут, конечно, но с белой кости и спрос иной. Как оно в Писании сказано: кому много дано, с того много и спросится. Бандитов, разбойников, воровскую шваль и прочую шушеру по указу герцога привечали верёвками и колами; случалось же кому сгруппить из дворянского звания, те шли под благородный топор: заговоров правитель не любил и не спускал. А вот крестьян, мастеровых, среднее сословие — особо не трогал. Даже право первой ночи на своих личных землях отменил. Поговаривают, правда, что и после этого невесты к нему прибегали, блюдя обычаи, но, должно быть, врут.

Марта полюбовалась усталым спокойным лицом, уже обрастающим синеваой щетиной, прямым крупным носом с горбинкой, красивым изгибом губ... Побелевший шрам над верхней губой, сейчас и не портил вовсе, а делал герцога похожим на старого хищника, заматеревшего в схватках. Сильными красивыми руками его светлость наверняка сумел бы, как дядюшка Жан, согнуть подкову или свернуть в трубочку оловянную тарелку. Нет, не врут люди. Да если бы их барон имел хоть вполовину, хоть в четверть герцогских достоинств, Марта давно уже замуж пошла бы, не злила тётку постоянными отказами женихам, не сидела бы у дядиной семьи на шее. Почему не шла? А дорожка замуж была только одна — через господскую спальню. Хорошо, сирота вышивать научилась, свой кусок хлеба в семью принесла, хоть и попрекали по привычке... Вот откуда такая несправедливость? Кому-то — дом полная чаша, а другим изба с единственной комнатенью, там и спят, и едят, и работу справляют. Кому-то сеньор статный да красивый, а кому-то... тьфу!

От таких крамольных мыслей стало не по себе. Роптать грех. Пастор говорил: что Богом положено, то человек переделывать не должен. Но впервые у неё зародилось сомнение: а так ли уж прав святой отец? С амвона-то он чего только не вещал, да грозно, красиво; прихожане плакали и содрогались от страха пред Божьим судом. При этом — кое-кто знал о маленькой комнатке-молельне в доме Глюка, соседствующей с комнатой побольше с тремя вкопанными в земляной пол столбами. И молчали. На всё — господская воля. Да и... вроде бы, девы не обижены, пристроены, грех жаловаться... Господь, мол, далеко, на небесах, а сеньор рядом, его и надо бояться больше.

Это разве не грех — такая трусость? Пастор зачитывал жития святых и мучеников, претерпевших во имя Христа, и призывал крестьян не роптать и терпеть, но Марта не понимала: во имя чего терпеть поругание? Какая польза Богу от девичьей чести, что не в его славу, а на убажнение баронской похоти употреблена?

Вот, наверное, потому Господь и покарал святого отца руками солдат его светлости. Странно как-то получается. Вроде бы Марта должна сострадать — пастор всё же брат во Христе — а вот ни капельки не жалко... Тоже грех. И то, что сейчас смотрит она на большие и сильные руки сиятельного герцога и вспоминает, как он этими самыми руками ей одеваться помогал, спину поглаживал, как он... потом её в шею поцеловал...

Всё-таки хорошо, что она передумала угорать. Живите ещё сто лет, ваша светлость, долго и счастливо.

И вдруг Марта ужаснулась.

А ведь руки на себя наложить — то вообще грех наивеликий! И даже сами помыслы о том... Она спрятала лицо в ладонях. Как ни крути — грешна. И настолько, что ни один священник ей не отпустит, или такую епитимью наложит — колени опухнут от стояний. Хотя... Марта немного повеселела. Вроде бы, теперь в их селе исповеди принимать некому. Хоть и ненадолго: как пить дать, выпишет господин барон нового пастора. Хорошо бы, такого, как брат Серафим...

...Десять лет назад это было. Мартино село вымирало от чёрной оспы. Соседке Марии искусной ткачихе, выжгло страшной болезнью глаза. Муж помер, из шестерых детишек двое выжили чудом, слабенькие, ледащие... Чем жить? Добрые люди, что в округе уцелели, сами по сусекам последнее скребут. Едва встав на ноги, Мария побрела на поклон к барону: за четыре ковра он ей так и не заплатил, а требовал ещё. Господин и не взглянул на побродяжку, велел со двора гнать.

Уже у самой реки, куда побрела слепая в отчаянии на крутой бережок над омутом,

догнал её отец Серафим, странствующий монах. Поговорил, утешил, наставил. Сказал, что всегда есть надежда на лучшее, и никто не знает, какими неведомыми тропами счастье человеческое бродит. Мария лишь горько усмехалась на такие слова, но мысли о смерти забросила — Серафим вовремя детишками пристыдил. Довёл несчастную до дома, благословил и её, и сыночков, да пошёл себе дальше, сунув на прощанье каждому по мелкой монетке. Вот ведь какие монахи чудные бывают, не им, а они подают...

Сердобольному Жану-кузнецу, который подошёл спросить, не нужно ли чего, да кто это забредал недавно? — Мария протянула денежку и попросила Христа ради — купить детям хлеба: вспомнила, что сосед в город собирается, на торги. стыдно крестьянам хлеб покупать, да бывает и так... Кузнец монету взял и подумал ещё, грешным делом, что вздорожал хлебушек-то, в трудные времена оно всегда так, много ли на медяшку купишь? А дальше? Признавался потом, что уж хотел вдове своих денег добавить тишком. Но когда стал на торгах расплачиваться за куль муки — вслед за горстью меди и редкого серебра шмякнулся ему на ладонь из потёртого кошель полновесный золотой талер. Жана чуть удар не хватил... Достало и на муку, и на масло, и на земляные яблоки, а главное — закупили семян на посев: тут уж сам кузнец в долг к соседке влез, потом честно с Марией рассчитался. И вот оказия — привёз слепой мастерице несколько тюков шерсти. Вроде бы и ни к чему, а как под руку кто толкал: купи да купи! Ощупывая мягкие кручёные нити, Мария плакала. От счастья. Потом вытерла пустые глазницы, попросила мальцов разобрать пряжу по цветам да уложить в кипы в нужном ей порядке; перекрестилась — и села к станку. ловкие пальцы так и остались зрячими.

Такие вот бывают святые отцы да монахи, что словом да делом судьбу человеку поправить могут.

И Марте вдруг стало спокойно. Счастье ведь неизвестно какими тропами бродит. Может, и её разыщет, кто знает? Было ей семнадцать лет, и очень хотелось верить в хорошее.

Или просто — верить.

Она запахнулась плотнее в господский камзол — авось не заругает его светлость, если увидит! снова прислонилась спиной к твёрдому мужскому колену и сама не заметила, как задремала.

* * *

В дверь стучали.

— Ваша светлость, донесения от менталистов!

Марта встрепенулась и, потеряв равновесие, едва не рухнула со скамеечки. Вскочила — и вовремя: его светлость изволил восстать из спящих столь стремительно, что не успей Марта посторониться — сбил бы. Кажется, он её не заметил. Пока девушка торопливо подбирала упавший с плеч камзол и ломала голову, куда его сунуть, пока догадалась повесить на спинку кресла — герцог уже разворачивал свиток. Бегло зачитав, вернулся к началу, перечёл неторопливо и вдумчиво.

— Так.

Принёсший долгожданные вести комендант — сухощавый, подтянутый служака с осунувшимся лицом и покрасневшими от бессонной ночи глазами, тотчас подал голос:

— Какие будут распоряжения, ваша светлость?

— Да какие уж там распоряжения... Ничего сверх обычного, господин Карр. Готовьтесь

к работе. Будут допросы, много допросов, возможно, с пристрастием.

— Понял, ваша светлость. — Комендант бросил острый взгляд за плечо герцога. — А как с вашей... супругой?

Только сейчас герцог вспомнил о Марте. Сперва воззрился с недоумением, затем посветлел.

— Вот что, М... милая, придётся тебе поехать домой. Меня не жди, я дам тебе сопровождающего, как и обещал...

Комендант весь превратился в олицетворение внимания, у него, казалось, даже уши заострились. Стоял, слушал — а сам ел Марту светлыми, какими-то рыбьими глазами, словно отъедая по кусочку, препарируя... По-видимому, оценивал обстановку. Как-то теперь, после проведённой наедине ночи, складываются отношения между супругами? А ведь какие крики доносились из кабинета, господи Боже мой, какой плач... Но, видно, и впрямь господин герцог отходчивый, да и как не простить такую милую девушку, по всему видать — договорились полюбовно.

— Нам нужна карета, господин Карр, — бесцеремонно прервал его размышления герцог. — Моя мне ещё понадобится, поэтому воспользуюсь вашей. Тем более что вы мне нужны здесь. Что скажете?

— Что уже закладываем, ваша светлость. Скольких людей прикажете в сопровождение?

— Четверых, не меньше. Путь следования... пожалуй, я продумаю и сообщу непосредственно эскورتу. Что-то ещё?

— Известия из Анжи, ваша светлость. Кажется, не слишком хорошие. Курьер был чересчур подавлен.

— Давайте.

Поклонившись, комендант удалился, бросив напоследок ещё один взгляд на Марту — очень внимательный, она даже сжалась. И вздрогнула от странного хлопка.

Его светлость был в бешенстве. Марта перепугалась, что сейчас на него накатит, как вчера, и что тогда делать? И нет рядом капитана Винсента, чтобы в дверь вовремя громыхнуть! Но обошлось. Лишь, не сдержавшись, герцог снова хлестнул свитком по ладони.

— Ну, Анна... Скоро ты мне за всё ответишь.

И сквозь зубы так обрисовал предстоящую экзекуцию супруги — подобных слов Марта даже от дяди Жана не слыхивала, когда тот в сильном подпитии пребывал. Видать, напоследок крепко назолила жёнушка муженьку. Но сколь верёвочка не вейся... Первое письмо было, как поняла Марта, от капитана, и, скорее всего, заключало радостную весть о поимке, иначе с чего бы готовить пыточную? Марта поёжилась. Встревать в чужие дела ей было ни к чему. Самое время о себе подумать.

— Послушай, Марта, — вдруг обратился к ней герцог. — Мне, право, жаль, что я был с тобой несдержан...

Умел он себя взять в руки, умел.

— ...но с кем не бывает. Худого не помни.

— Что вы, ваша светлость, — прошептала она.

— Молчи. Хотелось бы сделать для тебя больше, но не могу. Впрочем, если не забуду, постараюсь тебя отыскать. Послушай, кольцо, что у тебя на руке... — Марта с удивлением воззрилась на перстень, о котором уже думать забыла — палец привык к тяжести. — Оно обручальное, дорогое. Оставь себе, должен же я как-то тебе компенсировать беспокойство. — Несуразность собственных слов заставила его усмехнуться. — Поедешь в

лавку к ювелиру Дюпону, там продашь. Это его работа, он её узнает сразу. Скажешь — я подарил. Больше никуда с ним не суйся — арестуют, подумают, что стащила. Да, скажи Дюпону, что я велел продать камень за десять тысяч талеров, хотя сам купил за четырнадцать, так что он не продешевит, а тебе этого надолго хватит. И вот что... — Задумался. — Домой тебе лучше не возвращаться. Знаю я вашего барона, он любитель... срывать бутончики, не может быть, чтобы тебя до сих пор не заметил. В городе молодой девушке тоже нелегко, но мы что-нибудь придумаем. Сейчас приедет Винсент, попрошу его снять, а затем выкупить для тебя домик где-нибудь в тихом квартале. Найдёшь себе дело, денег тебе хватит надолго, только не транжирь у всех на виду. Первое время Винсент будет заходить в гости — не бойся, это только для того, чтобы видели, что ты не одна, под защитой. Думаю, в Эстре тебе будет лучше. Да, вот что, — осторожно взял Марту за подбородок. — Постарайся особо не показывать всем своё хорошенькое личико. Слишком уж хорошенькое...

Герцог наклонился к её лицу... и отпрянул.

— Поедешь прямо сейчас, — сказал сухо. Оставив затрепетавшую от волнения Марту, подхватил с кресла камзол. Девушка вздохнула разочарованно. В рубаше тонкого полотна, красиво облегающей статную фигуру, герцог был как-то ближе, домашнее, что ли. Камзол же на нём был, как кираса для капитана: броня.

— Господин комендант! — крикнул герцог. По-видимому, он не сомневался, что в соседней комнате все, как один, готовы мчаться по первому его зову. Впрочем, так оно и было, ибо начальник тюрьмы появился незамедлительно. — Нам нужен хороший плащ с капюшоном, достаточно большим, чтобы прикрыть лицо. И поторопитесь, скоро мне будет не до этого, а прежде, чем заняться другим делом, я хотел бы знать, что эта женщина отбыла и находится в полной безопасности.

Спустя две минуты герцог широким размашистым шагом, почти бегом, пересекал тюремный коридор, за ним, еле поспевая и стуча деревянными башмаками, семенила Марта, непривычная бегать в таком количестве юбок. Комендант, даже не ускораясь, скользил за ними, как лодка по воде, без труда подлаживаясь под обоих.

Ещё не дойдя до входных дверей, они услышали лошадиный топот, ржание, крики... и отчётливый женский визг. Нет, герцог не кинулся вперёд, он просто преодолел расстояние, отделяющее его от выхода, в каких-то два шага. Марте понадобилось двадцать, да она, к тому же, запуталась в полах длинного плаща и чуть не упала, и если бы не помощь коменданта — позорно растянута бы на пороге.

— Ой... Спасибо, господин Карр, — прошептала испуганно. Хорошо, что она вовремя вспомнила имя. Тот глянул как-то странно, кивнул и придержал тяжёлую створку двери, пропуская Марту на выход. Но тотчас крепко, хоть и деликатно, перехватил её локоть.

— Что-то мне подсказывает, сударыня, что его светлость отчего-то не хочет выставять вас напоказ. Давайте подождём здесь; пусть ваш супруг поговорит с прибывшими, а затем уже мы напомним ему о вас. Прошу...

И увлёт в сторону от двери, в тень балкончика, резко очерченную утренним солнцем.

Большой тюремный двор стал внезапно тесным — от трёх карет, заехавших одновременно, от шестёрки лошадей, от множества людей, посыпавшихся невесть откуда. Потом уже Марта сообразила, что часть из них выскочила из возка — такого же, в котором её сюда привезли, а остальная масса — из соседнего крыла тюрьмы. Это были рейтары, и где-то среди них слышан был знакомый мужественный голос капитана Винсента, отдающего

чёткие указания. Должно быть, именно благодаря ему человеческий муравейник упорядочился в считанные секунды. Солдаты разбились на группки: одна — окружив, препровождала ко входу двух непонятных личностей, Марта даже не смогла сразу определить — мужчины это или женщины, они были в каких-то нелепых балахонах, с закрытыми лицами, с завязанными прямо поверх мешков на головах ртами... Герцог покосился на них с какой-то брезгливостью. «Этих — в особую камеру, для магов», — распоряжался комендант. «Господа менталисты, вы в караул?» — осведомился у сопровождающих, четверых одинаково неприметных людей, шагающих бесшумно и легко, словно паря над землёй. «Да, извольте нам найти замену не позднее, чем через час, экземпляры попались сильные». «Слушаюсь». Перед герцогом раскрыли два ларца: в большом — какие-то бумаги, тот, что поменьше, блеснул сиянием драгоценных камней и жемчугов. Его светлость коротко и без эмоций кивнул. «В мою карету. Благодарю. Не забуду» Но вот он подобрался...

И пошла от герцога такая волна холода и ненависти, что не только у людей заледенели руки и ноги — всхрипнули и встали на дыбы лошади.

— Ох, — только и прошептала Марта. Оглянулась — и поняла, что осталась в своём углу одна. Комендант, как и Винсент, заняли места за правым и за левым плечом герцога. Словно свита.

А прямо перед его светлостью дёргалась в путах, пытаюсь освободиться, гневно что-то мыча сквозь знакомый кляп, извивалась, пробовала лягнуть крепко держащих её под руки солдат — она, Марта...

Скрестив руки на груди, герцог смерил её тяжелым взглядом. Но не промолвил ни слова. Стоял и молчал, пока пленница не затихла, тяжело дыша, и вдруг отпрянула. Попятилась. Вернее, попыталась. Жёсткий тычок под рёбра заставил её согнуться пополам и задохнуться.

Вот так и Марте было... несладко.

Всё это время она гадала: почему все упорно принимали её за беглую герцогиню, неужели так похожа? А вот теперь — она словно раздвоилась. Одна — вжималась в холодную кирпичную кладку за спиной, чтобы не заметили, другая, задыхаясь, пыталась выпрямиться. Солдат подтолкнул ту, другую в спину, и по знаку герцога ловко выдернул кляп.

— Ублюдок! — едва отдышавшись, прошипела она. — Прикажи меня не бить, сейчас же, животное! Я беременна!

— Я законнорожденный, сударыня. В отличие от вашего будущего отродья, — сказал, словно выплюнул, герцог. — Это всё, что вы можете сообщить?

— Ты не имеешь права меня арестовывать, слышишь, ты! — Она вдруг затихла, прислушиваясь, и захохотала: — Ох, как тебя сейчас обломают! Давно мечтала поставить тебя на место, скоти...

Не слишком чистая ладонь рейтара запечатала ей рот. Намертво. Жертва пыталась кусаться, но получила ещё более жёсткий удар.

— Избавьте меня от её оскорблений, — скучным голосом сказал герцог. — И... Ккапитан, объявите готовность. Посмотрим, кто ещё к нам сейчас пожалует.

Тем временем Марта, забытая всеми, не сводила глаз со своей копии. В голове кружилась единственная мысль: неужели? неужели? вот она и вспомнила...

— ...Дядя, как она смеет! Простолюдинка, дрянь... почему она такая же, как я?

Прелестная девочка лет девяти в пышном «взрослом» платье тащит Марту за косы по полу, сперва по мягкому ковру спальни, куда Марта упросила проводить сестрицу-горничную, чтобы хоть глазком посмотреть, как живут господа, потом по жёстким каменным плитам зала. И вдруг со всего размаха с недетской силой толкает Марту, и та летит лицом в чьи-то грязные сапоги. Еле успевает инстинктивно выставить вперёд локоть.

Чья-то рука вздёргивает её за шиворот. Сердечко у Марты уходит в пятки. Барон... спаси и сохрани, Божечка, сейчас убьёт...

Он осматривает Марту, как курёнка, разве что за ногу не поднимает.

— Что вас так рассердило, моя прелесть? Да, действительно, похожа, что с того?

— Дядя, как вы не понимаете? Я красивая! Вы всегда говорите мне, что я с а м а я красивая! А эта шваль так на меня похожа — значит, и она красива? Видеть её не могу! Запорите её!

— Глупости, — неожиданно одёргивает маленькую изуверку барон. Стряхивает с руки Марту. — А ну, брысь! И что бы ноги твоей здесь не было! Солнце моё, вы её больше не увидите, обещаю.

— А я сказала — запорите! Пусть... пусть ей уши отрежут, вот! Лицо исцарапают, разбойникам отдадут! Ну дядя, — тон сменяется на капризный, — вы же всё можете, ну пожалуйста... Да я спать не смогу спокойно, пока она со мной одним воздухом дышит! Тварь подзаборная! Кто её сюда привёл?

Как уж там улещивал барон племянницу, единственную дочь покойной сестры, единственную наследницу — Марта уже не слышала, кубарем скатившись с парадной лестницы и нырнув под пролёт. Забилась под ступеньки и дышала, как рыба, широко раскрыв рот, чтобы воздух выходил не с таким шумом, не слышали бы. И долго не решалась вылезти, а сестрица всё никак за ней не приходила, боялась случайно выдать.

— ...Жана-кузнеца племянница, — слышала над собой. — В прошлом году осиротела, вот хотел к делу пристроить, на кухню или в прачки. — Две пары ног не спеша спускались по ступенькам, казалось, прямо над головой девочки. — Прикажете сыскать? — Вкрадчивый голос понизился до шёпота: — Привести?

— На кой она мне... сейчас, — холодно отзывается барон. — Не любитель. Девка должна быть девкой, в теле, а эта пока — так, недоразумение. Что я с ней делать буду? Жану скажи — пусть сюда не пускает, пока Анну в пансион не отправлю.

Впервые в жизни Марту выпороли именно в тот день. Но её-то — для острастки, а вот бестолковую сестрицу двоюродную — от души. Чтобы знала, как малолеток по замку водить.

...Прикусив палец, чтобы не заплакать в голос, Марта кое-как сдержалась. За что? Выходит, вся её жизнь пошла наперекосяк ещё с той поры? Из-за маленькой капризной дряни, которая что хотела, то и получала, жила в холе, в воле, в сытости... Чего ей с герцогом не хватало, дуре набитой? И это из-за неё вчера её чуть было не...не... Спасибо доброму капитану Винсенту, никакой он, оказывается, не чудовище, а просто ангел-хранитель, не иначе...

Ещё одна карета вкатилась в тюремный двор, величаво, торжественно, словно не замечая нацеленных пик и шпаг. Остановилась — аккуратно напротив крыльца — и из позолоченной дверцы, шагнув на приставную ступеньку, сошёл на землю дородный важный господин, одетый столь богато, что когда двигался, десятки мелких драгоценных камешков на камзоле перешёптывались и шуршали, задевая друг дружку гранями. Невиданное ранее Мартой чудо — парик с буклями — украшало голову прибывшего, дорогое кружево волнами

шло на груди, ниспадало с манжет. Шпага, более парадная, чем боевая, цеплялась за ноги, но сей факт совершенно не смущал расфуфыренного господина.

Герцог молчал. Кинул недобрый взгляд на супругу, вдруг победно что-то замычавшую сквозь кляп. Чучело в драгоценном камзоле отвесило изысканный поклон.

— Ваша светлость, господин ге'гцог, п'гиношу глубочайшие извинения за столь поздний визит...

— Визит-то, пожалуй, 'ганний, — с непередаваемым сарказмом прервал его светлость. — Для тех, кто по ночам спит с чистой совестью. А вот чем в ы всю ночь напролёт занимались, господин посол, что не заметили, как она прошла? Считали овец?

— Извольте шутить, — благодушно отозвался собеседник. Словно они не на тюремном дворе разговоры вели под прицелом десятков глаз, а куртуазно пикировались на светском рауте. — Я, ваше светлейшество, п'гедпочитаю п'говодить ночь в компании хо'гоших книг, философов, д'гузей... к'гасивых женщин, наконец, это же так понятно... А вот вы, к наиглубочайшему моему п'гиско'гбию, лишили меня общества одной из них; нехо'гошо, нехо'гошо...

Анна как-то странно успокоилась и лишь торжествующе косилась на мужа поверх завязок кляпа. Солдаты, придерживающие её, тем не менее, хватку не ослабили, да и прочие по знаку капитана незаметно, шаг за шагом перестраивались, окружая экипаж добрейшего и безобиднейшего гостя.

— Объяснитесь, сэр Гордон. — Герцог учтиво поклонился. — Обещаю исправить свою бестактность, насколько это будет возможно. О какой даме идёт речь?

— О новой подданной б'гиттской импе'гии, до'гогой мой, — толстяк любезно улыбнулся, но Марте почуялся в его усмешечке волчий оскал. — Коия уже целые сутки пользуется дипломатической неп'гикосновенностью, поселившись на те'г'гитории б'гиттского посольства, и недавно изъявила желание покинуть данную ст'гану, несмотр'гя на то, что она благоденствует и п'гоцветает под вашим чутким 'гуководством. Кто угадает, какие мотивы движут се'гдцем женщины? Тем не менее, мой до'гогой, она изъявила желание стать подданной Его Импе'гаторского Величества Вильяма Вто'гого, и кто я такой, чтобы п'готивиться женской воле? Посему — ставлю вас в известность о недопущении а'геста оной дамы... — голос посла начал постепенно набирать жёсткость, — и т'гебую немедленного её освобождения.

Марта вникала с пятого слова на десятое, да и картавость сэра Гордона не способствовала пониманию его речевых изысков. Но смысл был ясен: отпустить Анну, и точка! Будто он имел право требовать, этот индюк! Она непроизвольно подалась вперёд, чтобы лучше видеть и слышать. Шажок вроде и крошечный, но капитан, стоявший к ней ближе, напрягся и чуть отклонился вправо, как бы... заслоняя её? Уловив каким-то шестым чувством, что ей лучше не высовываться, Марта замерла.

— Объяснитесь, сэр Гордон, — с вежливым недоумением отвечал герцог, — о какой д а м е идёт речь? И если оная здесь присутствует — найдётся ли у вас письменное свидетельство о её новом статусе?

Глаза Анны заблестели. Марте казалось, ещё немного — и она устроит пляску на костях... на её, Мартиных. «С-сучка благородная!» — ко времени вспомнила она слова солдата, двинувшего ей под рёбра там, на лесной поляне... вот-вот, то самое слово и есть. Сэр посол тем временем небрежно изъяс из-за отворота манжета небольшой свиток с болтающейся на нём маленькой печатью красного сургуча.

— П'гошу, ваша светлость, — с неким оттенком превосходства произнёс он. И даже губу оттопырил, не успев скрыть презрения — к происходящему и к окружающим. Марте с самого начала был неприятен и этот тип, и его лошади, которые тоже презрительно оттопыривали губы, но больше всех ей была неприятна маленькая благородная сучка, которая выросла — и превратилась в большую благородную сучку, и ничего в ней не поменялось, ничегошеньки.

Его светлость документ изучил. Тщательно. И вернул. Равнодушно.

— Не спорю, с точки зрения стилистики изложено верно, — уронил он. В груди у Марты так и ёкнуло: неужели отпустит? Однако герцог продолжил совсем не так, как, очевидно, ожидал кружевной посол неведомой Марте Империи. — Не понимаю ваших претензий, сэр Гордон. В этом документе чёрным по белому сказано о даровании бриттского подданства некоей Анне де Бирс де Фуа д'Эстре... это моей супруге, что ли? И что, подданство предоставлено по её личному прошению? Скажите, а заверено данное прошение оттиском личной печати д'Эстре, означающим безусловное согласие её законного супруга на сию акцию? Я вижу здесь только печать посольства... дорогой друг. Предъявите мне моё собственное согласие!

Посол вдруг как-то разом сдулся и впервые со времени своего появления покосился на Анну. Та была явно растеряна.

— Печати нет, — вкрадчиво сказал герцог. — И знаете, почему? Потому что её и быть не могло у самозванки, которую вы приняли за мою супругу. Дорогой друг, вас, похоже, здорово надули, пытаясь подобраться поближе к вашему драгоценному телу, или что ещё более вероятно — к вашим секретам. Вернётесь в посольство — проверьте, все ли бумаги на месте. И фамильные безделушки, кстати... Мои, — он произнёс это слово с нажимом, — на месте. И знаете, почему?

— Почему? — машинально переспросил сэр Гордон. — Однако, ваша св...

— Потому что моя печать, моё обручальное кольцо с этой печатью, моя жена с этим кольцом на руке — тоже на месте. При мне. Хотите убедиться?

— Докажите! — с неожиданным злорадством выпалил посол, как-то разом и вдруг растерявший куртуазность и замашки доброго снисходительного дядюшки. — Ваши доказательства п'готив моих, а? Что? И я пове'гю и сниму все п'ретензии!

— Ловлю вас на слове, д'гуг мой.

Герцог насмешливо сверкнул глазами. И сделал то, что никто в мире от него не ожидал.

Он повернулся прямо к Марте, будто глаза у него были на затылке и он знал, что всё это время она послушно держится рядышком, как тогда, пока он спал...

Учтиво протянул руку. Ей, именно ей, больше никого рядом в тени балкончика не было!

И замер, поджидая. Её поджидая.

Марта заглянула в тёмно-вишнёвые глаза, в которых затаилось напряжение, на тонкую жилку, бьющуюся на виске — и пропала. Ноги сами шагнули навстречу его светлости Жильберту Анри Рене де Бриссаку де Фуа д'Эстре. Не могла она его подвести. Не могла. Так и вышла — из тени на яркое утреннее солнце, на всеобщее обозрение, под прицел нескольких десятков глаз. И совсем случайно — такого нарочно не подгадаешь — налетевший порыв ветра сорвал с её головы капюшон и заиграл растрёпанными косами, вспыхнувшими в рассветных лучах чистым золотом. Ещё чище, чем у той, что уставилась на неё во все глаза и, кажется, всей своей гнусной сущностью завопила: «Да как она смеет?»

А вот посмела.

Его сиятельство перехватил нежные девичьи пальчики, пожал и улыбнулся.

— Не бойся этой страшной женщины, дорогая. — Голос его был звучен, слова отчётливы, и даже те, кто находился в самых отдалённых рядах построения, слышали всё до мельчайших подробностей. — Она больше не навредит ни тебе, ни кому либо ещё, обещаю.

Марта опустила глаза. Сказать что-то лишнее боялась, а потому молчала.

— Но она не может быть вашей... — начал в запале посол. — Это ведь... — и запнулся.

— Да?.. — выжидательно повернулся к нему герцог. — Продолжайте. — Не дождавшись ответа, продолжил сам. — Её опознают везде — и при дворе, и в собственном доме; и даже некоторые мои подчинённые имеют честь быть знакомы с ней лично. Не правда ли, капитан? А главное, — он приподнял ручку Марты так, чтобы всем было видно кольцо с крупным бриллиантом, — вот то, о чём я говорил. Кольцо с вырезанной моей именной печатью. Какие вам ещё нужны доказательства того, что моя жена — это моя жена? Брачное свидетельство? Показания очевидцев нашей совместной жизни? Господин посол, я ценю сотрудничество с вашей славной державой, но не могу не отметить, что дипломатическая неприкосновенность не даёт вам права вторгаться в мою личную жизнь. Это приватная территория, и я не позволю ступить на неё никому!

Сэр Гордон судорожно повёл подбородком и оттянул край жабо, словно задыхался.

— Кто же, в таком случае, эта дама? — Он вяло махнул в сторону Анны, в чьих глазах зарождались понимание и ужас.

— Откуда я знаю? — герцог пожал плечами. — Это мы сейчас и выясним. Кстати, почему вы уверены, что она — дама? Из-за её красоты? Уверяю, среди простолюдинок вы ещё и не таких встретите, некоторые любители из высшего сословия довольно часто резвятся на вольных полях, улучшая породу... Не проводить ли вас до вашей резиденции, господин посол? Время позднее... или, может быть, раннее, о вас, должно быть, уже беспокоятся в посольстве. Капитан, выделите сэру Гордону провожатых, и не менее дюжины, дабы проявить достойное уважение к представителю Императора Вильяма Второго.

— А... что будет с ней? — посол, не в силах отвести взгляд от умоляющих глаз связанной женщины, не двигался с места, несмотря на то, что перед ним уже распахнули дверцу кареты.

— Это не должно вас беспокоить. Установим личность, проведём дознание по всей форме. А потом вздёрнем по-быстрому. Чтобы неповадно было другим.

— Но...

Анна забилась в сильных руках солдат.

— Прощайте, господин посол, — закончил герцог. И отвернулся.

На негнущихся ногах бритт кое-как вскарабкался по откидной ступеньке в экипаж, за ним услужливо захлопнули дверцу, едва не наподдав по филейным частям тела. Или всё-таки наподдав? Анну тащили в тюрьму двое, третий подталкивал со спины, женщина упиралась, умоляюще мычала, по лицу её текли слёзы.

— Кричи, Анна, кричи, — сказал герцог. — Может, я разжалоблюсь и действительно прикажу тебя просто повесить... Уводите же! — крикнул со внезапно прорвавшимся раздражением. — Моей супруге ни к чему это видеть.

После этих слов Анна рухнула как подкошенная. Так её и поволокли, бесчувственную. В пыточную.

А с герцогом стало твориться что-то странное. Глаза его почти побелели. Рука, сжимающая пальцы Марты, стиснула их с такой силой, что та невольно вскрикнула.

— Прос-с-сти, дорогая, — неживым голосом отозвался его светлость. Ослабил жим и почтительно поцеловал Марте руку. — Я слишком хорошо представил, что тебе пришлось вынести. И не только тебе. Мэтр Карр, — повернулся он к коменданту. — Вы ведь родом из Анжи, так, кажется? И несколько ваших допросных дел мастеров тоже?

— Точно так, ваша светлость. — Комендант поклонился. Взглянул настороженно.

— Ну, так почитайте это сами, и дайте прочесть своим землякам. — Герцог вытянул из кармана одну из утренних депеш. Речь его была по-прежнему какой-то заторможенной. — И пересчитывайте время от времени, если вам покажется, что ваша новая подопечная достойна жалости; это при её непосредственном содействии был взломан магический охранный барьер по всему периметру. А сейчас прошу извинить, мне... — Он вдруг замолчал.

— Его светлости нужно препроводить супругу в родной дом, — подхватил капитан Винсент. На герцога он поглядывал с плохо скрываемым беспокойством.

— Правильно, — кивнул тот. — Дабы...

— ... лично убедиться в её безопасности и обеспечить неусыпную заботу.

— Совершенно верно, Винс-с-сент. Ты понимаешь меня с полуслова. Мэтр Карр, вы, кажется, любезно согласились предоставить нам карету?

— Она готова, ваша светлость.

— Хорошо. Я вернусь часа через два; займитесь предварительным допросом. Однако помните: к моему приходу арестованная должна быть не только живой, но в состоянии давать показания. Желательно — искренние. Но! — герцог внезапно вспыхнул. — Не позволяйте ей пачкать моё имя! Ни моё, ни моей супруги!

— Я всё понял, ваша светлость, — с достоинством ответил комендант.

Полученный от герцога свиток он держал так, будто тот жёг ему руку.

Застывшую, замороженную не хуже герцога, Марту посадили в карету. Рядом на диван, обитый бархатом, тяжело опустился тот, кто совсем недавно во всеуслышание объявил её супругой, а законную жену отдал палачам.

— Винсент, ты мне нужен, — бесцветно сказал он. Капитан, словно давно поджидая, что его позовут, запрыгнул в карету, почти не коснувшись подножки.

Пока выезжали со двора, пока пересекали мост и направлялись к городу, никто не проронил ни слова. Наконец капитан подал голос.

— Что там в Анжи?

— У тебя найдётся выпить? — неожиданно спросил герцог. Капитан снял с пояса флягу.

— Ром. Аккуратней, штука заборис...

Его светлость опрокинул в себя содержимое фляжки, не поморщившись. Прижал ладонь ко рту, как простецкий работяга после глотка слишком уж ядрёного хмельного, выдохнул.

— Прорыв магической защиты, как я уже говорил, — сказал совершенно нормальным голосом. — С предварительным уничтожением базовых огневых точек. Из леса со стороны Хаальдена прорвались орки. Дикие, неклеймёные. Пятнадцать местных мужчин выхолощены и распяты на воротах собственных домов, остальные посажены на колья и выстроены в два ряда. Двадцать две изнасилованные женщины со вспоротыми животами. Четыре беременных. Выпотрошены. Сказать, что стало с нерождёнными младенцами?

— Не надо. — Капитан кивком показал на побелевшую Марту. — Я прочту сам, когда вернусь.

— Вот-вот, почитай. — Отвернулся к окну. Коснулся ледяной руки Марты. — Прости,

девочка, — сказал, не поворачиваясь. — Я не хотел тебя втягивать во всё это, так уж получилось... — Поболтал фляжку, на дне что-то булькнуло. — На-ка, выпей. Быстро, одним махом. Знаю, что непривычна, но тебе сейчас это нужно. Давай-давай, побыстренько...

Вспомнив, как её вчера сразу повело после вина, Марта собралась с духом. И пусть развезёт! Может, хоть на минуту забудет о том, страшном и непонятном, что вокруг творится... Тростниковый спирт обжёг горло, перехватил дыхание. Она закашлялась сквозь слёзы, но тут же почувствовала, как вниз, к сердцу, пролегла огненная дорожка, от которой загорелось всё внутри. На пустой-то желудок... Почему-то в последнее время её только поили, а вот поесть никто не предлагал.

Герцог подхватил пошатнувшуюся девушку, осторожно уложил на диванные подушки, мысленно поблагодарив коменданта за заботу о его комфорте.

— Поспи, Марта, не слушай нас.

Повернулся к капитану.

— Дело стало слишком шумным, такого не утаить. Мы задели бриттов, сильно задели, и теперь они начнут целую компанию порочащих слухов. Винс, нам нужна легенда. Добротная, крепкая, душещипательная легенда о похищенной жене герцога, о коварных заговорщиках, об авантюристке-самозванке... И сейчас мы с тобой эту легенду придумаем.

И оба посмотрели на Марту, которую, кажется, моментально сморило. Была она чудо как хороша, трогательна, беспомощна... совсем как Анна. Герцог поморщился. Да, совсем как его жена в первую неделю после свадьбы. Теперь-то он понимал: супруга намеренно гасила в себе порывы, могущие повредить её образу, воплощению кротости и невинности. Его светлость горестно усмехнулся. Анна не была невинной. Он узнал об этом далеко не в первую ночь, нет, тогда всё прошло, как полагается: робкие ответные ласки, закушенные губы, кровь на простынях... Три дня после этого его не подпускали к телу, ссылаясь на ужасные рези. И он, дурак, повёлся.

За два года супружества его светлость успел привыкнуть к флюидам лживости и лицемерия, исходившим от его законной половины, а вот Марта была словно окутана дымкой чистоты, он почти осязал её, прикасаясь к дивным золотистым прядям, глядя по голове... Удивительно, что он не заметил этого сразу. Впрочем, гнев — плохой советчик.

Герцог кинул быстрый взгляд на Винсента. Тот сидел с совершенно непроницаемым лицом. Как будто каждый день правитель обширной провинции Галлии, любимец короля, свирепый воин, безжалостный судия — любовался простой селянкой и осторожно, не желая потревожить её сон, убирал пряди со лба.

— Винс, ты-то сам — неужели не заметил разницы?

— Вы, ваша светлость, законный супруг, и то сомневались, так куда уж мне... Лицом-то они с Анной, сами видите, как схожи. Если бы знать заранее, что нам другую подставят — может, и пригляделись с самого начала. А тут — нашли, кого надо, повязали, обнаружили бумаги — что ж, делу конец. Вот когда она туфли на каждом шагу терять начала — тут я задумался. Да и ростом она ниже, у меня глазомер хороший.

— А почему молчал?

Капитан пожал плечами. Пластины наплечников чуть слышно потёрлись друг о друга.

— Но ведь документы нашлись? Их всё равно нужно было доставить в первую очередь. Даже если допустить, что нам подсунули вместо Анны подставу — что ж, иногда нужно и заглотнуть наживку, чтобы увидеть ловца. Увидели?

— Да, похоже, мы заставили его проговориться. — Герцог усмехнулся, вспоминая

заметно растерявшего апломб бриттского посла. — Тебе бы моё место занять, с твоим умом-то, Винс. А я пошёл бы в капитаны. Меняемся?

— Рожей не вышли, ваша светлость, — хладнокровно ответил капитан. — На моих-то молодцах поболее таких шрамов будет, и не только на мордах. Вот как заработаете столько же — тогда приходите. Может, и поменяемся.

Марта, добросовестно притворяющаяся спящей, зажмурилась сильнее, чтобы не слышать таких ужасных слов. Что-то сейчас будет? К её удивлению, герцог лишь насмешливо фыркнул:

— Пил вроде бы я, а хамишь ты... Ладно, Винсент, хватит меня развлекать. Я в порядке. В следующий раз просто сразу сунь мне свою флягу.

— Я запомню. С чего на вас так накатило, ваша светлость?

— Не поверишь... — герцог потряс пустой фляжкой, вернул капитану. — Испугался. Был на грани срыва. Ох, как она меня завела своей беременностью... Она же дважды дитя от меня скидывала. Первый раз я даже поверил, что это случайность, якобы из-за падения с лошади; утешал её, скорбел вместе с ней. И она так натурально горевала... Во второй — нашёл почти пустой пузырьёк из-под настойки пижмы с девясилем, убойная смесь... Ребёнок, если остаётся цел, чаще всего рождается уродом. А теперь — она мне объявляет, что брюхата, да ещё требует, чтобы я при этом взял её под защиту!

...Он отыскал знахарку, у которой Анна пополняла запасы адского зелья. Эта же ведьма в своё время ухитрилась подлатать порушенную девственность юной невесте герцога, по глупости поддавшейся на уговоры и ласки... его светлость догадывался, чьи. Но думать об этом больше не желал. Довольно грязи.

— Ваша светлость, — подал голос синеглазый, — а вы точно уверены, что этот ребёнок не...

— Не мой? Безусловно. Я не касался её больше года, с тех пор, как она впервые наставила мне рога. Больше года... — задумчиво повторил герцог. — Вот, пожалуй, ключевой момент, от которого можно оттолкнуться. Вернёмся к нашей теме. Слово «самозванка» уже прозвучало, хоть и в запале, но услышано всеми и будет подхвачено. Каждому солдату рот не заткнёшь, и уже через полчаса новость полетит по Эстре, обрастая подробностями, но вот какими? Гордон раскроет свой ларец со сплетнями, мы — свой. Но он-то знает до конца не всё! А в споре сплетен побеждает наиболее близкая к правде. От этого и начнём плясать. Итак...

Он помолчал, прикрыв глаза. Карету покачивало на рессорах, но гораздо мягче, чем возок, и Марта едва не заснула по-настоящему, убаюканная. Экипаж развернулся — и прямо в лицо девушке засветило солнце. Капитан с герцогом, не сговариваясь, опустили плотные занавески на окнах. Переглянулись.

— Всё, что вытворялось Анной де Фуа д'Эстре, — начал его светлость, — а именно: любовные похождения, скандальные выходы и прочая и прочая — совершалось не ею, а лже-супугой, специально подставленной герцогу для замарывания его имени, подрыва репутации и очернения в глазах Его Величества. Герцог — в опале! Да, многим хотелось бы дождаться этого светлого часа. Но, на своё счастье, я терпелив и кроток... — Капитан фыркнул. — Да-да, не смейся, тебе ещё приводить в порядок эту ахинею. Не дождавшись того, чтобы я сам подставил голову под топор, придушив однажды во гневе блудную супругу, заговорщики... а наверняка злодейка действовала не одна, а с кем-то... итак, заговорщики решились на крайние меры. Кража, шпионаж, последующие за тем провокации на границе

государств, мир с которыми весьма хлипкок...

— Пока убедительно, — кивнул Винсент. — И даже смахивает на правду. Но ведь проще настоящую супругу убить — и дело с концом, чем держать её непонятно где и неизвестно сколько времени. Она ведь и объявиться может, и самозванку разоблачить. Как вы это объясните?

— Объясню. Её берегли именно для того, чтобы потом, когда главное деяние — кража из дома герцога — будет совершено, обеспечить лже-Анне пути отступления, сбить со следа погоню, выиграть время. Поэтому-то настоящую Анну и томили в заточении где-то неподалёку. Кормили впроголодь, измывались, поили какой-то дрянью, отбивающей память — чтобы не узнала своих мучителей, если случится ей вернуться к мужу и всё рассказать. Отбивающей память, — повторил он, словно пробуя слова на вкус. Почесал бровь. — А знаешь, это выход. Это как раз многое объяснит в её изменившемся поведении.

— Ваша светлость, — капитан поморщился. — Так ведь можно дойти до того, что её втихаря за дурочку начнут считать. Напрямую, конечно, не скажут, но за глаза... Ну, посмотрите на неё, какая это герцогиня? Нет, если приодеть, причесать, драгоценностями обвесить — это сразу многих ослепит. В первый момент. А что будет, когда она заговорит? Вам же по протоколу полагается иногда появляться с супругой; кого вы им представите? Дамы — те вмиг раскусят, что не их поля ягода. С мужчинами она беседу поддержать не сумеет, начнёт смущаться и глаза опускать. Ни танцевать, ни слово умное сказать... Анна ваша, насколько знаю, в пансионе при монастыре обучалась? А до этого жила в замке, где ей никто ни в чём не перечил, оттого и норов отвратный. Ваша светлость, хоть как память затирай, но манеры и привычки не забываются. Они или есть, или их нет.

— Наймём учителей, — буркнул герцог. Покосился на Марту — всё никак не мог понять, спит она или нет? — Она девочка умненькая, старательная; справится.

— Учителей... — Капитан Винсент позволил себе скептически усмехнуться. — Они-то и разоблачат её в первую очередь. Книги, альбомы, записи...

— Винс! — герцог начал терять терпение. — Ты думаешь, они будут проходить с ней университетский курс? Всё, что ей надо — выйти на уровень пансиона, а многому ли там учат? В основном, долбят катехизис и жития святых, обучают ведению домашнего хозяйства и основам этикета! — Он сердито отвернулся. — Что-то не замечал я в Анне большого ума. Хитра — этого не отнимешь, но хитрость была сиюминутная, недалёкая. Знаний у неё мизер, она не болтала, а в основном слушала, а потом всем услышанным делилась с новым собеседником; вот и весь ум. Каких изысков ты хочешь от этой девочки?

— Я хочу? Я хотел бы, чтобы вы оставили её в покое, ваша светлость, — неожиданно устало сказал капитал. — Иногда рядом с вами бывает опасно. Но ведь от моего желания ничего не зависит, не так ли? Что, если найдутся те, кто знал вашу супругу до этой мифической подмены? И тогда именно её, — кивнул он на Марту, — обвинят в самозванстве! Вы не хуже меня знаете, что если простолудин выдаёт себя за дворянина, его казнят. Какую участь вы ей готовите, ваша светлость?

— Участь, — пробормотал герцог, прикрывая глаза. — Перестань пороть чепуху, Винсент. Я просто переделаю ей судьбу. Что ждёт её дома? Между прочим, ты знаешь, что она — до сих пор невинна?

Щёки капитана внезапно вспыхивают

— Так вы не...

— Представь себе, не воспользовался. И не потому, что не было времени... Вот и

подумай: если такую красотку до сих пор не прибрали к рукам — приберут в ближайшее время. Иных вариантов нет, если только она не сожжёт себе лицо, дабы стать уродиной, но на подобное мало кто решается. Я же дам ей всё. Мир. Покой. Счастье... надеюсь.

— Ей — или себе?

Мужчины посмотрели друг другу в глаза.

— Иди на моё место, Винсент. А мне, пожалуй, лучше всё-таки в капитаны.

— Вакансия занята, ваша светлость, — отрезал синеглазый. Помолчав, добавил: — Она хоть грамотна, эта ваша... наша новая герцогиня? Или крестиком подписывается?

И тут Марте стало обидно. Хмель, как накатил внезапно, так быстро и выветрился, и, ежели начало беседы она слышала как через вату, то окончание разобрала достаточно хорошо.

— Я умею читать, — сердито пробормотала она, открыв глаза. И поспешила сесть, потому что невозможным показалось оставаться на диванных подушках, когда на тебя с величайшим изумлением смотрят двое мужчин. Торопливо пригладила рукой выбившиеся из косы волосы. — И пишу немного. И... четыре действия арифметики знаю, а ещё — дроби. Так что зря это вы, господин Вин... господин капитан. Не такая уж я и дурочка.

— Всё слышала? — вкрадчиво поинтересовался герцог. — Тем лучше, не нужно пересказывать. А скажи мне, Марта, откуда в вашей богом забытой деревушке нашлись умники, что тебя грамоте научили? Нет, я не к тому, что это плохо, но тебе-то — зачем? Для чего? Снопы вязать? Корову доить?

— Матушка говорила — нельзя быть невежей, — сдержанно ответила Марта. Впервые за время ночного бдения она рассердилась на герцога. Так, не слишком сильно, но всё же... — Как могла, меня всему учила. После неё дядя Жан учил, он у нас даже в гильдии состоял, потом домой вернулся...

Был ещё одна причина, по которой Марта в своё время до мельтешения в глазах твердила буквы и цифры. Но о ней никому знать не положено. Даже их светлости.

— Я же говорил, — герцог с удовольствием оглядел Марту с головы до ног, будто впервые видел. — Она умница. Справится. Надо только продумать детали. А теперь помолчи немного, милая, посмотри в окошко, — он предупредительно отодвинул шторы, — там интересно, а мы с капитаном должны кое о чём договорить.

Марта отвернулась к окну. Вот как он умудрился — и похвалить, и на место поставить? А ведь она только из-за него на всё это согласилась... Хотя снаружи и впрямь было интересно. Двухэтажные дома показались ей, деревенщине, невероятно большими, а когда пошли строения в три этажа — показалось, что за ними не видно неба. А людей-то здесь, людей! На одной такой улочке, поди, больше, чем во всей их деревне, наберётся. Одеты по-господски... нет, не совсем, проще, удобнее, наверное, всё больше из простых людей. Дядя Жан часто говорил о городе, и Марта из своего запечного уголка прислушивалась к его тихим рассказам, которые он затевал ребятишкам на ночь вместо сказок. Тогда город Эстре казался ей действительно сказочным, волшебным, она и представить не могла, что однажды увидит его собственными глазами. Но вот увидела — и с восторгом узнала и обширную проплешь на схождении улиц — площадь, и ратушу, и собор с мощами... а вот какого святого собор — запаматовала. Перед этим сказочным завораживающим зрелищем даже отступило прошлое.

Герцог не мог оторваться от созерцания девичьего профиля. Ещё немного — и она расплющит носик о стекло, так засмотрелась, и как восторженно блестят у неё глазёнки!

Телом — взрослая девушка, а разумом совсем дитя. Оно и к лучшему. Будет впитывать новое, как губка. Приспособится. Да и он рядом, поможет... Губы отчего-то пересохли.

— Продолжим. — Он, наконец, отвёл глаза. — Достроим костяк, на который нарастим остальное.

— Время, ваша светлость.

— Не понял?

— Мы должны выбрать тот момент, когда вашу супругу могли подменить — бесшумно, незаметно, так, чтобы и комар носу не подточил.

— Есть такое время, — герцог кивнул. — Больше года назад мне пришлось отъехать на встречу с бриттами. Переговоры намечались долгие, Анна уже бесилась в замке от скуки, да и отношения наши были не из лёгких. Решил вывести её в Эстре, думал — отвлечётся, повернется в свете, займётся, как моя супруга, благотворительностью над какими-нибудь богоугодными заведениями... Думал, ей просто нечего делать, а здесь будет занята — и... может, что у нас и наладилось бы. Но мне пришлось выехать первым, из Фуа она отъехала без меня. Да, конечно, с отрядом сопровождения, с целым штатом горничных, она была у всех на глазах, но кто же знал... — голос герцога дрогнул, Марта, насторожилась. — Кто мог предполагать, что во время ночёвки на одном из постоянных дворов мою голубку похитят? — От изумления Марта даже приоткрыла рот. — Заговорщики точно рассчитали: они знали, что госпожа Анна терпеть не может присутствия горничных, когда нежится в ванне; она и в дороге не изменила своим привычкам. Пока девушки готовили госпоже постель в соседней комнате, злоумышленники похитили мою супругу, и из ванной вышла уже не Анна, а женщина, похожая на неё как две капли воды, даже родинка на правой ягодице была нарисована точь в точь такая же... — Герцог грустно умолк. — Вот потому-то после приезда в городской дом она так разительно переменилась. Я был занят на переговорах. Я винил себя — в недостаточном внимании, в недостаточном сочувствии к супруге после очередной потери ребёнка, но... как я был слеп! Жалость и доброта не позволили мне разглядеть змею, пригревшуюся на груди.

Медленно и с каменным лицом капитан трижды хлопнул в ладоши, как зритель балаганчика, выражающий восхищение странствующим актёрам.

— Браво, ваша светлость. Вы почти не переигрываете.

— Чёрт, — герцог потёр лоб. — Ерунда какая-то получается. Но суть изложена, её мы и запустим в толпу, а уж она додумает такие детали, на которые у нас с тобой, друг мой, и воображения не хватит. Да, импровизация с Мартой была чистой воды авантюра, но не мог я тогда позволить Анне уйти, не как супруг — ибо я брезглив и чужие объедки мне ни к чему, а как герцог. Как правитель. Она — преступница, Винс. — На лбу его светлости обозначилась тонкая морщинка. — Ты ведь помнишь Анжи? Как нас встречали жители, какой праздник устроили в честь освобождения от нечисти, как благодарили за защиту и барьер! Они думали, что теперь им можно не бояться ни за себя, ни за своих детей. Они жили, работали, платили налоги, влюблялись, рожали — мои люди, мои подданные, мои будущие солдаты, крестьяне, мастеровые. А их — на колья... И долго те, кто остался жив, будут проклинать меня за то, что просмотрел измену в собственном доме. А дел-то было — не спустить ей в самый первый раз, когда она связалась с этим бретёром... — Герцог невольно потрогал шрам над губой. — Выпороть, посадить на хлеб и воду, запереть в монастыре — и все были бы живы. Все. А сейчас... она сама себя привела к такому концу. Не будем больше об этом. Анна?

Последнее слово прозвучало неожиданно. Марта вздрогнула, лишь по взгляду герцога поняв, что обратились именно к ней.

— Да, ваша светлость?

— Умница. Привыкай. Только с этой «светлостью» надо что-то делать, ненормально, когда супруги друг друга по титулам называют... Жильберт. Жиль. Поняла?

У Марты вдруг выступили слёзы на глазах.

— Не могу. Простите, ваша светлость...

Капитан хлопнул герцога по коленке.

— Не торопите девочку. Сейчас она ведёт себя так, как нам и нужно. Представьте, как это выглядит со стороны: её только что освободили, до этого она провела в заточении год, запуганная, всеми забытая, потеряв надежду на помощь. Да ещё и одурманенная, оттого вас почти не помнит. Она сейчас ото всех будет шарахаться. Ей нужно осмотреться, успокоиться, понять, наконец, что она в безопасности. Дайте ей привыкнуть.

Это... Марта захлопала ресницами. Это он про неё, что ли? Вернее, про ту «настоящую» Анну, которой ей придётся стать?

И только сейчас осознала, насколько увязла.

Она закрыла лицо руками.

— Я не смогу, — сказала в отчаянии. — Не смогу, не смогу... Я простая деревенская дурочка, я ничего не умею, я подведу вас, ваша светлость. Лучше отправьте меня домой. — Торопливо стянула обручальное кольцо и протянула герцогу. — Вот. Мне ничего не нужно, только отпустите меня. Пожалуйста, — добавила шёпотом.

И приготовилась к великому гневу.

Её рука с протянутым кольцом повисла в воздухе.

Герцог осторожно взялся за ободок.

— Глупенькая маленькая девочка, — сказал печально. — Куда — домой? Ты не понимаешь, что это опасно? До тех пор, пока тебя видели только те, кто арестовывал — можно было объявить об ошибке, что я и собирался сделать. И тогда прекрасно сработал бы мой первый план. Но обстоятельства изменились — и я был вынужден... Прости. Это мои амбиции, моя месть подонку Гордону. Девочка, я в большом долгу перед тобой, а в роду д'Эстре принято рассчитываться по долгам. Никуда я тебя не отпущу — ради твоей же собственной безопасности. Для многих ты станешь слишком лакомой добычей, а вот в моём доме тебе ничего не угрожает.

Он водворил кольцо на место.

— Этим кольцом, Марта...

В изумлении она подняла глаза.

— Вот тебе моя клятва сеньора... Этим кольцом я запечатываю своё обещание — быть тебе всегда защитой и опорой. Заботиться о тебе и оберегать. Кто бы ты ни была по происхождению — волей случая ты теперь носишь моё имя, и я обещаю относиться к тебе с должным уважением и покарать каждого, кто этого уважения не проявит. Ничего не бойся. Я — рядом.

Марта в растерянности опустила руки. Посмотрела на сияющую звезду на пальце. Такие-то слова при обручении говорят, а не... Щёки обдало жаром. Нет. Нет, простушка Марта, это не то, о чём ты думаешь. Ты просто ему нужна.

Негромко кашлянул Винсент.

— Приехали, ваши светлости. Я вам ещё нужен?

— Да, Винс. Нам предстоит нелёгкая встреча с целым штатом прислуги, которой пришлось натерпеться от моей благодетельницы. Представь себе этот враждебный лагерь... Впрочем, нам достаточно обезвредить и настроить на нужный лад всего двоих, они довершат остальное. Я беру на себя Франсуа, тебе поручаю матушку.

Капитан совершенно простецки почесал за ухом.

— Мхм... лучше бы наоборот. Впрочем, как скажете.

— Дорогая, — герцог тронул Марту за руку, и девушка отмерла. Кинула на него затравленный взгляд. — Урок первый, — его светлость будто и не замечал её состояния. — Из кареты сперва выходит кавалер; если их несколько...

Марта обратилась в слух. Ох, только бы не опозориться на самом первом испытании!

— ... вначале выходит тот, кто менее титулован, либо, если титулы равны — младший, либо — при всех прочих равных условиях — тот, кто ближе к двери. Далее — по ранжиру... по возрастанию важности, — улыбнувшись, пояснил герцог, а девушка повторила про себя мудрёное слово: «по ранжиру». Надо запоминать всё незнакомое. — Потом идёт дама, которой кавалер непременно должен помочь спуститься, предложив руку. Руку не подали — жди с надменным лицом, пусть побегают. При усаживании в карету порядок обратный. Не забывай подбирать юбки, только не слишком высоко, это не совсем прилично — показывать всем свои ножки до колен. Ничего, со временем привыкнешь. Итак... Анна?

— Да, ваша светлость.

Герцог страдальчески заломил брови.

— Если трудно называть меня по имени — постарайся обойтись хотя бы без «светлости». Хорошо?

Марта кивнула.

Винсент уже поджидал их снаружи. Герцог, выходя, обернулся.

— Не вставай в полный рост, расшибёшь макушку. Это в моей карете свод высокий, у коменданта ниже. Всё, милая, пора. Да не дрожи так, не на казнь веду... — Поняв, что шутка неуместна, добавил заботливо: — Может, рому? Там пять капель у капитана во фляге осталось, но тебе и того хватит.

Марта хотела обидеться, но вдруг поняла, что герцог шутит. Слабо улыбнулась.

— Что вы, ваша светлость. Да если мне все свои страхи вином заливать — этак и спиться недолго, я ж трусиха.

И, глубоко вздохнув для храбрости, поднялась, чтобы сделать второй шаг к новой жизни. Первый был там, в тюремном дворе, залитом утренним солнцем, когда на глазах у всех сиятельный принц — нет, герцог попросил о помощи златовласку Золушку в пышном атласном платье и грубых деревянных башмаках.

Глава 3

Марта настолько разволновалась, что поначалу даже не глянула — куда это они приехали? Она боялась оказаться слишком неуклюжей, зацепиться юбкой за ручку дверцы, стукнуться головой о свод... Оказывается, это целая наука — выйти из кареты правильно. Поэтому всё, что она видела — надёжную руку герцога и его глаза, не суровые и требовательные, как тогда, на тюремном дворе, а таящие добрую усмешку. Он не только поддержал «жёнушку», но и совершил невообразимое: вдруг ловко прихватил её за талию и, сняв со ступеньки, бережно поставил на землю. Девушка только пискнула. Его светлость улыбнулся и, продолжая одной рукой обнимать хрупкий стан, другой повёл гостеприимно вокруг.

— Добро пожаловать домой...

И добавил тихо:

— ...Марта. Прости, милая, но я не смогу называть тебя этим именем слишком часто.

— Хорошо, ваша св... м-м...

— Жильберт, — шепнул он ей на ухо, и его дыхание щекотало Марте кожу. — Повторяй хотя бы мысленно — Жиль-берт. Хорошо?

Она кивнула. Господи Боже, а обязательно идти у всех на виду вот так-то, обнявшись? У них в Саре подобных нежностей не водилось, но, может, здесь так принято? Марта, наконец, осмелилась поднять взгляд от дорожки, вымощенной белыми плитами, от носков сапог его светлости, глянула перед собой — и обомлела. Назвать обитель сиятельного герцога скромным городским домом не повернулся бы язык. Да хоть бы и не совсем скромным... В полном ошеломлении она уставилась на белоснежный замок, что, как лебедь, раскинул два больших крыла, утопающих в зелени. Густая бархатистая листва каштановых крон была щедро окроплена золотыми брызгами приближающейся осени, подножья башен в торце каждого крыла скрывались под сплошным ковром плетистых роз. Громадные окна сверкали цельными стёклами — редкостью небывалой, с высокого крыльца прямо под ноги прибывшим сбегала, обтекая ступени мраморной лестницы, бесконечная ковровая дорожка, на которую и ступить-то было страшно. Однако его светлость шагнул, не дрогнув, да ещё и Марту потащил. Что ж, видно, так и надо. Да, не забыть подобрать юбки, и не слишком высоко... Невольно Марта вновь потупилась, следя за тем, чтобы не навернуться, а когда подняла голову — они уже стояли перед высокими, почти как в соборе на площади, дверьми. Однако церковные ворота были тяжёлые даже с виду; здешние, застеклённые до половины, великан, разодетый не хуже бриттского посла распахнул с лёгкостью И замер в поклоне, пропуская прибывших.

— Здравствуй, Андреа, — кивнул на ходу герцог. — Франсуа ко мне и матушку Аглаю, быстро.

И повлёк Марту за собой, а та успела заметить, что дюжий молодец кинулся в огороженный закуток неподалёку от входа и изо всех сил задёргал два витых шнура, вделанных, как поначалу показалось, прямо в стену. Большого Марте не удалось разглядеть, потому что герцог увёл её дальше — через весь необъятный холл, по мозаичному полу, по

очередной ковровой дорожке, наверх, по широкой лестнице с широкими белыми перилами, с белыми фигурными столбиками-балясинами, с мраморными голыми ребятишками и мраморными вазами с мраморным виноградом... Капитан не отставал, и по его виду можно было подумать, что всё ему здесь знакомо и привычно.

Во втором холле — уже меньшем, но зато сплошь в зеркалах, они остановились. Девушка так и замерла в восхищении.

— Нравится? — с гордостью спросил герцог. Она только кивнула, жалея, что не хватает нужных слов. Ах, чего этой Анне не сиделось на месте? Да Марта в простые служанки пошла бы, в прачки, в посудомойки, лишь бы каждый день видеть этакую красоту. Ей теперь казался убожеством грозный замок барона де Бирса, потрескавшийся от времени, неухоженный, со рвом загнивающей воды, со сломанным подъёмным мостом, с осыпающей черепицей. А здесь... Неужели в этом белом великолепии ещё и живут?

— Там гостиная и столовая, — его светлость махнул на широкие двустворчатые двери, щедро отделанные резьбой и позолотой. — Туда ты ещё успеешь заглянуть, и не раз, а сейчас нам нужно тебя официально представить.

Офиц... что?

Из двери слева, не менее парадной, чем центральная, появились запыхавшиеся мужчина и женщина. Он — седовласый, величавый господин, в богатом камзоле, отделанном серебром, в туфлях с пряжками... И женщина, пожалуй, чуть помоложе, одетая хоть и не по-господски, но и не просто: в платье с бархатным лифом и белоснежным воротничком, в нарядном чепчике, отделанном кружевом; полная, статная, несмотря на возраст, красивая. И кого-то неуловимо напоминающая. Оба уставились на Марту так, будто увидели привидение.

— Ну вот, милая, — сказал герцог ей ласково, — это и есть твой дом. Н а ш дом, ты поняла?

И Марте страстно захотелось, чтобы эти слова были для неё, а не для бывшей блудной Анны.

Его светлость повернулся к новым действующим лицам.

— Рад, что вы не заставили себя долго ждать, друзья мои. Догадываюсь, что вы надеялись увидеть меня здесь одного, но...

Его светлость расправил внушительные и без того плечи и добавил в голос повелительные обертона.

— Та женщина, которую я терпел в своём доме только из-за того, что она называлась моей супругой, на самом деле оказалась подменой, — сообщил он. — Мою жену, — обнял Марту за плечи, — похитили ещё год назад, подставив вместо неё двойника, лицом настолько похожего, что я не заметил разницы. Сейчас, когда обман раскрылся, самозванку ждёт заслуженное наказание. Настоящая Анна, моя истинная супруга вот она, перед вами, и... я рад, что всё обернулось именно так. — Он порывисто вздохнул, словно от волнения. — Мэтр Франсуа!

Мужественный старик, отмерев, выступил вперёд. Сдержанно поклонился. Печать недоверия и скорби на его лице не поддавалась описанию.

— Препоручаю вам мою законную супругу, чудом найденную лишь недавно. И поставьте в известность всех в этом доме: она никоим образом не отвечает за поступки женщины, гнусную сущность которой даже я не смог разгадать. Вы поняли? И прошу вас об особом внимании...

Прервавшись, он погладил Марту по голове, как ребёнка.

— Её держали в плену, в кошмарных условиях, у бедняжки из-за этого нелады с памятью. Она забыла многое из своей прошлой жизни и может на первых порах делать что-то не так; нам всем нужно помочь ей стать преж... нет, просто обычной доброй Анной. Предупреждаю...

На последнем слове он слегка рыкнул. Марта испуганно покосилась на него снизу вверх.

— Если услышу хоть слово жалобы от моей супруги, увижу хоть тень недовольства на её личике; если кто-то из прислуги позволит себе малейший намёк на её прошлое, которое на самом деле не её, и на нынешнее состояние — пощады не ждите. Не прощу никому.

Посмотрел на вытянувшиеся лица и несколько смягчился.

— Дорогая, — сказал ласково Марте, — позволь тебе представить: Франсуа Гийом, мой дворецкий, мои здешние голова и руки, а также сбережённые нервы и неразлитая желчь. Матушка Аглая... Не удивляйся, она была когда-то моей кормилицей, а потому я не стыжусь так её называть. Моя домоправительница, хранитель очага, уюта, порядка, к тому же держит под особым присмотром женскую половину прислуги. Если тебе чем-то не понравится камеристка или горничная — сообщай ей напрямую, меня не дожидайся, я бываю дома лишь к вечеру. — Умолк, обвел взглядом присутствующих, до сих пор застывших соляными столпами. — Всем всё ясно?

Молчание грозило затянуться. Герцог уже нетерпеливо приподнял бровь, когда женщина, словно очнувшись ото сна, присела в книксене.

— Ясно, ваша светлость; всего-навсего отправились за одной супругой, привезли другую. — Голос у неё был низкий, приятный. Но взгляд, коим она окинула Марту с головы до ног, оставался суровым. — Где соизволите разместить... — заминка была совсем крохотной, — ... госпожу Анну?

— То есть — как это где? — сердито сказал герцог. — В её...

И осёкся. После побега в покоях супруги был устроен самый настоящий обыск. Вплоть до вспарывания обивки на мебели, до отвинчивания ножек, до простукивания и взламывания половиц. Надо сказать, трудились мастера сыска не зря: нашли несколько тайничков, в том числе и с черновыми письмами его светлости. Письма-то оказались пустяшные, беглянка не сочла их нужным брать с собой, либо просто забыла. А в гардеробной обнаружили, помимо обычных дамских нарядов, два мужских костюма и верёвочную лестницу. Юная дама совершала по ночам вылазки невесть куда, не ставя при этом в известность дражайшего супруга.

Само собой разумеется, что после обыска, а в особенности после выражения его светлостью сильного неудовольствия тайными пристрастиями сбежавшей — спальня и гостиная преступной герцогини приобрели вид совсем уж непотребный. Пригласить туда чудом обрётённую законную супругу не представлялось никакой возможности.

— ...В моих покоях, — выдохнул он, подумав, что вот сейчас-то Марта и заартачится. — Не ютиться же ей в гостевых комнатах! Матушка, живо подберите её светлости двух девушек, ей нужно привести себя в порядок и как следует отдохнуть. — Заботливо взял Марту под руку. — Пойдём, дорогая, я провожу тебя сам. Ты же здесь не была ни разу.

— Ваша светлость, — окликнул дворецкий, — осмелюсь спросить...

— Да?

— Мы не успеем привести комнаты госпожи в порядок к вечеру, это... невозможно! Вы

сами знаете, в каком они состоянии!

— Дорогой мой, — снисходительно отозвался герцог. — Я когда-нибудь требовал от вас невозможного? И сейчас не прошу. Делайте спокойно своё дело. Не вижу ничего особенного в том, что несколько дней жена проживёт на половине мужа. Не суетитесь с ремонтом, мэтр Франсуа, вы же знаете, как я придирчив.

Старик сдержал вздох облегчения. Ох уж этот хозяин! То громит мебель и не разрешает даже ступить на половину же... жены? Или и впрямь — самозванки? Нет, наше дело маленькое, как его светлость обозначил, так и будем прозывать... То требует всё привести в порядок и в то же время — не торопиться. А ты крутись как уж на сковороде, угадывай...

По кивку герцога лакей распахнул перед ним с Мартой дверь, ведущую в правую половину дома, и торопливо побежал вперёд. Дворецкий на цыпочках подошёл к двери, прислушался, осторожно прикрыл створку и только теперь позволил себе возмутиться.

— Что вы на это скажете, сударыня Аглая? — воззвал он к женщине. — Я не верю ни единому слову! И мы должны верить этим рассказам?

Капитан, про которого все забыли, решительно вмешался, напомнив о своём существовании.

— Т-с-с! — Приложил палец к губам. — Спокойно, мэтр. Уж не намекаете ли вы на то, что наш сиятельный герцог говорит неправду? Закон об оскорблении его светлости всё ещё действует, и кому, как не мне, отслеживать его соблюдение!

Дворецкий сконфуженно умолк. Не то чтобы он опасался капитана — нет, он достаточно его знал; но только что ему намекнули на существенный служебный промах: слова и действия хозяев не обсуждаются. Какой пример он подаёт! Вот матушка Аглая — та молодчина...

Капитан мирно добавил:

— Должно быть, мне показалось. Советую и впредь воздержаться в высказываниях по этому поводу. Помните: никаких разговоров и пересудов, никаких сплетен — ни здесь, ни на кухне, ни в людской. — Посмотрел дворецкому в глаза, как бы закрепляя рекомендацию, и повернулся к женщине. — Пойдёмте, матушка, я вам сейчас всё объясню. Да, мэтр Гийом, учтите: с вами его светлость собирался поговорить особо.

— Винсент!

Женский голос грозно прервал капитана. Дворецкий украдкой перекрестился. Куда только подевались спокойствие и благожелательность матушки Аглаи! Уперев руки в бока, она сверкнула синими глазами.

— Паршивец этакий, отвечай, что здесь происходит? Что вы опять натворили?

— Матушка, ничего такого, чего можно было бы стыдиться. Прошу вас... — Капитан указал глазами на вернувшегося и замершего на посту у дверей лакея. — Не здесь.

— Ах ты... — Домоправительница гневно задышала, взметнула юбками и ринулась к лестнице на третий этаж, где находились комнаты прислуги. Бросила через плечо:

— Марш за мной, негодник, и я заставлю тебя выложить всю правду!

Она даже не оглянулась проверить, спешит ли за ней мужественный капитан рейтаров. Не сомневалась, что спешит, ломая ноги. Дворецкий успел зацепиться и повиснуть на локте военного.

— Господин Винсент! Умоляю! Можно и мне с вами, послушать? Если уж его светлость желает со мной побеседовать особо, я должен знать, что ещё свалится мне на голову! О, мои седины...

— Они в безопасности, клянусь вам. Поспешим, мэтр, ибо моя матушка в подобные минуты представляет большую угрозу, нежели гнев нашей светлости.

— Винс! — донеслось сверху. — Я жду!

Капитан Винсент Модильяни, молочный брат герцога д'Эстре, непревзойдённый фехтовальщик, блестящий офицер, отмеченный наградами Его Величества Генриха, только вздохнул.

— Иду, матушка!

* * *

Марте было неловко так громко стучать башмаками по паркету. Видимо, герцогу это тоже не нравилось, потому что, едва за ними притворилась дверь опочивальни, он споро усадил девушку на низенькую кушетку, опустил на пол и собственноручно разул. Невольно придержал в руках женскую ножку, словно маленького дрожащего зверька. Ступня девушки была чуть меньше его ладони, узкая, изящная, и вид её не портился даже поношенным чулком. Одеть бы её как следует, подумал с внезапной нежностью герцог, обуть, причесать... и запереть, чтобы никто не видел, только он один. Погладил тонкую щиколотку, оценил узость приятной глазу лодыжки... впрочем, дальнейших исследований не затевал. Всё увиденное и услышанное, касаемое Марты, само по себе давало почву для размышлений.

Брезгливо подхватив двумя пальцами грубые сабо, его светлость соизволил отправить их в незажжённый камин. Марта проводила обувь растерянным взглядом.

— А в чём же мне ходить?

— Найдём в чём, не волнуйся. Босой не останешься.

Он оглянулся в некотором раздражении: куда запропастились новые горничные! Впрочем, хорошо, что пока никто не явился, ему нужно будет кое-что объяснить, чтобы впоследствии между ним и Мартой не было недоразумений. Подсел к девушке. Замялся, не зная, как осветить столь деликатный вопрос.

— Послушай, Марта... Не так давно я слегка... разошёлся в комнатах Анны; там сейчас невозможный беспорядок, подождём, пока всё обновят. Тебе какое-то время придётся пожить вместе со мной. Видишь ли, будет подозрительно, если я, столь обрадовавшись возвращённой супруге, поселю её в комнате для гостей. Ты... не возражаешь?

Марта уже привычно изумилась. Всё у него не как у людей. У кого он спрашивает согласия, у простолюдинки?

— Я? Возражаю? Ваша светлость, так ведь супруги и должны спать вместе, как и полагается!

Она даже не подозревала, какую бурю в стакане воды вызвала её простодушная логика. Одна половинка души герцога, более плотоядная, возликовала; другая застыдилась собственной радости.

— Вы что, и впрямь жили отдельно? — поразила вдруг Марта. — А простите, ваша светлость, этак только у вас в доме заведено, из-за того, что не ладили, или вообще у всех господ?

— Э-э... Видишь ли... Скажем так: заведено у людей, достаточно обеспеченных, чтобы содержать большой дом со множеством комнат. Это удобно — иметь собственную спальню и собственную кровать, в которой никто не пихается, не толкает в бок. — Герцог задумался.

Объяснение показалось ему несколько натянутым. — Марта, в высшем обществе несколько... м-м-м... иное отношение к браку. Понимаешь, женятся и выходят замуж за связи, приданое, будущее наследство, ради хорошей партии, наконец. Кому-то нужно пробиться в свет, но нет титула, зато есть большие деньги, за которые можно сосватать дочь обедневшего дворянина, без гроша, но с родословной. В таких условиях редко пылают друг к другу искренними чувствами. Иногда мужу и жене лучше всё-таки жить обособленно... раздельно. Меньше склок.

Она кивнула.

— Ты действительно поняла? — недоверчиво уточнил герцог.

— Можно подумать, только господа по расчёту женятся. У нас ведь то же самое: богатый да невзрачный себе всегда молодую невесту купит, а потом каждый выходной пороть будет, за то, что на молодых поглядывает. — Пока его высочество приходил в себя, изумляясь столь оригинальной трактовке, Марта спросила о наболевшем: — А что, и впрямь, каждому-каждому свой угол? Может, и детишкам тоже?

— Для них выделяется особая комната, детская, — медленно сказал герцог. Он вдруг вспомнил крестьянские избы, в которые ему приходилось заглядывать: теснота, скученность... Какая всё-таки пропасть разделяет их миры! — Или несколько комнат, потому что вместе с малышами живут их няни и кормилицы. Когда подрастают — ребёнку выделяется собственная спальня.

Марте всё не верилось. Она хотела узнать, а для чего нужны кормилицы, но постеснялась. Переспросила только:

— Каждому?

— Иногда одна общая для мальчиков, одна для девочек. В зависимости от достатка родителей. У меня, например...

«У нас, например, будет...», — вдруг захотелось ему сказать. У нас будет прелестная детская, полная света, игрушек, цветов, книжек, зайдя в которую, можно будет оглохнуть от радостного ребячьего вопля. Чтобы было не меньше трёх... нет, четырёх... неважно, мальчиков или девочек, лишь бы были. Даже если родятся одни дочери — он уговорит Его Величество Генриха пересмотреть закон, дабы возможно было наследовать первенцу, независимо от пола. Он...

Лёгкий дробный топот за дверью прервал его грандиозные замыслы. Две перепуганные горничные протиснулись в полуоткрытую дверь. Герцога всегда раздражала эта манера прислуги — входить боком, через еле видимую глазом щёлочку. С досадой он сделал девушкам знак подойти.

Встал. Бросил коротко:

— Ванну госпоже. Приготовьте постель — она отдохнёт с дороги. Завтрак. И далее не беспокоить, пока не позовёт.

Поспешно присев в книксене, девушки прыснули в стороны. Одна скрылась за дверью, ведущей в ванную комнату, другая резво принялась взбивать подушки и перестилать простыни на... Марта проморгалась. Это вот на этой кровати, что ли, герцогу тесно спать с кем-то вдвоём? Да там десятерых уложить можно! Но всё-таки герцог, не замухрышка какой-нибудь... Украдкой покосилась на тахту. Ничего, она, Марта, маленькая, ей места совсем немного нужно, она как-нибудь и здесь поспит. Дождётся, когда все уйдут — чтобы не судачили о её странностях — и перейдёт...

— Иди-ка сюда, — герцог поднялся, потянув её за собой. — Кое-что объясню. Вот

смотри — шнурок над кроватью в изголовье, дёргаешь — и к тебе приходит кто-нибудь из этих милых девушек. Проси всё, что тебе заблагорассудится, делай, что пожелаешь, а если в чём-то сомневаешься или хочешь узнать — спрашивай, не стесняйся, тут везде полно людей. Ты, — он выделил это слово, — ты, Анна, здесь госпожа. И пусть только кто посмеет...

Горничная за его спиной побелела, прижав к груди подушку.

— Не надо, ваша светлость, — Марта робко тронула его за рукав. — Если все здесь так же добры, как и вы... Всё будет хорошо.

У герцога дёрнулась щека.

«Так же добры, как и вы...»

Вошла, наконец, и матушка Аглая, запыхавшаяся, раскрасневшаяся и заметно умягчённая. Уж это-то не стеснялась открыть дверь нараспашку, и недаром: была она тут некоронованной королевой собственного государства — со своими подданными, маленьким войском, дознавателями... и даже, порой, палачами. Нет — эскуперами, потому как до смертоубийства, конечно, не доходило, Боже упаси, но спуску нерадивым и болтливым здесь не давали.

— Ваши светлости? — вопросительно наклонила голову. — Вас устроят эти девушки?

— Они не прислуживали... той? — герцог был в явном затруднении с определением, но Аглая понятливо кивнула.

— Близко не подходили. Вы же знаете, она терпеть не могла рядом с собой хороших.

И посмотрела украдкой на Марту. Та лишь сделала большие глаза, не понимая намёков.

— Отлично. — Герцог не заметил переглядываний. — Вот что, матушка Аглая, мне пора ехать. Оставляю Анну на вашем попечении, и надеюсь... — выразительно приподнял бровь.

— У неё не будет повода жаловаться, ваша светлость, будьте уверены. — Взгляд домоправительницы ещё раз прошёлся по чересчур истончённой фигурке в белом атласном платье, изрядно помятом и потерявшим былую пышность; отметил и сабо, сиротливо осевшие в каминной золе. — Раз уж вы распорядились насчёт ремонта, может, заодно снимете печати с комнат ваш... той женщины, что считалась вашей супругой? Мы бы подобрали госпоже что-нибудь из гардероба.

— Н-нет, — процедил герцог и вдруг побледнел, как всегда было в последнее время при упоминании об Анне. — Моя жена не будет в этом ходить. Ни лоскута, ни пуговицы от той обманщицы не должно её коснуться. Вы поняли? Всё сжечь.

— Конечно, ваша светлость, — помедлив самую малость, отозвалась домоправительница. — Как скажете.

— Никаких упоминаний. Никаких сравнений, сожалений и тому подобного, как это бывает у вас, женщин, слышите?

— Конечно, ваша светлость.

Герцог вдруг улыбнулся.

— Спасибо, матушка. Я всегда знал, что на вас можно положиться.

И, несмотря на то, что в душе у Аглаи творилось чёрт знает что, она улыбнулась в ответ своему молочному сыну.

— На кого же ещё, ваша светлость... Разве что на моего оболтуса да того старого франта, что каждый день так трясётся над своими сединой? Езжайте спокойно по своим делам, ничего тут с вашей душечкой не случится.

Герцог от души чмокнул Аглаю в румяную крепкую щёку и получил незаметный, но чувствительный тычок в грудь. И это он ещё дёшево отделался; бедняге Винсенту наверняка досталось, как всегда, за двоих.

«Марта!» — едва не позвал он, но вовремя спохватился. Демоны... Не хочется даже называть её этим именем, но приходится. Нежно обнял затрепетавшую девушку.

— Анна, я уезжаю. Постарайся не скучать без меня. Жди к вечеру.

Она вспомнила, куда и зачем необходимо ему вернуться, и побледнела.

— Будьте милосердны, ваша светлость, — шепнула. Не потому, что жалко ей было ту, другую — вот уж чего не хватало! — а не хотелось, чтобы запятнал он себя излишней жестокостью.

— Я буду творить суд, Анна. Не проси о том, кого не знаешь.

— Тогда судите праведно, Жиль... Жиль-берт.

Сердце герцога удвоило удары.

— Обещаю, дорогая.

Отстранившись, он попрощался с Мартой взглядом. Показалось, что поцелуй он её, даже невинно, в щёку, как Аглаю — и осыплется тот мостик, который она сама — сама! — попыталась сейчас построить между ними. «Жиль-берт!» — звучало в ушах. Его имя отчего-то давалось ей с трудом; да уж, рабскую сущность трудно из себя выцедить, придётся капля по капле... Впрочем, рабского в ней нет, одёрнул себя герцог.

Он шёл по широкому коридору крыла, не замечая ни кланяющихся лакеев, ни того, как обернулись несколько человек, столпившихся перед комнатой бывшей супруги... впрочем, последних отметил боковым зрением и замедлил шаг. Машинально провёл камнем обручального кольца по заговорённой печати на косяке. Та исчезла.

В ней ещё остаётся вбитая с младенчества привычка почитать тех, кто выше — по происхождению, по достатку... господ, одним словом, продолжал он мысленно. И ничего с этим не поделать, таков порядок вещей. Каждому своё, и неизвестно, кому хуже: им — бесправным, но имеющим единственную заботу о хлебе насущном, или ему, сиятельному, изо дня в день разгребающему дерь... Почему-то даже мысленно он не смог выразиться крепко. Ему вспомнились несколько словечек, сказанных в запале при Марте — и стало невероятно стыдно. Никогда больше, хотя бы при ней... никогда.

— Ваша светлость! — его догнал задыхающийся дворецкий. Герцог сдержал шаг. Что ж, удачный момент отыграть ещё одну сцену.

— Вот что, метр Франсуа... — Силком усадил старика в ближайшее кресло, коих на случай наплыва гостей было расставлено вдоль стены широкого коридора преизрядно. — Да вы отдохните, не в вашем-то возрасте прыгать, как зайцу...

Подтащил кресло и для себя и уселся рядом. Продолжил, понизив голос:

— Я хотел бы поговорить с вами об Анне — теперешней Анне, которую вчера привезли из-за забытой богом приграничной деревушки, приняв за ту, что ловко навела на её след. Франсуа, — он намеренно опустил обращение «мэтр», справедливо полагая, что в данном случае это лишь подчеркнёт доверие. — Я знаю, каково всем вам пришлось в последний год и благодарю за терпение и выдержку. Но прошу: не позволяйте прошлым обидам излиться на мою настоящую жену. Тем более что сейчас она...

Герцог намеренно затянул паузу. Мэтр, точно знающий, когда нужно вставить словечко, осторожно уточнил:

— Её светлость немного... не в себе?

— Не то чтобы немного, очень даже не в себе, друг мой. Похоже, поработал хороший менталист, может, и не один, девочке упорно внушали, что она не герцогиня в браке и не баронесса в девичестве, а простая деревенская глупышка. И вбивали это знание не только внушением. — Он горько усмехнулся. Надо же как-то оправдать следы от розог на теле чудом спасенной супруги. Господь простит напраслину, это для её же блага. — Думаю, что со временем она поправится, всё, что от нас нужно — это терпение и такт, такт и терпение. Остались ли они у вас после общения с прежней Анной?

— Ваша светлость! — на глазах пожилого дворецкого выступили слёзы.

— Вижу, что остались. Надеюсь на вас, друг мой. И помните, о чём я вас предупреждал.

— Ни единого лишнего слова, ваша светлость. Лично рты позашиваю, если что дурное услышу. Конечно, — замялся преданный слуга, — трудно будет... после всего, что госпожа вытворяла...

— Мягче, мягче с людьми, Франсуа. Думаю, суровые меры не понадобятся: совсем скоро все увидят разницу между прежней госпожой и этой. Прощайте, старина. — Герцог поднялся, дружески потрепал мэтра по плечу. — До вечера.

— Да благословит вас Бог, ваша светлость... — пробормотал управляющий. — Никто из тех, кто осуждает вас за глаза, не знает вашей истиной доброты.

— Да вы что, сговорились? — герцог так растерялся, что едва не вышел из тщательно продуманного образа. Спohватившись, отвернулся в показном смущении. Надо уходить, пока кто-нибудь ещё не заикнулся о его доброте.

Но вдруг кое-что вспомнил.

— Вот что, — сказал замедленно. — Теперь о другом. Ты, конечно, покажешь ей дом, осветишь здешние порядки, расскажешь, куда можно ходить, а куда... не рекомендуется. И госпожа Анна, естественно, будет задавать вопросы, она ведь любопытна, как все женщины. Ничему не удивляйся, помни, что не она здесь жила всё это время. Ничего не замалчивай, кроме одного: если даже случайно речь зайдёт обо мне — не говори, кто я такой. Понял?

Мэтр посерьёзnel.

— Да, ваша светлость. Неужели вы так и не открылись?

— Я собирался, когда год назад выезжал из Фуа. Хотел поговорить здесь, в Гайярде. Но сюда приехала вздорная женщина с резко испортившимся характером, она уже не внушала доверия. А этой — я сам скажу, когда придёт время.

— Всё понял. Ни слова. Ни полслова. Ни намёка. Будьте уверены.

* * *

Откинувшись на спинку дивана, его светлость уставился невидящим взором в окно кареты.

«Будь милосерден...»

Хвала тебе, девочка. Но ты своим чистым умишком ещё не понимаешь, что миру нужны не только святые, но и золотари.

— Винс, — Герцог, наконец, перевёл взгляд на капитана. — Как тебе удалось отделаться столь малым? Я думал, тебя ждёт выволочка за двоих, однако матушка освободилась достаточно быстро, а ты, погляжу, всё ещё жив. Чем ты её обезоружил?

Синеглазый усмехнулся краешком рта.

— Я и не пытался. Изложил кратко всё, что мы обговаривали, и, не давая опомниться,

посоветовал — нет, крайне настоял — ближайшие три-четыре дня не давать новой герцогине слишком много еды. Кормить понемногу, но чаще, и желательно — самой простой пищей. Похоже, что девочка хронически голодала... Когда матушка это осознала — поверь, это был самый убедительный довод.

Капитан умолк. В глазах его стоял невысказанный упрёк.

Демоны, дьяволы и все вместе взятые... Герцог даже зажмурился. Как он об этом не подумал? Видел же трогательно торчащие — нездорово торчащие — лопатки, выпирающие позвонки, острые ключицы... У неё даже кольцо на пальце болталось, а не сидело прочно. Уже тогда можно было понять, что малышка недоедала. А если бы ей принесли на завтрак то же, что и Анне? Та по деревенской привычке поднималась с рассветом, выезжала верхом часа на два-три, после чего, нагуляв аппетит, сметала со стола всё — и омлеты с грудинкой и грибами, и жареные колбаски, истекающие жиром, и цыплят в остро-сладком соусе и... Страшно представить, что всё это сейчас упало бы на непривычный к изобилию желудок.

— Спасибо, что позаботился, Винс. Я как-то не подумал.

— Просто я чаще бываю в деревнях, Жиль.

Лишь один на один, как сейчас, капитан позволял себе обращаться к молочному брату просто по имени. Годы, когда они вместе росли, учились, совершали набеги — сперва на местные сады, а затем и на местных дев — давно миновали. Братство осталось, но было глубоко захоронено от посторонних, дабы не давать никому лишнего повода усомниться в боевых заслугах одного и непредвзятости другого.

Его светлость немного помолчал, скользнув взглядом по проплывающим мимо знакомым улочкам. Всё как всегда. Печётся хлеб, открываются и закрываются двери лавочек, шумит неподалёку рынок. На площади пустует помост. Давно пустует. И сегодня... он не будет занят. Нынешнее разбирательство не для толпы.

— Винс, может статься, после того, что скоро произойдёт, я долго буду не в себе. Ты понимаешь, да? Уйду от всех, просто чтобы не натворить беды. А потому — хотел бы заранее дать тебе поручение.

— Только не говори, что тебе больше не на кого надеяться, знаю я твои подходы. — Синеглазый прищурился. — Нужно куда-то наведаться?

Герцог шумно вздохнул.

— Сдаётся, ты и без меня надумал съездить в Сар. Так?

— Угадал.

— Узнай всю подноготную нашей девочки, а главное — происхождение, поскольку кажется мне, что с ней всё не так просто. Ты обратил внимание, какая у неё почти правильная речь? Никаких «чё», «тово-этово»... говорит немного простенько, но при общении с развитыми людьми очень быстро их догонит. Опять-таки, обучали её — и грамоте, и счёту... Это всё из семьи, Винсент. В простой деревенской избе, где разговоры лишь о том, как вздорожал хлеб и будет ли завтра война, и пора ли сеять репу — самородки не рождаются. Они растут там, где им есть от чего набираться ума.

Капитан одобрительно кивнул.

— Согласен. Если не отец, то дед был каким-нибудь мелким дворянином, судьбой или войной занесённым в глухомань. Не думаю, что пра- или прапрадед или ещё старее, за такое время семья бы уже деградировала. В этой же, видимо, ещё помнили о лучших временах и пытались сохранить остатки былого достоинства хотя бы. — Винсент отметил краем глаза, что карета минует квартал, изобилующий коваными вывесками со знаками цехов, и кое-что

вспомнил. — Помнишь, она проговорила, что её дядя был в какой-то гильдии?

— Точно. И ушёл оттуда. Выведай, где он был, из-за чего вышел. Могли выгнать за неуплату взносов, и за неуживчивый характер: отголоски бывшей дворянской чести, если она есть, долго остаются в крови. Да хоть бы это и мои фантазии — разузнать не помешает.

— Я столько поездил по твоим поручениям, что убеждался неоднократно: жизнь оказывается куда удивительнее фантазий. А если всё гораздо проще? — Капитан скептически заломил бровь. — Если у них с Анной просто-напросто один отец?

— Исключено. Анна родилась через полгода после отъезда своего батюшки на войну, где тот благополучно сложил голову. Марта моложе на два года, откуда бы...

Винсент насмешливо фыркнул.

— И что? Представь, что твоя бывшая унаследовала свои худшие привычки от матери. Как ты думаешь, что помешает знатной даме с бурным темпераментом родить от любовника, будучи замужем? Вот тебе пример: наш славный покойный король Филипп весьма любил порезвиться на природе и не скрывал этого. Причём награждал своим вниманием не только жён и дочерей баронов, у которых располагался, но прихватывал и окрестности. Это у него называлось: «подёргать репку из огорода». И говорят, иногда попадались на редкость хорошенькие и крепкие «репки». Учитывая, что её величество, светлая ей память, была сублинна, болезненна и набожна — можно понять здоровые пристрастия супруга.

— Всё может быть.

Герцог задумался.

— Мы даже не знаем, известно ли ей что-то о собственном отце. Послушай, Винс, я не хотел бы тревожить Марту подобными вопросами. Постарайся узнать всё на месте — от соседей, от этого дяди... Она крещена, не так ли? Проверь записи в церковной книге. Кто там... — его светлость, вспомнив шрамы на узкой девичьей спине, внезапно ощерился. — Кто там пастор? И его проверь. Надо будет — устрой обыск, переверни там всё вверх дном!

Капитан глянул на гневно раздувающие ноздри молочного брата — и смолчал. Сочтёт нужным — скажет, что его так завело. А нет — он, Винсент, умеет вытягивать правду из собеседников. Пастора они прошлый раз немного зашибли — так, вытянули для порядка палашом по темечку, чтобы не лез под колёса, но боже сохрани — не насмерть, не хватало потом с архиепископом объясняться. Вот и нанесёт визит вежливости. Начнёт с извинений и предложения компенсации, закончит...

Там поглядим, не загадывая.

А герцог думал об оставленной во дворце девушке. Хорошо, что он отвёз и устроил её сам. Нет, друг и брат справился бы не хуже, но... Добровольно взятые на себя обязательства невольно отвлекли его от главной цели последних трёх дней, приглушили неуёмную жажду убийства. Эта девочка каким-то образом смягчила его сердце. Не так чтобы уж очень сильно, но в меру.

— Мне нужен менталист, — неожиданно сказал его светлость. — Тот самый, что привёз депешу из Анжи. Комендант проговорился, что курьер был расстроен, значит ли это, что он видел всё сам? Отыщи. Знаю, он истощён, подобные донесения даром не даются, но передай ему мою личную просьбу — слышишь, просьбу! — приехать. Когда всё закончится, он, помимо компенсации, получит неограниченный отпуск на восстановление.

— Что ты задумал?

Винсент настороженно глянул на брата. Суровая складка меж бровей, потемневшие глаза, сжимающие кулаки... явный признак бушующего внутри гнева. Как он справляется с

этими приступами, особенно после потери способностей? Винс колебался. Не опасно ли будет оставить герцога без его присмотра? Может, ну его, этот Сар, придумать причину, задержаться дня на два, проконтролировать...

— Я в порядке, — произнёс его светлость условную фразу. Это означало, что вторая сущность, сбросив пар, утомилась до следующего раза. — Мне бы только довести это дело до конца — и ты можешь ехать спокойно.

Капитан не стал докучать вопросами вроде: Ты уверен? Может, мне всё же остаться? Вместо этого он лишь переспросил:

— Что ты задумал?

— Суд, Винсент. И суд праведный.

***

Кто бы мог подумать, что обычное мытьё принесёт столько мучений!

Нет, Марта не была слишком уж грязной. Мать приучила её к чистоплотности, не допуская ещё девчонкой ложиться спать, не помыв хотя бы руки до локтей и ноги до колен. С весны до осени Марта целыми днями бегала в короткой юбке и лёгкой рубашонке, и понятно, что руки и ноги пачкались больше всего. Несмотря на неодобрительные взгляды тётки — добро, мол, только расходуется — Мартина смазывала дочке цыпки мазью, которой обычно перед дойкой обрабатывали коровам вымя; и ничего, хоть и щипало, но цыпки сходили, ранки заживали, и ручки у Марты становились белее и красивее, чем у её одногодок. И мягче... А уж чтобы перед трапезой все как следует умылись и привели себя в порядок — то и сам Жан-кузнец следил строго. Люди — не свиньи, а Божьи создания. Еда — Божий дар и требует уважения. И хоть на столе порой одна наструганная брюква, сбрызнутая постным маслом и уксусом, да четверть краюхи хлеба на восьмерых — спасибо и на том, а вкушать всё это нужно достойно. Так уж повелось.

В их доме даже миски были по праздникам у каждого своя.

Нет, Марта была чистая... Незадолго до поимки — как раз дня три тому — искупалась в речке, да оттёрла себя, как могла, пучками травы, и даже помыла голову. Купалась не одна — с подружками, по очереди караулили, чтобы никто не подкрался да не подглядел. Марте тогда досталось от щедрот дяди Жана полплоски мыла, хоть и чересчур пахучего — вонючего, прямо сказать — но для неё это было как подарок. Расходовали бережно, досталось всем. Больше всего Марте нравилось сушить волосы, так уж хорошо они на солнце искрились... Но перед подругами на реке стесняться было нечего — спины-то разрисованы были у всех, у кого больше, у кого меньше, а вот здесь, в господской ванной, перед нарядными девушками-горничными вдруг стало стыдно до слёз. Не к месту вспомнилось, как герцог спросил, увидев шрамы — а за что это тебя наказывали?

Что о ней сейчас подумают?

— Госпожа, — робко сказала одна из присланных девушек, видя, что Марта судорожно вцепилась в коротенькую сорочку, — если пожелаете — можете мыться в рубашке, так многие делают, я знаю. Вы только потом её снимите и нам отдайте, а мы смотреть не станем, отвернёмся и сразу вас в простыню завернём. Так тоже делается, ничего, вы не стесняйтесь.

— Точно, — подтвердила другая. — Мы уже не первый год в услужении, и до этого места ещё в нескольких бывали, порядки знаем. Матушка Аглая велела всё вам рассказывать,

что знаем, только мы не знаем...

Она запуталась и смутилась.

— Вы просто спрашивайте, ладно? Мы всё-всё расскажем, — подхватила первая.

Марта сразу стало легче. Никто её не загонял силком в горячую воду и не заставлял раздеваться. Напротив: все тряслись перед ней, как овечьи хвостики. Во всяком случае, уж эти двое точно дрожали, аж губы побелели у обеих. Чего они боятся? Неужто их тут наказывают?

Мысль о том, что в доме герцога кого-то порют, была неприятной, и Марта решительно её перечеркнула. Посмотрела на круглую чашу мраморной купели, из-под которой торчали опять-таки мраморные толстые когтистые лапы какого-то невиданного зверя, на края простыни, свешивающиеся с боков — чтобы госпожа не поскользнулась, как объяснили девочки. Невольно глянула под потолок. Туда, наверх, на неведомый пока чердак, вели трубы, по которым горячая вода поступала прямо сюда, для омовения его светлости. Ну, и ещё в несколько помещений замка. Откуда уж она бралась на чердаке — горничные и сами не знали. Задумавшись, Марта собралась наклониться — снять чулки, но девушки успели первыми. Действовали они так шустро, что ей осталось лишь переступить ногами. Оттого, что её раздевали, как маленькую или больную, было неловко.

Чтобы влезть в купель, стояла специальная скамеечка, и ещё одна — внутри чаши, чтобы сидеть. Эту последнюю девушки потихоньку утащили из разорённой Анниной спальни. Обдали кипятком, опрыскали святой водицей, чтобы ни одна скверна от прошлой хозяйки не перебежала. Потом госпоже доставят новую, а сейчас — нужно же на чём-то сидеть, чтобы не утонуть, ванна-то большая, под господина подогнана, а он — ого-го какой... он-то спокойно тут размещается. Марта представила герцога... ну, не голым, а хотя бы по грудь в воде, и ей внезапно стало жарко.

Девочки тёрли её чудесной, в меру жёсткой мочалкой, поливали мылом — совсем не таким, какое по случаю удавалось покупать дяде Жану — а душистым, пахнущим сладостью. Они уже успели назваться: одну, чуть постарше, со смешными белыми косичками, звали Бертой, а рыженькую, конопатенькую и зеленоглазую — Гердой. Потихоньку они перестали стесняться и уже минут через десять весело щебетали, развлекая новую госпожу. Но вот Берта взялась за чудесные Мартины волосы...

— Ой! — невольно сказала Марта. — Осторожнее, пожалуйста! Там не надо!

— Ох! — сказали девушки с испугом.

Ещё в тюрьме, клюя носом перед камином, Марта, чтобы не заснуть, переплела, как могла, косу на две — чтобы под второй хоть как-то скрыть шишку. Та поджила, да и за всеми делами, что вокруг Марты закрутились, думать о ней было некогда. Но вот сейчас — довольно существенный бугорок под девичьими пальцами отозвался болью.

— Кто же это вас... — начала Герда, но беленькая на неё шикнула, округлив глаза. Ты что, мол, не помнишь? Матушка Аглая строго-настрого наказывала: спрашивает только госпожа, ей же — никаких вопросов не задавать. Судорожно глотнув, Гердочка закивала.

— Простите, госпожа Анна, мы аккуратненько... Так не больно?

— Ничего, я потерплю. Да не бойся меня задеть, я же не рассыплюсь!

Девушки удивлённо переглянулись.

Да, видать, точно госпожу подменили. По рассказам несчастливиц, приставленных к той, пропавшей — она редко когда достаивала прислугу разговором, а уж так деликатно обращаться... Та, скорее всего, сейчас всем уже по щекам нахлестала бы, коснись её не так

пальчиком. Может, Берте и Герде повезёт в услужении больше?

Марта зажмурилась, чтобы пена не попала в глаза. Всё вдруг стало ей нравиться, всё было хорошо: вода, в меру горячая — а главное, много! — душистое мыло, ласковые руки горничных... Одно плохо: спину защипало немилосердно, а сказать об этом девушка постеснялась. И без того напугала девчонок. Ничего, Марта потерпит.

Ей закутали голову мягким пушистым полотенцем — и это тоже было чудо как хорошо. Дома приходилось вытираться старенькой тряпицей, а уж волосы сушить — просто на ветру, заплетая полусырыми, потому, что вечно надо было торопиться, работа, работа, не сидеть же на берегу до ночи. Затем горничные, как и обещали, отвернулись, встали по обе стороны от приставной скамеечки и растянули меж собой простыню, поджидая Марту. Та спехом стащила сорочку и привычно сжалась — голышом было не слишком-то хорошо, напоминало о многом, постыдном. Но тело тотчас охватил горячий ароматный воздух, и впервые Марте в своей наготе стало... приятно. Никто на неё не смотрел масляно, никто не орал и не хлестал, и не пытался потискать. Странное и новое это было ощущение. Голая — и в то же время в безопасности...

Порывисто вздохнув, она перешагнула бортик купели. И тотчас её спеленали в тёплый мягкий кокон.

Потом переодели в новенькую батистовую ночную рубашку — кто бы мог подумать, что на ночь господа переодеваются? Это сколько ж ткани на то, чтобы под одеялом полежать, и никто такую красоту не увидит! Потом усадили в мягкое кресло, и Берта насухо вытерла ей волосы ещё одним полотенцем, что, по мнению Марты было уж совсем расточительством. А ещё — прошлись по волосам куском шёлка, чтобы лучше блестели.

— Ух! — сказала Герда, отступая. — Чистое золото!

— Сказка! — прошептала Берта. — Ей-Богу!

А когда на низенький столик прямо перед Мартой поставили удивительной красоты тарелку, прикрытую сияющим серебряным колпаком, и положили собственную ложку. Но это было ещё не всё! На колени постелили хрустящую салфетку, о подобных Марта только слыхивала, но не видела...

А потом — сняли серебряный колпак, и в ноздри ударил невообразимо вкусный аромат пшённой каши, упаренной, томлёной, нежной...

— С пенками, — прошептала Марта, не веря своим глазам.

И поняла: да, сказка.

Она разве что не урчала, как голодный котёнок, дорвавшийся до миски с мясной похлёбкой. Хоть и старалась сдерживаться — всю жизнь её учили, что накидываться на еду нехорошо, как бы ты ни был голоден; есть надо аккуратно, с уважением к хлебу насущному, подбирая всё до крошечки. Она и подобрала: не удержалась, и кусочком сладкой булочки подчистила тарелку до зеркального блеска. Не замечая всё более округляющихся глаз девушек.

— Вкусно, — сказала, блаженно щурясь. — Просто необыкновенно вкусно! Спасибо!

А потом было ещё чудеснее: она улеглась в собственную (забудем временно, что герцога!) большую кровать — не в тёмный закуток за печью, не на жёсткий топчан, еле еле прикрытый лоскутным ковриком, после которого к утру ломило бока — а на дивные свежие простыни из тонкого полотна, на мягкую перину, в которую чуть не провалилась; и накрыли сверху невесомым пуховым одеялом.

— Спасибо, Берта. Спасибо, Герда!

Ей очень хотелось сделать девочкам приятное. Но всё, что она могла — поблагодарить. — Хорошего отдыха, госпожа! — ответили они нестройно и поспешили удалиться.

И ещё был чёрный лохматый кот. То ли откуда-то прыгнул, то ли в дверь просочился, между ног у выходящих нырнув... Мягкими неслышными шагами прошёлся по постели — Марта смотрела без страха, с интересом, — принялся и прыгнул ей на живот, тоже мягко. Заурчал, утаптываясь, впиваясь когтями в пододеяльник, закружился, приминая себе местечко, пуша мохнатый толстый хвост... Марта засмеялась и, потянувшись, взяла его на руки. Кот был малость растрёпан, с боевым шрамом над верхней губой, темноглазый — и до того похожий на его светлость, что Марте вдруг стало хорошо. Будто сам герцог потёрся сейчас о её подбородок макушкой и шепнул: «Не бойся, Марта!»

Так они и заснули вместе. Хотя и был на дворе белый день — но после еды Марту разморило почище, чем от вина. Страшная штука — голод, и хорошо, если он когда-то заканчивается...

* * *

— А кожа-то белая-белая, девочки, как у русалки, аж прозрачная. Только шея загорела, и личико, и ручки, а на носу — конопушечки, ну в точности, как у нашей Герды, чесслово! А волосы-то, волосы — как у королевы, чистое золото!

Берта, выдохнувшись, жадно припала к кружке с морсом. Тётушка Дениза, старшая кухарка, внимая каждому слову, подвинулась ближе, навалившись внушительным бюстом на столешницу, уже заранее приготовилась ахать и вздыхать. Почитай, вся женская половина штата, да и кое-кто из мужчин собрались за обширным общим столом в специально отведённом для прислуги уголке на кухне, где частенько по вечерам устраивались посиделки с обсуждением новостей. Под руководством дворецкого и матушки Аглаи даже самому младшему поварёнку, самой скромной посудомойке не оставалось времени не то что для сплетен, а просто для досужих разговоров, ибо праздность вполне справедливо считалась причиной многих бед. А ведь поговорить хотелось, особенно женщинам, да и куда деваться от натуры и страстного желания перемыть косточки ближнему!

Но где, в таком случае, обсуждать самые свежие новости? Где — обдумать стратегию «войны» против слишком уж наглых ухажёров, обсудить рецепт нового пирога тётушки Денизы да заодно его и попробовать? Где узнать, кто у нас новенький, и неважно при этом, кухарка это или герцогиня? Одинаково достанется и той и той, разве что к последней отнесутся более пристрастно да за языком следить будут.

Конечно, всем было внушение: не болтать! Никаких сплетен о новой герцогине. Но разве правда — это сплетни? Ничего дурного в том, что две горничных расскажут в подробностях о новом месте работы, не было. Надо же и остальным знать: чего ожидать от новой жены? Господа — они вообще с закидонами, к каждому свой подход нужен, вот и нужно знать, чего опасаться, чего не делать, а какими обязанностями ни в коем случае не пренебрегать. Камердинер Мишель, например, всегда помнил, что на половине его светлости недопустимо оставлять плотно закрытые двери — чтобы Маркиз, хозяйский любимец, всегда мог беспрепятственно бродить, где ему вздумается. Согнать спящего кота с раскрытой книги или хозяйской постели приравнивалось к преступлению. Прикрыть окно, в которое выпрыгнул разбойник — серьёзным проступком, ибо Маркизу непременно нужно было возвращаться в дом тем же путём, каким он и вышел, и ежели такой возможности не

было — он душераздирающе орал до тех пор, пока его не впускали с извинениями.

Привычки его светлости также были изучены не менее тщательно. Все знали, что герцог терпеть не может остывшего кофе, ему непременно нужно было подавать раскалённый, такой, чтобы аж кофейник дымился. Остыл — неси новый, и так хоть десять раз, если его светлость изволил задуматься или слишком долго беседовал с кем-то из приглашённых к завтраку. Замени без напоминаний, а то напомнят позже и надолго! Не герцог, есть для того другие люди... Или вот ещё причуда: после памятного события, в результате которого хозяин обзавёлся шрамом над губой, в его покоях напрочь исчезли зеркала; остались лишь в зеркальном холле, да и то потому, что место это давно стало притчей во языцех во всём городе: такого количества зеркал, собранных в одном месте, да ещё и цельных, не составных, никто не мог себе позволить.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Да и много чего приходилось прислуге знать. Как расставлены безделушки на каминной полочке и в каком порядке лежат бумаги на хозяйском столе: чтобы, смахивая пыль, безошибочно водворять всё на место. Какие полотенца любит его светлость — утром жёсткие, вечером мягкие; с чем предпочитает булочки на завтрак — ведь как хозяина с утра покормишь, так он день и проведёт! Предлагать ли ужин, если изволит пребывать в сильном гневе, или выждать, а потом уже соваться... а оставить его голодным — себе дороже: совсем распалится! Ох, много чего нужно было держать в уме. А если случались гости — с их слугами носились, как с детьми дабы выведать подноготную хозяев. С исключительно благородной целью: чтобы никто не заявил потом, скрививши губы, что у герцога д'Эстре, мол, плохо принимают...

Посему — выведать, какова из себя новая герцогиня, было насущной необходимостью. Нельзя упоминать о прежней? Ну и ладно. А эта-то какова? Чего ждать, к чему готовиться, и вообще — можно ли хотя бы говорить в её присутствии? При бывшей — там слова не скажи, даже случайно, хоть она тебя и в упор не замечает. А рот откроешь — глянет, будто это стул заговорил или стол. Чуть что не так — по щекам налупит, да ещё и ручку брезгливо вытрет, будто к гадине какой прикоснулась... Правда, при его светлости никогда такого себе не позволяла. Хитрая была.

— Ножка махонькая, прямо точёная, талия — во! — продолжала меж тем Герда, сменив подружку. Сложила большие и указательные пальцы в кольцо, показывая, сколь тонок стан у госпожи. Все, конечно, понимали, что девушка приукрашает, но... слушать о достоинствах новой хозяйки хотелось ещё и ещё. — А глаза — добрые да ласковые, словно лучики из них какие расходятся.

— Ну, это уж ты... — недоверчиво крякнул конюх Петер. — Лучики, скажешь тоже...

— А вот поглядишь. Будет господин Гийом наше хозяйство показывать — наверняка и в конюшни сведёт, вот сам и увидишь.

В том, что хозяйке покажут лучших в провинции лошадей, никто и не сомневался. Даже Его Величество Генрих изволили восхищаться. Только вот оценит новая госпожа? Она ведь, говорят, не совсем хороша умом да памятью после пленения-то. Конюх поджал губы. Следи за собой, Петер, целее будешь!

— А ещё я вам скажу... — Герда понизила голос до шёпота и даже оглянулась: нет ли поблизости дворецкого. — Спина-то у её светлости...

— Ой-ой-ой! — тихонько подхватила Берта, спешно вытерев ладонью «усики» после морса. Не могла она допустить, чтобы т а к о е сказали раньше неё. — Не буду говорить, раз

нельзя, но у нашего садовника Ганса, где я раньше служила, тоже такая была... отполированная. Но его-то — за дело, сами понимаете, за пьянство, а её — за что?

Все вокруг так и ахнули. И толстушка Дениза, и Петер с помощником, и поварята, и оба лакея с половины его светлости, и сестрички Мишель и Жанна, что раньше были приставлены к хозяйке и незаслуженно обвинены в воровстве... Ох, им тогда досталось... А ведь пропавшее ожерелье герцогини было потом найдено — при обыске, в мышинной норке неподалёку от хозяйского тайничка. Никто и не сомневался, что оно найдётся!

— Неужто и вправду — в заточении держали? — как бы ни к кому не обращаясь, сказала Дениза. — Ой, что делается... А я-то вам что скажу... Приходит ко мне госпожа Аглая, строгая такая, хуже обычного, но я же чую — что-то с ней не то, не в себе малость. И говорит: так мол, и так, приبلуда-то... — тётушка неохотно поправилась: — Герцогинюшка-то наша объявилась! Привёл его светлость самолично за руку, да и объяви на весь дом: та, что воровка и на каждом углу меня позорила — самозванка, а вот эта, душечка, и есть моя жёнушка.

— Так и сказал? — недоверчиво переспросила Мишель.

— Лопни мои глаза! Спроси вот у Николя!

Пожилой лакей, приставленный к дверям на хозяйскую половину, важно кивнул.

— Собственными ушами слышал!

— Вот я и говорю! — тётушка Дениза победно взмахнула рукой, но никто и не сомневался в её правдивости. — И обсказывает мне, значит, госпожа Аглая, про то, что госпожу Анну похитили, в плену держали. Голодом морили, мол... — Полное лицо старшая кухарка вдруг сморщилось, губы покривились от сдерживаемых чувств. — А я-то, бессердечная, не поверила. Думаю: ах, так? Поменьше тебе да попроще надо, от нормальной пищи отвыкла? Так вот на тебе нашей каши, самой что ни на есть простецкой, крестьянской. Но вы ж знаете, — добавила, словно оправдываясь, — я плохо варить не умею...

— Знаем, — загудели вокруг дружно. — Знатная у тебя каша, тётушка, одно слово — мёд! Ну, а хозяйка что?

— А то, — не сдержавшись, Дениза всхлипнула и махнула в сторону Герды. — Пусть вот она расскажет, я не могу, как вспомню, так реву коровой...

Герда важно разгладила передничек на коленях.

— А она, — помедлила, сгущая страсти, — как увидела — ручки этак свела, — горничная молитвенно сложила ладошки, — заулыбалась... лучики-то, лучики в глазах! И шепчет: с пенкой! Понимаете? С пенкой!

Дениза разрыдалась.

— Наго... наголодалась, бедняжка, — приговаривала, сморкаясь в большой носовой платок. — А скажи, Герда, что дальше было!

— Дениза ей ещё морсу налила в кувшин — не чаю, не кофе, а вот этого самого морсу, правда-правда! Так она его пила, будто ничего слаще в жизни не пробовала!

— А тарелку-то, тарелку, — поспешила подхватить Берта, — хлебушком-то всю и подчистила, чтоб, значит, ни крошечки ни упустить... Да будет вам, тётушка Дениза, мы вам уже пятый раз пересказываем, а вы всё плачете!

— Ох, голубушки, — вздыхая, кухарка вытерла глаза. — Да как же не плакать, когда у меня в Нанте семья чуть с голоду не померла, было дело. Ежели б сюда не приехали за хлебом, да не встретила бы меня на рынке госпожа Аглая, да не сжалась и не пристрой на службу... Я ж первые дни все корочки в карман собирала и под подушку прятала. Пока она

меня не отругала: ты что, говорит, сама не видишь — еды полно, полки в погребах ломаются? Весь город прокормить можно! Вот ты, Берта, говорила давеча — кожица прозрачная... Такая вот и бывает, когда долго не ешь досыта, я помню!

Слуги угрюмо помолчали.

Новую герцогиню было жалко. Прежняя — как-то быстро забылась, да и то сказать: с глаз долой — из сердца вон, обиды ворошить ни к чему. Их дело такое: прислуживать и сносить барскую блажь. Господа всегда казались существами высшими, по рождению своему — тонкими и возвышенными, и уж обращение между ними было куда как деликатное, иногда просто смотреть противно было на их рассусоливания. А тут вдруг... на белую кость и голубую кровь — с розгами? И, значит, пороли её не хуже нашего брата?

— То-то, — вздохнул один из лакеев. — Теперь сама поймёт, каково оно...

— Типун тебе на язык, — сердито ткнула его локтём Жанна. — Забыл, что она — не она?

— Да и впрямь... Не сердись, Жанночка, запомятовал.

— А ведь ей тяжелее нашего пришлось, — неожиданно подал голос пристроившийся у очага садовник. — Мы-то — что, у нас шкуры привычные...

И опять замолчал.

— Не верю я, — вдруг дерзко сказала молодая девушка, стоявшая особнячком у окошка и сердито хмурившаяся с самого начала обсуждения. — Даже если и так, и украли... Что-то не помню, чтобы она сильно переменилась, пока мы из Фуа сюда ехали. Я одна здесь осталась из тех, кто с ней в замке был, я-то помню! Она ещё там норов свой показывала. Вот была настоящая госпожа! Вас, ничтожеств, в узде держала и правильно делала! А то ишь — взяли моду господ обсуждать! Не ваше это собачье дело!

Наступило молчание.

— Злая ты, Флора, — сказал Петер. — Сама, чай из простых, а нас презираешь.

— Я вам ни чета! — огрызнулась девушка. — И папаша мой не просто так в дворецких в замке служил, и я навидалась; уж какие бывают господа, я знаю!

Возмущённый конюх даже привстал, чтобы урезонить зарвавшуюся девчонку, но вдруг грузно осел на лавку. В кухню быстро вошла матушка Аглая. Посмотрела в упор на бывшую доверенную горничную.

— Знаешь — и помалкивай. И следи за языком, у мэтра Карра такие живо укорачивают!

— Донесёте? — насмешливо фыркнула девица. И получила полновесную оплеуху. И ещё одну.

— Доложу, — кротко ответила матушка Аглая. — Уж тебя выгораживать не стану. Давно ты у меня за спиной имя хозяйское треплешь... Ещё раз услышу подобное — вылетишь.

Девушка в показном смирении опустила глаза. На щеках горели пунцовые пятна.

— Больше не повторится, матуш... госпожа Аглая.

И бочком, бочком протиснулась мимо, засеменила к двери. У самого выхода обернулась.

— Всё равно правда выплывет, вот увидите! А коли нет... На каждый роток не накинешь платок! Завтра все будут знать, что жена-то у нашего господина — блаженная!

— Зато не воровка, — отрезала домоправительница. И так посмотрела на бунтарку, что та аж голову в плечи втянула. И вышла, пятясь, будто боялась спиной повернуться. Знает кошка, чьё мясо съела...

Тётушка Аглая загасила яростные огоньки в глазах. Негоже на остальных-то злость вымещать из-за одной паршивой овцы.

— Приглядывайте за ней, — только и бросила коротко. Всем. — Да и сами-то... Чтобы я подобной болтовни больше не слышала!

Аглая прекрасно понимала, что разговоры будут. Но хоть под должным её присмотром, дабы направлять слухи и сплетни в нужное русло. Обвела взглядом притихшую компанию. Переключилась на насущные заботы.

— Девочки, платье для госпожи готово?

Его светлость, конечно, распорядился сжечь все наряды постылой супруги, а заботу, в чём ей ходить, пока не пошьют новые, скинул на Аглаю. Ночную рубашку подобрали быстро, такого-то добра хватало... Одной из статей расходов личной казны его светлости было содержание прислуги, и входило в него не только жалование. Слуги герцога одевались куда лучше лакеев некоторых господ, у которых, по выражению тётушки Денизы, «на брюхе-то шёлк, а в брюхе-то — щёлк!», и кладовые с новым ненадёванным платьем периодически пополнялись. И уж само собой разумеется, что была у слуг и повседневная одежда, и праздничная. Из такой-то и выбрали для герцогини несколько подходящих по размеру нарядных платьиц, подогнали на одной из девушек схожего телосложения, продумали, как украсить — широким воротником, лентами, дополнительными оборками, чтобы отличалось от простого. Ничего, день-другой походит, а за это время и первые обновления подоспеют: уж она, Аглая, потребует от госпожи Бланш, чтобы та всех своих мастериц усадила за работу! Авось подождут остальные клиенты, не рассыплются.

Жанна поспешно встала.

— Первое как раз готово, матушка Аглая, осталось намётку снять да отутюжить. Простите, уж забежали сюда водицы испить, сидели ведь полдня, не разгибаясь...

— Знаю-знаю. — Домоправительница махнула рукой, давая понять, что больше не гневается, и под села за общий стол. — Плесните-ка и мне вашей «водицы», больно хороша, раз даже её светлости понравилась.

Глава 4

Комендант Александр Карр не любил присутствовать на пытках, особенно, если объектом воздействия была женщина. Многих из невинных дочерей Евы оговаривали, в этом он не раз имел случай убедиться, но, к сожалению, условия выявления оговора были для испытуемых достаточно жёстки. Хорошо, что очередной Римский Собор пришёл после долгого разбирательства к выводу, что на самом-то деле настоящих ведьм, одержимых бесами, крайне мало, и ещё до пыток можно выявить их сущность особыми методами. Да и его светлость издал необычный указ: при ведении дознания — бить кнутом в первую очередь доносчика. Если тот от своих слов не отказывается — значит, не оболгал, претерпевает за правду. После первых же дней проведения в жизнь нового указа выяснилось, что большинство объектов доносительства — просто жертвы: зависти, ревности, глупости или излишнего рвения прихожан. Таковы уж люди: женщина, если красива — ведьма, умна — ведьма, стара и страшна — тоже ведьма, а кто же ещё? А на самом деле вся твоя вина в том, что ты — дочь Евы, и неизвестно даже, есть у тебя душа или нет.

У существа, которое сейчас обвисло на дыбе, души не имелось. В этом комендант был уверен так же, как и в том, что семья его брата, проживающего в мирном приграничном городке, погибла. Чудом уцелели племянник с крошечной племянницей: родители успели спрятать детей в подполье, чуть только слышали крики и вопли на улицах. Дом подожгли, и хоть стены были каменные, тлела только крыша — дым начал просачиваться сквозь плотно прикрытую крышку погреба. Дети едва не задохнулись, а их слабых голосов снаружи никто не слышал. Хорошо ещё, что среди пограничного отряда, который первым обнаружил разорённое поселение, был менталист — он-то и уловил отголоски криков на ментальном уровне: в момент страха сигналы мозга усиливаются. Да и живых в округе оставалось немного, мысли мальчика почти не заглушались чужими...

Жажда возмездия боролась в коменданте со служебным долгом. Его светлость распорядился: к возвращению женщина должна быть пригодна для допроса. Это означало, что применяемые к ней меры воздействия, учитывая деликатную конституцию преступницы, нуждались в строгой дозировке. Люди из простого сословия покрепче, а тут случай иной, чуть пережмёшь — получишь труп, для допрашивания непригодный. Всё, что может считать менталист-дознаватель — это последние пять-шесть минут перед умиранием, ибо он не некромант, трупы разговаривать не может. Да и... особая статья эти некроманты. Внезаконники. Подчинялись они только церкви, и то неохотно, а уж на государственную службу подавно не желали идти.

Палач в очередной раз окатил испытуемую водой.

— Снять, — распорядился комендант. — Руки вправить. И, пожалуй, пока больше не трогать. Как думаешь, Анри?

Палач угрюмо кивнул.

— Точно так, ваша милость. Хлипковата. Ещё чуть поднажму — его светлости не дождётся. Боли вообще терпеть не может, сердце у ней заходится.

Сердце...

Комендант усмехнулся желчно. Нечему там заходиться, так и хотелось сказать. У этой сучки нет сердца, как и души. Нет и быть не может.

Но он промолчал. Закон должен быть беспристрастным. Хоть его светлость и рекомендовал почитать заплечных дел мастерам свиток из Анжи — мэтр послушался. Ни к чему... пока что. Хоть у Анри далеко не тонкая душевная организация, а дрогнет рука — и вместо того, чтобы просто ожечь кнутом объекту кожу на спине, перешибёт оную напрочь. Разбирайся потом... Нет, закон надо уважать.

Ту, что называла себя Анной, относительно бережно уложили на топчан. Вправили вывихнутые из суставов руки. Теперь она никому не могла надавать затрещин, это уж точно... Комендант отвёл глаза. Вид обнажённого женского тела не пробуждал в нём чувств, как это иногда бывало. Да, сострадание иной раз стучалось в его сердце, и тогда своею волей Александр Карр позволял снижение меры воздействия на допросах. Особенно, когда интуиция подсказывала: невиновен! невиновна! Это шестое чувство редко его подводило, но сейчас... Он старался не смотреть на бело-розовые груди, вздрагивающие при каждом вздохе-всхлипе, на наметившееся округлое чрево, на золотисто-рыжий треугольник под ним... Скоро это тело навсегда перестанет быть таким совершенным. Жалости по этому поводу комендант почему-то не испытывал.

А что утроба с приплодом...

Там, в Анжи, осталось на городской площади несколько беременных женщин. Ни один из малышей не родится. Ни одна растерзанная мать уже не увидит долгожданное дитя. Гуманно ли будет проявлять жалость к виновнице этого злодеяния?

Женщину привязали к топчану специальными ремнями и оставили в покое — приходить в себя и отдохнуть перед основным допросом. Отдохнуть...

Анри деловито перебирал свой арсенал, тысячу раз проверенный, и что-то прикидывал в уме: видно, оценил болевой порог дознаваемой и теперь намечал будущие шаги. Дабы и на грани удержать, и довести боль до такой степени, что на всё пойдёт, лишь бы прекратили мучения. Один из его подручных раздувал очаг, другой просматривал клещи и поглядывал в сторону топчана с ненавистью. У парня в разорённом городке осталась невеста.

И всё из-за какой-то... В очередной раз комендант подавил приступ гнева и уселся за стол. На другом конце затаился, как мышь, писарь, перебирая без особой необходимости листы бумаги, проверял карандаши. Макаль пёрышком в чернила и вытирать случайные кляксы — тратить драгоценное время, ведь записывать иной раз приходилось много, быстро... Писарь своё дело знал, был духом твёрд и сердцем крепок, но на подобном допросе пришлось ему секретарствовать впервые. Нервничал.

Та, что на топчане, зашевелилась. Пришла в себя. Но уже не изрыгала проклятья, лишь дышала быстро, со всхлипом. Первая же боль ломает многих, особенно из благородного сословья, особенно тех, кто привык другим зуботычины раздавать. Комендант закрыл глаза, дабы не распалиться. Ничего. Божьи жернова мелют медленно...

... Его светлость, к великому облегчению мэтра, прибыл в состоянии далёком от того, в коем изволил находиться сутки назад, поджидая вести о поимке супруги. С каким-то, пожалуй, недоумением мэтр Карр отметил печать спокойствия и умиротворения на светлейшем челе. Герцог прибыл в сопровождении капитана Модильяни — кто бы сомневался! — и двух менталистов. С одним из них, дознавателем, коменданту случалось встречаться. Услуги этих магов обходились казне недёшево, их вызывали... нет, п р и г л а ш а л и на допросы только в крайних случаях, когда без считки памяти не обойтись. Очень

господин Карр не любил эти моменты. Да и маги не пылали восторгом. Копаться в чужих воспоминаниях — всё равно, что залезть в мусорный бак в поисках драгоценной безделушки: перепачкаешься, надышишься вони настолько, что уважать себя перестанешь, и даже находке не будешь рад. Так-то...

Второго комендант узнал не сразу. Потом вспомнил. Именно этот маг доставил ужасные вести из Анжу. Привёз, как и водится, в собственной голове, запечатав в особых кладовых своей памяти воспоминания об увиденном, услышанном и считанном с жертв. Показания. Обвинения. «Взломать» такую кладовую, грамотно запечатанную, не под силу даже другому специалисту, какие-то были специфические ограничения, в которые мало кто вникал из дилетантов, просто пользовались услугами магов, когда нужно было доставить сведения особо важные и повышенной секретности. По прибытии на место посыльный излагал сведения на бумаге или устно, в зависимости от обстоятельств.

А сейчас его светлость привёл мага прямо сюда. Зачем? Как свидетеля? Специализации у менталистов были весьма жёстко разграничены. Или ты дознаватель, или курьер, или... Впрочем, иные направления деятельности коменданту известны не были. Лишнего в этой сфере знать не положено.

Его светлость буднично кивнул всем присутствующим, как будто явился на обычную деловую встречу. Окинул взглядом ту, которую прилюдно назвал лже-супругой. Но на дыбу показывать не стал, значит, хочет пока просто побеседовать. Что ж, есть в этом смысл, пусть сама разговорится... подготовленная-то.

Герцог уселся на жёсткий деревянный стул рядом с топчаном. Повёл бровью в сторону подручных Анри.

— Прикрыть.

На голое тело без лишних слов накинули кусок холстины. Прикрыть, так прикрыть, может, у его светлости метода такая — показать, что уважает стыдливость даже в преступнице... Самозванка, видимо, это поняла. Сверкнула глазищами, но промолчала, только щёки всё ещё полыхали. Как ни странно, а лежать нагишом было ей, видите ли, неловко. Понятно, это не перед любовниками прелести свои демонстрировать...

Они смотрели друг на друга и молчали: оскорблённый муж и преступная... жена — или подставная жена, мэтр Карр ещё не разобрался. Не было ни гневных тирад со стороны одного, ни гневных воплей со стороны другой. Молчали. Кажется, только сейчас эта женщина поняла, что её жизнь — хрупка и эфемерна, и целиком зависит от мужчины напротив. Как бы она его не презирала, не ненавидела, но что он скажет сейчас — то с ней и сделают.

«... и хорошо, если я прикажу тебя просто повесить...»

Видимо, комендант и бывшая Анна вспомнили это одновременно, потому что женщина вдруг сжалась и задрожала.

— Я буду называть тебя так, как привык, Анна, не обессудь. Хотя тебе, конечно, более подошло бы иное имя.

«Ехидна», — мысленно довершил фразу мэтр Карр. «Фурия. Гарпия. Сучка».

— За что ты меня ненавидишь? — поинтересовался его светлость. Спокойно, вроде бы даже с досужим любопытством. Будто бы и не доносился до него запах калёных на огне щипцов и шпателей и не звенел поблизости Анри инструментом... — Иной раз мне казалось, что ты ненавидишь меня всю жизнь, хоть мы и знакомы-то были совсем недолго. Я чем-то тебе досадил в прошлом?

Женщина молчала.

— Анна?

Она, наконец, разжала губы.

— Т е б я? Да я всех... всех вас, ублюдки... Просто ненавижу.

— Так я и думал, — холодно отозвался герцог. — Хорошо, оставим наши личные счёты.

Я задам тебе несколько вопросов... Что? Ты сама хочешь что-то сказать?

Из глаз женщины вдруг потекли слёзы. Видно было, что за них она и сама себя ненавидит в тот момент, но остановиться не может.

— Милосердия... — прошептала. — Жиль... Жиль-берт... — Герцог странно передёрнулся. — Мой ребёнок... Прощу тебя...

Его светлость прикрыл глаза ладонью. Комендант и Винсент, хорошо знавшие эту его привычку — сдерживать последнюю вспышку ярости — напряглись.

— Милос-с-сердия... — сдавленно повторил герцог. — А погибшие дети? А мои, которых ты... — Он осёкся. — Скажи, Анна, план расстановки магической защиты Анжи ты продала добровольно?

Опомнившись, писарь схватился за карандаш. Маленький человечек прекрасно чувствовал, когда заканчивается предварительная беседа и наступает время вопросов и ответов. Последние нужно было успеть записать точь в точь, без искажений, а то не ровён час... не отмоешься потом на суде-то.

— Да, — выдохнула женщина.

— Тебе заказали украсть именно этот план? Кто?

— Гордон...

— Что ещё из моих бумаг было ему нужно?

— Только это.

— Лжешь.

Менталист-дознатель подошёл ближе к допрашиваемой. При виде лёгкой невесомой фигурки, вроде бы такой безобидной, глаза бывшей герцогини налились ужасом.

— Он... Ему нужно было всё, связанное с приграничьем и ближайшими переговорами. Я торопилась... брала всё, где встречались названия городов на границах.

— Сколько он дал тебе за схему?

— Тридцать тысяч... камнем...

Его светлость скосил глаза на коменданта. Тот издала показал ему кольцо с сапфиром — из числа драгоценностей, снятых с арестованной при подготовке к допросу. Все предметы, как и полагается, были описаны и лежали тут же, в специальном ящичке.

— Зачем тебе сапфирит? Зачем? Тебе был нужен именно он?

— Для моего ребёнка... — только и ответила Анна.

Её ребёнок был магом, внезапно понял комендант. Возможно, будущим менталистом. А может ещё кем-то, сильнее и страшнее... Во всяком случае, чрезвычайно редкий и дорогой камень, пополняющий магическую энергетику, мог пригодиться обычной женщине только в одном случае: если она забеременела от менталиста или, упаси боже, от некроманта... или... Мэтр Карр почувствовал лёгкую дурноту. Его светлость, по-видимому, тоже. Во всяком случае, он побледнел.

— Записали? — поинтересовался по-прежнему сухим будничным тоном. — Признание налицо: намеренная кража документа с планом защиты населённого пункта; последующая продажа с целью наживы. Анна, ты не задумывалась хотя бы на минуту, для чего бритту этот

план?

— Какая мне разница? — наконец-то очерилась она. — Да по мне, хоть что он с ним сделай — лишь бы тебе нагадить! Ты так носился с этим Анжи, так гордился собой и этим чёртовым защитным барьером, что я была бы не я, если бы не подложила тебе свинью! Понял, скотина?

Его светлость отмахнулся от парнишки, что уже подскочил с кляпом в руках.

— Не надо. Пусть говорит. Осталось немного, каждое слово на вес золота...

Он помолчал.

— Милосердия, говоришь? Хорошо, Анна, будет тебе милосердие.

Комендант похолодел. Неужели... отпустит его светлость, смягчится? Или что-то надумал?

На лице у женщины промелькнула тень надежды.

— Я дам тебе шанс, Анна. Ты своим скудным умишком даже не осознавала, на что обрекаешь мирных людей, виноватых лишь в том, что тебе загорелось напакостить напоследок. Ты знаешь, что менталисты могут не только носить в себе воспоминания, но и передавать их? Со всеми эмоциями, болью, ощущениями — всем, что чувствует тот, с кого их считали. Приблизьтесь, мэтр Роше.

Он поманил к себе второго менталиста.

— Вот, Анна, видишь этого человека? Он носит в себе последние минуты жизни пятнадцати человек. Больше его разум просто не выдержал бы, но для обвинения и приговора тебе и всей вашей шайке вполне хватит. Со сволочью Гордоном я ещё разберусь, для него пощады не будет; но я — судия для всех своих подданных, Анна, а суд должен быть справедливым. Я приговариваю тебя к трём смертям. Сейчас ты сама переживёшь то, на что обрела женщину, мужчину и ребёнка, которых и в глаза не видела. И это будет справедливо. Выживешь — я отпущу тебя на все четыре стороны, ибо, если искупление, через которое ты пройдёшь, тебя не убьёт — ты станешь другим человеком. Отпущу, даю слово. Это и будет милосердие. Но оставить преступницу без наказания я не могу, так выбирай: виселица — или чужие смерти.

... И вот тогда коменданту, человеку с рыбьей кровью, как про него говорили, сухарю, служаке, повидавшему на своём веку немало — впервые в жизни стало страшно.

***

Насилие над женщиной — зрелище отвратительное. И уж совсем дико, если насильник невидим. Пусть даже нагое тело прикрыто тряпкой: о том, что творили с жертвой орки, догадаться нетрудно: по бесстыдно раздвинутым ногам, ритмичным, в такт движениям самца, вздрагиваниям тела, мычащему рту, словно зажатому невидимой лапой, голове, бьющейся о доски топчана... Но вот, вроде бы, страшный процесс завершён, несчастная со стоном хочет сомкнуть ноги... и хватается за живот. Лицо искажено болью. Руки пытаются удержать вываливающиеся внутренности... Потом странно дёргается и заваливается голова, как будто перерезали и горло. Глаза стекленеют. Конец.

Не выдержав, герцог сорвал кусок холстины с тела преступной жены. Поперёк живота вспухал багровый рубец, медленно наливающийся кровью. Такой же, что и на шее.

— Стигматы, ваша светлость, — подал голос менталист, потирая собственное горло. — Я предупреждал.

— Да, я помню, — прошептал герцог. — Помню.

А ведь и я предупреждал, Анна, хотелось ему сказать. Ты думала — я для красного словца говорил о боли и мучениях погибших? Если менталист хороший — он произведёт полную пересадку сознания, и тому, на кого выпадет сей жребий, придётся испытать всю горькую чашу страданий смертника.

Не только душевных, но и телесных. Покраснеет и лопнет кожа от сплошных ожогов — если человек пережил последние минуты сожжённого; закровоточат раны от ножа или меча; либо шею прочертит багровая борозда на шее и вывалится посиневший язык...

Не у всех физическое тело перенимало чужие страдания полностью. Были особи, устойчивые к ментальному воздействию, те отделялись ранней сединой и после испытания начинали чрезвычайно ценить жизнь, и не только свою. Но куда чаще смерть чужого человека для подопытного становилась личной.

Мэтр Роше был очень хороший менталист. Анна д'Эстре — всего лишь недалёкая взбалмошная женщина, как оказалось — без зачатков силы воли, необходимых для сопротивления ментальному воздействию. Ей предстояло испытать ещё две чужих чаши страданий до того, как приступить к последней. Собственной.

Женщина. Мужчина. Ребёнок. Три жертвы нападения орков на мирный городок. Выдержишь, Анна?

— Как вы, мэтр? — отвлёкся герцог. — В порядке? Что у вас с голосом?

— Не беспокойтесь, ваша светлость. Мне легче. Продолжать?

— Продолжайте. Кем она себя чувствовала?

— Белошвейкой Мари. Побежала из мастерской домой, хотела спрятать ребёнка. Поймали и разложили прямо на пороге дома. О муже и сыне она так и не успела узнать.

— А... с ними что?

Менталист сдержал вздох.

— Вот сейчас и узнает. Все они там были... рядом, так их и нашли. Дальше, ваша светлость?

Анна открыла мутные глаза. Неверящим взглядом уставилась в потолок. Затем на герцога. И затрясла головой:

— Не... не надо! Нет!

Его светлость откинулся на спинку стула.

— Смотри, Анна, смотри. Им тоже было больно и страшно... Продолжайте, мэтр Роше.

...На этот раз Анна застонала не сразу: сперва охнула, в кровь прикусила губы, странно дёрнулась, сжимая ягодицы... и задышала часто, прерывисто. В открытых глазах нарастали боль и обречённость. «Нет. Нет... Не дождётесь...» — шептала низким, почти мужским голосом. Тело её стало как-то неестественно выпрямляться, ноги напряглись, вытянулись в струнку, она словно нашаривала ими опору, пыталась удержаться — если не на ступнях, так на кончиках пальцев... Это продолжалось недолго. Икры свело судорогой. Колени подогнулись. Несчастная захрипела, и вдруг изо рта у неё хлынула кровь. Голова с широко раскрытым ртом откинулась назад под странным углом.

— Кол вышел, — угрюмо пояснил менталист очевидное. — Этот хоть недолго терпел: сердце прошило, умер быстро. Не всем так повезло. Нескольких, кто покрепче, наши ещё живыми застали. Сняли, напоили маковым отваром, чтобы не мучились, собрали всё, что есть, чтобы уже не проснулись. Продолжать, ваша светлость?

Герцог, не сводя глаз с бездыханного тела, покачал головой.

— Ждите. Может, и не понадобится.

В пыточной стояла тишина. Его светлость угрюмо вглядывался в искажённое предсмертным оскалом лицо, потерявшее даже следы былой миловидности. Да и мудро было сохранить хоть что-то, Смерть редко кого красит, разве что святых, для которых кончина светла и благостна... Нынешняя, что пришла за этой женщиной, была отвратительна и не внушала ни скорби, ни благоговения

— Похоже, всё, ваша светлость, — тихо сказал менталист. — Или почти всё. У неё повышенная чувствительность к воздействию, двоих хватило с избытком. Будьте осторожны, как бы не сказала что, такое редко, но бывает.

— Ах, Анна, — тихо, но отчётливо, произнёс герцог, — какая же ты всё-таки... дура. Ты так ничего и не поняла. Тебя использовали как пешку, как самую мелкую фигуру... и выкинули, когда не стала нужна. Гордон, сволочь, подставил тебя, предал, отказался...

По застывшему лицу казалось бы умершей пробежала судорога. Клацнули зубы. Глаза открылись. Менталисты, не сговариваясь, шагнули вперёд, прикрывая герцога от возможного предсмертного проклятья.

— Чтоб ты... — прохрипела Анна. Над магами и человеком вспыхнула сфера защиты. — Гордон, скотина, бриттское отребье, чтоб ты сдох, змеёныш... Я тебя доста...

И умерла. На этот раз — навсегда.

Менталист из Анжи грузно осел на пол. Коллега еле успел его поддержать, не позволив распластаться на каменных плитах.

— Сапфирит ему, — гаркнул его светлость, — быстро, быстро, чего вы ждёте? Вот же он, у вас на столе!

Комендант, выхватив из коробки кольцо, перебросил, чтобы не терять времени, дознавателю, тот вложил его в руку надорвавшегося собрата и крепче сжал пальцы. Курьер глубоко вздохнул и очнулся.

— Оставьте это себе, мэтр Роше, — распорядился герцог, убедившись, что маг приходит в себя. — Благодарю вас обоих. Можете рассчитывать на любую компенсацию.

Менталисты сдержанно поклонились. Они знали, что его светлость держит слово. Достаточно было наведаться на следующий день к казначею — и получить щедрые премиальные. Сапфирит останется у Роше — и это справедливо, потому что расход сил при трансляции предсмертных воспоминаний чрезвычайно велик, не сопоставим с простым считыванием. Каждый получит в полном соответствии с затраченными усилиями. Его светлость, как всегда, справедлив и щедр.

Маги ушли. Здесь в их услугах больше не было необходимости.

Остальные не трогались с места. Казалось, дело закончено, чего же более? Но герцог всё ещё всматривался в лицо покойной, пытаясь прочесть в своём сердце — что же он ещё чувствует? Ненависти не было. Жалости тоже. Смог бы — заставил её умереть за половину всех погибших, а память остальных перекинул бы на паука, засевшего в бриттском посольстве. Дипломатическая неприкосновенность, черти её дери... Он не трогался с места, остальные выжидали. Писарь по знаку коменданта набрасывал объяснение по изъятию согласно высочайшей воле особо ценного предмета из вещественных доказательств, заплечных дел мастера в очередной раз просматривали своё хозяйство — вдруг его светлости вздумается продолжить? Все хорошо помнили о двоих умертвиях, которые были повязаны вместе с беглой преступницей и содержались сейчас в камере неподалёку. Им полагалось бы вообще не высовываться из Некрополиса, единственного места во всей Галлии, где легально

могли пребывать подобные существа. И уж, безусловно, необходимо было выяснить, как они миновали двойные кордоны, и с какой целью находились рядом с герцогиней. Дабы не упустить очередного прорыва.

Герцог смотрел на Анну.

Что-то было не так. Не завершено. Несмотря на оскал Разрушительницы наслаждений и Разлучительницы собраний, на её тяжёлое давящее присутствие. Его светлость вновь погрузился в собственные ощущения, временно отключившись от внешнего мира. Что не так?

Неким шестым чувством он уловил появление рядом кого-то ещё. Но верный Винсент молчал — и не потому, что его могли нейтрализовать, нет, герцог бы почувствовал эмоции молочного брата... Появился кто-то, кого не впустить не могли. Равный по силе и влиянию ему, сиятельному герцогу, правителю Галлии, любимцу короля.

Открыл глаза, покосился на мощную фигуру одесную.

— А вы здесь зачем, ваше высокопреосвященство? — поинтересовался не слишком вежливо. Он не любил вмешательства церковников, но... приходилось смиряться. Дело с Анной вышло за рамки личного и обрело государственный размах Хорошо ещё, с тайной службы его величества никто не появился...

— Затем, — коротко и не совсем по чину ответил архиепископ Эстрейский, также не обременяя себя этикетом. Ему было не до того. — За этим же самым. Сейчас начнётся.

И уставился тяжёлым взглядом на дрогнувший живот покойной.

Герцог медленно встал.

Не надо было отпускать менталистов. Какая-никакая, а всё ж магия, сейчас пригодилась бы... Краем уха уловил, как лязгнула шпага, вынимаемая капитаном из ножен. Напряжение, разлитое в воздухе, схватило за горло.

Внутри неостывшей плоти шевелилось нечто живое. На округлости живота образовалась заметная выпуклость, двинулась к пупку, метнулась вниз, в сторону, вспучила бок, натягивая кожу... Как будто некое существо тыкалось изнутри, пытаясь найти выход.

— Это что ещё? — только и смог выговорить герцог.

— Дьявольское создание, — мрачно сказал его святейшество. И перехватил поудобнее пастырский посох. — Хорошо, что здесь и сейчас...

Живот Анны вспух, всё тело затряслось мелкой дрожью. Рубец-стигмат лопнул, края раны расползлись, и в получившийся разрез стало протискиваться... протискиваться...

Герцог не успел э т о разглядеть. Молния, сорвавшаяся с навершия пастырского посоха, выжгла утробу покойницы вместе с пытающимся неестественно родиться содержимым. И даже привыкший ко всему на своей работе палач Анри перекрестился с облегчением.

Страшно завывли два нечеловеческих голоса за стеной. Послышались гулкие удары. Кто-то колотился в обитые железом двери.

— Чуют гибель своего отродья... — с удовлетворением заметил архиепископ. Кивнул на то, что осталось от тела. — Отпеть как христианку... Да очнитесь, ваша светлость, мы не закончили! У вас ещё два экземпляра этих тварей, уже достаточно взрослых, чтобы сопротивляться. Я приехал за ними.

— Уже донесли, — мрачно констатировал герцог, оторвавшись, наконец, от страшного зрелища обожженной плоти, некогда бывшей его супругой.

— Ну, зачем же так... Доложили, — поправил архиепископ. И повернулся к коменданту. — Отпеть, как я и сказал, дабы позаботиться о бессмертной душе, затем сжечь

— для недопущения остаточной скверны. Поверьте моему опыту, так будет спокойнее.

Герцог поморщился. Однако затевать с представителем Церкви свару из-за решений, которые он и сам бы принял — глупо. Особенно с этим представителем. Украдкой покосился на мощную фигуру, распирающую скромную монашескую рясу. Архиепископ, несмотря на высший чин, тяготел к простоте и удобству, а богато расшитые стОлы сковывали движения и чересчур давили на могучие плечи бывшего военачальника.

— Прошу вас выдать мне для допросов и изучения оставшихся, — невозмутимо, словно бы и не замечая жутких звуков по соседству, напомнил Бенедикт Эстрерский. — У меня есть веские основания полагать, что ваши люди вскоре не смогут с ними справиться.

— Извольте. Мне они без надобности, — ответил герцог. Он мог бы, конечно, и возразить, но... Его высокопреосвященство был прав. — Капитан, распорядитесь выделить охрану для препровождения.

— Не беспокойтесь. — Архиепископ, несмотря на грузность, легко двинулся на выход в подвальный коридор. — Со мной мои люди.

Комендант бросился следом.

— Осторожно, ваше высокопреосвященство, бузят пленные-то! Не подходите слишком... не ходите один, ваше высоко...

Не сговариваясь, капитан и герцог поспешили вслед за духовным пастырем, который пёр, как таран, прямо на дверь камеры, содрогающуюся под мощными ударами изнутри.

— Почуяли... — повторил злорадно священнослужитель. И повелительным жестом осадил присутствующих. — Не приближаться! У служителя Божьего всегда наготове Божье Слово и...

Дверь слетела вон, и в проём выпрыгнули две твари. С мешками на головах, вслепую — тем не менее безошибочно бросились к архиепископу.

— ... Вера, — зычно довершил тот, и от мощного голоса осыпалась копоть, десятилетиями копившаяся на сводах. Мощный кулак смиренного сына Божия впечатался в лоб умертвия, второй — согнул пополам следующего. — ... Забирайте эту падаль.

Привычно потёр костяшки пальцев. Какой бы ты ни был — Тёмный маг, Светлый, а хороший удар — он и в Некрополисе удар. Не до заклятий, когда дух вон.

Святой отец осенил присутствующих крестным знамением и величаво направился к выходу. Невесть откуда взявшиеся послушники, выправкой под стать своему духовному наставнику, шустро скрутили бесчувственные тела и поволокли вон, как трудолюбивые муравьи, перетаскивающие яйца в безопасное место.

— Верую! — восторженно прошептал один из рейтаров-новобранцев, глядя им вслед телячьими глазами. — Ей-Богу, верую!

***

Острые языки нащёптывали, что под сутаной его высокопреосвященства до сих пор скрываются широкие кавалерийские штаны, дабы смиренному богослужителю не тратить время на переодевание после мессы, а сразу, завернув полы, уноситься на рыжем Буцефале за город — исключительно для высоких помышлений и просветления на лоне природы. А кто не верит — пусть приглядится повнимательнее во время службы — и увидит, как блеснут из-под церковного облачения вполне мирские шпоры с изрядно потёртыми зубцами...

Другие клялись и божились, что во времена бурной молодости, ещё до принятия в кавалерию Его Величества Филиппа Второго, Бенедикт де Труайяль слыл непревзойдённым мастером кулачного боя, хоть тот и считался среди благородных людей низкой забавой. Однако мало кто отваживался задирать обедневшего дворянчика без связей, без наследуемых земель — Бенедикт был седьмой сын у своего папаши, и ловить ему от щедрот родителя было нечего. «Рвань» в столице презирали и высмеивали. Но угрюмого медведеподобного провинциала задевать опасались — и неважно, был он при шпаге или без...

Буйные времена прошли, привычки остались. Ежели для умерщвления собственных страстей духовными кормчими частенько использовались бичи и плети, его высокопреосвященство относился к таковым с презрением, считая их более орудиями палачей, нежели средствами самовоспитания. А потому — смирял плоть старым добрым привычным способом. В его рабочем кабинете стояла двухпудовая чугунная гиря, дужка которой уже залоснилась от частого хвата святейших пальцев. Грешен был пастырь и не скрывал многих своих слабостей, но старался преодолевать. Бывало, меняет насквозь промокшую от пота сутану на свежую, а сам сокрушённо приговаривает: «Паче всех человек окаянен есмь!»

Были и те, что собственными глазами видели, как Бенедикт Эстрейский, укрощая гордыню, переносит на плечах молодого бычка, а то и собственного коника. Поговаривали, что и сподвижников своих он не жалел: за каждым, даже самым истощённым, закреплялся при поступлении к архиепископу новорожденный телёночек, которого послушник со смирением и молитвой должен был ежедневно возносить на собственных плечах на вершину крутого холма, а затем медленно с ним же спускаться назад. За год изрядно обрастали мышцами и несомый, и несущий. А если учесть, что в резиденции святого отца отнюдь не пустовали площадки для упражнений с холодным оружием, периодически пополнялись запасы мешков с песком — для тренировки различных групп мышц, делались заказы лучшим оружейникам... Не удивительно, что свита пастыря всея провинции могла соперничать по уровню подготовки с герцогскими рейтарами и кирасирами. Поскольку Слово Божье, подкреплённое хорошо поставленным ударом или колющим выпадом, оказывалось порой куда весомее, чем просто Слово.

Ибо всё ещё торчал, как прыщ в земле, Некрополис — град обречённый, скопище нечисти и мерзости, по непонятным причинам пока не залитый карающим небесным огнём. Трогать его запрещалось. Вот и скрывались за жуткими стенами не только внезаконники, умертвия, последние выползши нечисти, но и отребье, успевшее удрать от справедливого возмездия святой церкви и королевской власти. Последний оплот тёмных сил. Заповедник, охраняемый Тайной службой Его Величества. Если бы не эта защита — герцог давно бы уже спалил это гадючье гнездо, причём общими усилиями с его высокопреосвященством. Несмотря на нелюбовь ко вмешательству.

Вот такой человек стоял у небольшого кострища на тюремном погосте, бдительно следя, чтобы кремация бранных останков той, что недавно по всем канонам была отпета в маленькой часовне, прошла по всем правилам. Чтобы дотлели даже кости в усиленном святой молитвой огне, чтобы жирный пепел был тщательно сметён в специальный ларец, а затем похоронен в освящённой земле тюремного кладбища. Бенедикт привык доводить начатое до конца и не любил перепоручать подобные дела даже помощникам. Так оно спокойнее.

Давно под присмотром могучих послушников увезли притихших умертвий, изрядно

помятых при усаживании в закрытую специальную карету, давно залили тлеющие угли и прикопали — там же, в освящённой земле; разошлись по постам часовые, а те из солдат, кто не занят на службе, скрылись в казармах. Остались в тюремном дворе два экипажа — светлейшего герцога и святейшего архиепископа. Оба поджидали седоков. А те не торопились.

За всё время отпевания, сожжения, проводов в последний путь останков грешной женщины никто из них не сказал друг другу ни слова. Всё было ясно. Вынесен и приведён в исполнение приговор, отслежено выполнение. Этим можно было бы и ограничиться, ибо... Архиепископ тоже не любил, когда его светлость вмешивался в дела Церкви. Так бы они и разошлись каждый по своим епархиям, и капитан, как всегда, тенью следовавший за своим начальством, уже прикидывал предстоящее объяснение, ибо не хотелось Винсенту никуда уезжать, очень уж не нравилось, как вновь у его молочного брата побелели глаза и губы...

Его светлость сдержанно поклонился архиепископу.

Его высокопреосвященство, мыслями пребывающий на предстоящем допросе нежити, воздел было руку для обычного благословения, но вовремя вспомнил, что перед ним не рядовой прихожанин. Остро взглянул на герцога — и пошёл на небольшое нарушение протокола. Не просто благословил — а коснулся светлейшего чела щепотью, сложенной для знамения.

Жильберту д'Эстре показалось, что в голове у него что-то взорвалось. Будто Бенедикт его не перекрестил, а от души огрел промеж глаз, как нечисть совсем недавно... Ослепительная вспышка была мгновенной, далее — словно разжался и спал с головы обруч, отпустило зажатое спазмом горло, и, кажется, впервые за последние несколько часов он смог вдохнуть полной грудью. Оказывается, был ещё день. Было солнце, пробивающееся сквозь облака, дул небольшой ветер, в небе мелькали стрижи... Будто и не стало в этом мире на одну злую душу меньше.

— Жизнь продолжается, — негромко подтвердил архиепископ, словно прочитав его мысли. — Вы выполнили свой долг, ваша светлость, я свой. Желаю здравствовать.

— Погодите. — Так просто герцог не мог отпустить святейшего. И задал вопрос, которым давно уже терзался. — Кто это был? Что за... — он не смог сказать «ребёнок». — Что за существо должно было родиться?

— Суккуба, я полагаю, — с явной неохотой ответил святой отец. — С примесью крови умертвия. Адская смесь, сын мой, куда более ухудшенная копия своей матери. Та хотя бы не владела магией, просто сеяла вокруг чистое незамутнённое зло...

— Суккуба? Анна? — Видно было, что герцог поражён. — Да полно, ваше высокопреосвященство, это же... Их нет даже в Некрополисе, а уж там-то заповедник подобных тварей!

Архиепископ помедлил.

— Женщина, которую все мы знали, как вашу супругу, от рождения несла в себе кровь древнейших отвратительных демонов. Не в чистом виде, хвала Всевышнему, а значительно ослабленную временем. Бывает, что два-три поколения женщин безобидны, а потом вдруг в новорожденной оживает кровь прапрабабки. К сожалению.

— Однако... — Герцог смешался. — Суккубы ведь одержаны жаждой любовных утех? Она... Да, она отличалась невоздержанностью, но в этом случае — первой её жертвой оказался бы я, не так ли?

— Вы и стали, ваша светлость. — Порой Бенедикту трудно было обращаться «сын мой»

к человеку, который по возрасту годился ему в младшие братья. — Этот подвид питается не только радостями плотской любви, но в большей степени — отрицательной энергетикой. Разрушающей. Ангелы живут любовью и распространяют её вокруг, суккубы — питаются ненавистью, и, дабы её получить, провоцируют окружающих. Даже ничего не зная о своей природе, они с детских лет манипулируют людьми. Они ненавидят всех и вся. Единственный объект обожания для них — это они сами. И — их будущее повторение, их дети. Дочери, конечно, новые суккубы.

Герцог потёр горло, сдавленное вдруг невидимой петлёй.

— А... если такая женщина избавляется от ребёнка? — хрипло спросил он.

Его святейшество посмотрел пристально, испытующе. Помолчал.

— Значит, должен был родиться мальчик. Они чувствуют пол будущего младенца и если это не девочка — ненавидят его всеми фибрами своей так называемой души. Не терзайте себя, сын мой, на вас, — он произнёс это с нажимом, — на вас греха детоубийства нет.

Его светлость покрылся холодным потом.

Или его святейшество действительно свят — а потому многое ему открыто свыше — или служба оповещения развита у него ещё сильнее, чем тайный сыск самого герцога. Он, Жильберт, умудрился совершить сегодня несколько грубейших ошибок; заметил ли это архиепископ?

— Вы всего лишь исполнили свой долг, — повторил Бенедикт. — А потому — живите с чистой совестью, ваша светлость. Дом ваш очищен от скверны. Господь чудесным образом вернул вам утраченную супругу — и, я полагаю, с ней вы вкусите, наконец, заслуженного семейного счастья. Весьма рад за вас.

Они снова чопорно раскланялись.

— В честь благополучного возвращения герцогини в родной дом я отслужу мессу, — словно спохватившись, добавил Бенедикт. — Ибо кого, как не отца небесного, должны мы благодарить за сей чудесный случай?

— Благодарю вас, ваше высокопреосвященство. Вы совершенно правы.

Архиепископ кивнул благожелательно.

— Жду вас в храме в это воскресенье.

Герцог склонил голову.

— Конечно, ваше высокопреосвященство. Непременно.

— С супругой, — добавил архиепископ как бы вскользь, уже поднимаясь на подножку. — Надеюсь услышать подробности о её чудесном избавлении.

— Конечно. Разумеется.

За пастырем хлопнула дверца. Ловко вскочили на запятки двое монашков с военной выправкой. Карета, запряженная четвёркой великолепных лошадей, на которых ревниво покосился бы конюх его светлости Петер, не спеша покинула тюремный двор.

— Он знает не больше того, что слышали все, — негромко сказал Винсент, глядя вслед карете. — В замке есть несколько его человек, но вряд ли они успели донести последние новости. Сдаётся мне, его высокопреосвященство блефует, стараясь показать, что ему известно больше чем на самом деле.

— Думаешь?

Перед герцогом открыли дверцу его кареты.

— Что ж, посмотрим. Возможно, он просто собирает сведения, на всякий случай. Он, как и я, привык всё вокруг контролировать... Вот что, Винсент, поезжай в Сар немедленно.

Мне спокойнее знать, что ты уже в пути.

Капитан всё ещё колебался. Однако, окинув герцога взглядом, кивнул.

— Что ж, теперь ваша очередь получать выговор от матушки. Что-нибудь ей наплетите про мой отъезд.

— Как-нибудь отобьюсь. Езжай. Не хочется подставлять...

«... нашу девочку», — подумали они одновременно. Герцог — потому, что уже привык так называть Марту, Винсент — потому, что привык мыслить его категориями и определениями. Так легче было его понимать. И охранять.

Немедленно так немедленно. Он привык срываться по первому слову. И чаще всего — успевал.

***

Архиепископ Бенедикт Эстрерский очень любил загадки.

И при всём своём духовном просветлении — в чудеса не верил. Родословную молодой герцогини он узнал вплоть до седьмого колена — пришлось, а потому выходки её, даже самые дикие и кощунственные, уже не удивляли. Возмущали — да, заставляли требовать у герцога определённой компенсации, дабы заглаживать урон, причиненный христианской церкви и некоторым её святыням, но не удивляли. Что поражало — это сам факт, что два года назад его светлости было дано высочайшее разрешение на брак с Анной де Бирс, у которой, как поговаривали, не всё было чисто с кровью, ходили какие-то слухи о похождениях её бабки невесты где и неизвестно с кем... А ведь разрешение на брак дворян давалось непосредственно при участии Святейшего Синода, который располагал уникальной сетью сбора информации, и кому, как не ему, заботиться о чистоте дворянской крови и о том, чтобы поколение новой опоры престола росло здоровым, и физически, и духовно!

И отчего-то венчание проводил представитель Синода, архиепископ Лютецкий, в замке Фуа, а его, Бенедикта, в это же время отослали с каким-то пустяшным поручением в соседский халифат — улаживать небольшие дразги между двумя родственными конфессиями, у которых вдруг возникли разночтения одного из Евангелий...

Только год спустя после женитьбы герцога, увидев своими глазами красавицу Анну, Бенедикт насторожился. Святым он, конечно, не был, несмотря на духовное звание, но с некоторых пор видел людей несколько иначе... и тёмный шлейф ненависти, беспричинной злобы, стлавшийся за герцогиней, разглядел сразу. А уж когда она совершенно случайно вроде бы умудрилась дважды уронить в чаши со святой водой то грязный платок, то кошелёк — чтобы оборванцы кинулись выуживать из воды рассыпавшиеся монеты своими нечистыми пальцами, а сама бесстыдно смеялась и подзуживала — его высокопреосвященство задумался.

Он потребовал собрать о новой герцогине и её родне всё: официальные сведения, слухи, сплетни, самые фантастические нелепицы... Умный человек сумеет отделить грязь от плевел. И вот в одной из очередных грязных сказочек о покойной бабке де Бирс впервые прозвучало слово «суккуба». И что-то подсказывало святейшеству, что наводить справки об этом существе в Синоде пока не стоит. Лучше привлечь собственные источники.

За истекший год ему удалось не только пополнить теоретические знания в изучаемой области, но и обогатить их практикой. Анна была непостижима в своём бесстыдстве, хитроумии, умении прятать концы в воду... После определённых исследований Бенедикт

убедился, что на самом-то деле прятал, подчищал, компенсировал последствия всех её художеств никто иной как светлейший супруг, и делал он это отнюдь не из-за обожания, чего поначалу опасался архиепископ, а из-за болезненного самолюбия и горячей любви к собственному честному имени. Со временем Бенедикт проникся невольным уважением и даже восхищением к этому ещё молодому человеку, вся беда которого состояла в том, что, руководствуясь интересами государственной безопасности, он выбрал в жёны девушку, в приданое которой давались несколько приграничных городов. Этот брак ставил точку в давнишнем территориальном споре, точку законную и окончательную. Вот только заплатить за неё пришлось дороговато.

А ещё у его высокопреосвященства возник стойкий диссонанс: между образом вздорной злобной бабы с сиюминутными капризами и последовательностью её действий. Как будто кто-то умело направлял её поступки, вовремя одёргивая, уводя от самой грани очередного крупного скандала... или развода. Видит Бог, Бенедикт охотно походатайствовал бы перед понтификом за расторжение этого брака. Галлии не нужна была... скажем прямо: Галлия в гробу видала подобных герцогинь! Совсем не такая хозяйка нужна была этой стране.

А потому, когда вчера вечером ему доложили, что беглая герцогиня, наконец, поймана и вот-вот предстанет перед судом супруга — его высокопреосвященство удовлетворённо кивнул и приготовился ждать, когда его позовут на отпевание: соответственно высокому статусу новопреставленной.

А когда утром ему доложили, что, оказывается, привезли-то супругу, самую что ни на есть настоящую, а на рассвете выловили и доставили самозванку — его высокопреосвященство не на шутку удивился. Что за игрушки, недостойные взрослого мужчины? И ему загорелось разобраться, всё выяснить — и подумать, как это можно использовать. К тому же, со второй так называемой супругой привезли, вдобавок, и двух умертвий, которых следовало бы допросить и уничтожить по всем правилам, чтобы не поднялись заново. Да ещё эта сумасшедшая догадалась на весь двор завопить о своей беременности, а вот это уже заставило Бенедикта сделать стойку, подобно борзой, учуявшей добычу. Ах, жаль, что новости передавались слишком медленно! Их осведомителю пришлось честно отдежурить на посту, чтобы не возбудить подозрений внеурочным уходом, затем он потерял время, добираясь до резиденции, да пока просочился на приём... Однако — архиепископ привык срываться с места по первому сигналу интуиции. И чаще всего — успевал.

Теперь он доподлинно знал: Анна де Бирс де Фуа д'Эстре умерла, сожжена, и прах её захоронен. Осталось выяснить, кого поутру увёз в комендантской карете его светлость и зачем?

Впрочем, последний вопрос излишен. Трудно осуждать мужчину за то, что он предпочёл змее голубицу.

А вот что из себя эта голубка представляет... Откуда взялась, чем дышит, не подставная ли — от ещё одной, неизвестной пока архиепископу стороны или политической партии, чего от неё ждать, а главное — нужна ли Галлии т а к а я герцогиня?

— Вот что, брат мой...

Сидевший напротив монах с готовностью подобрался.

— Езжай-ка ты, голубчик... Как там называется эта деревушка, где сыскали беглую герцогиню? Не ту, которую герцог самозванкой прилюдно обозвал, а...

— Сар, ваше высокопреосвященство.

— Ах, Сар!

Бенедикт порылся в памяти. Что-то ещё было связано с этим названием.

— Да, вспомнил, — сказал он вслух. — Вспомнил... Езжай-ка ты в Сар и там на месте разузнай, что да как. Откуда там взялась её светлость, на чём приехала — не из воздуха же она появилась! Кто с ней был, как её поймали... Ну, не мне тебя учить. А заодно проведай местного нашего ставленника, что-то слухок о нём нехороший пошёл... прямо скажем — порочащий духовное звание слухок. Проверь. Надо будет — изыми книги, бумаги; полномочия я тебе даю.

И протянул монаху один из перстней со своей именной печатью.

Немедленно так немедленно. Окружение духовного лица хорошо изучило его привычки. Получив благословение, монах постучал в окошко вознице, дождался, пока карета замедлит ход, и выпрыгнул. Перстень архиепископа служил и подорожной, и пропуском, и векселем, по которому можно было ссудить звонкую монету на дорогу.

...А маленькая девушка меж тем сладко спала на широкой герцогской постели и даже не подозревала, что ею не на шутку заинтересовались два столь разных, но могущественных человека. И по какой дороге уведёт их обоих её, Мартина судьба — было ещё неизвестно.

Глава 5

Всё было плохо, очень плохо.

Сон, лёгкий и благостный, внезапно сдавил ободом, которое Марте никак не получалось сбросить. Во сне герцог д'Эстре был совсем другим. Жёстким. Безжалостным. Неумолимым. Каким она увидела его впервые, в кабинете коменданта. Наяву-то он потом переменялся, а в Мартином видении — логично и последовательно сделал с ней всё, что и собирался. Наказал. Унизил. Втоптал в грязь... Чего ещё ожидать от человека, который привык, что все его веления претворяются немедленно?

Она не помнила подробностей, но лучше бы их и не было вовсе. А когда проснулась, не испытала облегчения, как бывает обычно, когда понимаешь, что всё пережитое оказалось лишь кошмаром. Нет. Она чувствовала себя униженной, осквернённой... и обманутой.

А самое главное — увязнув в тягостном мареве сонной одури, она никак не могла понять: где настоящее? Только что увиденное и пережитое? По сути своей — так оно и должно было случиться на самом деле. А то, что ещё раньше герцог сжалился над ней, сделал своей женой, привёз в чудесный сказочный замок — вот это, скорее всего, было злой, хоть и прекрасной сказкой. Злой, потому, что такого просто не могло произойти. И надо быть последней душой, чтобы поверить. К тому же, ужасно хотелось есть. Словно вкусная каша с топлёными пенками тоже была наваждением, вызванным пустым желудком...

Марта плакала, и слёзы просачивались через сомкнутые веки. Открыть глаза она боялась. Хоть и чувствовала мягкость перины, упругость подушки, тепло одеяла — но по контрасту с только что пережитым всё казалось таким эфемерным, и, думалось, вот-вот исчезнет — и останется она на жёстком деревянном топчане пыточной, привязанная ремнями, голая, мокрая после того, как окатили водой, приводя в чувство, с распухшими в вывернутых суставах плечами... Вот-вот — и всё это на неё обрушится и придавит.

Вместо этого...

Что-то влажное и шершавое коснулось щеки, прошлось по виску. Над ухом послышалось сосредоточенное сопение. Давешний чёрный кот осушал ей слёзы, трудился, щекотал белыми усами и бровями. Вот странность — сам чёрный, а усищи белые, на груди — крошечная белая звёздочка... Невольно заулыбавшись, девушка отстранилась.

— Да ну тебя! Перестань!

Черныш недовольно потянулся к отнятой щеке, но Марта проворно потёрлась ею о подушку — настоящую, тонкого полотна, отделанную рюшами и кружевными вставками, с вышитыми на одном из углов красиво переплетёнными буквами, украшенными короной.

И одеяло было настоящим, мягко пружинило, не хотело сминаться под рукой.

И высокое изголовье кровати, обитое белым атласом, затканым серебряными лилиями — тоже не спешило растаять, как дым, а было прочным и основательным.

И витой шнур, свисающий откуда-то с крепления балдахина, так и просящийся в ладонь... Марта невольно протянула руку — потрогать — но вовремя вспомнила, что тогда где-то зазвенит колокольчик и прибегут на зов девушки-горничные. Это тоже будет «взаправду», и не надо дёргать за шнурок, чтобы проверить. Просто пришло, в кои-то веки,

осознание: вот это — реальность. Хотя и невероятная. Значит, бывает и так.

Кот тем временем уткнулся носом куда-то в шею, в самую теплоту, к бьющейся жилке, и затарахтел, выпрашивая ласку. Марта, наконец, с облегчением вздохнула, обняла пушистое тёплое тельце, запустила пальцы в густую шерсть. Она точно знала, что её герцог... Девушка вдруг покраснела, осознав, к а к о нём подумала. Е ё герцог плохим быть не может. Это прежняя судьба, разозлившись, что её обвели вокруг пальца, послала дурное сновидение, намстила вдогонку. А ей на смену пришла новая, совсем другая. Конечно, лёгкой она не будет... Марта снова вздохнула. Да уж, верно помянул капитан Винсент: за то, что простолудин назовётся дворянином, наказание страшное — смертная казнь. Но совсем недавно она благополучно избежала и кола, на который намекали наёмники-рейтары, и насилия, коего боялась больше смерти. А стоило ей вспомнить, что поджидало её, попади в лапы барону де Бирсу...

Новая судьба уже несколько раз сберегала её; почему бы ей не продолжить в том же духе? Зачем уж сразу бояться и готовиться к худшему? Так и накликать недолго. А она, Марта, всё-таки попытается помочь его светлости. И если уж ничего у неё не выйдет... Что ж, пусть, в самом деле, объявят её убогой, тогда она уйдёт в монастырь, а его светлость освободится и сможет жениться на ком хочет. От этой мысли ей почему-то взгрустнулось. Конечно, какая из неё герцогиня, смех один. Но она должна, должна сделать всё, что в её силах. Она помнит добро. И то, что герцог остановился тогда, в самый страшный для неё миг, пожалел, помог одеться, прийти в себя — всю жизнь будет помнить. Он, может, и значения этому не придавал, а Марта... Из всех сил будет стараться для с в о е г о герцога.

Новый сон был спокойным и добрым. Несмотря на то, что даже в нём хотелось есть.

***

— Госпожа! — раскудахтались Берта и Герда. — Ах, госпожа, что же вы нас не позвали!

Марта недоумённо повела плечом. А зачем звать-то? Платье, что ей заботливо оставили разложенным в кресле, можно было надеть без посторонней помощи — оно зашнуровывалось спереди, поскольку было изначально предназначено для горничных, которым слуг не полагалось. Со всем остальным хлопот тоже не возникло — ни с бельём, ни с чулками. Туфли, правда, снова оказались чуточку великоваты — такая уж у Марты была миниатюрная ножка, словно у настоящей Синдереллы. Но она подложила в носки кусочки мягкой замши, кем-то предусмотрительно оставленные, потопталась — вроде бы сойдёт, только каблукочек непривычно высоковат, раньше-то она ходила в основном в сабо. Да ещё однажды на праздник дядя подарил ей нарядные сапожки, которые она и обула-то два-три раза, не больше...

А потом тихонько зашептались за дверью — и заглянули две девичьих головки, светленькая и рыженькая, в аккуратных кружевных наколках. Глянули, ойкнули, отпрянули и сунулись снова. Пока Марта не догадалась сказать, что можно войти.

Они хлопотали вокруг «госпожи», а той было и неловко и чуть смешно. Ведь она не старше этих девочек, но почему-то — обхаживали именно её, и расправляли воланы на платье, и пытались сделать высокую причёску, но, по её настоянию, так и оставили две косы. Ей — одной! — снова накрыли столик и поставили большую чашку крепкого, как вино, горячего бульона и целое блюдо с крошечными пирожками, которыми так и хотелось набить карманы. К сожалению, кармашков в платье не было, жалко-то как, не запастись...

Пить бульон в присутствии других, когда те смирно стояли рядом, а Марта сидела — было вообще уже чудно. А на предложение Марты присесть и угоститься девушки только затрясли головами и посмотрели на неё с таким обожанием, что «госпожа» чуть не поперхнулась.

Дома если ей удавалось за столом запустить два-три раза ложку в общую миску — и то ладно, считалось, что ей хватит. Тётка бдительно следила, чтобы весь её многочисленный выводок был накормлен — а у неё своих две девки, от первого мужа, что помер в оспе, да от Жана четверо — две пары близняшек. Поневоле будешь поглядывать, чтобы каждому кусок достался.

А тут всё это богатство — ей одной... Даже не верилось.

И это было ещё простейшим испытанием. А вот когда она робко поинтересовалась, можно ли ей пойти посмотреть замок, а девочки дружно ответили:

— Госпожа, вы ведь госпожа, что хотите, то и делаете, на всё ваша воля!

... вот тут у неё чуть голова не закружилась от страха. Это куда же её вознесло? Никогда Марте не приходилось кем-то командовать, разве что младшими племянниками, да и то — больше с шутками да прибаутками; попробуй, повысь на них голос, влетит от тётки. А тут... Живо вспомнились ей Аннины вопли: «Дядя, пусть ей уши отрежут!» Это что же — такая власть над людьми была даже у соплячки? И всё потому, что госпожой родилась? Нет, она, Марта, никогда так не сможет...

Да и не нужно, шепнул ей глас рассудка. То-то у его светлости такой пасмурный вид был, когда он вроде бы потерянную супружницу увидел, от большого счастья, не иначе. Не хватало ещё стараться на неё походить... В конце концов, Марта хорошо помнила давнишний разговор в карете: что, мол, сюда, в Эстре, приехала совсем другая Анна. Значит, ту, вроде бы похищенную, никто и не знал. Вот и незачем ей походить на вздорную и крикливую стерву. Нужно просто подлаживаться под здешние порядки, устои, как... как замужем девушка в чужую семью переходит и по законам мужниной семьи живёт. А что? Рассказывают, что в других деревнях совсем иные обычаи, а если доводится крестьянке за городского выйти — там ещё чуднее разница. Но привыкают же...

Будь что будет.

— А можно мне... — Поправилась. — Я бы хотела посмотреть дом, походить тут... Вы могли бы мне всё показать?

— О, госпожа Анна, — почтительно ответила Берта, — у нас свои обязанности, мы дальше ваших комнат и если куда по делу — ходить не можем, нам запрещено...

— А вот если больших гостей по дому водить — так этим господин дворецкий ведает, — подхватила Герда. — От подвалов до самой башни, и вокруг ещё обведёт, всё до последнего кирпичика покажет. Изволите позвать?

— Зачем же, я и сама его найду. — Девушки захлопали глазами, и Марта поняла, что сморозила что-то не то. — Он человек пожилой, ему, наверное, нелегко будет самому-то столько ходить...

Лица девушек посветлели.

— Ой, ну что вы, знаете, как он наш Гайярд любит! Гайярд — это так наш замок называется, помните? Он его просто обожает, — сообщила Берточка. — Никому не уступит такую работёнку. Пойду, скажу, что вы просите зайти...

И не успела Марта слова вставить — взметнула накрахмаленным передничком, застучала накрахмаленными юбочками и умчалась.

«Я прошу его зайти», — мысленно повторила Марта, запоминая. «Ага. Даже если он

здесь самый главный над всеми — но его светлость над ним хозяин, а я при этом — жена...» Она порозовела. «... жена его светлости. Стало быть, хозяйка. Ой, как бы не ляпнуть глупость какую, а то скажут: ворону привёз его светлость, а не жену...»

«Гайярд», — ещё повторила она красивое звучное название. «Гайярд...»

И поспешно поднялась навстречу пожилому дворецкому. А тот явился так быстро, будто ждал, когда позовут.

В душе у мэтра Гийома творился полный разлад. С одной стороны, он вроде бы и уверился в том, что прежняя герцогиня на самом деле была фальшивой, а эта — настоящая; да и подслушанный у кухонных дверей разговор заставил серьёзно призадуматься. По всем статьям выходило: совсем не такая теперь госпожа Анна, что была у них раньше, небо и земля. Может, и так, однако не зря говорят: в тихом затоне черти водятся. Та, что год назад приехала из Фуа, тоже поначалу была тихоней, а потом как разошлась... Но и к ней приспособились. А чего ожидать от этой? Хуже всего, что хозяин, кажется, решительно принял её сторону, и если что не так — уже не пожалуешься.

Мэтр был поражён, когда новая хозяйка сама его встретила. Подумать только, она встала при его появлении! А ведь, собственно, дворецкий, несмотря на звучное название должности, всего-навсего старший лакей, поставленный над остальными, невелика птица, если подумать, хоть его светлость и представил мэтра супруге столь торжественно. Анна де Фуа-прежняя лишь соизволяла скосить глаза при его появлении да холодно ставить в известность о том, что ей нужно, эта же — встретила, смущённо поздоровалась, и, глядя прямо в глаза, попросила показать её новый дом.

...Он готов был без устали рассказывать о коллекциях вин в хозяйских погребах, но заметил, что госпожа Анна с трудом сдерживает дрожь, и обругал себя последними словами: платье на герцогине было лёгенькое, а в подвалах царил, соответственно, могильный холод, совсем не подходящий для легко одетой барышни. Поэтому прямо из погребов он повёл её смотреть кухни. Вот где царило вечное пекло! Хозяйка была поражена не столько размерами кухонь, сколько тем, что их две: одна для господ, другая «чёрная», для прислуги и охраны, и ещё неизвестно в которой запахи были упоительней! И в обеих царствовала тётушка Дениза, разгорячённая печным жаром и властью над десятком поваров и полусотней поварят и посудомоек, над кладовыми и ледниками, над коптильнями, жаровнями и котлами. Но даже она не смогла устоять против восхищённого взгляда новой госпожи и щедрой рукой самолично плеснула в фарфоровую миску замечательного супчика с гусиными потрошками, когда герцогиня согласилась снять пробу и убедиться, что для простого люда готовят так же вкусно и сытно, как для господ.

Они прошли мимо людских, обустроенных куда лучше, чем у многих в Эстре: здесь у самого скромного подметальщика была собственная койка, никто не спал по очереди в пару с другим, а в помещениях было чисто, сухо, уютно. Конечно, о казармах мэтр лишь упомянул, а водить новую хозяйку не стал, ибо нечего делать молодой женщине среди солдатни, хоть кое-кто из рейтар и благородного происхождения. Зато они почтили вниманием конюшни, поскольку знатым господам не зазорно интересоваться породистыми лошадьми. Там Петер пообещал подобрать хозяйке самую смирную и благонравную кобылку, потому как «на той оторве, что под прошлой оторвой была — нынешней просто невозможно ездить, снесёт». Герцогиня не сводила глаз с вороных и серых в яблоках красавцев, а один из них даже выпросил у неё невесть откуда взявшуюся краюшку. Должно быть, Петер подсунул, не мог же хлебушек сам собой оказаться зажатым в господской

ладошке...

Как и водится, первый этаж отводился под служебные помещения и комнаты для прислуги. Были здесь и прачечные, и небольшие баньки, и кузня с мастерской, и швейная комната, и даже маленькая больничка. Его светлость заботился о своих людях.

Второй этаж был господский. Даже лестницы туда вели разные: парадная — для хозяев и их гостей, и несколько чёрных, и устроена целая система скрытых коридорчиков — для слуг, чтобы сиятельным господам глаза зря не мозолили. Кроме гостиной и столовой был танцевальный зал, куда герцогиня заглянула со страхом. Впрочем, можно понять: паркет был так наощен, что немудрено растянуться или ножку вывихнуть, на каблучках-то... Отвыкла госпожа в приличной обуви ходить, ох, отвыкла... А в библиотеку она зашла как в храм. Да так и заалела, увидев прелестных наяд в компании Вакха на полотне знаменитого Джоджи, и плафоны с обнажёнными нимфами и купидонами. Но затем с благоговением оглядела книжные полки, заполненные изданиями лучших печатных домов Галлии и соседних королевств.

— Неужели его светлость всё это прочитал? — спросила, почтительно понизив голос. Дворецкий приосанился, будто лично проштудировал фолианты все до единого.

— Его светлость большой ценитель хороших книг. Многие преподносят ему в дар особо редкие экземпляры. Если вас что-то заинтересует — поговорите с секретарём, мэтром Фуке, он ведёт картотеку и уж точно знает, где и на какой полке найти то или иное. Без его помощи вам не обойтись.

На третьем этаже были комнаты самого дворецкого и матушки Аглаи, девушек-горничных, и несколько пустых комнат, которые дворецкий постарался миновать без объяснений. Надо присмотреться, как оно у хозяев будет складываться, думал он на ходу. Глядишь, и пригодятся детские. В одной-то спальне, да вместе, господа, почитай, медовый месяц по новой проведут... Мэтр покраснел, как мальчик, одёрнул себя: твоё ли это дело, старый пень? Сиди на солнышке, грейся...

— А эта лестница куда? — любопытствовала молодая хозяйка. Дворецкий к тому времени уже выдохся, расхаживая по этажам, а ей хоть бы что. Не такая уж слабенькая, пусть с виду хрупкая, как те мраморные статуэтки, что у его светлости на каминной полке. Хозяйка, да, настоящая...

— В башню, ваша светлость. Там уже ничего интересного, просто смотровая площадка наверху.

— В башню? — У неё даже глаза округлились. — Мэтр Гийом, если вы не устали — давайте посмотрим! Я никогда ещё не была в башне!

Мэтр слегка удивился, но потом вспомнил, что Шато Фуа — замок довольно-таки старый, и из четырёх его башен только одна находится в более-менее сносном состоянии, да и ту собирались ремонтировать. А вот прежняя госпожа Анна не особо любила это место, неожиданно вспомнил старик. Поднималась сюда лишь раз, из любопытства, глянула вниз, шарахнулась — видать, высоты боялась, закуталась в шаль поплотнее и привычно скривила губы. Чего, мол, тут хорошего? Ветер насквозь продувает. Птицы гадят. Солнце палит, глаза режет. Фу.

Герцог же эту башню в силу некоторых причин очень любил. Даже последние три года, когда приходилось ему и спускаться, и подниматься на собственных ногах... Дворецкий только вздохнул. Ох, ноги...

— Туда ведёт сто двадцать ступеней, ваша светлость, — честно предупредил он. Но что

эти сто двадцать молодой девушке, она-то по ним запрыгала, как горная козочка, а вот бедняге Франсуа уже на третьем десятке стало немоготу. На полпути хозяйка обернулась и заметила, что мэтр отстал — и посмотрела виновато.

— Простите, мэтр Гийом, я и не подумала, что вы устали. Давайте вернёмся!

Вернулась — и поддержала его под локоть. Собственной ручкой.

Вот как после этого ей отказать? Конечно, они добрались до самого верха, но уже не торопясь, степенно.

— Ох! — только и сказала новая госпожа, глянув вокруг. — Какая красота!

И сердце старика наполнилось покоем и удовлетворением.

Эстре отсюда был, как на ладони. Все каналы, речки и мосты, далёкая синяя кромка залива и мачты грузовых кораблей, торчащие издалика как шпиговальные иглы, Собор Святого Серафима и здание ратуши на городской площади, тесные дворы ремесленных кварталов и усадьбы богатых горожан. А ещё — очень хорошо было видно, что Гайярд стоит на самом настоящем острове. В этом месте река образовывала природную излучину, отсекающую от противоположного берега изрядный кусок густого леса; здесь и построили первые герцоги свою резиденцию, оставив часть природных куц в неприкосновенности и замкнув дугу излучины рукотворным каналом. Замок утопал в парковой зелени, но она казалась ровненькой, причёсанной и выщипанной по сравнению с буйным царством буков и грабов на «дикой» стороне. Хозяевам нравилась их первозданная красота.

Герцогиня бесстрашно заглянула вниз меж двух зубцов башни, на далёкую мощёную площадь двора. Да уж, есть на что посмотреть: лошади отсюда кажутся собачками, а люди — крохотными куклами. Но то, что вокруг и выше — намного интереснее.

— Смотрите, госпожа, — дальнзоркость мэтра здесь, на башне, была ему только на пользу — Аисты! Вон там, летят к нашему лесу! Не правда ли, красавцы?

— Да, — с непонятной грустью ответила молодая герцогиня. — А я им всегда завидовала. Они-то вольные...

Осёкшись, испуганно глянула на дворецкого и поспешно отвернулась.

Сердце у мэтра Франсуа сжалось. Вольные... Бедная девочка. Значит, и впрямь — под замком держали...

— И его светлости здесь очень нравилось, — поспешил он сменить тему. — Особенно, бывало, до того, как... — и вдруг замолчал, попеняв себе за длинный язык. Чуть не проговорился. По счастью, хозяйка ничего не заметила, она не сводила глаз с густой зелени.

— Можно мне погулять по парку?

Мэтр почтительно поклонился. Очевидно, подобные вопросы и имел в виду господин герцог, говоря о том, что бедняжка иногда забывается.

— Госпожа Анна, позвольте напомнить: вы здесь хозяйка. Вам не нужно ничьё разрешение.

— Да? — спросила она удивлённо. Повторила с каким-то удовольствием: — Да? Задумалась. — Тогда я погуляю по парку, мэтр Франсуа. Ой, ничего, что я так вас назвала?

— Нет, госпожа, всё в порядке. Его светлость всегда предпочитает называть меня по имени, видя во мне не только слугу.

— Но вы и есть не только слуга. Вы — пожилой человек, всеми уважаемый, и вы очень добрый, потому что вам тяжело подниматься на такую верхотуру, но вы даже не подумали меня отговорить. Простите, что я такая невнимательная. А если я буду гулять одна — я не нарушу никаких правил?

— Дама должна быть со спутником или с компаньонкой только на улице и в людных местах, — отозвался дворецкий, уже ничему не удивляясь. — А здесь, в собственном доме, вы вольны передвигаться где угодно совершенно одна. Я лишь смею порекомендовать...

Он замялся, гадая, как бы поделикатнее её предупредить.

— Ходить на старую половину парка я не советовал бы. Там всё запущено, неухожено: валежник под ногами, дикие кусты — боярышник, жимолость... Поцарапаетесь, да и платье зря испортите, сами понимаете. Походите в новом парке, там чудесные беседки и гроты. Я предупрежу садовников: они не будут мешать, но если вам покажется, что вы заблудились — окликните, кто-нибудь непременно явится.

— Вы очень добры, — с чувством ответила госпожа. И старый дворецкий понял, что никогда в жизни ещё не был так счастлив.

«Дай-то бог, чтобы всё у них сладилося», — думал он. «Дай-то бог... Не начать ли ремонт в детских? Хватит уж им пустовать...»

***

Конечно, Марте больше понравился старый парк — настоящий лес! В новом всё было слишком «правильно»: подстрижено, выровнено, чистенько, хоть масло лей и лижи, как говаривали в Саре кумушки. Красиво для глаза, приятно для дам и кавалеров — не на кочках ноги сворачивать, не через кусты и ветки продираться, а гуляй себе по широким дорожкам, цветочки нюхай. Опять-таки, цветы — на аккуратных, по линеечке выровненных клумбах, или круглых, или в форме капель... Работа здесь проведена была немалая, и садовникам его светлости могли собой гордиться. Но Марте чего-то не хватало.

В их лесу, хоть и не было ровных дорожек, зато красиво смыкались над головой кроны, и никто не пугал птиц — они гомонили до одурения, а не чирикали деликатно, как здесь. Правда, можно было наступить на змею — но это если не знаючи, да под ноги совсем не глядя... Девушка быстро научилась угадывать и волчьи ямы, и приближение баронской охоты. Она всегда старалась держаться неподалёку от какого-нибудь большого дерева, чтобы, едва заслышав далёкий лай гончих и пение рогов, быстро вскарабкаться и переждать опасность в густой листве. А то и сама добычей станешь... Но барон, скручиваемый нехорошими недугами, охотился всё реже, а потому — Марте везло.

Лес был настоящим кормильцем. Весной можно было надёргать стебельки молочая и кислицы, похрустывающие на зубах, собрать дикого лука для постных пирогов, молодой огуречной травы. Нет-нет, да находились забытые беличьи схроны с вкусными орешками. В мелких прудах было полно речных лилий, чьи корневища с виду чёрные, страшные, а очистишь — и появится белая сочная мякоть, хоть сырой грызи, хоть запекай. Можно было отыскать в примеченных местах россыпи рыжиков и сыроежек, невероятно вкусных, если их поджарить над крошечным костерком на прутике, особенно когда есть в кармане в тряпице хоть толика драгоценной соли. А уж если заранее под кострище подложить утащенное из курятника яичко, только прикрыть дёрном, чтобы не лопнуло, то и вообще — знатный обед получится. Грибы в деревне почему-то не ели, считали их несъедобными, поэтому Марта спокойно обирала свои дяляночки. Она и с ягодой дружила. Главное — не забываться, поглядывать да послушивать во время сбора: не треснет ли ветка под медвежьей лапой?

А здешний лес был куда гуще Сарского, наполовину сведённого угольщиками. Так и манил, так и притягивал... К тому же, откуда ни возмись, закрутился под ногами знакомый

котяра. Девушка уже знала, что зовут его Маркиз, что он — герцогский любимчик и гуляет сам по себе и где вздумается, а уж крыс душит! Иногда к утру находят перед амбарами по пять-шесть, в рядок уложенных. Да и гуляет, действительно, сам по себе: непонятно, куда давеча подевался из хозяйской спальни, но теперь вот тёрся об ноги, искрился лохматой шерстью. А потом, словно бы и не ласкался — пошёл себе вперёд, прямо к просвету в живой изгороди, отделяющей господский парк от дикого; как раз, куда и поглядывала Марта, да никак не решалась пойти.

Украдкой оглянувшись, девушка сделала несколько шагов. Оглянулась. С виду должно всё выглядеть пристойно: хозяйке загорелось догнать котика и погладить, обычное дело. Далеко садовники или близко, видят или нет — а её, Марту, упрекнуть вроде бы не в чем. Да и не запрещали на ту половину ходить, только не... Она повторила по слогам умное словечко: не ре-ко-мен-до-ва-ли. И порадовалась, какая у неё хорошая память.

В общем, боярышника там и впрямь было полно, даже не кустистого, а разросшегося в деревья. Прошмыгнуть без особого вреда для нарядного платья можно. Пришлось только подол подобрать, чтобы не цеплялся, да придерживать одной рукой, а другой — отводить ветви, то и дело норовящие ткнуть в глаз. Но Марта была привычная, уворачивалась, где нужно — и голову наклоняла, и пригибалась ловко. Приятно пружинили под ногами прошлогодние листья. Знакомо пахло прелью и грибами. И почему-то... жареным мясом?

Она даже остановилась в расстройстве. Да что с ней творится? Уже несколько раз поела досыта, а все мысли — о еде... Маркиз, шествующий впереди, призывно мяукнул, выводя Марту на большую поляну, затем как-то победно оглянулся и вспрыгнул на небольшой уступ странной горы, занимающей середину свободного пространства. Гора, холм, скала — одним словом, странная каменная глыба, что-то напоминающая. Да, точь в точь — окаменевший дракон из книжки с картинками, которую до дыр засмотрели Мартины племянники! Конечно, каменный, откуда здесь взяться настоящему, о них уже, говорят, лет десять ничего не слыхивали.

Кот неспешно потянулся, попробовал заточить когти о каменную чешую — та только заскрежетала — и важно прошествовал вдоль хребта, перешагивая мелкие зубцы на хвосте и лавируя между крупными на спине. Он явно красовался: то тёрся о пластину повыше, то делал вид, что собирается пометить. Ох, будь этот зверь настоящим — он не спустил бы такого нахальства! Наконец кот добрался до головы и прыгнул...

... прямо на целиком зажаренную говяжью тушу. Марта широко открыла глаза. Так вот оно что! Ей не показалось! Ну, и слава богу, а то она уж испугалась, что от вечной голодухи стали мерещиться запахи, а они, оказывается, настоящие. Девушка даже слюну сглотнула. В двух шагах от каменной морды поверх расстеленного на траве полотна лежала целая груда мяса: помимо говяжьей туши — несколько бараньих, и бессчётно — индеек, кур, гусей... Маркиз уже с урчанием вгрызался в индюшачью ногу.

Марта робко приблизилась.

Кот жрал, а сам поглядывал на неё исподлобья. Но не злобно, как бывает, когда боятся, что отнимут, нет: снисходительно. Мол, что глядишь? Налетай! Зря, что ли, я тебя сюда привёл?

— Но это... чужое, — растерянно сказала девушка.

Зачем здесь столько еды? А главное — кому? Изваянию? И ведь всё — свежее, принесено недавно, иначе запах был бы, а запах, да и мухи облепили бы. И... лес всё-таки, хоть волков наверняка не водится — его светлость такой вольности у себя под боком

не потерпит — но уж мелкая живность наверняка набежала бы на дармовщинку. А пока что — только кот набежал.

Пахло очень уж аппетитно.

Марта сделала шаг. Никто и не увидит, если она, к примеру, крылышко отломит — он от той курочки...

Каменные веки изваяния дрогнули и поднялись. По поляне пронёсся шумный вздох.

— Ой, — сказала Марта и от неожиданности отступила — да так и шлёпнулась попой в мягкую траву. Сядешь тут, когда на тебя уставились громадные глазищи... Но почему-то ни капли не испугалась. Здесь, в замке у герцога, все так славно к ней относились, были добры и благожелательны, что она ей и в голову не пришло, будто с ней может случиться что-то нехорошее. Да и старый Франсуа — неужели он не предупредил бы, грози ей какая-то опасность? Поэтому она всего лишь растерялась.

«Хмм...» — вздохнул кто-то у неё в голове. Марта почувствовала, как её обдало холодком, колющие мурашки забегали по телу. Красиво вырезанные узкие щели ноздрей на каменной морде затрепетали. Дракон втягивал воздух. Принюхивался... «Хмм... Детёнышшш... Откуда ты взялся?»

Голос был мужской, низкий, красивый, с лёгкой хрипотцой. Драконьи челюсти не размыкались, но отчего-то Марта сразу поняла: это он с ней разговаривает.

Янтарные глаза с узкими вертикальными зрачками повернулись в сторону еды, словно на шарнирах. Марте даже послышался лёгкий скрежет.

«И ты здессь, воришшка», — насмешливо пробормотал дракон. Маркиз и ухом не повёл, уписывал индюшку и рыча от удовольствия. «С тобой вссё яссно... Подружшшшку привёл?» Немигающий взгляд вернулся к Марте. Та, в смущении покрасневшись, отряхивалась от налипших травинки. «Иди, поешшш... Детёнышшши вечно голодны, я зсснаю. Да не бойсся...»

Марте вдруг стало стыдно.

— Нехорошо как-то, — сказала она виновато. — Это же ваше. А я сегодня уже ела.

Ящер как-то странно закашлялся.

«Боишшшся меня обьесссть? Думаешшш, поссле тебя не осстанется? Ххх...» Он насмешливо фыркнул, выпустив из ноздрей струйки дыма. Со скрипом и шелестом развернул тяжёлый хвост, с которого волной осыпалась каменная крошка — словно глазурь с пасхального кулича — затем весь корпус. В этот раз с него осыпалось куда больше. Оставляя за собой след в виде гранитной розовой пыли, отполз на край поляны.

«Ешшш», — приказал оттуда. «Не будешшш — всё сспалю, пропадёт».

— А вы сами почему не хотите? — заикнулась девушка, делая шаг к соблазнительной грудке мяса. Было немного неловко, но не как перед горничными. Будто случайно забрела в пустой дом — а там оказался старый дедушка перед накрытым столом, и дедушка болен, а может, просто не в настроении кушать, зато любит смотреть, как едят те, кто со здоровым молодым аппетитом. И вдруг её осенило. Он, наверное, действительно болен! Оттого и не ест, хоть ему и приносят, ишь, спалю, говорит; видать, не в первый раз... Марте вдруг стало жалко дракона. Она решила пуститься на хитрость. Однажды после тяжёлой лихорадки дядю Жана не могли накормить никакими силами — желудок ссохся, еды не хотел, да и сам кузнец отказывался: мол, лучше младшим отдайте, я-то пока не хочу... А сил на выздоровление не было. Пришлось Марте изворачиваться...

— Одной что-то не хочется, — виновато сказала она. — Давайте... вместе.

Дракон и кот одновременно повернули к ней морды с совершенно одинаковым выражением. Ты, мол, сама-то поняла, что сказала? Девушка так и запунцовела. Тем не менее, храбро протянула руку к облюбованной пулярке, отломила ножку, а оставшуюся, истекающую вкусным соком тушку потащила прямо к страшной пасти, не замечая, что прозрачные ароматные капли падают на юбку и пропитывают рукава.

Она держала цыпу на вытянутой руке и гадала: а что же теперь делать? Не засунешь ведь силком в пасть? Дракон осторожно вытянул шею — снова посыпалась каменная крошка — и губами, как лошадь, берущая с ладони угощение, потянул к себе курицу.

Хрупнули кости. Ящер сглотнул. Фиолетовый раздвоенный язык пробежался по губам — оказывается, не каменным, просто твёрдым.

«Хммм... Убедила. Вкуссно. А зсснаешшь... я давно не ел, может, ссстоит попробовать?»

— Если давно — тогда сильно не налегайте, — предупредила Марта.

«Одному что-то не хочетсся», — жёлтый глаз хитро сощурился. «Давай вмессте, детёнышшш... Пошшли, пока этот воришшка не вссё сожрал».

...«Тебе попадёт зсса платье», — сказал он немного позже.

Марта огорчённо рассматривала закапанный живот. Надо же так изгваздаться! Будто это не господин дракон, а она уплела только что и бычка, и барашков, и закусил птичками, даже не рыгнув. А рукава-то, рукава! Маркизу проще, он языком умывается... Даже если найдёшь поблизости ручей — жирные пятна в холодной воде не отстираешь.

«Хммм», — слышалось снова. — «Давай-ка, разсссдевайся... И повессь платье на дерево, мы его сейчас паром почисстим. До темноты высссохнет».

— Э-э, а я в чём останусь?

«Тепло, не замёрзсснешь... Ты что, ссстесняешь?» — Дракон фыркнул. «Броссь. Я для тебя не опассен. Девссственницы интерессуют меня сссовсем в другом плане».

— Это в каком же? — опасливо поинтересовалась Марта. И одёрнула себя. Захоти господин дракон сожрать — давно бы слопал, то-то он недавно говяжьё тушку умаял в два прикуса. Марта ему — на один зуб...

«Потом сскажу, чтобы не ссмущать». Собеседник явно забавлялся. Чиркнул когтём по громадному полотнищу, опустевшему после трапезы, срезал, как бритвой, порядочный кусок кромки, не тронутый жирным мясным соком. «Заверниссь, и дело с концом».

Он пыхнул паром на развешенное на ветвях платье раз, другой, третий. Подул горячо, заставив влажную ткань просыхать.

«Сссоро будет в порядке. Подожди ещё немного, побудь со мной. Я так давно ни с кем не говорил...»

— А что вы тут делали? — Марта присела на пенёк, завёрнутая в широкую полосу материи, как в кокон, поболтала ногами, упустила туфлю и зашарила по траве в поисках.

«Детёнышшш», — снисходительно пробормотал дракон. Ювелирно точным щелчком хвоста послал туфельку к хозяйке. «Я тут ссспал. Долго ссспал...»

— Сто лет? — очаровано спросила Марта.

«Почему — сссто?»

— Ну... в сказках всегда спят волшебным сном сто лет, не меньше. Вот я и подумала...

«Нет, детёнышшш, меньше. Но и того доссстаточно...» Дракон вдруг замолчал. Опустил голову на передние лапы. Долго думал.

«Ссскажи, который сссейчас год?»

— Одна тысяча шестьсот десятый от Рождества Христова.

Дракон снова примолк.

«Ссемь лет... Много зссабыл, многого уже не зссснаю... Кто сейчас правит в королевсстве? Филипп?»

— Нет. Его величество Генрих.

«Ммм... Давно?»

— Ну... года три...

«Сколько у нас...» Дракон вдруг болезненно поморщился. Совсем, как человек. «Не помню... не помню, как называется... сслишком долго сспал... память сстёрлась. Семь лет... И трёх было бы досстаточно, как только я продержался?»

Марта притихла. Про такое ей тоже приходилось читать — в ссказках... Вот незадача, она скоро как и он, начнёт шипеть. Ох, бедняга, неужели всё-всё позабыл?

— И вы не помните, кто вы такой? — спросила участливо. — Где родились, как жили, почему заснули? Может, какой-то злой колдун наваял на вас сонные чары? Хотя они, колдуны, все сейчас в Некрополисе — но семь лет назад, говорят, их много по земле бродило, на свободе-то. Вот вы, наверное, с кем-то и повздорили...

«Нет», — тяжело ответил дракон. «Вссё не так. Не помню точно, но... не так. О, проклятое бесспамятство! Лучше бы мне ссовсем одичать, чем жить таким обрубок...»

Марта представила, каково это: допустим, она забудет... Да, забудет барона, пастора, Анну, дурной сон про герцога. И при этом — самого герцога, дядю Жана, матушку... Нет, невозможно! Хорошо, когда не помнишь плохого, но если забыл хорошее — это ужасно. И впрямь — обрубок...

— Ваша светлость, — окликнула она машинально. До того привыкла обращаться так к герцогу, что сейчас эти слова вырвались у неё непроизвольно. Дракон вздрогнул и, сморгнув, уставился на неё.

«Как ты меня назссвала? Почему?»

— Ой, простите... Я так всё время обращаюсь к... к одному человеку, привыкла. Я вас не обидела?

«Нет. Удивила. Я же не человек. Впрочем, мне нравитсся... Ты что-то хотела ссказать?»

— Да. Я вот подумала...

«Назсссови меня так ещё разсс... это крассиво...»

— О! Ваша светлость! — Марте вдруг стало смешно, она невольно хихикнула. — А что, если я вас сейчас поцелую?

Дракон фыркнул. Встряхнул громадной башкой, как пёс. Глянул заинтересованно.

«Ты не принцесса, малышшка, а я не... Впрочем», — он задумался. «Ну да. Я и есть дракон. А ты...» Хитро прищурился. «А ты любишшь читать ссказки, да? Детёнышшш... Конечно, это не вернёт мне память, но — я тронут. Можешь поцеловать; мне, старику, это будет приятно... А тебе — не противно?»

Вместо ответа Марта, придерживая импровизированный хитон, приподнялась на цыпочки — и бережно поцеловала ящера в нижнюю губу. Ну, куда дотянулась. И замерла. Что дальше?

На удивление мягкое крыло погладило её по голове.

«Сспасибо, детёнышшш. Я благодарен тебе от вссего ссердца».

Марта разочарованно вздохнула и пошла переодеваться. Не помогло. Жаль.

Дракон, поначалу старательно прижмурившийся, открыл один глаз и с нежностью наблюдал за маленькой фигуркой, путающейся в длинном платье. Ах, ему бы человеческие руки... Впрочем, не надо пугать этого ребёнка, на ней уже есть чей-то запах, хоть и совсем лёгкий...

Запах... Он сильнее втянул в себя воздух. Чей на ней запах? Что-то знакомое...

— Вы подглядывали! — воскликнула Марта. — Ваша светлость, как не стыдно!

«Арман», — медленно сказал он, пропустив мимо ушей её возмущённый вопль. — «Меня зовут Арман. Понимаешь? Я вспомнил, по крайней мере, одно из своих имён».

Сперва Марта не поняла, но потом захлопала в ладоши.

— Правда? Ну вот, я же знала, что поможет! А ещё, ещё что-нибудь?

«А тебя как зовут? И кто ты такая? Как здесь очутилась?»

— Я Марта, Марта!

«Проссто Марта?»

— Просто Марта, а что ещё? Главное, что вы всё вспомнили!

«Что ты, детёныш... пока только собственное имя... Но будем надеяться, что это первая ласточка. Марта, да? Арман — Марта... Ты заметила? Наши имена состоят почти из одних и тех же звуков, только переставленных местами. Как же это называлось у придворных поэтов?... Пустое. После подумаю. Расскажи о себе, Марта».

— Да что рассказывать... А это вам поможет, ваша светлость?

«Безусловно... Говори, что хочешь. Я буду слушать — а моя память сама вытащит знакомые понятия и запустит механизм восстановления, по ассоциации...»

— Вот как вы умно и красиво говорите, — огорчилась Марта. — А у меня так не получается, хоть и надо бы...

«Зачем? Впрочем, давай с самого начала...»

Марта, вздохнув, уселась на знакомый пенёк.словно прилежная ученица в воскресной школе, разгладила на коленях юбку. И... сама не заметила, как выложила дракону Арману всю свою вроде бы бесхитростную историю. Он не перебил ни разу.

«Хмм... Вот как...»

И надолго задумался. Наконец, посмотрел на розовеющее небо и прервал молчание.

«А ведь тебя скоро хватятся, детёныш... Иди-ка домой. Маркиз проводит... Спасибо. Теперь я буду думать, долго и много думать».

— Я хоть немного помогла, ваша светлость?

«Ты стронула с места лавину. И теперь мне нужно что-то с ней делать».

— Это как?

«Надо говорить: я не поняла, поясните».

— Э-э...

«Без «э-э»

— Я не поняла про лави... что это такое, ваше светлость. Поясните, пожалуйста. Так?

«Умница. Знаешь, что такое — большие горы? Там, на вершинах, столетиями лежит снег. Лежит, накапливается, его всё больше и больше... И вдруг — подземный толчок, и на неподвижную, вроде бы устойчивую массу падает камушек. И сбивает равновесие. Увлекает за собой малую горсть снега, та — несколько горстей, те — охапки... И, наконец, рушится всё».

— А-а... Страшно. А вы справитесь?

«Теперь — справлюсь. Ты вдохнула в меня силы».

— Ну, уж, скажете, — засмушалась Марта. И спохватилась: — Опять что-то не так?

«Дама должна уметь принимать комплименты... похвалы. Особенно заслуженные. Детёнышшш, тебе и впрямь пора. Проссти, у меня свой интересс: надо побыть одному, сссобраться с мыссслями... У меня к тебе проссьба; не говори никому, что я просснулся. Будут донимать разсссговорами, а я пока не готов к общению».

— Понимаю, ваша светлость, — почтительно ответила девушка. И не удержалась: — А мне — можно когда-нибудь к вам придти? Мы бы разговаривали, вы бы меня поправляли, обоим выгода... простите, польза. Можно?

«Запоминай, детёнышшш, как надо отвечать: я вссегда рад тебя видеть. Я принимаю ежедневно поссле полудня... Видишшш ли... Нужно летать, укреплять крылья, придётсся делать это по ночам, чтобы не пугать людей. И ссебя не обнаруживать. Поссле полётов мне надо обязсссательно поспать, восстановить ссилы, потому — до полудня не тревожь. А разсссговаривать мы будем непременно. Приходи».

Сладко почивающий до сей поры на травке Маркиз приоткрыл глаз, потянулся, потрусил не спеша в чащобу. Марта погладила на прощанье холодную когтистую лапу и поспешила вслед за котом, не забывая подбирать юбки.

«Анаграмма», — вдруг донеслось ей вслед. «Вот как это назсссывалось у придворных поэтов. Беги, детёнышшш, беги...»

«Поцелуй девссственницы», — подумал он ещё, старательно приглушив мысли. «Да, это дорогого ссстоит... Что же мне с тобой делать, девочка Марта? Да и с собой тоже...»

***

— Ох, госпожа, куда же вы запропалились? — подскочили к ней девочки-горничные у выхода из левого крыла. — Мы вас по всему дому ищем! Его светлость возвращается, говорят — смурной, нехороший, аж почернел весь...

— Ага, — перебила подружку Герда. — Мишель, курьер, он завсегда впереди кареты скачет и матушке Аглае рассказывает, в каком настроении господин герцог. Вот ежели как сейчас — ему лучше на глаза не попадаться!

Сердце у Марты ёкнуло. Не потому, что за себя испугалась. Но не сотворил ли е ё герцог то, за что мог бы потом стыдиться? Не слушая девочек, она в очередной раз за этот день подхватила юбки и заторопилась к парадному крыльцу. Не дело это — чужим людям хозяина встречать, если жена в доме. Уж как это у господ — она не знает, но у добрых людей хозяина должна привечать хозяйка.

Она как раз успела к тому моменту, когда лошадей перехватывали под уздцы конюхи. Его светлость отчего-то не выходил, словно не видел услужливо распахнутой двери. Затем появился. Сошёл со ступенек тяжело, опершись на плечо слуги. И действительно, ликом тёмен, хмур... И как тогда, в тюремном дворе, веяло от него холодом. За спиной Марты хлопнула парадная дверь, простучали торопливые шаги...

— Госпожа, — шепнула ей матушка Аглая, — не нужно бы вам здесь, ещё неизвестно, как он...

Герцог шёл прямо к Марте, не замечая остальных. И смотрел на неё, будто не верил собственным глазам. Приблизившись, осторожно коснулся ладонью её щеки, провёл по волосам, будто хотел убедиться: настоящая ли? И вдруг привлёк к себе.

— Моя, — только и пробормотал. Марта стояла, тихо млея, уткнувшись лицом в его

грудь, и поэтому не видела того, что открылось матушке Аглае: как посветлело и разгладилось чело его светлости, как в глазах появилось давно никем не виденное выражение... Нежность? Он всё ещё ласково поглаживал золотые косы, тёплую девичью спину, а домоправительница сделала знак слугам: быстро, быстро, готовьте всё, что полагается, гроза миновала!

— От тебя едой пахнет, — удивлённо сказал герцог, приняхавшись к Мартиным волосам, и даже склонившись ниже, к шее, плечу. — Вкусно... Ты обследовала кухни? И что у нас сегодня на обед?

Он вдруг почувствовал зверский голод. Со вчерашнего вечера у него маковой росинки во рту не было, да и события дня минувшего к трапезе не располагали. Особенно последние часы. Но тут... желудок свело в спазме. А то, что к запаху вкусного с дымком мяса, отчего-то пропитавшего платье, примешивался аромат свежести и чистоты самой девушки... Его светлость почувствовал себя извращенцем. Ещё пять минут назад его мучило от одной мысли о еде...

— Так что у нас сегодня? — шепнул он.

— Супчик с потрошками, — радостно сообщила девушка. И добавила, вспомнив, как обращалась к ней Дениза: — Желаете отведать?

— Желаю, — грозно сказал герцог, и это относилось не только к еде. — Матушка Аглая! Почему мне никто не предлагал ничего подобного? Что ещё от меня прячут в этом доме?

— Спросите про пирожки, — шепнула ему на ухо Марта. — С рисом, яйцами и зелёным луком. Жареные...

— Жареные? — изумился герцог. Господи, как ему приелись заграничные соусы, блюда, в которых продукты менялись до неузнаваемости, эти пудинги, эти консоме и бланманже... К демонам. Хочется нормальной человеческой еды. — А с яблоками есть?

— С яблоками и изюмом, ваша светлость, — степенно ответила Марта. И, как настоящая хозяйка, перечислила: — Рубцы с гречневой кашей, свиные рёбрышки с кислой капустой, пышки со шкварками и чесноком...

— Довольно. Пусть несут всё. Всё, слышите, матушка Аглая? Хватит морить меня голодом!

Подхватив Марту за руку, герцог ринулся к лестнице как на атакуемую крепость. Дениза, затаившаяся в швейцарской, метнулась на кухню с прытью, никак не ожидаемой от её комплекции. Она торопливо раздавала указания поварям, а сама так и прыскала в кулак. Зная причуды хозяйского аппетита, нетрудно было догадаться: бланманже сегодня достанется прислуге. В кои-то веки народ побалуется господским лакомством, ай да хозяйюшка, вот удружила...

***

— Где прикажете подавать, ваша светлость? — почтительно осведомился мэтр Гийом. И, получив ответ — «У меня» — понятливо кивнул. В приватной обстановке, стало быть, с супругой... Устал его светлость, желает уединения и покоя, а в такие минуты официоз парадной столовой ему претит. А ведь старый Франсуа давно намекал хозяину: надо бы обустроить малую столовую или гостиную, вот и посидели сейчас бы приватно со своей душечкой... (К месту госпожа Аглая ляпнула, весьма к месту, вроде и в насмешку — а ведь

душечка и есть!)

Впрочем, покои его светлости были достаточно велики, несмотря на аскетические запросы герцога. Уголок для скромной трапезы возможно было обустроить и без того, чтобы кушающим то и дело цепляться взглядом за широкую супружескую кровать... Мысли старого дворецкого неожиданно приняли весьма фривольный характер. Нет, пожалуй, напоминать хозяину о новых апартаментах пока не стоит. У него, Франсуа, и без того хлопот полон рот с новыми комнатами госпожи... так что придётся его светлости потесниться.

Таковы были коварные планы мэтра Гийома. Как часто сильные мира сего даже и не подозревают, насколько их судьбы зависят от тех, кого они привыкли не замечать или не принимать всерьёз!

... Марта озабоченно поглядывала на то, как его светлость ловко расправлялся со здоровенным кусищем мяса на рёбрышке, орудуя ножом и каким-то странным предметом, похожим на крошечные вилы, только с четырьмя зубчиками. Также, играючи, и дядя Жан разделявал большой кус говядины — если тот, конечно, бывал на столе, но это случалось в последнее время редко, ох как редко... Семья росла, росли и едоки, а отдачи от них почти не было. Дядя Жан орудовал двумя ножами, да так споро, что любо-дорого было посмотреть. Он и Марту приучил, хотя тётка и ворчала — господская, мол, забава, у добрых людей на то хватает ложек, да и руки, чай, для чего-то приделаны... Но кузнец не любил пачкать пальцев, тем более что на чистые полотенца жена скупилась, а потому — как глава семьи позволял себе блажить. Что ж, он десять лет в Эстре проучился, в гильдии поработал, набрался там всякого. Тётка ворчала, но блажь сносила.

Посматривая на герцога, Марта вдруг подумала, что и она так смогла бы. Вот только есть уже не хотелось. К превеликому удивлению, присев за стол, она обнаружила, что совершенно сыта. Да и то сказать, подкармливали её сегодня целый день усиленно, все, кто мог, поэтому как-то незаметно для неё пропало это неприятное сосущее чувство в животе, сопровождающее её довольно часто, особенно зимой...

Ей нравилось смотреть, как герцог ест. Когда сама знаешь цену редкому куску хлеба — аппетит мужчины и осознание того, что еды вокруг полно, не могут не радовать.

Она не спрашивала, почему его светлость приехал в таком состоянии. Он — правитель, и судил, как могла понять Марта из разговоров, не просто жену — преступницу. А с преступниками не церемонился, это все знали. Она только надеялась, что её просьба о милосердии не пропала втуне. Узнать бы, что т а м было... Но капитан Винсент не явился, иначе Марта набралась бы смелости и улучила бы момент, чтобы тихонечко его порасспрашивать, а к грозной его маменьке она лишний раз и подходить-то побаивалась.

Не сдержавшись, девушка стянула с тарелки пирожок. С зайчатиной, сочный, вкусный... Фыркнув от удовольствия, его светлость потянулся к кувшину и самолично налил девушке морсу. Слуг он отпустил, а потому мог позволить себе некоторую вольность.

Внимательно проследил за тем, как Марта сделала несколько глотков.

— Дай же и мне попробовать, — проворчал. — Я всегда подозревал, что от меня утаивают самое лучшее...

И, отняв кубок, приложился как раз с той стороны, к которой только что прикасались её губы. словно украдкой сорвал первый поцелуй. А вместе с ним уловил лёгкий аромат свежести и чистоты, сердечный трепет и секундное смущение, непонимание — и первый жар... не любви, но желания любить...

Марта ничего не поняла, лишь мысленно удивилась. Кубков на столе хватало, бери

свободный и пей, зачем из чужого-то? И вдруг вспыхнула, заметив ласковый прищур герцога поверх чаши, которую он всё ещё держал у губ.

— Я же говорил: вкусно. — Он словно урчал, и на какую-то секунду показалось, что это невероятно выросший Маркиз занимает герцогское место. — Какая же ты... — Прикрыв глаза, ещё раз пригубил напиток и насладился запахом. Восхитительно. Как она ещё наивна, что даже не понимает собственной силы...

— Как прошёл твой день? — мягко спросил он. — Тебе понравился Гайярд? С кем ты познакомилась, где была? Ну, давай, рассказывай, мне всё про тебя интересно знать!

Герцог слушал временами сбивчивый, не совсем последовательный рассказ — и отмечал и живость ума, и точность характеристик — а, стало быть, наблюдательность и умение делать выводы... Впрочем, была у девушки некая избирательность: она или не хотела, или не видела отрицательного. Послушать её — так будто всю жизнь мир поворачивался к ней только солнечной стороной, не допуская затмений. Она искренне верила в добро, эта девочка, как и в то, что все вокруг добры и милосердны. Будто и не было в жизни розог и пастора, и родных, с чьего согласия это происходило, и не было голодных времён. Может, в них дело? Её ведь могли как бы на откуп отдавать этому фанатику — чтобы, например, младших детей не трогал. Были такие случаи. Остаётся надеяться, что Винсент на месте во всём разберётся. У него есть для этого полномочия. И отряд надёжных людей, следующих в отдалении, в полудне перехода, чтобы не привлекать внимания к одинокому всаднику с военной выправкой.

Какие они разные... были разные, поправил себя герцог, не замечая, как подаётся под пальцами мягкое серебро. Одна — видит в людях только хорошее. Другая — скверну, зло, скотство... Суккуба...

«...Значит, должен был родиться мальчик», — словно наяву, услышал он голос Бенедикта. Два мальчика, ваше высокопреосвященство. Анна убила двоих его сыновей. Сегодня она заплатила за многое — в том числе и за это. И доволен с него, иначе опять подступит белизна к глазам, перехватит горло, начнёт затягивать в кокон...

— ...Что, милая? — переспросил он, почувствовав, что к руке прикоснулись лёгкие пальчики. — Прости, я задумался.

— Вы вдруг так побледнели, ваша светлость... Я испугалась. Вы... всё ещё т а м?

Он понял, покачал головой.

— Нет, детка. Кончено. Эта дверь для меня закрыта.

— Дверь?

— На Востоке говорят, — начал он и спохватился. — Ты знаешь, что такое — Восток?

— Жаркие страны, где чужая вера и многожёнство. Получается — все там распутники, ваша светлость?

Герцог невольно улыбнулся.

— Нет, они не распутники. Но об этом мы позже поговорим. Так вот: на Востоке в силу иных природных и жизненных условий сложился и образ жизни другой, и мышление. — Он старался изъясняться проще, чтобы девочка его понимала, но получалось не всегда. — Среди тамошних учёных и монахов...

— Да какие же монахи, ваша светлость, если распутники!

— Не перебивай. — Он с трудом сдержал улыбку, стараясь напустить на себя грозный вид. — Просто поверь мне на слово. От них и пошло известное изречение: если за человеком закрывается дверь — тотчас открывается другая. Поняла?

Облокотившись на столик, Марта подпёрла подбородок кулачками. Задумалась.

— А если не откроется? Если так и останешься в темноте, навек, и даже знать не будешь — есть она, та дверь, или как у монаха, что в келью замуровываются, ничего, кроме таку-усенького окошка для хлеба и воды?

Картина, нарисованная Мартой, неожиданно показалась герцогу столь страшной, что он содрогнулся. Сказал угрюмо:

— Поговорки на пустом месте не родятся.

— Это верно, — покивала Марта. — Я думаю так: если снаружи — светло, то солнце в любую щелочку проберётся. И дверь сразу отыщется. Вот что. Надо только дождаться дня.

Герцогу вдруг захотелось перегнуться через стол — и заключить в объятия своего маленького деревенского философа. Вместо этого он аккуратно отставил помятый кубок, который, оказывается, до сих пор держал в руке, и потёр лоб.

— Давай отдыхать, милая. Я порядком устал сегодня. Ты молодец, обживаешься здесь потихоньку. Не ожидал, что так быстро освоишься.

— А куда деваться-то, ваша светлость?

Марта хотела добавить: раз уж дверь открылась — нечего в темноте сидеть, волей-неволей придётся выйти... но постеснялась. Ещё подумает, что она из себя высокоумную строит.

— Жильберт, — поправил он. — Мы ведь договаривались, и у тебя получалось. Ну же, Марта?

Она смущённо потупилась. И вдруг всполошилась.

— Ой, а... ваша светл... а... если вы желаете отдохнуть... а как же...

Он почему-то сразу понял причину её беспокойства.

— Милая, кровать достаточно большая, чтобы мы друг другу не мешали. — Герцог постарался выдержать как можно более ровный тон. — Тебе не придётся меня стесняться. Позовёшь своих девушек, они помогут тебе переодеться... Есть такая удобная вещь, как ширмы, что-то вроде раскладной загородки, для этих целей её и используют. Я уйду, чтобы тебя не смущать. Ложись без меня. — Перехватил взгляд округлившихся от волнения глаз, и снова ему захотелось сгрести её в охапку. Вместо этого он ободряюще улыбнулся и поцеловал Марту в лоб. Как младенца.

...Под жарким одеялом девушку малость знобило. От волнения. Она лежала тихо, как мышка, цепenea от непонятного страха, потом, так и не дождавшись новоявленного супруга, озадаченно села. Когда она спала днём — словно провалилась в перину, как в облако, и до того ей было хорошо... А сейчас — постель казалась чересчур мягкой, подушки — наоборот, каменными, одеяло так и придавливало своей тяжестью. Подумав, прихватила с собой самую маленькую думочку и сползла с высокой кровати, чуть не загремев вниз, потому что оступилась — и шагнула мимо скамеечки, предназначенной, чтобы взбираться на массивное ложе.

Облюбованная ещё утром кушетка никуда не делась. Была она в меру жёсткая; не топчан за печкой, конечно, а всё же более привычно, чем перина. Не успела девушка преклонить голову, как в окно толкнулись чем-то мягким, требовательно мяукнул Маркиз. Засмеявшись, Марта встала и впустила гуляку и даже не возражала, когда он неприлично пристроился спать почти на самом интересном месте, повыше её коленок.

...- Ваша светлость, — тем временем таинственным шёпотом сообщил мэтр Гийом. — Важные новости. Кажется, он проснулся...

Жильберт д'Эстре оторвался от обязательной ежевечерней записи в дневнике. Он уже не надеялся услышать нечто подобное.

— Насколько это верно, мэтр Франсуа?

— Заготовленная пища съедена. Сами знаете, до этого он просыпался крайне редко и почти ничего не ел. Сейчас... похоже, у него появился аппетит, а это значит...

Его светлость машинально погладил зазудевший шрам.

— Не будем торопиться. Понаблюдайте, но только издали, и чтоб никоим образом е г о не беспокоить. Даже если он просыпается окончательно — первое время нужно полное уединение.

— Слушаюсь, ваша светлость. Вот только...

Дворецкий замялся. Сказать ли?

— Что? — Перо в руке герцога неожиданно хрустнуло. — Ну?

— Её светлость, госпожа Анна, похоже, заходила на т у половину сада, хоть я и предупреждал. Однако спустя час вернулась, как ни в чём не бывало.

— Вы полагаете — это она его разбудила?

— Я могу только предположить, ваша светлость. Это ведь могло просто совпасть по времени.

Герцог думал недолго. Он вообще отличался редкостным умением принимать решения быстрые, правильные — и, на первый взгляд, не слишком обдуманные, но в последствие поражающие своей эффективностью.

— Как я уже сказал — наблюдать, но не вмешиваться. Еду предлагайте чаще, оставьте ему несколько сапфиров — он сам поймёт, что с ними сделать. Теперь нам остаётся только ждать.

— А если он... — старый дворецкий не договорил, опустив голову.

— Даже если память к нему не вернётся, это ничего не изменит. Он заслужил покой и достойную старость. И мы сделаем всё, чтобы их ему обеспечить, слышите, мэтр?

Мэтр Гийом склонил голову ещё ниже, чтобы скрыть внезапно подступившие слёзы. Его хозяин, покинув широкое кресло, нервно расхаживал по кабинету.

— Я беспокоюсь за госпожу Анну, — голос старика неожиданно окреп. — Сами понимаете, ваша светлость... не навредит ли он ей?

Герцог поражённо замер. Встряхнул головой, словно отгоняя крамольную мысль.

И попробовал представить, каково это: зависнуть в оцепенении, в летаргии на много лет, почти не видеть и не слышать ничего вокруг, погружаться в беспамятство... Реликт, древнее существо, одно из последних драконидов на этой земле. И беда не только в том, что последних, а в том, что остатки разума могли не сохраниться, и сейчас и м движут одни инстинкты... Кого он увидит во внезапно появившейся девушке?

Герцог вспомнил волну нежности, накатившую на него недавно. Эту девочку хотелось немедленно одеть, согреть, накормить... и сделать всё, чтобы она больше не плакала.

Он повернулся к дворецкому.

— Не беспокойтесь, друг мой. Главное — проследите, чтобы прочие не попадались е м у на глаза, а детёныша он никогда не обидит.

... Вернувшись, наконец, в супружескую спальню, он был несказанно удивлен, застав нежную женушку не в постели, как полагается, а мирно почивающей на кушетке. Без одеяла, даже не в халате — которого у нее, конечно же, еще не было, а он, дубина, не догадался оставить ей свой. Во сне Марта ёжилась от ночной прохлады, струящейся из открытого окна.

Маркиз безмятежно дрых на самом сокровенном для каждой девушки месте.

— Ты! — сердито прошипел герцог. — Вот отсюда, негодяй! Это моя женщина!

Кот приоткрыл один глаз, демонстративно зевнул и отвернулся.

Пришлось его светлости со всяческими предосторожностями перенести зажавшегося пройдоху в кресло. Но тот передумал лежать, перескочил на каминную полку, свалив две статуэтки, затем на хрупкую этажерку для фарфора, рухнувшую под тяжестью и таранным ударом кошачьего тела... Герцог закрипел зубами. Лишь раз пожалел, не дал утопить, и вот теперь всю оставшуюся жизнь расплачивайся! У него за спиной ойкнула Марта. Разбудил-таки...

— Ты что здесь делаешь? — спросил сердито. — Тебе где положено сейчас быть?

Марта растерянно заморгала

— Вы же сами говорили, ваша светлость, что не любите, когда рядом кто-то брыкается! Вот я и перешла...

— Так как же я узнаю, брыкаешься ты или нет, если мы вместе ещё не спали?

Всё ещё делая вид, что рассержен, он, наконец, сделал то, о чём думал весь вечер: подхватил на руки и утащил в свою постель. И неважно, что концовка действия была более целомудренна, чем в замыслах, наоборот: это придавало ей какую-то торжественность.

— Вот что, Марта, — сказал по-прежнему сурово. — Давай договоримся: я просыпаюсь — ты здесь, рядом. Поняла?

И оба почему-то сразу вспомнили ночь у камина.

— Поняла, — шёпотом ответила Марта. И закрыла глаза, чтобы не видеть, как герцог раздевается. Сжалась, когда он нырнул к ней под одеяло, напряглась, когда он буквально подтянул её к себе, обнял, выдохнул в ухо:

— Моя!

Изогнувшись, в это же ушко поцеловал. И в шею. И погладил впадинку меж ключиц...

— Что же ты такая худенькая? — сказал огорчённо. — Всё, спи. Набирайся сил.

Они тебе ещё понадобятся, девочка. Ибо ждёт тебя нелёгкая встреча с праведным борцом за чистоту помыслов и нравственностью — Бенедиктом Эстрейским. Он-то, Жиль стреляный лис, его так просто не поймает, а вот девочку надо как-то подготовить к предстоящему экзамену...

Жильберт д'Эстре смежил веки.

И в наступившей темноте вдруг отчётливо увидел солнечные лучи, пробивающиеся сквозь зазоры дверного проёма. Новая дверь непременно откроется. Она есть. Надо просто дождаться дня, увидеть — и шагнуть в её сторону.

Глава 6

Принимая после утреннего омовения халат от камердинера, герцог совершенно случайно зацепился взглядом за маленькую скамеечку, скромно притулившуюся неподалёку от туалетного столика. Озадаченно нахмурился, и вдруг вспомнил, для чего она предназначена. Здоровое воображение живо нарисовало ему сидящую в его собственной ванной на этой самой скамеечке самую желанную драгоценность, жмурящуюся от удовольствия, как котёнок, может, даже, неторопливо проходящую мочалкой по алебастровым плечам, по нежным грудкам с розовыми бутончиками сосков, по покрасневшим от горячей воды пяточкам. А потом она изящно встаёт. Пухлая снежная пена, не торопясь, оплывает с очаровательных выпуклостей, со впалого пока что живота, с упругих ягодиц, обнажает стройные бёдра...

Его светлость машинально кивнул камердинеру, чтобы тот позвал цирюльника. Стянул на себе халат потуже, словно пояс верности. В конце концов, он не юнец, чтобы думать телом, довольно и той грубости, что он допустил в первую их с Мартой встречу, когда ярость и желание отомстить постылой супруге временно помрачили разум. А ведь малышка поразительно быстро его простила, не каждая так смогла бы. И опять-таки — не из-за рабской покорности, вбиваемой холопам с рождения, а из-за врождённой доброты и кротости. Удивительно чистое сердечко.

Всё так же машинально уселся в кресло на колёсиках, хитроумное изобретение куаферов, пригладил влажные после купания волосы. Побывав ещё в юности в Османской империи, он перенял привычку местных сибаритов к частому мытью и не считал уход за телом и содержание оно́го в чистоте чем-то греховным; мало того — ему удалось убедить в этом духовенство, не без помощи, к вящему удивлению, архиепископа Эстрейского, который, в свое время, достаточно погнив и пожарившись в латах, не снимаемых месяцами в крестовом походе, познал цену чистоте и незащищённости. Конечно, ежедневную или хотя бы еженедельную ванну мог позволить себе далеко не каждый, но знать... Знать обожает подражать власти имущим. Поэтому в столице и крупных городах провинции процветали гильдии парфюмеров, но не за счёт продаж крепчайших духов, призванных заглушить амбре немытого тела, как в Лютении, например, а за счёт производств душистых мыл, банных эссенций, средств с отдушкой для стирки белья. Последним новшеством, не так давно вошедшим в обиход, были особые составы и щёточки для чистки зубов. После чего чернить зубы стало немодно.

Герцог провёл ладонью по щеке, обросшей за ночь щетиной. Одно время он пытался прикрыть осточертевший шрам усами, но... После потери магических способностей ушла и способность к регенерации тканей. Рубец заживал плохо, долго, и маскироваться не желал, растительность упорно обходила его стороной. Пришлось завести моду на гладкие подбородки, хотя с выбором цирюльника пришлось помучиться, пока Его Величество Генрих не прислал ему собственного. Эдгар оказался настоящим чудесником. Ему удавалось снимать «ночной флер» с его светлости, непостижимым образом не задевая ни шрама, ни болезненных точек, остающихся на повреждённой стороне лица. Возможно, толика

ведьмовской крови в жилах брадобрея и присутствовала, но герцог закрывал на это глаза, и первую же попытку местного Синода покопаться в родословной цирюльника пресёк раз и навсегда.

Обширная ванная комната была по размеру не менее спальни, и помимо купели для омовения включала место для целительного массажа, к которому герцог пристрастился тогда же, во дни пребывания на Востоке, и даже выписал к себе двоих опытных мастеров этого дела. Там же, у самого окна с видом на парк, он предпочитал бриться. Прелестный пейзаж, высокие струи фонтана, видные даже из окон второго этажа, способствовали благостному настрою на заботы грядущего дня.

Мастер Эдгар отвесил почтительный поклон и приступил к делу молча: знал, что в эту пору клиент неразговорчив, и не от спесивости, а от размышлений. Впрочем, в настоящее время ум его светлости был занят отнюдь не государственными делами. Он привычно откидывал голову, прикрывал веки, пока горячая влажная салфетка отпаривала и ласкала кожу, шурился от приятного щекотания помазка и лёгкого аромата вербены, а мысли его уносились в соседнюю комнату, где мирным сном почивала новая супруга.

Брыкалась ли она во сне — Жильберт д'Эстре так и не понял. К стыду своему, как обнял, как согрелся от маленького, но жаркого тела — так и упал в крепчайший сон, без сновидений. И не проснулся — очнулся, будто проспал, по меньшей мере, неделю. Его девочка удобно пристроила златовласую головку у него на руке вместо подушки, и герцог битых четверть часа не решался пошевелиться, дабы не разбудить прелестницу. Наконец кое-как умудрился встать. Призвав камердинера, негромко распорядился насчёт ванны, а также, чтобы мастера Эдгара провели через чёрный ход, дабы не тревожить излишним шумом и хлопаньем дверей спальни сон её светлости.

Нагретое лезвие бритвы ласкало, словно бабочка крылом, нежно, с еле слышным напевным звоном. Звук, обычно успокаивающий, на сей раз возбуждал. Неважно, кто она по происхождению, его девочка, со внезапной горячностью думал герцог. Хотелось бы, конечно, лучшего, он возлагал большие надежды на визит в Сар; что-то там разузнает молочный брат, какие вести привезёт? Но даже если Марта и впрямь окажется простолюдинкой... Небеса не слишком щедро оделяли род д'Эстре наследниками. К великому сожалению, у герцога не было даже бастардов, а ведь он тщательно отслеживал последствия всех своих связей, и — ничего! Неудивительно, что до сих пор в его душе кровоточила двойная рана, нанесённая когда-то женщиной, не пожелавшей выносить и родить его сыновей...

С Мартой всё будет по-другому, он был уверен. А потому — уже выстраивал мысленно цепочку действий, позволяющих рано или поздно узаконить новый брак. Жильберт д'Эстре не питал иллюзий: легенда, придуманная им и Винсентом, годилась разве что для толпы, и на какое-то время избавляла от лишних вопросов со стороны слуг. Ещё, пожалуй, она смягчит первое впечатление от выхода Марты в свет — а этого не избежать, Винсент правильно заметил: хоть иногда, но надо появляться на людях с супругой. Появление в свете новой жены, столь непохожей на прежнюю, заинтересует не только праздных сплетников, но и высокопоставленных лиц, наделённых властью и влиянием. Он бы сам, например, ни за что не прошёл бы мимо подобного случая, не выведав подробностей — на всякий случай, вдруг для чего-то пригодится; значит, надо быть готовым ко всякого рода неприятным сюрпризам. А главное — будучи чересчур щепетильным в вопросах чести, его светлость хотел уже сейчас быть уверен, что его будущим детям не грозят ни шантаж, ни разоблачение

со стороны нечистоплотных собирателей слухов.

Низкое происхождение — ещё не позор, и даже если оно выплывет, в истории немало примеров великих династий, родоначальники которых пасли скот, пахали землю или рыбачили; нужно будет — он освежит их в людской памяти. Но... Было одно большое «но». Брак с матерью его детей должен быть освящён и одобрен Церковью. Тайно ли, явно — над этим ещё предстояло подумать.

Значит, встречи Марты с Бенедиктом не избежать. Единственное, что мог предпринять герцог — потянуть время. Архиепископ ожидал их к мессе в воскресенье; нынче четверг... Но молодая супруга ещё не оправилась от пережитых испытаний, вот что он скажет. Ей пока боязно появляться в людных местах, ведь она почти год провела, видя лишь своих мучителей, в полной изоляции от мира... Они с Анной появятся в соборе не в это воскресенье, а в следующее, вот и всё. И формальности соблюдены, и к тому времени в Мартину умненькую головку можно будет вложить многое.

Скажи кто ещё неделю назад Жильберту д'Эстре, что он будет трястись так над какой-то селяночкой — он даже не расхохотался бы. Чуть бывает иногда недостойна высмеивания. Отчего же сейчас он так переменился?

Усмехнувшись, его светлость прогнал ненужные мысли. Отчего... Оттого, что когда-то потерял голову от юной Анны, племянницы захудалого барона откуда-то с пограничья. Тогда казалось, что сама вселенная идёт навстречу: мало того, что брак решал политические проблемы, он ещё обещал быть удачным и в житейском плане: Жильберт с чего-то решил, что красавица-невеста к нему равнодушна, и что в скором времени чувство это укрепитя и расцветёт...

Он прекрасно понимал, что Мартой сейчас движут более благодарность и обожание, нежели любовь. Возможно, она его никогда не полюбит по-настоящему, будет всю жизнь относиться с восторженным почтением и называть «его светлостью»... что ж, это тоже можно счесть удачным браком. Порой между супругами и того-то не бывает. Поживём — увидим. Одно он мог сказать наверняка: это — е г о женщина.

...Мастер Эдгар изящным движением руки освободил светлейшего клиента от салфетки. Почтительно склонил голову, обозначив завершение таинства. И изобразил на лице вопрос. Герцог милостиво кивнул, разрешая говорить.

— Осмелюсь, спросить: его светлость сменил медикуса? — деликатнейше осведомился мастер. — Сегодня было на редкость легко работать. Ваш... э-э... объект беспокойства, похоже, стал меньше. Могу я узнать имя этого чудодея?

— ... Вы уверены? — после паузы уточнил герцог. — Дайте-ка посмотреть.

Конечно, у мастера Эдгара был при себе предмет нелюбви его светлости. Профессионал есть профессионал: а вдруг высочайшему клиенту восхочется на себя глянуть, несмотря на устойчивое отвращение к собственному отражению? Зеркало в оправе из слоновой кости всегда находилось в особом отделении футляра для бритвенных принадлежностей.

Жильберт д'Эстре провёл пальцем по застарелому рубцу над верхней губой, обычно розовому, в минуты ярости — багрово-красному, а сейчас практически незаметному, хоть всё ещё выступающему. Под кожу внезапно словно вонзились десятки иголок — не слишком больно, но чувствительно. Знакомое, но давно не испытанное ощущение... Он прищурил левый глаз. Привычно онемевшая щека вдруг взорвалась болью, как будто уже не ряд игл, а целый ёж прорывался наружу. Похоже, оживали нервные окончания, убитые, казалось, навсегда.

— Имя целителя я знаю, — задумчиво ответил герцог. — Но... не посетуйте, Эдгар, вам его не скажу. Предпочитаю подобных мастеров сохранять исключительно для себя.

Поклонившись, цирюльник сдержал разочарование. Жаль, жаль, у подобного медикуса он и сам не прочь поучиться. Среди его клиентуры были жертвы прошлых дуэлей, сражений, несчастных случаев, оспы — люди со «сложными», как говаривал мастер, лицами, требующими особого внимания, и далеко не все были столь терпеливы и выдержаны, как его светлость. Правда, высочайшее имя защищало Эдгара от возможных побоев со стороны раздражённых утомительной процедурой клиентов, но не могло оградить от уменьшения оплаты или энергичного негативного высказывания, задевавшего самолюбие мастера.

Его светлость вернул зеркало и изволил снять с мизинца кольцо с изумрудом.

— Хороших вестников принято благодарить, Эдгар.

И ушёл, улыбаясь, не дослушав цветастой ответной речи «мастера поющих ножей».

... Он осторожно подсел к спящей девушке. Наклонился — и нежно тронул губами её губы. И снова, как вчера, его накрыло волной аромата невинности и чистоты. Так он и думал...

— Моя, — шепнул он спящему ангелу. — Моя женщина. — И пусть только кто попробует её отнять.

***

Джеймс Вильям Гордон, посол бриттской империи, со вчерашнего утра находился в состоянии тихого бешенства.

На судьбу герцогской шлюшки ему было, в конечном итоге, начхать — с кем она только не путалась, но вот унижения и битья по носу, хоть и в переносном смысле, самолюбивый бритт не любил. Ах, как его вчера макнули, как макнули... А главное — были у него касательно Анны планы — пристроить в свиту будущего Её Величества... Король Вильям, да простится Гордону некая вольность в мыслях, дышит на ладан, вдовец, наследников после себя так и не оставил, кроме Екатерины, дочери от первого брака, что сейчас в опале... Старый венценосный упрямец не может смириться с тем, что трон займёт дочь то ли его, то ли покойного брата, по наследству от которого в своё время спешно досталась ему вдова. Но по Уложению о престолонаследии — быть королевой именно Екатерине, больше никому. Не забытой же всеми Бесс, в самом-то деле, незаконнорожденной выскочке, прозябающей ныне на задворках Уэльса, в полуразрушенном замке. Не особо-то казна тратится на её содержание, говорят, у бастардки на обед бывает порой лишь кусок оленины да полкаравая хлеба, а уж чем она кормит многочисленную дворню — вообще непонятно.

Будущей королеве Екатерине посол намеревался рекомендовать прелестную и не особо отягощённую моралью Анну не только в качестве фрейлины, но и первой ласточки «летучего отряда», кой нынешняя принцесса намеревалась завести, подобно своей прабабке Медичи. Сие подразделение должно было формироваться из первейших красавиц, обременённых исключительно авантюрными наклонностями и тягой к приключениям особого рода, но отнюдь не нравственными догмами. Сбор информации, влияние на государственных мужей, манипулирование — да мало ли для чего можно было использовать данных валькирий, поле их будущих битв было необъятно. Соответствующий золотой ручей, стекающий в карманы покровителей «ласточек», обещал быть весьма изобильным, и посол намеревался периодически к нему прикладываться — в меру своей скромности, разумеется.

А теперь эта почти материализованная, практически подготовленная статья доходов оказывается недоступна — из-за отсутствия его личного вклада в виде подходящей претендентки. И какой претендентки! Увести такой кус из-под его носа!

Гордон не мог этого простить, как и прилюдного унижения, пусть даже мало кто догадывался о его истинной подоплёке. А потому — после нескольких часов тайной истерики и распития в одиночку полубутылки бренди призвал одного маленького незаметного человечка. Из тех, которых весьма трудно распознать в толпе, запомнить, узнать в дальнейшем. Великим умом человек, правда, не отличался, но на что ему ум? Главное — наблюдать, запоминать и донести сведения до хозяина. Менталист тут не годится, слишком заметен... Немаловажно было и то, что говорил пришедший без акцента, прорывающегося у многих его сотоварищей по службе, более умных, но никак не справляющихся с грассированием проклятого галльского наречия. Более того — вызванный прекрасно болтал на нескольких местных варварских диалектах и умел приспосабливаться к любой среде. Гордон умел извлекать максимальную пользу даже из таких вот скудоумных.

Приняв ледяную ванну, протрезвев, посол составил для человечка подробные инструкции. И направил в Сар. Дабы разведать, прощупать, выяснить не месте — что это за ушлая девица, о которой посол знал до недавнего времени только со слов Анны, да и то немного: что есть в деревушке, принадлежащей её дяде, девка, имеющая наглость походить как две капли воды на неё, герцогиню... Бастардка, что ли? Нечего было папаше или дяде полукровок плодить, могли бы и подумать, прежде чем семенем разбрасываться, что ни к чему это. На самом-то деле, как понял бритт, самовлюблённую бабу возмущал сам факт, что на той же земле живёт и здравствует её недозволенная копия, ест, пьёт, дышит... Даже при нулевой вероятности того, что они когда-нибудь встретятся, знание это отравляло Anne существование.

Речь-то о двойнике зашла случайно. При планировании бегства герцогини из Эстре посол сам высказал мнение, что хорошо бы навести погоню по ложному следу, подставив «куклу» — кого-нибудь в похожем платье, да ещё для пущей достоверности, подбросив улики. Ведь те, кто будут разыскивать герцогиню, получат только устное её описание, а насчёт портретов — пусть уж она озаботится перед акцией, чтобы в замке не случилось ни одного её изображения. Найти бы женщину, хоть немного схожую лицом и фигурой с её светлостью и, желательно, умом недалёкую, и такую, чтобы особо не хватились, когда исчезнет. Можно и не тратиться на подкуп: оглушил — главное, не до смерти, переодел, а там пусть запирается, доказывает, что она не та, кого ищут, улики-то налицо. Подстава эта надолго отвлекла бы погоню от настоящей беглянки и дала бы заговорщикам дополнительное время. Для чего? Всё дело в том, что, кроме основного сейфа в кабинете его светлости был ещё один тайник — в опочивальне, который тоже весьма интересовал Гордона. Но в отсутствие хозяина вход открывался лишь доверенным слугам, подкупить которых было нереально, да ещё — любимой жёнушке. Исходя из факта давным давно остывших супружеских отношений, можно было предположить, что, поскольку, более года муж и жена не заходили на половину каждого, герцог вряд ли всерьёз задумывался о возможности визита светлейшей в его спальню.

В ночь, единственно возможную для побега, Анна не успевала туда заглянуть: амулеты, направленные на обезвреживание магической защиты сейфа, действовали не более пяти минут. Чары накладывались ещё в те времена, когда герцог был в полной магической силе, и за это время почти не ослабли. Вскрыть их было нелегко, даже силами лучших магов

бриттской империи. Времени хватало на то, чтобы выгрести документы, наскоро отобрать более-менее нужные, впихнуть всё назад и замести следы — дабы покражу не обнаружила прислуга, с утра пораньше наводящая порядок в хозяйском кабинете. А вот когда обнаружат — что ж, тогда рвение его светлости в поимке беглой супруги выманит его из дому, это точно. А не выманит...

Гордон импровизировал на ходу. Вот тогда и пригодится «кукла». Нужно только для страховки немного усилить производимое впечатление, но так, чтобы о наличии магии нельзя было догадаться. Аккуратно навесить толику притягательности на любой предмет, носимый долгое время самой герцогиней и пропитавшийся её природной энергетикой. Сделать из него манок, который стучал бы в головы людей: Я здесь! Это я! Вы меня нашли! И навесить на жертву.

Кто же знал, что дура Анна нацепит «кукле» собственное обручальное кольцо! Символическое освобождение от цепей, не иначе... Ох, дура... А кольцо оказалось с именной печатью — незримой, конечно, но, похоже, именно оно служило допуском в хозяйскую спальню, и не удивительно, что попытка Анны тишком пробраться в покои мужа, пока тот допрашивал в тюрьме пойманную «жену», завершилась провалом. Гордон не знал подробностей — его осведомитель, пристроенный лакеем в Гайярд, после той ночи так и не объявился.

...Не слишком щедрой рукой Джеймс Вильям Гордон отсыпал своему резиденту золота. — Узнайте об этой девке всё, — сказал сумрачно. — Чья, откуда, возможные слухи, связанные с рождением. Кто родня, есть ли любовник или жених, какова вообще... — посол неопределённо пошевелил пальцами в воздухе, — из себя. Раскопайте всё, что можно.

А там видно будет, продолжил мысленно. Найдём и к ней подходы. И кто знает — может, обычную деревенскую дурочку легче будет прибрать к рукам, и через неё — дёргать за ниточки её высокого покровителя? Вот тогда-то представитель Его Величества Вильяма, а, возможно, в дальнейшем и Её Величества Екатерины припомнит герцогу всё...

Это было вчера. А нынешним утром, когда мастер Эдгар только принялся намыливать щёки его светлости, когда Марта сладко спала, успев проснуться на рассвете и снова заснуть счастливой, когда братья во Христе, руководимые отцом Бенедиктом, уже зачитали первые молитвы — маленький человечек Джон Клеменс, а по здешнему — Жан Клеман тихонечко спустился в общий зал постоянного двора. Чтобы, как и полагается скромному путешественнику, запросить у доброй хозяйшки хороший завтрак на дорогу, ибо когда ещё выпадет случай перекусить, кто их знает, эти деревенские гостиницы, что там подают, да и готовят ли вообще... А тут вкусно, прямо-таки по-домашнему — обстоятельно рассуждал он, дожидаясь скворчащей сковороды с колбасками и яичницей с луком, с ломтиками отваренного земляного яблока. До Нанта, куда он добирается, ещё дня два пути, найдутся ли по дороге приличные постоялые дворы, вроде «Индюка и кастрюли», где ему удалось нынче столь хорошо провести ночь?

Смуглая весёлая хозяйка, свежая, как едва раскрывшийся бутон холландского тюльпана, шутливо погрозила гостю пальцем и поинтересовалась, вогнав в краску: разве приезжий господин спал не один? Ночь «проводят», коротая в любовных забавах с дамой, а ежели в одиночку — так это просто почивают... И тотчас отвлеклась на моложавого синеглазого красавца, неторопливо спускающегося в зал — причём, не со стороны общей галереи и комнат для постояльцев, а прямёхонько с избранной половины хорошенькой вдовушки. Судя по заблестевшим глазам красоти, уж эта ночью явно не скучала.

Прелестная Анетта, памятуя о своих обязанностях, принесла Клеменсу завтрак и только тогда заторопилась к своему почётному гостю. Да с таким рвением принялась его обхаживать, будто кто собирался отбить; хоть, вроде бы, обе девицы, что подрабатывали здесь время от времени, не появятся раньше вечера. Бритту не нужно было уточнять, так ли это: порядки в подобных придорожных заведениях были везде одни и те же. Впрочем, «Индюк и кастрюля» на общем фоне выделялся: наличием не хозяина, а хозяйки. Женщине, конечно, трудно было бы вести одной собственное дело, да и опасно, но, похоже, у неё были покровители... вроде этого красавца с военной выправкой.

Вроде бы дворянин, при шпаге, нужна-то ему простолюдинка! А гляди-ка, сумела его Анетта подцепить, что ни говори — баба не промах! Как он вчера окоротил разбуянившуюся солдатню, да чуть лейтенанта не прикончил... Джон тогда подумал: ну всё, конец синеглазому выскочке! Так нет же, тот с лёту угостил лейтенанта парой уколов в плечо и в бедро — несильных, больше показательных, выбил шпагу, а потом распил с ним мировую, да так славно, что офицер до своей комнаты сам не дошёл — был не в состоянии, его рейтары доволокли. Судя по тому, что самих шатало — так и заснули все вповалку. А с синеглазого как с гуся вода, будто и не пил вовсе. И не блудил оставшиеся полночи с этой... Анетткой, чтоб ей, теперь она в сторону Джона и не взглянет...

Бритт наклонился над сковородой, заедая зависть аппетитно поджаренной колбаской. Горячий жир так и брызнул из-под зубов. Маленький человечек поспешно потянулся за кружкой и обнаружил её отсутствие: поесть-то он заказал, но вот, заглядевшись на хозяйку, совсем забыл о питье. А острая, солёная, горячая пища действительно требовала залить себя чем-то холодным, желательно шипучим.

— Нехорошо начинать день без доброго свежего сидра, брат мой, — прогремел рядом замечательный бас, и от неожиданности человечек подпрыгнул на скамье. Невесть когда успевший подсесть напротив могучий монах не менее могучей рукой уже наполнял прекрасным искрящимся напитком из запотевшего кувшина глиняные кружки. Человеколюбиво придвинул одну шуплому соседу, и Джон с благодарностью сделал первый освежающий глоток. Спohватившись, прижал ладонь к сердцу, вежливо поклонился.

Монах благодушно отмахнулся и припал к своей кружке. Не менее кварталы излюбленного напитка Карла Великого единым духом перекочевало в монашью плотку. Отче от души крякнул и вытер губы тыльной стороной ладони, после чего, не спрашивая, подхватил со сковороды пальцами ещё пузырящуюся колбаску, смачно хрустнул поджаренной шкуркой. Агент бриттанской империи лишь робко моргнул в ответ на такое самоуправство.

— Не стоит благодарности, брат мой. — Пошарив глазами вокруг и не найдя ничего похожего на полотенце, монах извлёк из недр поношенной, но добротного вида сутаны платок величиной с простыню и с удовольствием вытер пальцы. Он вообще всё делал с удовольствием, словно смакуя. Повернулся к хозяйке, немало не смущаясь её занятием. — Эй, девочка, отвлекись от своего голубка, подойди к добрым людям! Или ты не видишь, как несправедливы небеса? У одного из нас — только еда, у другого лишь питьё, давай-ка, уравновесь нас, пока мы не принялись шерудить по твоей кухне сами!

— Вольно ж вам, святой отец, — буркнула вдовушка, не особо торопясь слезать с колен синеглазого ухажёра. Однако тот с улыбкой что-то шепнул ей на ухо, и красотка неохотно встала. — Желаете того же, что и этому господину, или вам чего постного?

— Да день-то сегодня обычный, скромный, а в дороге монахам разрешается

послабление, так что неси что посытнее, красавица, — отвечивал сосед, и Клеменс это ничуть не удивило. О вольности местной монастырской братии ходили легенды, как, впрочем, и об их духовном водителе, но сколько в этих легендах было истины — неизвестно. Скорее всего, молва значительно преувеличивала подвиги бенедиктцев на духовной стязе, а пороки преуменьшала, ибо разве позволительно монаху вкушать скоромную пищу даже не в постный день? Для смиренного служителя божьего что ни день, то святая пятница, с постами и молитвами, и умерщвлением плоти... Нынешний представитель неизвестного монастыря этой самой плоти имел, по разумению агента, чересчур много... но вдруг показался маленькому человечку чрезвычайно симпатичным. Ах, как бы он сам хотел быть таким: большим, широкоплечим, полным внутреннего спокойствия, чувства собственного достоинства, а главное — свободным, не отвечающим за свои поступки ни перед кем, разве что перед настоятелем, да и то — в редкие дни пребывания в родных стенах...

Человечек мотнул головой, отметая внезапный приступ жалости к самому себе. Что это вдруг на него нашло? И, приложившись в очередной раз к широкой обливной кружке, глянул на смиренного повнимательнее. Да так и сделал стойку, мысленно, конечно.

Его сосед и синеглазый красавец буравили друг друга взглядами настолько недружелюбными, что, казалось, вот-вот — и у них задымятся волосы. Впрочем, у дворянчика они были скрыты под шляпой, у монаха практически отсутствовали — при наличии блестящей тонзуры тлеть было почти нечему. Обстановку разрядила Анетта, водрузив перед служителем господним блюдо с роскошным жареным каплуном. При сотрясении деревянной посуды об стол румяная зажаристая корочка на мясистой грудке треснула, брызнув прозрачным соком и паром, да так аппетитно, что вроде бы позавтракавший бритт почувствовал лёгкое головокружение от внезапно проснувшегося голода и даже покосился на соседа с некоторой злобностью. Умудряются же некоторые обойти закон, прикрывшись «послаблениями»... Интересно, а платить этот чревоугодник чем будет? Собранной накануне со вдов и сирот лептой на восстановление какого-нибудь очередного заброшенного храма? Вот прощельга! И колбаску у него умыкнул... Сидр сидром, а спросить не помешало бы.

— Раздели со мной трапезу, брат мой, — кротко обратился к нему монах. — Сердце моё разрывается при мысли, что не могу поделиться сей прекрасной снедью со всеми сирыми и убогими; но ты ведь — один из скромных малых сих, за которых мы усердно молимся, вот я и приветствую в твоём лице тех, до кого не могу дотянуться.

И собственноручно разодрал ароматную тушку на части, голыми руками, словно птичка не была вытащена только-только из печи и не обжигалась. Здоровенных полкурёнка, лишь малость помятые мощными дланями, шлёпнулись, за неимением тарелки, на опустевшую к тому времени сковороду. Сам брат, не заморачиваясь отсутствием лишней посуды, придвинул к себе поднос со второй половиной каплуна и смачно захрустел хрящиками. Похоже, поделил он по-братски, но не по комплекции: щупленькому соседу за глаза хватило бы и крылышка.

Клеменс оценил. И невольно почувствовал стыд за недавнюю жадность.

Отказаться от подобного радушия не хватило бы ни сил, ни воспитания. Тем более — вечно недоедающему агенту на побегушках, которого всю жизнь только ноги и кормили, а платили не по заслугам. Скупое платили, скажем честно, не очень-то Бриттское посольство жаловало тех, кто на него работает, но выхода у Джона-Жана не было: давным-давно поймали его на нескольких грешках, за которые не погладили бы по головке и здесь, и в

Бриттании, вот и приходилось отрабатывать и терпеть.

Он с наслаждением вгрызался в сочное мясо и думал, что давно уже не ел так славно. До чего же хорошие люди эти галлы, и почему он их не любил? Все прекрасны: и этот добрейший монах, даром что католик, и эта смуглая черноволоса вдовушка... И правильно она делает, что вокруг себя столько мужчин собирает, не всем же, как ему, жить и трястись над каждым словом, каждым шагом. И этот синеглазый хорош, молодец, берёт от жизни всё, так и надо, свободен, независим, и ни перед кем не отчитывается... Чёрт, про кого-то он совсем недавно тоже так думал. Господи, на всё твоя воля, но как же хорошо жить на свете рядом с такими людьми! Век бы здесь оставаться. Зачем ему куда-то ещё ехать, в какой-то...

«Я не хочу в Сар!» — шепнул он сам себе. Казалось, негромко. Но добрый безымянный брат во Христе — да, брат, хоть и католик! — озабоченно склонился над ним.

— Ты что-то сказал, друг мой? Не нужно ли тебе помочь?

— Я не хочу в Сар! — громко повторил Клеменс. И почувствовал, что вот-вот разрыдается. — На чёрта мне сдалась эта девчонка, я её даже не знаю! Я... я устал, я не могу больше, я...

Он уронил голову на руки и всё-таки заплакал. Невыносимо жалко было жизни, растраченной на пустяки и лизание господских пяток, жалко оттоптанной за годы хождения собственных ног, жалко семьи, которой он так и не обзавёлся, друзей, которые рано или поздно от него отворачивались, узнав о позорной службишке. Себя жаль, свою бессмертную душу, всю жизнь так и тлеющую, и ни разу не вспыхнувшую священным огнём...

— Плачь, — сурово и сдержанно сказал монах. — Слезами душа очищается. Это ничего, брат мой...

Он вздохнул и погладил Джона Клеменса по голове. И ладонь его, тёплая, похожая на отцовскую, вкусно пахла жареным мясом, ладаном и лавандой.

— Не совсем, значит, пропащий, ишь, как тебя прорвало. Доброе слово, хороший кусок — и ты уж поплыл. Что ж тебя, как щенка, пинали, кто ни попадя...

«Как щенка, и впрямь!» — хотел повторить за ним агент — и не смог. Язык не поворачивался. Глаза закрывались сами собой.

— Пойдём-ка, голубь мой...

Монах подхватил его подмышки, без труда поднял, как младенца.

— Хозяюшка, где там его комната? Проводи-ка.

— Ох... — Вдовушка даже перекрестилась. — Что это с ним?

— От хорошей еды да от доброго слова тоже захмелеть можно... — туманно ответил святой отец.

Снёс сомлевшего агента наверх, в его комнатёнку, уложил на кровать, прислушался к дыханию. Прикинул что-то в уме, нажал несколько точек на шее и на темечке маленького человечка. Покивал сам себе.

— Так оно вернее будет...

Вышел — и запер дверь на ключ. Вернулся в зал.

— Держи, хозяйюшка. Да не пугайся так: суток двое-трое проспит аки младенец, не тревожь только, а на обратном пути я его с собой заберу. Нехорошо бросать, запутался человечек... Только воду при нём держи; он, если и начнёт просыпаться неурочно, так от жажды. Вот тебе за труды.

И наградил вдовушку настоящим золотым талером. А потом и братским щедрым поцелуем в сочные губы. Та чуть не ахнула от внезапной истомы.

Скромный служитель божий спокойно встретился взглядом с синеглазым. На этот раз смотрели они друг на друга по-иному. Цепко. Оценивающе.

«Со мной такой номер не пройдет», — словно предупреждал синеглазый.

Монах усмехнулся. Не торопясь, прошёл к выходу. У самых дверей двое мужчин сошлись вместе. Одного роста. Одной примерно стати. Чем-то неуловимо похожи.

— Брат Тук, если не ошибаюсь? — чуть поклонился синеглазый.

— Господин Модильяни? — неуловимо быстро святой отец перешёл на светский тон.

— Вы же понимаете, что... — капитан выразительно приподнял бровь. Монах утвердительно кивнул.

— Мы оба едем в Сар, брат мой. Не так ли?

— И, похоже, цель у нас одна. Но я не могу позволить вам вмешаться.

— А почему, собственно, сударь?

Два взгляда снова скрестились. Уважительно. Понимающе.

— У нас нет помыслов — навредить кому-то, — мягко сказал монах. — Мы, как и вы, любим эту страну и заботимся о ней. И нам безразлично, кто находится рядом с сильными мира сего.

— Доказательства вашей лояльности? Вы же понимаете, что у меня — те же цели, в сущности.

Капитан Винсент смотрел уже не в глаза собеседнику — а в переносицу. Хороший приём, позволяющий и удержать внимание, и не поддаться на возможное гипнотическое влияние. Хоть он и достаточно устойчив к подобной магии, а рисковать не стоит.

Монах снова усмехнулся.

— Вы не из той категории людей, капитан, с которыми достаточно душевно поговорить. С вами пришлось бы действовать по-иному, но... Есть ли необходимость?

— Сотрудничество? — помедлив, уточнил Винсент.

— Почему бы и нет? Предлагаю: по крайней мере, не мешать друг другу. Я устранил бриттанца — и в этом мне помогли мои навыки. Как знать, может, в недалёком будущем и вы примените свои. И мы будем квиты. Каждому из нас нужно вернуться живым и с определёнными сведениями.

— Касательно сведений, — капитан задумчиво потеревил светлую бородку. — Как вы себе это представляете?

— Господин Модильяни, я могу лишь озвучить то, что вы сами собираетесь предложить.

— Делёж?

— Делёж. Всего, что узнаем. А уж потом каждый сам решает, что ему с этими сведениями делать.

В который раз они посмотрели друг другу в глаза.

— Вы ведь тоже чувствуете опасность, — внезапно сказал капитан. — Я не ошибся?

Монах кивнул. Не будь этого предчувствия — чего-то тревожного, н е н о р м а л ь н о г о впереди — как знать, предложил бы он объединить усилия? Брат Тук был хороший менталист, хоть и не ясновидящий, у него был несколько иной профиль. Но некая часть его тела так и чувствовала грядущие неприятности, справиться с которыми в одиночку было бы трудно.

Капитан Винсент Модильяни менталистом не был, но чутью своему доверял. А сейчас оно ему просто вопило: вот-вот — и сдвинется неведомая пока л а в и н а! Не стоит

пренебрегать помощью бенедиктианского воспитанника.

Они с монахом крепко пожали друг другу руки и вышли.

Аннета шумно выдохнула и осела на ближайшей лавке. Да будь она неладна, эта работёнка! Так и до первых седых волос недолго. А ну, как сцепились бы эти двое? Точно до смертоубийства дошло бы. Капитан — первая шпага в Галлии, а этот... Тук? Слыхала она от того же Винсента, как тренируют святую братию, что цепи руками рвут и железными прутьями себя протыкают — и хоть бы что...

И всё же — служба у неё была интересной. А что? Муж под бочком, здесь же, поваром... Это она для других вдова, потому как при свободной женщине и болтают свободнее, много чего можно услышать в приграничье. Она запоминает самое интересное, а капитан время от времени захаживает, аманта из себя строит, чтобы её «репутацию» поддерживать да узнать, нет ли свеженьких новостей. Зачем всё это обычной трактирщице? Вроде, место доходное, денежка в кармане бряцает, и сама себе голова, потому как муженёк — телок, под пяткой сидит и не шевелится. А только — скучно жить бывшей капитанской дочке, привыкшей с малолетства к палубе под ногами. После вольного неба и океана, после далёких шумных заморских портов прозябать здесь, в четырёх стенах было мучительно. Папаша, царствие ему небесное, думал: пристроил дочурку замуж за осёдлого человека, сделал доброе дело, нечего девке по морям шататься; пока малявка была — матросня её и не трогала, а как расцвела... Спокойнее, на твёрдой-то земле.

Спокойнее-то, оно конечно так. Первое время. А потом одолевает тоска — хоть волком вой. Уже бежать однажды надумала, уже одежду матросскую подбирала — чем черти не шутят, нарядиться юнгой да по папенькиным стопам. Говорят, в южных морях даже женщины-флибустьеры есть, одна из них — знаменитая Аннет Бони. В том, что пиратка носила одно с трактирщицей имя, виделся знак судьбы.

Да только однажды заглянул к молодой хозяйшкe усталый синеглазый капитан рейтаров. Пристроил свою команду на отдых, сам уселся в уголке за кружкой хорошего редкого вина — о с о б о г о, для почётных посетителей, и долго наблюдал за хозяйкой. И не прелести подмечал... хоть и о них потом разговор был... а больше — как ловким тычком пресекала поползновения забулдыги к халявному стакану или полной хозяйской груди, как отбрасывала острым словом безбожно пошлящих лесорубов, как по одному её жесту менялись блюда, освобождался стол более важному посетителю, появляется в нужный момент вышибала. Пригласил к себе, поговорил... Жить стало намного интереснее. И даже какой-то просвет впереди наметился. Стало казаться, что и впрямь — свет клином не сошёлся на этой стойке и муже-размазне, что вот-вот поманит впереди белый парус и чёрный флаг с весёлым... как его...

Только надоело ждать. Пока это господин Винсент увезёт её в столицу для «настоящего дела», как обещал — глаза вылупишь. А тут — вот же он, Случай, сам в руки просится, и упускать его — глупо.

Пойти принести воды тому малышу. Будет интересно, если он очнётся раньше, чем монах говорил, и окажется каким-нибудь шпионом, а она выведет его на чистую воду... нет, соблазнит... нет, убежит с ним... Плевать, что маленький да плюгавенький. Главное — пусть на своих хозяев выведет, а там она разберётся, стоит иметь с ними дело или нет. В любом случае, этот Жан поможет ей зацепиться в Эстре, а уж потом...

Прекрасная «вдовушка» решительно тряхнула головой. Нежданная идея цепко засела в её хорошеньких кудряшках. Точно. Разоблачить, соблазнить и убежать, а дальше видно будет.

Не маленькая, не пропадёт. Лишь бы проснулся раньше, чем эти двое вернутся. Маленький, несчастненький, а поди ж ты... Господин Случай.

***

— Вот она, граница владений де Бирсов. — Капитан Винсент указал на ряды куманики, справа и слева от дороги отсекающие поля со свежей щёткой стерни и снопами яровой пшеницы от тощих, припавших к земле колосьев ячменя, который никто и не думал убирать. — Не наводит на размышления, брат Тук?

Они ехали бок о бок по широкой дороге, рассекающей поля с лоскутами крестьянских наделов. Два всадника, с виду совершенно безобидные, а что у одного шпага и пара пистолетов за поясом, а у другого под рясой угадываются пластины лёгкого доспеха — так то предосторожности ради, всяк поймёт, кого только в пути не встретишь... Ко всему надо быть готовым.

Монах лишь скорбно качал головой при виде наделов, один другого хуже.

Вряд ли этой осенью в здешних краях наварят много пива. Совсем плох ячмень. Этот бы успеть собрать, пока весь не осыпался...

Всего через лье пути стало ясно, что и молодым вином здешний народец не побалуется. Виноградники запаршивели, мелкие гроздья кукожились, будто их живьём развесили вялиться на изюм; из таких уже не потечёт живительный сок. Зрелище, шаг за шагом открывающееся путникам, удручало. Половина полей, да и лугов были вытоптаны охотниками, не удивительно, что на таких вот пастбищах еле бродили коровёнки с запавшими боками и выпирающими рёбрами. С бурёнками соперничали в худобе местные хрюшки, давно уже отпущенные на свободный выгул и взрывшие в поисках прошлогодних желудей подножия редких дубов, отчего те понемногу хирели. На овцах, что бледными тенями бродили по чахлым зеленым, казалось, нечего было стричь. А уж люди-то...

Допрежь того, как достигнуть Сара, капитан со спутником миновали две деревушки — небольшие, дворов на дюжину. Живых дворов. Ещё столько же изб зияли провалившимися крышами с растащенной гнилой соломой, пустыми оконцами, лишёнными даже бычьего пузыря, раззявленными дверными проёмами. Измождённые подобия людей в каких-то обносках, копошащиеся в убогих огородиках, мало напоминали своих дородных и цветущих соседей-селян, оставшихся за границей владений де Бирса. Они молча провожали всадников пустыми взглядами, в которых не было даже безнадёжности.

В первом же селении монах кинул на порог более-менее целого дома несколько серебряных монет. Всё правильно, мрачно подумал капитан, пусть староста разбирается, сколько кому здесь выделить, он-то нужды людишек знает. Может, и не выделит, а налоги заплатит за деревню, наверняка недоимка за ними. С чего платить-то, когда и тот урожай, что еле-еле с божьей жалостью вызрел, убирать почти некому? Не этим же высохшим старикам и подросткам...

— Это всё капля в море, брат Тук, — заметил он, скрепя сердце, после очередного пожертвования монаха. — До ближайшего визита баронского управляющего, вы же понимаете... Он всё отберёт. Добро, если догадаются потратить сразу, хотя бы у соседей хлеб закупить. А ваш кошель не бездонен, да и мой тоже.

— Самое страшное, что они уже не просят, — пробормотал монах. — Они смирились... Видели их глаза? Божьи создания, венцы творения не должны взирать на мир такими

глазами. А дети?.. Капитан, у меня не было времени на подготовку; но вы, как человек бывалый, наверняка всё узнали о месте, куда мы едем. Скажите, что послужило причиной столь бедственного положения, не побоюсь сказать — нищеты? К великой скорби своей признаюсь: в этих краях я не бывал, иначе обратил бы внимание власть имущих на вопиющее пренебрежение барона своими обязанностями землевладельца. Нет, я понимаю, был бы неурожай, три года засухи или болезней, не приведи господь... — Он перекрестился. — Но вот буквально в нескольких лье — изобилие и благоденствие, а что мы видим здесь? Что происходит, брат мой?

Полуживое селение осталось позади, но вновь открывающиеся пейзажи по-прежнему не радовали. Капитан мог бы просветить монаха, что любители охоты с соседних земель за небольшую мзду баронскому управляющему развлекались на чужих угодьях, не только практически переводя дичь в местных лесах, но и изрядно попортив пашни. Но... Он предпочитал отвечать прямо, не уклоняясь от заданного вопроса.

— Почти угадали. Три года засухи, а затем чума и оспа, брат мой, — отвечал жёстко, стараясь не допускать сострадания в своё сердце. В излишних количествах оно могло помешать задуманному. — Не старайтесь вспомнить, это было много лет назад.

Уж, безусловно, он подготовился. Тем более что многое, хоть и увиденное мельком, ему не понравилось ещё во время первого визита в Сар, о коем он счёл нужным затребовать информацию, едва доставив арестованную «герцогиню» к супругу. Бдиль у дверей в кабинет, отслеживая малейшие нюансы светлейшего рыка, пришлось недолго, благо Жильберт не тянул с разбирательством. А затем и вовсе пришлось уехать, но перед этим капитан успел озадачить коменданта несколькими странными запросами. С ответами на которые наскоро ознакомился перед отъездом в Сар.

— Погодите-ка. — Брат Тук брови. — Да, были записи о суховеях и неурожаях, после которых ещё и чума прошлась по селениям, но случилось это, дай бог памяти, лет пятнадцать тому назад, ещё при старом герцоге? И с того времени Галлия нашла в себе силы оправиться и расцвести.

— Благодаря верным решениям его светлости-старшего. — Капитан сухо кивнул. — Напомнить вам основные моменты?

— Я знаю их, брат мой. — Святой отец погрузился в раздумья. Чёрный, без единого пятнышка жеребец под ним, настоящий рыцарский тяжеловес, замедлил ход, почуяв изменения в настроении хозяина. — Да-да, положение дел сложилось таково, что, как ни странно, выжившие после божьего бича оказались в куда лучших условиях, чем до него. Освободились земли, и баронские, и крестьянские; безземельные наследники вдруг узнали, что они богаты, потому что при принятии родительских вотчин на пять лет освобождались от обязательных повинностей, воинских и налоговых, более того — получали разовое, но существенное вспомоществование из казны — подъёмные, так сказать. Но на условии...

Капитан Винсент приподнял указательный палец. Вот сейчас вы сами всё и скажете, брат Тук.

— На условии бесплатной передачи свободных крестьянских наделов в пользу уцелевших селян, так? — Монах утвердительно кивнул сам себе. — Ну да... Смелые люди называли этот указ настоящей реформой. К тому же, при новом межевании учитывалось не количество членов семьи мужского пола, как раньше, а вообще все, включая новорожденных младенцев, кои рождались вопреки всем недородам и болезням. Именно на этих условиях были предоставлены так же за счёт казны семена для нового посева, выписаны из Италии,

которую мор обошёл стороной, свежие лозы для виноградников, черенки олив, садовых деревьев... Выходит, здешний барон на это не пошёл?

— Жадность и высокомерие, брат Тук. И, пожалуй, гордыня. У старого барона оставался на тот момент единственный наследник мужского пола — нынешний де Бирс. Седьмой сын в семье, которому вообще не на что было рассчитывать, вот он и не возвращался из походов — дабы стяжать в боях не сколько славу, сколько землю и богатство. Да только рыцарь из него оказался никудышный, такое бывает. Делиться со смердами тем, что внезапно свалилось ему на голову после смерти отца и братьев, не захотел, да и счёл ниже своего достоинства, — сухо сообщил капитан. — К тому же, в то время он был достаточно богат, и что мог — вложил в поправку дел. Какое-то время ему хватало.

...А потом в замке подросла единственная племянница, золотоволосая красавица Анна, услада стареющего распутника, и все доходы стали уходить на удовлетворение её прихотей. Этого Винсент, конечно, не озвучил. А потом — барона призвали на очередную войну, откуда он вернулся уже не на своих ногах, а в специальной карете для лежащих раненых, хоть был и не ранен, а разбит параличом после лечения нехорошей болезни. Вылечиться-то он, говорят, вылечился, да только поздно, недуг проник слишком глубоко, успел много порушить. Затем, говорят, барон долго буянил, даже лежащий, всё звал свою драгоценную Анну, никак не мог поверить, что она больше не вернётся. Теперь ему было дело только до себя.

Кто уж там нынче управлял делами, сколько наворовал и как использовал ворованное — Винсент намеревался узнать в самом ближайшем будущем. Оставлять всё как есть, он не собирался. У него были на то полномочия, а главное — исполнители, их-то он направил в замок де Бирса ещё до рассвета, пока брат Тук видел последний сон. Вчерашняя драка была специально разыграна, дабы убедить возможных сторонних наблюдателей, что проезжий дворянин — сам по себе, рейтары — сами по себе. Потому что бриттского шпиона Винсент просчитал сразу, стоило маленькому человечку шагнуть вчера вечером за порог трактира — по тому, как, больно задетый железным локтем подвыпившего ландскнехта, негромко вскрикнул — «ауч!» Что характерно только для англов и бриттов... В какой-то мере капитан испытывал нечто вроде благодарности к нынешнему спутнику — за то, что тот надолго вывел из строя соглядатая, и не пришлось самому Винсенту применять силу.

К месту назначения они добрались около полудня.

Сар смотрелся не столь ужасно, как виденные ими ранее деревушки. Сказывалась близость к хозяйскому замку: здесь и народу жило больше, и, должно быть, были свои мастера и мастерицы, что работали не только на барона, но и излишек от трудов своих могли свезти на ярмарку. Во всяком случае, даже издали было заметно, что часть крыш покрыта не соломой, а черепицей. А ребяташки, что встретились всадникам на самой окраине, одеты были не в рванину, а во вполне сносные, хоть и поношенные крепкие льняные рубашонки. Хворостинами мальцы гнали к деревне двух гусей, не особо упитанных — можно сказать, слишком поджарых, но, должно быть, именно по этой причине довольных жизнью. До традиционных рождественских гигантов им было далеко. Заметив приезжих, оба пацана, не сговариваясь, рухнули ниц, каждый на своего гусёнка, да так и замерли. Было ясно: сбежать они не надеялись, но птиц не отдадут, разве что под страхом смерти.

— Не надо бояться, дети мои, — ласково прогудел брат Тук и подкрепил слова действием, кинув каждому по мелкой монетке. Пацаны цапнули денежки на лету, сунули за щёку и шустро поднялись на ноги. Птиц они держали на руках, как барышни крошечных

собачек.

— Чё гошподам надо? — прошепелявил один. Подношение волей-неволей располагало к вежливости.

Господам надо было каждому своё: монаху — дом местного священника, капитану — дом кузнеца, но жизнь вносила непредвиденные коррективы в первоначальные планы.

— Рейтары здесь? Давно? — отрывисто спросил капитан.

— Солдаты, што ли? На конях? С пиштолями? Не, не ждесь.

— Не здесь, — украдкой выплюнув монетку в кулак, поспешил вмешаться второй малец. — В замок с утречка приехали. Пока там.

— Все? — Капитан подпустил в голос строгости. Пацан насупился.

— Дык... сюды почти никто не вернулся. Девки-то попрятались, чё тут делать-та?

— У штаропты один сидить, — деловито доложил первый. — Ага. Ишо один — у паштора, и ишо...

— ... у кузнеца, — торопливо досказал товарищ. И оба требовательно протянули грязные ладони за мздой, раскусив, что вреда от проезжих не будет, напротив — можно пожить. Капитан задумчиво повертел серебрушку, ловко перегоняя её меж пальцев. Монах неодобрительно покачал головой.

— Нехорошо, отроки, в столь юном возрасте заниматься стяжательством. Вознаграждение нужно заработать. Проводите-ка нас...

— В замок, — перебил капитан. — Отче, дела наши частные могут обождать, назрели иные, безотлагательные, в коих ваша помощь окажется весьма кстати. Вы нужны мне в замке. Как независимый свидетель.

— Хм. — Монах словно бы рассеянно повёл плечом, и под сутаной послышался явственный шорох металлической чешуи. Пацаны встрепнулись, и, отведя взоры от капитанской шпаги, жадно уставились на могучего подвижника. В кои-то веки в их захолустье столько нового и необычного, а первыми приезжих увидели они! Быть им героями, когда начнут своим всё обсказывать!

— Судя по всему, брат мой, дорога к замку ведёт через центр селения, там обычно и располагается храм. Я прав, сынок? — Мальчишка помладше закивал. — Прекрасно. Дом пастора должен быть рядом. Мы можем заглянуть туда по дороге, это не отнимет у нас много времени.

— А пастор Глюк... — ехидно начал мелкий, но тот, что постарше, вдруг лягнул его босой грязной пяткой. Пацанчик испуганно моргнул.

— Что — пастор? — насторожился капитан. — Ну-ну? — и вновь покрутил монетку. Но ребята лишь зыркнули жадными взорами и отвели глаза. Помедлив, Модильяни выудил из кармана новенький талер.

Мальчишки уставились на сияющий золотой как на невиданное чудо. Хотя — кто знает, может, в этих краях и невиданное. Прижались друг к дружке плечами. Им явно было что сказать, но мешал страх.

— Никто не узнает, дети мои, — твёрдо сказал Тук. — Вы всего лишь покажете нам дорогу, а то, о чём мы поговорим, останется для других тайной. Смелее же! Что-нибудь случилось с моим духовным братом?

На раскрытой ладони, словно орех для белки, капитан Винсент протянул монету старшему. Тот, не выдержав соблазна, цапнул. Уставился заворожённо на профиль короля Генриха.

— Чур, на двоих, — тихо сказал младший. И поднял печальные глаза на Винсента. — Пастор-то наш помирает, ваша... — он запнулся, не зная, как обратиться, — ваша милость, лежит, тётка Дора говорит — уж и не стонет. Уходили его вчера...

— Вчера? — нахмурившись, уточнил капитан. Пастора крепко огрел по голове один из его солдат, это он хорошо помнил, как и то, что от подобных ударов не умирают, разве что отлёживаться придётся. И было это два дня назад. Вроде должен прийти в себя прыткий служитель божий.

— Ага. Вчерась приходили от барона, двое, так отлупшевали — будь ждоров, — дополнил тот, что с монетой во рту. — Шкажали: и ваш прибыём, ешли проболтаеш. И ещё с утра приходили. Шовшем убить, жнацицца, ежели не помер. А тут — солдаты на конях понаехали...

— Ага, — подхватил меньший. — Они тех, баронских, заарестовали сразу. Говорят: духов... ага, духовное, говорят, лицо, увечья какие, под суд сразу пойдёте... Ихний лейтенант об них мараться не стал, посадил в подвал к старосте, они там так и сидят.

— А дальше?

— А что с пастором? — одновременно спросили капитан и монах. Переглянулись. Пацан, прекрасно помня, от кого получил больше, тому первому и ответил:

— Одного оштавили при швятом отце, шами, — в замок поехали. Немного пошумели, шпышно было даже ждесь. А паштор... Тётка Дора грит — до вечера не дотянет. Не жилец. Кровью харкает.

— Едем, — монах решительно тронул с места своего коня. — Капитан, наш долг — в первую очередь посетить умирающего.

К тому, чтобы у него перехватывали командование, капитан относился крайне отрицательно. Однако с пастором Винсенту нужно было самому повидаться, но могло сложиться так, что запуганный, побитый — и, возможно, действительно умирающий служитель церкви узнает его, капитана рейтаров, побывавших здесь недавно, испугается, и тогда из него слова клещами не вытянешь. Эти святоши упрямы даже на смертном одре. А вот со своими братьями они, как правило, более откровенны... Ничего, капитан терпелив и позволит обстоятельствам работать на себя.

— Едем, брат Тук. Эти юнцы нам больше не нужны. Тут все деревни на единый манер, улицы лучами сходятся к церкви, обойдёмся без провожатых.

Дождавшись одобрительного кивка монаха, мальчишки с облегчением вздохнули и брызнули вдоль по улочке, скрывшись вскоре за одним из плетней.

Больше на пути к обители пастора компаньоны никого не встретили. Видать, появление рейтаров заставило попрятаться не только девок. И то сказать, слава о Чёрных всадниках ходила не то, чтобы дурная... Своих людей Винсент Модильяни держал в кулаке крепко и мародёрствовать не позволял, но иногда — на чужой территории — скрепя сердце, предоставлял некоторую свободу действий, понимая, что время от времени поводов всё же надо ослаблять. Но его солдаты меру знали, а ещё более того помнили, что подобного жалования, как у них, с которым и военной добычи не нужно, и таких пенсий за верную службу и боевые ранения, им не найти — ни в Галлии, ни в соседних государствах. Поневоле будешь благородствовать... Вот только местные жители об этом не знали и потому — таились за хлипкими дверьми и ставнями. Винсент подозревал, что не только скотину, но и цепных псов попрятали: в иных-то местах их с братом Туком резвый аллюр через всю деревню сопровождался бы непрерывным брёхом, а сейчас — тихо.

Нищета и здесь сочилась из всех щелей. Жильё изрядно обветшало, причём даже то, что с первого взгляда казалось побогаче: черепица на крышах потрескалась и кое где выпала, прорехи так и чернели, обнажая рёбра стропил. Судя по заброшенному виду малочисленных овинов на подворьях, далеко не все они использовались по назначению: хлеба и ячменя и здесь не доставало. Даже постиранные рубахи, сохнувшие на задних дворах, были настолько чинены-перечинены, что их от чужаков не прятали — вряд ли кто польстится. И это — на землях Галлии... Позор.

Небольшая церковь, аккуратная, ухоженная, окружённая крошечным садиком, стояла посреди всего этого безобразия как мираж-оазис в пустыне. Иначе говоря, в её существование трудно было поверить. Здесь, в юдоли скорби — и вдруг островок покоя и благополучия... Должно быть, таким и нужно быть божьему дому, но у капитана возникло стойкое ощущение нелогичности происходящего. Каков поп, говаривали в народе, таков и приход, и по всем статьям выходило: либо Сар, который они только что видели, и есть мираж, наваждение, за которым скрываются сытые и благоденствующие селяне, либо чистые стены, где каждый кирпичик, казалось, был отдраен с щёткой и дорогим мылом, являлись ни чем иным, как оптическим обманом. И то, что не видно было ни единой трещины в стенах, то, как ослепительно сверкали цветные стёклышки витража, как хрустально звякнул колокол, задетый порывом ветра — тоже казалось мороком.

Домик пастора притаился по ту сторону торца храма, и казалось, что иллюзия райского благополучия цепко накрыла и его своими незримыми тенетами. Если бы не розарий, безжалостно вытоптанный чьими-то сапогами, не разбитое окно первого этажа — явления, диссонирующие столь резко с искусственно созданной идиллией — капитан обратился бы к спутнику, дабы тот прочитал соответствующую молитву для рассеивания злых чар. Сам он помнил единственное «... да расточатся врази его...», но подозревал, что этих нескольких слов будет недостаточно.

Откуда-то с заднего двора, расслышав топот копыт, отозвался ржанием конь. Тотчас в дверях появился оставленный на часах рейтар и отсалютовал начальству. Но не успел отрапортовать, как его потеснила изрядных габаритов особа неопределённого возраста, но вполне определённого пола, хоть и скрытого под мрачными чёрными одеяниями. Впрочем, объёмистые тела невозможно было спрятать ни под широкими юбками, ни под шерстяным платком-шалью... Впервые за всё время пребывания на земле де Бирса капитан увидел тучного человека. Женщину. Очевидно, это и была та сама «тётка Дора», о которой вскользь упомянули мальчишки.

В упор не замечая спешивающегося капитана, она гневно уставилась на монаха и преградила путь в святая святых своим объёмистым бюстом:

— Никогда! Я не пушу к своему брату католика, слышите? Папист — и у одра умирающего пастора? Прочь!

Присутствующий рейтар только крикнул и почесал в затылке. Очевидно, успел натерпеться. А приказа унимать вздорную бабу, да ещё и фанатичку, у него не было, к тому же — кто тогда ухаживал бы за избитым попом? Солдату было приказано — охранять и не допускать попыток ещё одного нападения, не более.

— Стыдись, сестра, — сурово отвечивал брат Тук. И вроде бы не слишком громко, но Винсенту с рейтаром вдруг показалось, что от дыхания монаха поднялся ветер, закружив по булыжникам мощёного двора первые опадающие листья акаций и обдувая белые пряди женщины, выбившиеся из-под чепца. — Католик, протестант... Все мы веруем во единого

Господа, Сына его и пресвятую Троицу, чего же более?

Губы женщины задрожали — то ли от гнева, то ли от праведного негодования, но брат Тук не дал ей и слова молвить.

— Ещё четыре года назад, — сказал внушительно и веско, — его святейшество Павел второй совместно с Августом Кингом, внуком преподобного Мартина, приняли совместную буллу. Мне напомнить её содержание, сестра? В приграничных населённых пунктах одинаково законными признаются богослужения и обряды, совершаемые представителями обеих церквей, как Римской, так и Англиканской, а в последнее время к этому списку присоединят и Греческую. Мне дано было знание, что брат мой во Христе пострадал и, возможно, готовится предстать перед Господом, и не тебе, женщина, становиться препятствием в его последнем утешении. Возможно, его томит жажда исповеди, а ты смеешь меня останавливать?

«Тётка Дора» разом поникла и... отступила.

— Пожалуйте, сударь, — прошелестела чуть слышно. И вдруг всхлипнула. Кивком монах приказал ей идти вперёд, сам, обмахнувшись крестным знамением, шагнул следом. Капитан входить не торопился. Ежели всё так плохо — он там лишний, а вот собрать полезную информацию — на это ещё было время. Он подозвал рейтара.

— Рядовой Мишель Арданье, ваша милость, — доложил тот по уставу, и капитан кивнул. Этого малого он успел запомнить. Толковый. Смелый. Сообразительный, хоть и хамоватый иногда. — Приставлен к попу, ваша милость. Чтобы, значит, бдил и не допускал ещё одного нападения. Пастор Глюк, избит вчера, чем-то не потрафил тутошнему барону, вот он и прислал двоих образин, вроде как попугать, а уж потом, говорят, они разошлись. Отметелили отца, печёнки отшибли, кажись — рёбра повредили. Совсем сбрендил этот барон, страха божия не знает...

— Без этого, — прервал Винсент. Какой бы ни был провинившийся дворянин, а критиковать его неблагородному сословию не стоит. Солдат запнулся и понятливо кивнул. Продолжил:

— Прошу прощенья, господин кэп... капитан. Как ещё попик до утра дотянул, непонятно... Мы поначалу, как вы и приказали, оставили Сержа у кузнеца, для погляда и чтобы вас дожидался, потом сюда. Только вошли — а тут эти парни снова заявили. Сперва просто через забор заглянули, в наглую, даже не хоронились, потом нас увидали — и драпать, только далеко не уйдёшь, пешим-то. Лейтенант из них всё вышиб: сказали, барон послал их довести дело до конца. Совсем сбрен... прошу прощения, господин капитан. Этих двоих повязали и к старосте в подвал сунули до вашего приезда, меня тут приставили, а господин лейтенант поехали с бароном разбираться. Больше никто не являлся.

— Ты-то сам как думаешь, выживет? — поинтересовался капитан. У ветеранов глаз намётан, им иной раз достаточно глянуть — и чуют, жилец ты или не жилец. Рейтар, похоже, хотел сплунуть, но не решился, лишь головой покачал.

— Силён, хоть с виду не скажешь, в чём душа держится; но долго не протянет. А верно этот ваш брат монах сказал: душу ему надо облегчить, пастору-то, он всё бредил: позови, Доротея, хоть кого, хоть в город пошли, пусть исповедуют перед смертью, очиститься хочу... Да только и послать не кого. Мне с поста не уйти, местные попрятались. Я так думаю, ваша милость, он только тем и держался, что на чудо надеялся, будто вот-вот ему небеса кого подошлют. А ведь так и оказалось, гляди ж ты...

— Пути господни неисповедимы, — задумчиво ответил капитан Винсент. — Вот что,

солдат... Мишель, да? Пристрой пока коней, а я пройдуся по дому. Подозрительного ничего не заметил? Кратко: что здесь и для чего?

Рейтар подобрался.

— Наверх можете не ходить, там эта бабища живёт, Доротея, пастора сестрица. Пустынней, чем в монастырской келье. Здесь, — он махнул рукой за спину, — вроде как у всех: гостиная, спальня. Ничего интересного. А вот по коридорчику пройдите, там у него, похоже... пыточная, разве что без дыбы.

Нахмурившись, капитан направился прямо в указанном направлении. Осторожности ради всё же заглянул и в парадно-чопорную гостиную, сверкающую белоснежными побеленными стенами, прошёл мимо плотно закрытой двери, сквозь которую пробивался приглушённый деревом знакомый бас. Брат Тук читал молитву, и, хорошо бы, не отходную, а предваряющую исповедь, тогда у Винсента будет достаточно времени на осмотр. В конце коридора он приоткрыл дверцу, низенькую, хлипкую, такая, казалось, должна вести в какой-нибудь безобидный чуланчик, предназначенный, как и во всяком порядочном доме, для хранения хозяйственных мелочей. Вместо этого объявилась ещё одна, и весьма просторная, комната.

Капитан был человек опытный. Оценил и отшлифованность людскими телами столпов, вздымающихся из хорошо утоптанного земляного пола, и вёдра с замоченными пуками свежих розог, и держатели для рук, вделанные в столбы на уровне... Он подошёл ближе, прикинул высоту. Оценил обхват железных браслетов, чересчур узкий для мужских запястий. И ему, как недавно рейтару, тоже захотелось сплюнуть.

И этот мозгляк, устроивший тут какой-то притон, бежал за возком и требовал вернуть девушку? Отчего-то верить в благородность сего порыва не хотелось.

...А на следующий день святого отца избили почти до смерти. Может ли статься, что эти события как-то связаны?

Капитан осмотрел соседнюю каморку со вполне удобным широким топчаном, застеленным лоснящейся потёртой медвежьей шкурой, со столиком, на котором сиротливо пустовал серебряный кувшин из-под вина и два кубка с засохшей на дне тёмно-красной жидкостью. Заслышав совсем рядом конское ржание, вышел во двор. Солдат уже привязал его коня к кольцу коновязи и теперь пристраивал к соседней чёрного великана, что совсем недавно легко нёс на себе увесистого брата Тука, отнюдь не изнурённого постами и молитвами.

Винсент задумчиво потеревил бородку. Была у него такая привычка.

— Вот что, Мишель, покарауль у двери спальни. Если я прав и начнётся исповедь — женщину брат Тук выставит вон, и никуда она не денется, будет вынуждена уйти. Веди её ко мне, незамедлительно, она должна знать, что здесь творилось. Ключи от храма где, знаешь?

— Сбоку от входной двери, под распятием на стене, — доложил солдат. Молодец, толковый малый... — Будет сделано, господин капитан!

— Посмотрю там. Но с чёрного хода, запомни, в центральный не ломись.

...Церковная дверь на хорошо смазанных петлях даже не скрипнула. Внутри помещения царил приятный полумрак: ставни большого окна были прикрыты, лишь в щели разошедшихся створок пробивались косые лучи. Не прикрывая за собой дверь, Винсент окинул комнату быстрым взглядом и почти сразу нашёл, что искал: на столе у окна, заваленном книгами, новенькую масляную лампу, а рядом — огниво. То, что ему могло пригодиться, обычно хранилось не в зале и не в алтаре, капитан не собирался кошунствовать, устраивая обыск на

святом месте. Но вот примыкающая к нему рабочая комнатка пастора... Тут-то можно было найти многое. В том числе и книги записей о рождениях и смертях, крестинах и конфирмациях, браках и оглашениях...

Капитан затеплил лампу и прикрыл, наконец, створку двери. Нечего привлекать излишнее внимание. Не так уж часты в деревушке интересующие его события, вряд ли записи о них будут на виду, скорее всего, они освежаются нечасто, а потому искать их нужно где-то в хранилище. Он заглянул в небольшой пристенный шкафчик, поднёс ближе лампу. Тускло заблестела позолота букв на переплётках, зачернели ветхие безымянные корешки изданий попроще. И латынь, и галльский, и греческий... Пока ничего сверх того, чем мог бы занимать пытливый ум сельский священник: жития святых, мучеников, послания апостолов, апокрифы... Последнее неожиданно, хоть и понятно: хочешь бороться с ересью — изучи её. Впрочем, дозволенность или недозволенность — оставим решать брату Туку, это его епархия. А капитана больше заинтересовали две толстые книги, не стоящие, а лежащие особняком, и, немного знакомый с традиционными форматами архивных записей, Винсент вполне логически рассудил, что эти фолианты — более мирского содержания, чем их соседи.

Списки дат и имён. У пастора Глюка оказался чёткий каллиграфический почерк, ровный, красивый, и, к счастью, без завитушек и крючков, коими часто баловались любители чистописания. Нет, буковки тщательно подгонялись одна к одной и были в столь же идеальном порядке, ровны и чисты, как кирпичики местного храма. Тем лучше. Похоже, он нашёл то, что нужно. Остаётся лишь надеяться, что при малочисленности населения записей окажется не столь много, и он успеет их проштудировать и найти хоть что-то полезное.

Дверь распахнулась, пропуская поток дневного света и заплаканную женщину. Капитан досадливо поморщился. Допрос не ко времени, да ничего не поделать, сам распорядился...

— Присаживайтесь, сударыня, — сказал он изысканно-вежливо и отодвинул от стола единственный в комнате стул. — Сочувствую вашему горю. Но, возможно, от вашей откровенности будет зависеть, сможем ли мы покарать убийц вашего брата. Я говорю не о тех, что заперты сейчас в подвале, а об их господине. Давайте поговорим, сударыня Доротея, и чем больше вы мне расскажете, тем лучше.

— Покарать убийц? — горько усмехнулась женщина, не совсем ловко усаживаясь. — Да будь вы даже самим...

— Винсент Модильяни, капитан рейтаров его светлости герцога. К вашим услугам, сударыня.

Женщина судорожно вздохнула. Приподнявшись, не без изящества подхватила несколько потрёпанную юбку и присела в почти безупречном, с учётом её комплекции, реверансе.

— Доротея-Августа-Терезия Смоллет, сударь, в девичестве Глюк. Простите, что принимаем вас в подобном убожестве...

— Смоллет? — Капитан справился с приступом естественного удивления и нахмурился, припоминая. В цепкой памяти неожиданно всплыло одно странное дело, на которое он однажды случайно наткнулся в архиве, когда запрашивал данные по Александру Смиллету, фальшивомонетчику, а писарь перепутал папки. Пока канцелярист спешно искал то, что нужно, Винсент заинтересовался невольной подменой и зачитал материалы от корки о корки. Имя одной из главных подозреваемых, которая, впрочем, была оправдана быстро и

без проволочек, отчего-то запомнилось.

Но встретить её — тут?

Неужели это она — вздорная опустившаяся женщина? Впрочем, почему — опустившаяся? Безденежье меняет людей разительно, бывает — против их воли. Просто, если это действительно та, о ком он думает... Удивительное совпадение.

— Поправьте меня, сударыня, если я ошибаюсь, — осторожно сказал он. — Вашим супругом был Александр Смоллет-младший? И он...

Она вскинула на него глаза — оказывается, прекрасные, живые, тёмные, глаза бывшей красавицы, столь неестественные на покрасневшем обветренном лице, и Винсент вдруг своим хвалёным чутьём понял: она. Пропавшая жена... нет, вдова восходящей звезды бриттской дипломатии, лет пятнадцать тому назад погибшей в самом расцвете карьеры.

— Он был отравлен, — сдавленно прошептала женщина. — И вместе с ним все, кто находился в гостинице. До сих пор не знаю, его ли смерть была главной целью отравителей или кого-то из постояльцев, говорят — зелье подлили на кухне, и в суп, и в соусы для жаркого, и в пунш, и даже в уксус, чтобы уж наверняка...

— Да, я читал об этом злодействе. — Капитан сочувствующе посмотрел на женщину. Вот теперь, несмотря на полноту и одутловатость, на нездоровый цвет лица, на руки, давно забывшие о перчатках, можно было угадать в ней прежнюю красавицу, несколько раз яркой кометой мелькнувшую на столичных балах — и исчезнувшую без следа. — Именно потому, что случайно остались в живых, вы и попали под подозрение. Однако насколько помню, вас оправдали ещё до суда, но затем вы исчезли и больше вас никто не видел...

Графиня Смоллет носила под сердцем первенца... так и не родившегося. По пути из Лондона в Эстре она была измучена сильнейшей тошнотой, морской болезнью, дорожной тряской, июльской жарой — и потому, едва упав на постель в лучшем номере Эстрейской гостиницы, забылась, пропустив и обед, и ужин, и проснулась лишь за полночь, в объятьях уже остывшего супруга, который тихо скончался во сне. Подобно ему, не проснулись практически все постояльцы и часть прислуги, коим перепало доесть с господского стола. Трудно было остаться беременной в настоящем склепе, где мертвец лежал на мертвеце...

— Я бежала, бежала к брату, как только меня освободили. Махнула рукой на деньги, на наследство, на... на всё. Была не в себе после потери ребёнка и вбила в голову, что тот, кто сделал это с Александром и остальными, непременно придёт и за мной. Понимаете?

Доротею затрясло от воспоминаний, и она плотнее закуталась в ветхую шаль. И вдруг, подавив рыдание, затихла.

— Бежали к брату... — Капитан задумчиво прошёлся из угла в угол. — Он уже тогда был в этом приходе?

— Нет, мы приехали сюда позже. После эпидемии, когда скончались местный пастор и католический священник, их ведь было двое, они несли службу по очереди. — Доротея глубоко вздохнула, справляясь с остатками горя. — Недавно брат Тук упомянул о булле... да, я слышала о ней, но ведь она лишь узаконила то, что было. Но всё равно, всё равно... — Она обречённо махнула рукой с зажатым платочком с обмахрёнными краями. — Видеть их не могу. В тот день они заполонили всю гостиницу, переворачивали мёртвых, что-то с ними делали, пытались и у меня что-то выпытать. Гадкое чёрное вороньё, стервятники. — Она отвернулась.

— Скорее всего, это были менталисты, сударыня, — мягко сказал капитан. — Они пытались снять с умерших предсмертные воспоминания, чтобы хоть как-то помочь

расследованию. Вам в тот момент было нелегко, и неприязнь к католикам поселилась в вашей душе именно тогда, не так ли? Поэтому вы и потянулись к брату-протестанту.

— Ах, возможно, и так. — Доротея-Августа снова вздохнула. Колыхнулась мощная грудь, и бывшая графиня стыдливо запахла шаль. — Он ни разу меня не попрекнул замужеством, ни разу! Поддерживал, когда я пыталась завести тяжбу из-за наследства, защищал от родственников мужа, которые в чём только меня не обвиняли...

.....

— Я виноват перед ней, брат мой, очень виноват, — шептал, еле двигая пересохшими губами, пастор Глюк. Монах помог ему напиться, придержал голову, обтёр подбородок. Ещё пол часа назад, добавив в воду, разбавленную вином, сильнейшего стимулирующего эликсира, он честно предупредил, что средство это, хоть и избавит от боли, и вдохнёт при этом силы, но значительно сократит последние часы жизни. «Пусть», — прошептал умирающий. «Лишь бы успеть исповедаться».

— Я ввёл в заблуждение мою сестру, взяв на себя тяжбу с наследством. Родственники её покойного мужа были хорошими людьми, и, хоть не одобряли мезальянс и женитьбу на протестантке, но готовы были поделить, оставить ей одно из родовых поместий и небольшую ренту. А я — позавидовал. Взалкал. Написал от её имени вздорное письмо, в котором требовал всё. Конечно, они рассердились. И раздавили нас. Я едва не разорился на судебных издержках, но как был рад, когда она осталась такой же нищей, как и я! И каким маслом на душу лились мне её слова благодарности за моё самопожертвование! Вот кого мне не хватало: вечно благодарной рабыни. Чтобы она была всегда при мне, я окружал её всяческими слухами о гонениях на нашу веру, о преследованиях вдов и отравителей... Она жила в вечном страхе и безумно рада была уехать в это захолустье, где никто ничего о нас не знал.

.....

— В каком запустении была церковь, если бы вы только видели, господин Модильяни! На крыше рос кустарник, половины стёкол не хватало. Их не разбили, а вытащили, чтобы продать, но, видит Бог, я не могу осудить наших предшественников, которые даже колокол свезли в казну, для чеканки медных денег, лишь бы хоть как-то поддержать выживших после оспы вдов и сирот. Говорят, святые отцы ходили и к господину барону, но он обошёлся с ними очень жёстко, сказав, что Господь избавил от лишних ртов, а касаемо остальных — на всё его воля. Когда мы приехали, ужаснулись тому, что увидели, но брат сказал: «Мы возродим Божий дом в прежней красоте и величии. Я попробую усовестить барона».

— Получилось? — Винсент скептически приподнял бровь.

— О да! Правда, баронская щедрость была какой-то избранной. Брат рассказывал, что тот помог одной ослепшей ткачихе, оставшейся вдовой с двумя детьми на руках. Затем, видимо, ему стали докучать просьбами о помощи, он вспылил и переложил всё на Августа.

— Вот как... Каким же образом?

Всё было ясно, как день. Характер у госпожи Доротеи был, конечно, вспыльчивый, но, чувствуя себя по гроб жизни обязанной братцу, она смотрела на мир его глазами и пела с его слов. Однако выслушать её стоило, хотя бы потому, что умный человек всегда отделит зёрна от плевел.

— Он как-то... — Женщина вдруг покраснела и опустила глаза. — Он с ним договорился. — И, не поднимая глаз, скороговоркой продолжила. — Я спорила, я возражала, клянусь вам! Но он говорил, что я не знаю ни жизни, ни этих людей, что далеко не все

девушки — невинны, и есть среди них такие, которые с радостью пойдут на жертву ради своих семей. Для них это и не жертва будет вовсе, а так, развлечение...

Поначалу капитан не понял, о чём речь. К тому же, путы пуританского воспитания с годами затянулись на госпоже Доротее ещё туже, ей было весьма трудно называть вещь своими именами.

— Время было голодное, страшное, — сбивчиво продолжала она. — И многие рады были бы выйти замуж, в семью побогаче, да только все в округе тогда бедствовали. А то... — она запнулась. — То, чего потребовал барон для себя и своих соседей...

Капитан вспомнил чуланчик с топчаном, более похожим на ложе для тайных утех.

Платочек в руках хозяйки треснул и расползся на два рваных лоскута. Даже не заметив этого, женщина уткнулась лицом в лохмотья.

— Они не только давали девушкам приданое, они затем откупались от своих грехов, понимаете? И считали себя чистыми. Давали деньги на восстановление храма. Да, это было гадко, я так и говорила Августу, но он в ответ лишь кричал мне: «Это жизнь, Дора! Ты что, не понимаешь, скольким семьям их дочери принесут золото — кто на приданое, кто просто на хлеб? Сколько младших братьев и сестёр спасут от голодной смерти? Их всё равно ждёт баронская постель — по праву первой ночи, так уж лучше молодой и красивый, и здоровый чем этот...» Ох... — Доротея даже не покраснела, а пошла лиловыми пятнами. Договорите не поворачивался язык.

— Сифилитик, — довершил капитан Винсент. — Так?

Женщина, прикрыв глаза, кивнула.

— Должно быть, я действительно не знала жизни, — прошептала она. — До замужества меня, девушку, оберегали от всего гадкого и порочного, в замужестве я нравилась супругу, как теперь понимаю, именно такой, наивной. Он и не старался меня разубедить, а держал в счастливом неведении относительно изнанки жизни. Видите, господин Винсент, что-то во мне ещё осталось от прошлого, если я вдруг начала так изъясняться... Господи, как же я себя ненавижу! За эту тушу, в которую превратилась, за бесхребетность, за трусость... Вот смотрю на вас — и вспоминаю, что все вокруг только и твердили о справедливом и умном правлении его светлости, о том, что рядом с ним такие люди, как вы, просто не знают о наших бедах. И думаю: что же я раньше не сорвалась с места, ведь и ехать-то не так далеко, наскребла бы из денег на хозяйство хоть сколько-то на дорогу, нашла бы кого-то из знакомых, если не на приём к герцогу — так хоть к архиепископу пробилась бы... Стыд! — Она в отчаянии рванула воротник, задыхаясь. — Стыдно было, что увидят меня такой — безобразной, нищей... А как те девочки кричали, когда он их наказывал! И хоть Август утверждал, что выбирает только порочных, из тех, что уже не раз согрешили со своими друзьями — я уж и не знала, верить ему или нет. Стыдно — не верить родному брату, да ещё служителю Церкви...

Закрыв лицо руками, Доротея умолкла.

.....

— Стыд жжёт меня, брат Тук, какой стыд... Я лгал сестре, лгал крестьянам, возводя напраслину на этих девушек. А на самом деле — поставлял молодым аристократам непорочных голубиц. Одно мне в утешение: что все господа честно рассчитывались за своё удовольствие, иной раз куда более щедро, чем договаривались. И то, о чём я наплёл сестре, произошло на самом деле: многие семьи достигли благополучия, но зиждилось-то оно на разврате их дочерей! А самое страшное — на моём. Ибо я грешнее всех молодых

бездельников, здесь побывавших. Я, ничтожный, тоже старался урвать крохи с их стола, вместо того, чтобы ужасаться своим деяниям... Но я не брал свою долю, нет, брат Тук, я всё вкладывал в возрождение дома Господня, чтобы он снова засиял красотой и целомудрием, ибо должен быть привлекателен и манящ для прихожан. Ведь кто же пойдёт в убогую церковь?

— Те, кто верит, — спокойно отвечал монах. — Они принесут с собой последние лепты — и, как знать, не будут ли перед лицом господи эти гроши более ценны, чем твоё нечестивое золото? Но... что сделано, то сделано, брат мой. Как человек, я осуждаю тебя за твои поступки и ничего не могу с собой поделать, но как смиренный слуга Божий, говорю: он простит. Всё ли ты сказал, брат мой?

Лицо пастора желтело, становясь словно восковым. Заострялся нос, проваливался рот. Западали глазницы. Действие чудесного эликсира заканчивалось.

— Не хочу говорить о незначимом, — с трудом прохрипел Глюк. — Говоришь, простит? Правда, простит, брат, а?

— Простит. Веруй.

— Верую. Но почему... — Глаза умирающего вдруг в страхе расширились. — ...Почему я вижу не ангела? Почему — за твоим плечом стоит другой, тёмный? О-о, он грозит мне, он улыбается, я вижу его оскал... Спаси! Брат Тук, ты же обещал, спаси меня от Сатаны! Ты же говорил — простит!

Брат Тук поднялся.

— Он простил тебя, Август-Доминик, разве я мог солгать? — голос монаха наполнился силой. — Посмотри! — Он указал справа от себя. — Вот он, твой Ангел, которого ты ждёшь. Но пойдёшь ты сейчас не за ним.

— Почему? — По лицу пастора покатались слёзы.

— Господь — отец наш любящий. А отец, увидев не в меру расшалившееся дитя, сперва накажет его, чтобы то поняло тяжесть проступка, и только потом приголубит и прижмёт к сердцу. Ты будешь прощён, брат мой. Принимай же заслуженное наказание, но не бойся: когда получишь своё сполна, когда искупишь вину...

Голос его куда-то отдалился.

— ...Тогда я приду за тобой, сын мой, — явственно шепнул пастору на ухо голос нежный, как свирель. На щеку умирающего капнула слеза златокудрого ангела, кого-то удивительно напоминающего. — Приду. Ты только вытерпи, как они терпели. Дождись меня. Будь мужественным.

— Можешь петь, сколько угодно, — насмешливо фыркнул сгусток тьмы, вооружённый пучком розог. — Он куда более слаб, чем ты думаешь. Вот увидишь, как он будет корчиться и проклинать — тебя и Бога, тех, кто его забыл. А он так на вас надеялся!

— Но ведь и Он однажды усомнился и воскликнул: «Зачем ты оставил Меня?» — напомнил Ангел вечному своему сопернику. — Тело может кричать, что угодно, сомневаться и проклинать, важно то, что в душе...

— Изыди, — мрачно ответил Демон.

— Я буду рядом, — не обращая внимания на его слова, сказал Ангел Глюку. — Даже если ты меня не увидишь — я рядом. Помни и верь. Для тебя есть надежда.

.....

Госпожа Доротея, «тётка Дора», сестра грешного пастора Глюка вздрогнула — и приложила руку к сердцу.

— Умер, — сказала безжизненно. — Господин Модильяни, мне нужно идти. Прошу извинить. Он был не слишком хорошим священником, но хорошим братом, и я должна отдать ему последний свой долг.

Капитан Винсент не стал открывать ей глаза на происходящее. Зачем? Иной раз, если человек лишается последней иллюзии, мир для него рушится. Пусть живёт с тем, что у неё сохранилось.

Он проводил женщину до скорбного одра. Не стал вслушиваться в рыдания — у брата и сестры в любом возрасте в такую минуту найдутся друг для друга очень личные слова, не для чужих ушей. Брат Тук читал заупокойную молитву. В спальне явственно пахло ладаном и почему-то... серой.

— Останешься с госпожой Доротеей Смоллет, — строго сказал Винсент рейтару. — Будут бузить местные — говори, что дом под защитой господина герцога.

— А должны бузить, ваша милость? — осклабился Мишель. Осёкся. — Прошу прощения, кэп. Просто скучно без дела-то, кровь бы разогнать. А тёт... госпожа что же, из благородных? А я думал — их сословья, поповского...

— Много болтаешь, — беззлобно ответил Винсент, окоротив рядового более для порядка. — Дама сия — бывшая графиня, и, может статься, Фортуна к ней ещё повернётся. Судьба — она такая...

«...и крестьянок в герцогини выводит», — добавил капитан, естественно, мысленно.

— Вот что, Мишель, — достал из кошелька несколько золотых, вручил солдату. — Один себе возмёшь за труды, остальное — ей. Помоги с похоронами. Да не сам крутись — вызови старосту, пусть он распоряжается, а ты проследи, чтобы всё было достойно. И пусть староста пошлёт в Эстре гонца, прямо к архиепископу, с известием о смерти пастора и о том, что срочно нужна замена. Желательно...

Винсент Модильяни вспомнил широченные плечи отца Тука, его речи, полные достоинства, необычные способности...

— Впрочем, есть ещё время; я сейчас всё напишу сам. Передашь письмо.

Желательно, чтобы замену пастору Глюку подобрали из числа воспитанников Его Преосвященства Бенедикта Эстрейского, вот что он напишет. Как там с бароном де Бирсом сложится — неизвестно, наверняка Винсенту удастся из него многое выжать, но... Рейтары уедут — деревенька останется. Голодная, неприкаянная, да ещё попадёт под удар паралитика, у которого полно дворни с дубьём, то-то он отыграется, пусть и чужими руками... Отыграется. Ежели он, Винсент, не оставит тут хорошего подкрепление вроде надёжного служителя божия с крепкими кулаками, даром убеждения...

... и полусотней солдат в придачу. Временно, конечно, однако хорошо известно, что доброе слово, подкреплённое двумя-тремя выстрелами из доппельфаустера, куда убедительнее, чем просто доброе слово.

Глава 7

Поспешая и оглядываясь — не видит ли кто — Марта пробиралась к знакомому просвету в живой изгороди. Она хорошо помнила просьбу нового друга — никому о нём не рассказывать, а потому не хотела привлекать к себе внимание. Кто их знает, этих садовников, где они прячутся. Увидят — замучают вопросами: куда это вы одни, госпожа, да не проводить ли вас, да не желаете шаль, в парке прохладно, да не застудите ножки... Впрочем, это не садовники, это Берточка с Гердой над ней так ворковали. Как будто не белый солнечный день на дворе, и она сахарная, чтобы растаять при первых капельках возможного дождя, или её унесёт порывом ветра... Еле отбилась.

Ей так хотелось поговорить со «своим» герцогом, чтобы он сам рассказал бы, чего от неё ждёт, как она должна себя вести, что делать... Да просто сидеть рядом, слушать, млеть от того, что кумир с ней разговаривает. Но утро не задалось. Сразу после завтрака сухопарый бровастый секретарь прорвался через заслон дворецкого и матушки Аглаи с нижайшей просьбой от городского суда: посетить сегодняшнее заседание, ибо уже три дня откладывалось решение по нескольким весьма важным делам, требующим непременно высочайшего присутствия. Его светлость почти неделю был занят поисками пропавшей супруги, отложив государственные дела, но теперь, когда поиски столь благополучно разрешились...

— Прости, дорогая, — вздохнул Жильберт д'Эстре, который в предвкушении приятного разговора с милой жёнушкой уже рисовал в уме прелестные радужные перспективы и совсем при этом забыл об общественном долге. — Дела... Постараюсь вернуться пораньше. Не скучай.

Его светлость даже не подозревал, что положил начало традиционной мужской отговорке...

Конечно, Марта огорчилась. Но не проситься же, как маленькой, взять себя с собой! Поэтому лишь понимающе улыбнулась. И мило покраснела, когда на прощанье герцог нежно поцеловал ей руку, задержав в своей руке, словно и ему не хотелось расставаться. Марте оставалось лишь посмотреть в окошко на его отъезд, на то, как красиво потряхивают плюмажами из страусовых перьев лошади, как солнце весело скачет на стёклах кареты, как ловко вскакивают на запятки слуги в ливреях, расшитых витыми шнурами... Было очень красиво. И грустно.

Она печально поглядывала вслед удаляющемуся солнечному пятну, когда его вдруг заслонил небольшой аккуратный возок. Завернул он, к немалому удивлению девушки, не к парадному входу, а к боковому, и чтобы рассмотреть, кто это там пожаловал, Марте пришлось почти наполовину высунуться из окна. Из распахнувшихся с обеих сторон дверей высыпались одна за другой, как горошины, четыре разнаряженных дамочки — одна ну очень уж красиво одетая, остальные попроще. Старшая, очевидно главная, звонко хлопнула в ладоши, и подскочившие слуги шустро начали доставать из багажного отделения возка какие-то тюки, рулоны ткани, круглые коробки... А через несколько минут матушка Аглая отвлекла «госпожу Анну» от этого увлекательного зрелища и радостно сообщила, что

приехала сама Бланш, лучшая в Эстре модистка, и не желает ли её светлость заказать себе у неё что-нибудь, гардеробная ведь пуста, совершенно пуста.

И началось...

Через два часа Марта изнемогла. Её утомил повышенный к ней интерес и бесконечные вопросы, предложения, уговоры, а от щебета модистки и её «девочек» она едва не угорела. Время еле-еле двигалось к полудню, а девушке казалось, что прошла целая вечность. Она не привыкла ни к праздной болтовне, ни к такому бессмысленному, с её точки зрения, времяпровождению. Её раздевали, одевали, крутили, вертели, снова переодевали...

И зачем человеку столько платьев, спрашивала себя Марта, уже привычно подбирая подол, чтобы не цепляться за валежник, который на старой половине парка никто не подбирает. Зачем столько-то? Сама-то она еле-еле отбилась от предложенного «скромного» наряда, который ей хотели оставить, как образец — чтобы, дескать и господин герцог поглядели — и отвоевала себе простенький наряд горничной, заявив, что желает пройтись по старому парку, а там полно сучков и колючек, нужно что попроще.

У неё только одно тело, в конце концов, продолжала она мысленно, а всего, что собралась пошить госпожа Бланш, в жизнь не переносить! Обычные платья, конечно, нужны, два-три, но не десяток же! И зачем при этом ещё и несколько утренних нарядов, несколько вечерних — неужели знатные дамы только и делают, что переодеваются? А когда же им... работать? Он неожиданной мысли девушка споткнулась. И рассмеялась. И впрямь, смешно, кто же их работать заставляет! Вот, наверное, день-деньской из одного туалета в другой перепрыгивают, так время и проводят в праздности. А попробуй каждый раз, расшнуруй, зашнуруй... По пять-шесть юбок напяль, да две верхние, да воротник пристегни, да лиф поправь...

Маркиз, шествующий впереди, как и в прошлый раз, неодобрительно оглянулся. То ли не одобрял Мартинога смеха, то ли торопился к даровому угощению, а она его задерживала.

...Да, с первым же лифом вышла неувязка. Марта поначалу подумала, что на него не хватило материи: низкий вырез слишком уж открывал грудь. Девушка всё пыталась подтянуть край повыше, пока госпожа Бланш не объяснила ей снисходительно, как маленькой, что, мол, м о д а, и все так носят. Это что же, и ей так оголяться? Марта задохнулась от возмущения и заявила, что, хоть и м о д а (слова такого она раньше не слыхала, но смысл поняла) — а она подобного бесстыдства в жизнь не наденет. Ещё чего. Смысл тогда — прикрывать ноги и попу, а верх выставлять напоказ? Да и куда в таком виде пойдёшь? Ни на улицу, ни в церковь... Тут девушки-горничные зафыркали, а госпожа Бланш тонко этак улыбнулась и объяснила, что именно так и ходят, причём все, понимаете? Все! Девушка представила, как по ней начнут скользить нескромные взгляды, вроде тех, что пастор Глюк иногда бросал на поротых, едва не облизываясь, или какими провожали на ярмарке некоторые нетрезвые мужики — хорошо, не приставали, дядя Жан глаз с неё не спускал, а с кузнецом — ого-го, шутки плохи! И покачала головой.

— Я такое носить не буду, — сказала тихо, но твёрдо. — Это только мужа позорить — выставляться перед всеми.

И дёрнула шнуровку. Снимайте, мол.

Госпожа Бланш так руками и всплеснула.

— Как же так, ваша светлость? Так ведь... Вы всегда лучше всех одева... — Матушка Аглая заехала ей локтем в бок, и мастерица, спохватившись, ловко перескочила на иное. — У вас такие плечики, такой бюст, такая кожа — изумительной белизны, грех не

похвастаться!

— Зачем? — не поняла Марта. И тут до неё дошло, почему о столичных нравах женщины в их селении судачили шёпотом, с оглядкой на молодых девиц. Одни развраты в этом Эстре, говорят, да ещё какие... Что ж, ежели даже благородные дамы так забываются, что полуголыми ходят — ничего удивительного. Она дёрнула плечом, с досадой посмотрела на себя в зеркало, принесённое из гостиной — ну да, было на что глянуть, но в новом облике вдруг ощутила что-то нехорошее, п о р о ч н о е, как будто с той стороны отполированного стекла глянула на неё другая женщина, старше и... распутнее. Нет. Она не хочет на неё походить.

— Пожалуйста, — терпеливо сказала Марта, — не нужно ничего такого. Как-то странно получается: у меня ночная сорочка скромнее ваших дневных и утренних платьев. Неужели ничего нельзя придумать? Или вы для всех шьёте одинаково?

Сама не подозревая, она нанесла болезненный удар по самолюбию гостыи, ибо нет ничего позорнее для настоящей мастерицы, чем бездумное копирование. Госпожа Бланш вздохнула с досадой. Ну что ты скажешь! Она-то надеялась, наконец, выйти из тени вездесущего мэтра Оноре, у которого одевались лучшие заказчицы Эстре, да и бывшая госпожа Анна, которая, как теперь говорят, была самозванкой. Бывшей супруге герцога подражали все...

Модистка задумалась. А ведь и эта скромница будет у всех на виду, и никто не посмеет шушукаться и хихикать по углам, если она вздумает одеться как-то иначе. Это вам не какая-нибудь занюханная провинциалка, которая тотчас превратится в мишень для острот и злословий. Оденет она парик — вся знать вырядится в парики; начнёт усердно посещать храмы и богоугодные заведения — и все дружно откроют молитвенники. Ох уж, этот высший свет... А не сыграть ли на контрасте? Новая девочка-герцогиня скоро начнёт появляться на людях, она красива, обаятельна, тотчас обзаведётся толпой обожателей... и обожательниц, особенно юных дев, уж они точно станут копировать её во всём, даже в мелочах. К вящей радости матерей, а особенно отцов, которым, положив руку на сердце, не по душе поветрие на чересчур откровенные декольте, пришедшее из самой Лютеции.

Госпожа Бланш давно уже слышала подобные высказывания. И была бы немало удивлена, узнав, что мнение родителей из столицы провинции и маленькой приграничной деревушки совпадают.

А этот прекрасный цвет лица молоденькой герцогини! Не поднимется рука — замазывать его белилами. К тому же, один из знакомых парфюмеров недавно принёс на пробу новинку — рисовую пудру с добавками цветного талька. Можно подобрать различные оттенки: в тон персиковых нежных девичьих щёчек, и смуглого жаркого румянца, и фарфоровой нежности северных дев. Прочь эти мушки, нарисованные брови и кроваво-красные губки сердечком, она, Бланш, возведёт на алтарь моды совершенно иное!

Натуру. Естественность. Скромность.

О да! Этого добра здесь давненько не видали!

Госпожа Бланш присела в глубоком реверансе. Той особе, благодаря которой она, скромная модистка, вознесётся на вершину своей маленькой славы, не грех и поклониться.

— Я уверена, мы что-нибудь придумаем, — твёрдо сказала она. — Дайте нам только немного времени...

«... Она так и ссказала?» — переспросил дракон и странно закашлялся. Марта поняла, что он смеётся, и заулыбалась в ответ. «Умная женщина. А кто её приглассил — Аглая? Хммм... Кажется, я её немного помню. Покажиссь мне потом в новом платье, детёнышшш, хочу посссмотреть, что они придумали»

— Вы им не доверяете, ваша светлость? — огорчилась Марта. — А мне показалось — эта Бланш хорошая, она прямо светилась вся от удовольствия, когда уезжала.

«Ещё бы, ты дала ей такой шанс... Хочу быть первым ценителем-мужчиной. Я вссё-таки мальчик, ессли ты не забыла. Или... дедушка в ссравнении с тобой...» Он снова закашлялся. «Обещаешь?»

— Хорошо, — покивала Марта. — О, нет! — Арман удивлённо приподнял нечто, напоминающее брови, а Марта поправилась. — Неправильно сказала. Надо так: я непременно постараюсь, ваша светлость. Так лучше?

«Лучшшше», — снисходительно ответил дракон. «Но между ссвоими можно изъяснятсся не ссстоль изысканно. Не переусссердствуй. А в библиотеке ты была?»

— Ой... А надо было? Вчера я только заглянула туда на минуточку, и всё.

«Непременно ссходи, как только вернёшшшь. Найдёшшшь книгу по этикету. Запомнила? Этикет. Попросси дворецкого помочь, ссама долго провозишьсся... Минуту. Ты хорошо читаешшшь?»

— Медленно, — уклончиво ответила Марта.

«Хммм. Приноси завтра книгу ссюда, я проверю... Повтори, о чём она».

— Об эти...этикетe, ваша светлость.

«Хорошшшо... Твой герцог что-нибудь говорил об учителях? Он думает зссаниматься твоим обучением?»

— Ой...

«Безсс «ой». Не думает. Какая бессспечность... Впрочем, он мог проссто не обсссуждать это с тобой. Неважно. Пока он никого не нашёл — я ссам тобой займуссь».

Марта чуть не подпрыгнула от радости на пеньке, на котором сидела.

— Вы, ваша светлость? Правда?

«Хммм», — довольно выдохнул Арман. — «Не волнуйсся, лишнему не научу. Вссё пригодится. Я ещё помню, какой должна быть ссветская дама. Возможно... нет, наверняка, ты будешь другой, на них непохожей, но определённый лосск мы тебе придадим. Зссапомни первое: отвыкай говорить «Вашшша светлость» к месту и не к месту. Обращения «Вашшша светлость», «Вашшше сиятельсство», «Вашшша милоссть» — это всё исходит от нижестоящих оссоб к вышестоящим. А ты — не зссабывай — герцогиня», — добавил внушительно и уставился на Марту немигающим взглядом. — «В твоей речи должно быть единственное обращение — «Вашшше Величесство». Только король и королева вышшше тебя. Поняла?»

— Ой, — растерянно сказала Марта. — Как-то это... ваша светлость...

Дракон щёлкнул хвостом.

«Опять?» И непонятно было, к чему это относится: то ли к ойканью, то ли к «Егс светлости». Может, и к тому, и к другому сразу. Однако нравилось же, когда к нему самому так обращались!

— Вы ведь выше меня стоите, — схитрила Марта. — Вот... думаю, если бы вы были человеком — то не меньше герцога, это уж точно. Вы и старше, и мудрее, почему бы мне вас

так не называть?

Дракон неожиданно фыркнул и прикрыл глаза. Должно быть, чтобы скрыть смешинку.

«Хитрюга... По-своему логично. Однако я не человек, а потому человеческие мерки общения ко мне не всегда подходят».

— Вот как вы это всё по-умному говорите, — опять, как когда-то, позавидовала Марта. — А я двух слов связать не могу.

«Читай. Это хорошо разсвивает речь, особенно, если потом проговариваешь вслух. Идём дальше. Ты знаешь историю, хоть немного? Географию? Политическое устройство страны, в которой проживаешь? Сложно для восприятия... Хорошо, проссто расскажи мне о Галлии всё, что знаешь, будто я — приезжий и здесь впервые. А я заодно освежу и свою память».

— Ну... — неспешно начала Марта, разглаживая по привычке подол, словно фартучек. Дракон перебил:

«Без «ну». Отвыкай. Итак, я тебя слушаю».

Не «давай дальше» сказал, не «говори» или «рассказывай», а красиво: «Я тебя слушаю».

И ещё: надо запомнить это интересное выражение: «Освежить память»...

— В нашей стране шесть провинций... — собравшись с духом, снова заговорила Марта.

«Уже шесть?»

— Да, только я всех названий не помню. Галлия — самая большая. В каждой провинции правит герцог, а над всеми ними — король.

«Вот как... Для начала — превосходно. Продолжай».

И эти новые словечки Марта тоже для себя отметила. И постаралась впредь брать на заметку подобные.

Наблюдатель со стороны мог бы долго любоваться этой идиллической картиной, словно сошедшей с иллюстрации книги сказок: прелестная девушка что-то оживлённо рассказывает внимающему дракону, словно в забывчивости обвившему хвост вокруг её колен. Иногда она затрудняется с ответом и морщит лоб, но собеседник не торопится подсказывать, а задаёт наводящие вопросы. Девушка, вспомнив забытое или подыскав нужное слово, с облегчением улыбается и продолжает.

Идиллию не нарушал даже громадный чёрный котяра, с удовольствием пожиравший в сторонке на траве индейку в два-три раза больше себя самого. Ему-то учиться было необязательно. Чем он и воспользовался.

***

Замок баронов Бирсов встретил капитана Винсента и его компаньона смрадом затхлой воды из затянутого белёсой ряской рва, расшатанными досками неухоженного моста, последнее звено которого не действовало, судя по заржавленным цепям и зубцам подъёмного механизма, лет десять, не меньше. Похоже, что надворотная башня пустовала — вопиющая небрежность, что могла дорого обойтись хозяевам в случае неожиданного нападения. Высокий наклонный цоколь крепостной стены с выщербленными кое-где камнями порос мхом и лишайником: запустение и разруха и сюда протянули свои щупальца.

— Эй, наверху! — зычно окликнул капитан.

Не успело эхо раствориться в туннеле входа, как сверху, в башне, послышался топот, в бойницы высунулись две физиономии в знакомых чёрных шлемах.

— Здесь, господин капитан! — весело заорал один из рейтаров. — Не извольте гневаться, караул только что сменили! Пришлось малость... того. Решётку опустили, дурни... Уже поднимаем! А с вами кто?

— Посланец от монсеньора, — коротко ответил капитан. И тронул повод коня. Проезжая через длинный тоннель, глянул вверх. Неаккуратными дырами зияли отверстия, из которых в старые времена лились на осаждающих кипятки и смола. Отголоски обороны прошлых времён... Сейчас таких методов уже не используют, и в замках старой постройки давно всё переделано на мирный лад, бойницы оставлены лишь в наружных стенах, для наблюдения, да и в донжонах не живут. Чем пробивать широкие окна, сносить перегородки и обустривать нормальный вход, не с разборной лестницей, которую в случае осады снимали, а с первого этажа — проще построить небольшой отдельный замок внутри замка. Более удобный, более современный, с просторными залами и спальными помещениями, как для хозяев, так и для их гостей, с римской системой отопления. В таких-то паласах хватало места для пиров и балов, торжеств, судебных разбирательств и переговоров. Эра донжонов и длительных осад канула в прошлое. Но у хороших хозяев не было заброшенных башен и крепостных стен: кто знает, какая напасть или междоусобица может накатить?

Барон де Бирс не был хорошим хозяином, в чём Винсент Модильяни изволил в который раз убедиться. И снова мысленно попенял себе за то, что перед женитьбой его светлости при запросе о состоянии дел опекуна невесты удовлетворился отчётом управляющего де Бирса. По бумагам выходило, что в хозяйстве относительный порядок. Иногда людишки ленились, ну, бывает, приходилось подгонять, наказывать... Задним числом Винсент сообразил: отчёт был составлен умно. Вот ежели бы на бумаге всё было гладко, тишь да благодать — этому ни он, ни герцог не поверили бы. А так — Жильберт лишь кивнул, и послал Винсента проинспектировать деревушки, предназначенные в приданое Анны. Поскольку — приграничье. И, надо сказать, в тех-то селениях капитан почти не нашёл недостатков в управлении. К тому же, ехал он тогда вдоль границы, решив заодно проверить и соседние гарнизоны, то есть нынешних баронских земель не пересекал и творимого безобразия не увидел. Впредь наука...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

На открытом широком дворе цвингера лейтенант Лурье, младший офицер, помощник Винсента, с удовольствием пропесочивал двух нерасторопных малых, замешкавшихся с переноской какого-то тяжёлого бруса.

— Р-р-разгильдяи! Оболтусы! (Непечатное слово)... Совсем от руки отбились! Это ж надо додуматься, — пояснил, ничуть не удивившись появлению капитана, — ворота день и ночь нараспашку, потому, что эти умники, (непечатное слово), засовы пустили на растопку! Железо поснимали и пропили, а дуб, морёное дерево, пустили на растопку, чтоб их, в душу, в бога мать... Прошу прощенья, — спохватился лейтенант и церемонно поклонился духовному лицу. — Не заметил вас сразу, брат...

— Тук. Брат Тук, — отвечивал монах, спешиваясь одновременно с капитаном. — По поручению его высокопреосвященства.

Лейтенант уважительным взглядом окинул широкие плечи смиренного слуги Господня, могучую грудь, которую никакой сутаной не замаскируешь, ручищи, в коих дубина или меч куда уместней кадила. Умеет епископ подбирать людей, ничего не скажешь. Сделал знак расслабившейся парочке, чтобы волокли свою ношу далее. Не отвлекаясь больше, доложил руководству по всей форме:

— Господин капитан, замок полностью захва... под контролем. Барон под домашним арестом, гарнизон усмирён.

— Сопrotивлялись?

— А как же! Четверых, самых прытких, сунули в тюрьму до вашего решения.

Капитан кивнул одобpительно.

— Что с управляющим?

— Там же, в подвале, с двумя помощниками. Больно подозpительные рожи, я их велел повязать и рассадить по разным камерам, чтобы не сговорились. А вопили, как резаные, громче барона.

— С ним мы сейчас и поговорим... Обыск делали?

— Так точно. Нашли мелочь какую-то, ничего существенного.

— Бумаги, отчёты?

— Это есть, всё опечатано. Они их даже не прятали, на виду держали.

Капитан задумался. Окинул взглядом двор, глянул выше. На крепостных стенах расхаживали, зорко посматpивая, знакомые чёрные фигуры, разбавленные инородными в каких-то неряшливых поношенных латах.

— Кто на постах?

— Часть наших, часть из местного гарнизона. Взял на себя смелость предложить работу наиболее толковым. Есть нормальные ребята, пусть послужат. К тому же, горят, можно сказать, желанием честно служить господину герцогу!

— И зубы у всех целы после предложения? — с усмешкой уточнил капитан.

— Одному пришлось проредить, — не стал вилять Лурье. — Наглядного примера, а также сравнения в размерах и сроках выплаты жалования хватило. Они, хоть и неграмотные, а считать все умеют, особенно в свою пользу.

— Что ж. — Винсент одобpительно хлопнул Лурье по плечу. — Молодец, лейтенант. Не зря я послал сюда именно вас. А теперь — ведите к барону. Начнём с головы...

...Чаще всего паралитиков представляют этакими жалкими развалинами. Филипп де Бирс был развалиной страшной. На широком ложе, перенесённом из спальни прямо в громадный каминный зал, возлежал остов, обтянутый кожей, в рубцах и шрамах от заживших когда-то язв. Даже лысый череп был изборождён следами «поцелуев Венеры», как завуалированно называли проявления отвратительного недуга, от которого барон вроде бы исцелился. Ужасны были высохшие кисти, казавшиеся чересчур крупными на палках предплечий, ужасно, что пальцы на этих кистях были напрочь лишены ногтей, а на лице паралитика не росло ни единого волоса: не то, что бороды и усов — ресниц и бровей не было.

Безволосый полутруп злобно сверкнул запавшими глазами. Капитан поморщился: запах в зале стоял ещё тот, хоть за больным было кому ухаживать. Две запуганные девушки робко прятались за столбиками кровати в изголовье, ещё двоих Винсент заметил в отдалении, жмущихся в тени ниши. Ему показалось, что тень под глазом у одной чересчур густа. У одной из дев, стоящих поблизости, красовался на скуле старый синяк, уже пожелтевший, у другой распухла губа.

— Вон отсюда, — негромко сказал Винсент. — Лейтенант, почему рядом с арестованным посторонние?

— Это сиделки, — ухмыльнувшись, пояснил Лурье.

— Лежалки! — рявкнул барон. — Я стар и болен, и не привык мёрзнуть в постели. Эти

шлюшки греют мои кости. Что вы себе позволяете, капитан как-вас-там? Или я тут уже не хозяин? По какому праву псы герцога распоряжаются у меня в доме?

— Его светлость в собственной стране в е з д е дома, а, стало быть, волен распоряжаться в любом замке так, как ему заблагорассудится, — сухо ответил капитан. — Что касемо ваших прав — последнее в свете недавних событий представляется мне спорным.

Барон, в бешенстве округлив глаза, уставился на капитана. Неизвестно, что он хотел добавить, но только в это время лейтенант Лурье гаркнул девушкам:

— А вы что стоите? Вон отсюда! Все вон, слышали?

Пока старик бессильно задыхался, пребывая в ступоре от неслыханного самоуправства, бедные селянки порскнули, словно зайчата, в разные стороны. Глядя в переносицу барона, капитан заговорил скучным голосом, который, как он знал, пробирал иногда куда сильнее, чем ор или сильнейшие угрозы.

— Господин барон, его светлость герцог д'Эстре послал меня для выяснения ряда вопросов, связанных с преступной деятельностью вашей племянницы Анны д'Эстре де Фуа, вернее, той женщины, которая имела смелость прикрываться этим именем для свершения чёрных дел. По пути моего следования у меня возник целый ряд вопросов иного характера, связанный с выполнением вами обязательств владельца земель, пожалованных вашему роду во временное пользование...

— Во временное?

Физиономия барона, и без того напоминающая гротескную демоническую маску, перекосилась.

— Вам должны быть известны основные положения Хартии вольных землевладельцев, действующей в нашем государстве вот уже двести с лишним лет, — словно не замечая, продолжал Винсент. — Её зачитывают каждому, вступающему во владение землёй, дарованной ли, полученной ли на правах наследования, покупки или иным путём. Земля, как главная ценность государства, должна приносить благо государству. Убыток, наносимый ей, расценивается как убыток казне. Соблаговолите ответить, господин де Бирс, на ряд моих вопросов, после чего мною будет принято решение, барон вы или нет.

— Да ты... да я... Мальчишка! Щенок! Как ты сме...

— Что касается меня, — мощный глас брата Тука перекрыл хрипение паралитика, — я уполномочен его высокопреосвященством архиепископом Бенедиктом Эстрейским проверить, как вы следите за духовной поддержкой и нравственностью вверенных вам людей в приходах Святой Церкви, расположенных на ваших землях.

— То, что мы видели, идёт вразрез с отчётами, поступающими от ваших управляющих, — подхватил капитан. — Отчёты, как оказалось, ложные, заверены вашей подписью. Означает ли это, что ваши собственные слуги скрывают истинное положение вещей, пользуясь вашим прискорбным состоянием?

Барон ощерился. Передёрнулся. При этом в движение пришла только верхняя часть тела, ноги, прикрытые меховым покрывалом, не шелохнулись.

— Вздор! Подумаешь, сотня-другая холопов сдохла от голода! Не будут плодиться. Пусть делят меж собой освободившиеся клочки и не вопят, что земли мало! Так ведь, кажется, хотел ваш герцог?

— Не пытайтесь извращать факты. В трудные времена вам была предложена помощь — вы от неё отказались. Винить некого. Ваше неразумное управление, похоже, унесло народу больше, чем последняя эпидемия.

— Народу? Кого-кого? — Пальцы с красными провалами вместо ногтей вцепились в меховую полость. — Этих грязных завшивленных скотов, копошащихся в навозе? И клириков, погрязших в блуде больше, чем я сам? Да чтоб им всем... — кулаки сжались. — Пусть подышают!

— Откуда столько ненависти, брат мой? — покачал головой монах.

— Откуда? Спросите у него — откуда. — Старик де Бирс ткнул пальцем в сторону капитана. — Они с его распрекрасным герцогом отняли у меня самое дорогое... смысл жизни моей...

Он, зажмурившись, откинулся на подушки.

— Анна... Зачем вы её у меня забрали?

На скулах капитана заиграли желваки.

— Вы дали согласие на брак без малейшего принуждения, — напомнил он.

— Тогда я не знал, не знал, что вынимаю сердце из своей груди... — Барон опустил тёмные набрякшие веки и продолжал, словно в бреду: — Уехал перед свадьбой, чтобы не мучиться расставанием, не самому отдавать её другому. Видел, что рада, глупышка: как же, самый завидный жених, как же — будущая герцогиня... Она честолюбива, моя девочка, а что мог дать ей я, захудалый баронишка? Я отпустил её — и умер уже тогда... Умер.

— К сожалению, нет, господин барон. — Голос капитана был по-прежнему бесстрастен. — Вы ещё живы. Это значит — вам придётся отвечать за свои деяния.

— А в чём я виноват? — Старик неожиданно захохотал. — В чём вы, представитель власти, можете меня обвинить? Ну да, из меня вышел никудышный земледелец, так это не преступление.

— Ваши люди...

— Это м о и люди, и я волен творить с ними всё, что захочу. К чертям собачьим вашу Хартию! Я в первую очередь рыцарь и дворянин, какое отношение герцог имеет к моим холопам? «Вассал моего вассала — не мой вассал» — так ведь? Или законы изменились? Налоги я плачу исправно. Отряды гвардии пополняю. Оружие у меня лучшее. Что вам ещё, господин прихвостень его светлости? Вам не к чему придраться, не к чему!

«Вассал моего вассала...» Увы, эта догма всё ещё действовала, как один из столпов мироустройства, и расшатывать его было опасно. Все это понимали, и даже лейтенант Лурье досадливо поморщился: а ведь прав, старый пень, не ухватить... а жалко. Даже холопов тощих жалко.

— Вы натравили своих псов на духовное лицо, господин де Бирс. На ставленника самого архиепископа. На пастыря, — спокойно сказал капитан. — За нерадивое исполнение своих обязанностей как собственника земли и людей я имею право привлечь вас к суду светскому. За преступление против представителя Церкви вы будете отвечать перед Святой инквизицией.

— Духовное... — Барон глумливо сложил костлявые ладони в молитвенном жесте. Засмеявшись хрипло, плюнул. — У него тоже рыльце в пушку... Я имел на это право! Я наказал блудодея, пригревшегoся на груди Церкви! Разве это не списывает сотни моих грехов?

— Не вам судить его. Брат Тук, — повернулся Винсент к монаху. — Вы ведь менталист, не так ли? Входит ли в сферу вашей деятельности работа с душевными недугами?

Его спутник сощурился.

— Я понял вас, брат мой... — Шагнул ближе к ложу и воздел правую руку в жесте,

словно благословляющем. Барон вдруг откинулся на подушки и тяжело задышал. Глаза его остекленели.

Перстень на указательном пальце монаха запылал как глаз разъярённого зверя. Мигнул и погас. Лицо барона стало наливаясь бледностью. Отвратительные струпы на голове проступили ещё чётче.

— К сожалению... — Брат Тук отступил. — Вынужден признать: этот человек не может быть привлечён к ответственности за свои поступки. Скорблю над его душой, но она во мраке.

У лейтенанта Лурье вытянулось лицо. Это как? Неужели... теперь с этого говнюка никакого спроса?

— Стоит ли понимать ваши слова, брат Тук, как констатацию деменции сознания этого человека? — хладнокровно уточнил капитан. — Неужели всё так ужасно?

Монах потупился.

— Печалюсь вместе с вами, брат мой. Его разум, «психос», частично выжжен болезнью, которая ушла лишь внешне, но на самом деле пустила корни глубоко и надёжно. Мозговая железа подверглась серьёзным разрушениям. Он не осознаёт того, что творит.

— Кто может подтвердить ваше заключение?

Брат Тук несколько не обиделся на недоверие. Фраза была традиционная, присущая всем процедурам подобного рода. И ответил он в полном соответствии с протоколом:

— Мыслеграмма больного записана на прочный носитель, — и показал на перстень, полученный вместе с напутствием его святейшества, — может быть считана и проверена любым менталистом этого уровня. Я же, со своей стороны, готов присягнуть на Библии и в верности своих слов.

— Благодарю вас, брат мой.

Формальности были соблюдены.

Капитан выдержал паузу, вглядываясь в барона, судорожно сисящего что-то сказать. Долго ли его компаньон сможет продержаться парализованного в таком состоянии? Или и впрямь — тому стало хуже?

— Барон Филипп де Бирс, вы меня хорошо слышите? Брат Тук, лейтенант Андреа Лурье, будьте свидетелями. Волей пославшего меня герцога и на основе заключения присутствующего здесь менталиста объявляю вас, господин барон, недееспособным. Принимаю на себя, как на доверенное лицо герцога д'Эстре, распоряжение вашим имуществом, движимым и недвижимым, вашими делами и вашими людьми. Да смилуется над вами Бог. Со своей стороны заверяю, что за вами будет надлежащий уход, соответствующий вашему рангу и званию, до конца ваших дней.

— Аминь, — сурово добавил монах, снова воздев руку. — Свидетельствую.

— Свидетельствую, — эхом отозвался Лурье, вовремя сообразивший, что от него требовалось.

Перстень архиепископа вновь блеснул и погас. Действо было зафиксировано.

— Лурье, вы уже говорили с местными; найдётся ли среди них кандидатура на пост временного управляющего? — Капитан поманил лейтенанта за собой к выходу. Здесь ему пока что делать было нечего.

Брат Тук внимательно посмотрел на осунувшееся и внезапно ставшее спокойным лицо барона. Ангел смерти уже витал поблизости, монах давно научился чувствовать его присутствие... Сколько дней осталось этому грешнику? И не придётся ли ему, Туку,

исповедовать и убийцу сразу же после его жертвы?

— Убирайтесь, — вдруг отчётливо выговорил барон. — Вы получили всё, что хотели, что вам ещё? Жаль, что не могу прихватить...

— На тот свет ничего не унесёшь, брат мой, — покачал головой монах. — Хотите, я побуду с вами, облегчу ваши последние часы молитвой?

— Жаль, что не могу прихватить никого из вас, — с усилием выговорил барон. И стал задыхаться. Рванул ворот рубахи, стараясь облегчить вздох. Брат Тук с быстротой, никак не ожидаемой при его комплекции, ринулся открывать окно. Он возился с тугой защёлкой створки, когда услышал уже слабеющий шёпот:

— Могу... Это мне дала Анна, Анна...

Обернувшись, увидел, как барон сдёргивает с тощей шеи медальон.

— Она была здесь недавно, она меня вспомнила... — торжествующе бормотал старик. — Моя ненаглядная... Дядя, сказала, если кто будет спрашивать обо мне и тебя обижать — просто сделай это...

И из последних сил сжал кругляшок медальона.

Брат Тук слишком поздно понял, что сейчас произойдёт. Что уже произошло...

Потому что вещь из жёлтого металла, которую он сперва принял за украшение или ладанку, слишком походила на ключ к магическому portalу. Потому что обычный медальон не поддастся так легко под слабыми пальцами умирающего, не изрежет их в кровь, не зашипит, напиваясь чёрной влагой, отравленной грехами и ртутными притираниями, не вспыхнет ослепительно, убивая того, кто его активировал...

Не взглянув больше на обгоревший труп, монах стремительно вышел из каминного зала. Найти капитана не составило труда: они с Лурье о чём-то беседовали во дворе. Винсент Модильяни увидел посуровевшего брата Тука — и осёкся.

— У нас неприятности, брат мой, — сказал тот сдержанно, но на виске монаха нервно пульсировала жилка. — Немедленно оповестите часовых и готовьте людей к бою.

— Что? — коротко спросил Винсент.

— Он успел открыть портал и просигнализировать кому-то. Амулет мощный, убил владельца — значит, портал большой пропускной способности. Ждём отряд, не меньше. Если никого пока не видно здесь — значит, они где-то неподалёку. Поблизости для укрытия большой массы людей нужны лес или горы. Значит...

— Орки, — договорил лейтенант Лурье.

— Почему вы так думаете? — быстро спросил капитан.

— В Анжи тоже так начиналось. Я с менталистом говорил... простите, что без вашего разрешения, господин капи...

— Дальше, дальше!

— Там мальчик один сперва поднял кругляшок, что сорока уронила... Может, и заговорённая была сорока, специально запустили, чтобы блестяшку подкинула. У пацана другой пацан отобрал, тот заревел, и тогда другой этот медальон — р-раз! — и каблуком, чтобы, значит, не достался малышу. И сгорел сам. А уж откуда орки попёрли — того малый не видел, но, только сами знаете, чем там дело кончилось.

— Знаю, — спокойно ответил капитан. — А что вы думаете о нашем случае?

Лейтенант судорожно сглотнул. Вытянулся в струнку.

— Думаю, господин капитан... что Чёрные рыцари — это не штатские слабаки. Баб, детишек, конечно, жалко, да только невелик подвиг — с ними справиться. А мы не бабы.

Капитан Винсент как-то нехорошо усмехнулся.

— Верно подмечено, лейтенант. И снова я вижу, что в вас не ошибся... Передайте людям, пусть усилят наблюдение. И возвращайтесь как можно скорее: проведём совет.

Брат Тук перевёл тяжёлый взгляд с удаляющегося Лурье на капитана Винсента.

— Я понимаю, вы стараетесь подбодрить этого мальчика, но уместна ли сейчас бравада, брат мой? Орки — это страшная сила.

— Этот мальчик побывал в нескольких серьёзных переделках, и вышел из всех, как видите, живым. У него богатый опыт, и солдаты его любят, а главное — они друг друга чувствуют, а в бою это на редкость важно. Скоро вы сами в этом убедитесь, брат Тук. И хочу отметить: здесь нет бравады, ни на гран. В этом вы тоже убедитесь. Надеюсь. А теперь... Могу я обратиться к вам с просьбой?

— Всё, что в моих силах, — ответил монах.

— Нам нужна информация. Оперативная. Точная. Минимум на двух направлениях. Нас полсотни, много это или мало — пока неизвестно, но распылять силы на разведку не хотелось бы. Что нам нужно узнать: с какой стороны ждать неприятеля и как быстро, его численность, чем вооружён. Понимаю, ваши способности имеют свою специфику, но что из них и каким образом вы можете применить сейчас?

Брат Тук задумчиво возвёл очи гОре да так и застыл. Минуту-другую капитан терпеливо выжидал, пока вдруг не понял: монах не молится. Он ищет что-то в небе.

— На крайний случай сойдут и голуби, — пробормотал, наконец, отче. — Так, где он, наш лейтенант? Проводите меня на ближайшую башню.

— ... Северо-запад, — бормотал он четверть часа спустя. Потребовалось время на то, чтобы отыскать одну за другой трёх вольных птиц, подключиться к крошечным мозгам и заставить лететь в нужном направлении. Сделав над собой невероятное усилие, брат Тук отслеживал сразу троих. Пот градом катился с его крупного побледневшего лица. Ментальная связь, да ещё с неразумным существом, да на расстоянии полёта... Тяжело.

Монах развернулся в сторону тонкой зелёной полосы на горизонте, обозначая направление, откуда ждать врага.

— Пылят... Облако пыли, дорога сухая. Сейчас, направлю туда ещё этих двоих...

— Берегите силы, брат. — Винсент глянул на монаха с беспокойством.

— В одном секторе цели держать легче. Подушу пока первого ближе... Так. — Монах сосредоточенно пошевелил губами. — Сотня. Около того.

— Пешие? — в один голос спросили Винсент и Лурье.

— Да. И, похоже, неклеймёные. Как и в Анжи.

Орки из тех племён, что заключили с людьми договор о ненападении, носили специальную магическую метку, дабы их не спутали с остальными. «Неклеймёные», как называли других — те были совершенно дикие, власти и порядков не признающие, нападали отрядами-бандами; их отлавливали, истребляли как хищников, безжалостно показательно казнили, но они появлялись вновь и вновь, сея смерть и надругательства.

— Первый плюс, — вслух отметил капитан, — они пешие. Прекрасно. Второй плюс, если это действительно дикари: они, как и берсерки, пренебрегают защитой, считая, что она лишь сковывает в бою. Что на них, брат Тук?

— Лёгкие кольчужные жилеты, усиленные наплечниками и боковыми пластинами, на немногих — открытые шлемы. Кожаные наручни, широкие пояса. Вооружены, в основном, с обеих рук, щитников почти нет. Оружие у всех — ближнего боя: топоры, мечи, кинжалы.

Лучников не вижу. Да, вот интересно: в конце колонны... обратите внимание: организованная колонна, не толпа... Так вот, там единственный всадник, в доспехе, и всё время поглядывает на некий предмет в руке и на дорогу. Похоже, как сверяют путь. Расстояние до них... Подождите, поднимусь выше.

Брат Тук поморщился, прикрыл и без того закрытые глаза ладонью, чтобы лучше сосредоточиться.

— Миль шесть, пожалуй.

— Скорость пехоты — две с половиной мили в час... Эти — торопятся?

— Нет, идут ровно, берегут силы. Но при их росте, брат мой, и при длине шага — за час одолеют и четыре мили, не меньше. Если не перейдут на бег — у нас чуть больше часа.

— Третий плюс, у нас фора во времени. Каков рельеф? Вижу отсюда, что холмы, а что между ними? Меня интересует место для атаки. Вон там, смотрите, дорога идёт через распадок. Жаль, нельзя взглянуть ближе...

— Можно, — с некоторой запинкой ответил монах. — Только недолго. Я постараюсь передать вам увиденное, но с непривычки это отнимет у вас силы, а вам они нужны. Подождите, я отпущу двоих птичек, мои ресурсы на исходе.

Через несколько минут оба компаньона были белые, как мел. Лейтенант, поглядывающий на начальство с беспокойством, не выдержал и протянул фляжку с ромом. Монах вслед за капитаном покачал головой.

— Не время. Нужна ясная голова, брат Андреа. Предложите мне свой эликсир, когда всё закончится, с удовольствием хлебну.

— Итак, Лурье... — Капитан собрался с мыслями, подытоживая увиденное и услышанное. — Командуйте готовность к построению. Выступаем через полчаса. Проследите лично за подготовкой. Пришлите мне одного человека, посыльным в деревню, второго — для поручений здесь, чтобы я вас не отвлекал.

— ...Срочно в деревню, — приказал он немного позже посыльному. — Укрыть людей мы не успеваем — от одного упоминания орков сейчас начнётся паника, забегают, засуетятся, собирать и успокаивать нет времени. Бери ещё троих, проскачите одновременно по всем улицам и сообщайте, что идут орки, вот-вот будут. У каждого наверняка есть схрон от пожара, пусть прячутся. Самые шустрые могут успеть сюда, но пусть бегут, в чём есть: ни скотины, ни скарба не брать. Отобьёмся — до их имущества никто не доберётся. Не отобьёмся — никому их добро уже не нужно будет. Понял? Стой. Наших там трое, знаешь, кто где? Пусть возвращаются все, каждый человек на счету. Кто оставался с кузнецом? Везите и его сюда, прихватите коня, чтоб быстро обернуться. Выполняй. И всем говори: кто хочет укрыться в замке — бросать всё и бежать сюда, ждать никого не будем, через час закроем ворота.

— Понял, господин капитан!

— Я поеду с ним, — неожиданно подал голос отец Тук. — Не волнуйтесь, капитан, паники не будет. Думаю, мы достаточно быстро приведём всех. Быть пастухом — это моё призвание.

Рейтар отсалютовал, монах, всё ещё бледный после «разведки», благословил остающихся, и уже через минуту копыта их коней бухали в доски моста, удаляясь

— Теперь ты... — обратился капитан ко второму солдату. — Здесь на кухне наверняка найдётся масло. Разыщи бочку, а то и две, пусть немедленно доставят к воротам. И проследи, как только кузнец появится — сразу ко мне!

Ни суеты, ни паники. Распоряжения выполнялись чётко, точно, без проволочек. Солдаты деловито проверяли оружие, пороховницы, крепления лёгких доспехов, чтобы ни одна мелочь не оказалась в бою фатальной. Лейтенант Лурье был уже тут как тут, сияющий, как медный грош, словно на парад собрался. Он протянул Винсенту объёмистый мешок.

— Ваш доспех, господин капитан. И как это вы догадались, что пригодится?

— Не на бал собирался, — буркнул Винсент. Не на бал... И неожиданно, безо всякой, вроде бы, связи, представил себе Доротею Смоллет, но не сегодняшнюю, погрузневшую, а юную красавицу, царицу столичных балов... Какая-то интересная мысль мелькнула на задворках ума, но капитан, подумав, загнал её в специальный закуток. Не время. Он поразмыслит над этим позже.

— Оставляю командование на вас, лейтенант. Я только контролирую.

Лурье обрадовано кивнул.

— Рекомендую построение в четыре ряда, по десять человек, — продолжил Винсент. — Надо успеть зажать неприятеля в распадке и не пустить дальше. Для полного караколе там узко, поэтому используем вариант номер два.

— Всё понял, господин капитан! Сорок человек с нами, а остальные?

— Оставим здесь. Нельзя оголять замок. Шестеро на постах, четверо следят за порядком и за местными, чтобы не паниковали.

— Похоже, с этим Туком не запаникуешь, — серьёзно ответил лейтенант. — Силён... пастух. А что, ваша милость, не пойдёт он к нам в отряд? Такой капеллан всегда пригодится — то Словом, то делом помочь. Кулачищи у него...

Кузнеца Винсенту удалось увидеть уже при выезде отряда. Высокий, худощавый, обросший мускулами, как и положено при его профессии... В седле держался не по мужицки уверенно, и крепко осадил коня, когда тот вздумал проявить норов. Взгляд у него был... нехороший, тяжёлый. Хоть и вид имел кузнечных дел мастер тоже малость измождённый, как и у всех жителей этих мест, но зыркнул на капитана недобро.

Он знает, что это я увёз Марту, внезапно понял Винсент. Что ж, об этом мы ещё поговорим, позже.

— Что хочешь, делай, — сказал он кузнецу, — бери из своих, из моих людей, кого надо, но подними мост, понял? Ворота держатся на честном слове, штурма не выдержат, засов только поставили, поэтому — мост должен работать. Чем скорее, тем лучше. Ясно?

— Ясно, ваша милость, — угрюмо ответил кузнец. — Тогда и монаха возьму, коли разрешите. Тут не только сила, тут вес нужен будет. И тех, двоих, баронских псов, что пастора отдубасили. Ничего, сейчас не забалуют. И масло понадобится.

— Я распорядился. Спрашивай у десятника. Как звать?

— Жан. А что, ваша милость, могут и сюда придти?

— Сделай своё дело хорошо, мастер Жан, а мы сделаем своё. Но поднятый мост не помешает. Вас же, дурней, уберечь...

***

Они встретили орков там, где и задумывали: на выходе из распадка, достаточно узкого, чтобы заставить строй зеленокожих гигантов сбиться теснее. Поэтому не удивительно, что пули доппельфаустеров легли кучно и эффективно. Десять всадников, по двадцать выстрелов из одного двухзарядного пистоля, столько же из другого... И не успел рассеяться пороховой

дым — пятеро рейтаров подались влево, пятеро синхронно с ними — вправо, освобождая плацдарм для стрельбы следующему ряду. Они ещё огибали строй товарищей, перезаряжая на ходу оружие, привычные к этому делу, натасканные в долгих безжалостных тренировках, а уже за их спинами слышались новые залпы. К тому времени, как бывший первый ряд стал замыкающим и вновь обрёл боеготовность, второй, расстреляв пули, освобождал место для третьего, так же перезаряжаясь на скаку. Это и была знаменитая тактика караколе, делавшая Чёрных всадников непобедимыми. И хоть ты какой развеликий орк, хоть дубы столетние с корнем вырывай — но только сделан ты из обычного мяса и костей, которые на редкость хорошо пробиваются тяжёлой пулей, что и рыцарские латы дырявит в решето. Тупая сила против оружейного огня? Да не смешите нас, господа орки. Это вам не девок беззащитных по углам раскладывать.

Обученные и привыкшие к пальбе кони вели себя образцово: не шарахались, не поднимались на дыбы, а честно с л у ж и л и. И рвали зубами зелёную сволочь, ринувшуюся в рукопашную. Конечно, всех сразу огнестрелом не выбили, но четверть орочьего отряда, его первые ряды были выкошены сразу. Сработала и внезапность: дорога из распадка делала крутой поворот и забиралась на холм, и поэтому орки, хоть и заметили рейтар, но не оценили сразу их количество, даже не остановились, очевидно, думая просто подмять и снести тех, кто стал на пути. Тупые, ох, тупые...

Им даже не хватило ума — обходить завалы из тел соратников, они их просто перепрыгивали, подставляясь под новые пули, и пёрли на рожон. Пока резкий визжащий голос командира не заставил их рассыпаться и пойти в обход, по склонам. Что ж, рейтары отстреливали их поштучно. И даже когда пули закончились, у каждого оставалось по запасному пистолю в сапоге и верному райтшверту, что рубил не хуже меча, а колол не хуже пшпаги. Оно конечно, против топоров не в масть... Но и пеший против всадника — ноль. Гора мышц снизу — против мышц, копыт и зубов боевого коня, а заодно и острого жала рейтарского меча сверху. Неповоротливость из-за собственной массивности — и увёртливость людей в облегчённых доспехах, не стеснявших движений...

И ещё немаловажно, что, едва вычислив по голосу местонахождение вражеского главаря, Винсент ринулся к нему. Из-за помех — дыма, то и дело кидающихся наперерез зелёных туш, тряски — цель удалось снять только с третьего выстрела. Но в полевых условиях результат был неплох, а главное — выбитие мозгового центра превратило остатки регулярного отряда в неуправляемую орду, справиться с которой стало не в пример легче.

Всё было кончено за каких-то полчаса. Это в романах красиво расписывают сражения, длящиеся от рассвета до заката, на самом деле — реальность быстрее и отвратительней. Хорошо, что новичков в отряде было немного — трое, капитан предпочитал натаскивать молодёжь при избытке ветеранов, так оно спокойнее. Поэтому ни дрогнувших, ни невольно самих позеленевших при виде распоротых животов и отрубленных конечностей, не было. Да и горячка боя давала о себе знать. Отходняк придёт позже.

И всё-таки они потеряли двоих. Девять были ранены серьёзно, остальные — пощеголяют шрамами, не только же герцогу выставляться... Больше девки любить будут, шипел Лурье, щедро поливая ромом из фляжки открытую рану на бедре — лезвие топора чиркнуло по доспеху и вскользь пришлось по незащищённой части ноги. Вскользь, но глубоко, зашивать потом придётся, а кто его знает, чем у них там топоры намазаны. Не хватало ещё, чтобы рана потом загнила, спиртным залить — первое дело, и снаружи и... Лейтенант перехватил внимательный взгляд командира и вопросительно приподнял бровь.

Не сдержавшись, Винсент усмехнулся и кивнул.

— ... и внутри! — закончил бравый лейтенант и присосался к фляге. С сожалением оторвался после нескольких глотков. — Эх, надо бы оставить брату Туку, напомним ведь...

Замок встретил их ликующими воплями. Тощие пацаны подпрыгивали и размахивали руками на зубцах крепостной стены, мужики потрясали кулаками и радостно скалились, девы, за полдня до этого прячущиеся по схранам, сияли не совсем белозубыми улыбками и жадно разыскивали жертв сражений, дабы почтить уходом и лаской. Кажется, впервые за много лет на лицах этих людей расцвела радость.

Стараясь не поддаваться общему чувству эйфории, капитан сдержал улыбку, так и рвущуюся наружу. Проезжая по последнему — рабочему — звену моста, присмотрелся. Цепи, зубчатые колёса — всё блестело в жирной смазке, оставляя подтёки. Масла не пожалели. И зазор между последним звеном моста и основной частью был совсем свежий, со сквозной щелью, не забитой ни трухой, ни грязью.

Мост поднимали. А потом снова опустили. На случай, если рейтарам придётся отступить — чтобы было куда.

Молодец, мастер Жан. И десятник Гвидо. И брат Тук. И все те, кто помогли сделать большое общее дело. Он узнает имя каждого, кто приложил к этому руку, и, видит Бог, всех наградит по заслугам.

— Разместить в первую очередь раненых, — отдал он указание подбежавшему Гвидо. — Погибших — в погреб, на холод, потом доставим их семьям с почестями. Есть чем накормить людей? Прекрасно. Ребята голодные как черти, пусть поедят, как следует, а потом отдохнут. Оставьте только основные караулы. Да, — кивнул в сторону ликующих селян, что уже братались с ненавистными когда-то солдатами. — Местных тоже накормите. Потом уже пусть расходятся, но предупредите: всех, кому нужна работа, жду завтра с утра. Работы будет много.

Глава 8

Мэтр Фуке, секретарь его светлости, оказался весьма сердитым человеком. Сурово выслушал враз оробевшую Марту, переспросил: «Этикет?» и как-то язвительно уточнил: «А в какой области применения, сударыня? Придворный, повседневный, застольный, этикет беседы, религиозный?» Сердце у Марты так и ухнуло вниз. Опустив глаза, чтобы не видеть жгуче-пронзительного взгляда, она выдавила:

— Я многое забыла, мэтр Фуке...

Неожиданно вспомнив, что герцог отзывался о бывшей жене как об особе не слишком большого ума, а значит, и ей самой позволительно ляпнуть что-то не так, никто не удивится, она добавила:

— А может, и не знаю чего. Мне не хотелось бы подвести супруга, если вдруг на людях я сделаю что-то не так или не принятое. Он не должен за меня краснеть.

— Я понял, сударыня, — неожиданно смягчился секретарь, пошевелив толстыми, как гусеницы, бровями. — Прошу вас, следуйте за мной...

Уверенным шагом он провёл её мимо вереницы стеллажей, забитых книгами от пола до потолка, мимо застеклённых витрин с особо ценными раритетами, наверх, по узенькой лестнице, ведущей на антресоли библиотеки. Марта невольно отстала, засмотревшись на искусную резьбу деревянных балясин, на широкие полированные перила, трогая гладкую шелковистую поверхность, так и льнущую к ладони... Спohватившись, ускорила шаг и чуть не навернулась, наступив на подол. Не привыкла ещё к таким пышным юбкам. Хорошо ещё, длинноногий как аист секретарь вышагивал впереди и эдакого позора не заметил. Она попеняла себе за невнимательность и впредь дала зарок не отвлекаться, но тотчас, случайно глянув вверх, зачарованно уставилась на плафон с порхающими розовотелыми нимфами. Вовремя спохватилась. Вот уйдёт этот долговязый, тогда она всё рассмотрит, да ещё расспросит герцога, неужто у всех господ так заведено — этакую срамоту на потолках малевать? Ладно бы, в опочивальне, там вроде к месту, а сюда, поди, и гости заглядывают, иначе для кого тут столько диванов да кресел?

— Итак, сударыня, — обронил мэтр Фуке, не совсем чтобы уж приветливо, но чуточку теплее, — пожалуйста сюда.

Нырнув в один из шкафов, он вытащил увесистый фолиант и водрузил его на специальный пюпитр с наклонной подставкой для книг.

— Рекомендовал бы начать с этого: «Правила светской жизни и этикета. Сборник советов и наставлений на все случаи домашней и общественной жизни». Сие есть своеобразный светский катехизис для молодых юношей и девушек. Составлен по распоряжению нашего высочайшего монарха Генриха и одобрен Святой Церковью как чтение полезное и благонравное, призванное внушать молодёжи — и не только — правила хорошего тона и учтивые манеры, а также прививать основы нравственности, достойный образ мыслей и поведения. Труд сей объёмист, но пусть это вас не пугает, госпожа Анна, извольте обратить внимание...

Ухоженная рука с пятнышками чернил на полированных ногтях бережно открыла книгу,

перевернула лист с яркой цветной иллюстрацией, за ним ещё несколько.

— Так, что там у нас... Обращение издательского дома, вступительное слово от авторов и составителей... Вот. На этой странице вы увидите «Ог-лав-ле-ни-е», — слово это секретарь выговорил с особым уважением. — Нечто совершенно новое в оформлении печатных изданий, значительно облегчающее труд читателя. Теперь нет необходимости перелистывать всю книгу в поисках необходимых данных, можно сразу попасть в нужный раздел. Например, мы видим: раздел третий под названием «В семье» разбивается на главы: «Репутация», «Родственные отношения», «Визиты». И — вот оно, новшество, полёт творческой мысли, — напротив заглавия главы вы видите порядковый номер страницы, на которой сия глава напечатана.

Аккуратно подпиленный ноготь указал на затейливую цифровую вязь.

— Страница под порядковым номером сто тридцать три. Листаем, ищем... Умоляю, осторожно. Вот вам глава вторая, искомая. Зачитываем её и при необходимости возвращаемся назад. Обратите внимание на эту деталь, вам не нужно разыскивать Ог-лав-ле-ни-е, я заложил его специальной закладкой. Отыскиваете следующую главу, отвечающую на интересующий вас вопрос — листаете и находите нужную страницу. Не правда ли, удобно?

Чтобы сделать секретарю приятное, Марта покивала. На самом деле у неё от волнения настолько рябило в глазах, что она была не в состоянии прочесть ни строчки. Господин Фуке придвинул подставку с книгой ближе к маленькому диванчику без подлокотников, но с высокой удобной спинкой. Девушка уже знала, что называется он чудно — к а н а п е.

— Для начала — превосходно, — сказала Марта, припоминая уроки старого дракона. — Благодарю вас, уважаемый мэтр Фуке, пока что этого хватит. Не смею более задерживать.

Сказала-то из опасения, что учёный секретарь принесёт ей ещё какую-нибудь чудокнигу, и сама испугалась: правильно ли она себя ведёт? Но, должно быть, попала в точку, потому что секретарь не усмехнулся, не скривился после её слов, а лишь почтительно наклонил голову.

— Всегда к вашим услугам, сударыня. Если вам понадобится какое-то разъяснение — буду рад ответить.

Откланявшись, легко сбежал по лестнице. Тяжёлая створка двери еле слышно скрипнула, бережно прикрытая рукой невидимого лакея. Марта со страхом посмотрела на разверстую, как ей показалось, книжную пасть...

И начала с Ог-лав-ле-ни-я, будь оно неладно...

Одолев полстраницы, она взмокла, будто дрова рубила. Однако упорно продолжала вгрызаться в текст. Перед Арманом она не лукавила — читала действительно медленно, но то бы ещё полбеды. В книге оказалось слишком много длинных слов, вроде бы и знакомых, но в немногих детских книжках, что она изучила вдоль и поперёк, перечитывая племянникам, таких не встречалось. Пишется-то слово, чаще всего, не так, как слышится, попробуй, одолей... Она разбирала одно за другим, но от излишнего усердия смысл прочитанного ускользал. И кто это всё насочинял? Неужели нельзя изъясняться проще?

«Этикет есть не что иное, как собрание (свод) правил и формальностей, касающихся внешности и образа действий в обществе, которое принято называть благовоспитанным.

Само слово «благовоспитанный» показывает, что «приличные манеры» есть нечто приобретаемое, прививающееся человеку воспитанием. Действительно, хорошее, благое воспитание прививается с детских лет. С самого нежного возраста о ребёнке заботится нянюшка, стараясь, чтобы вверенное ей дитя было вежливо и опрятно, затем гувернёры и

гувернантки продолжают то, что начали няни, и, наконец, с переходом из детского в юношеский возраст молодые особы начинают посещать общество и здесь, под руководством матери, заканчивают своё воспитание, т. е...» Что ещё за «т. е.»? «...окончательно усваивают весь цикл приличных манер и светского этикета...»

С пятого на десятое разобрав, о чём идёт речь, Марта совершенно неблаговоспитанно зашмыгала носом. У неё-то не было ни няnek, ни гуверн... язык сломаешь об это слово. А главное — невыносимо жалко стало, что так мало помнила она матушку. Господам-то с пелёнок вдалбливают, как себя вести, куда ж ей тягаться, простой девчонке, а вот была бы рядом маменька — она бы помогла... Сквозь туман непрошенных слёз девушка продолжала упорно вычитывать предложение за предложением. Хорошо, что буквы были крупные, округлые, красивые, сами в слова складывались.

«Из сказанного не следует, однако, что умение держать себя в обществе и усвоение правил хорошего тона, особенно внешней полировки светского человека, может быть приобретаемо исключительно с детства, путём воспитания; напротив, жизненный опыт показывает, что каждый взрослый человек, хотя бы и выросший на деревенской почве или где-нибудь в отдалённой провинции, может вполне перевоспитать сам себя и стать в полном смысле приличным человеком, т. е...» Опять это загадочное сочетание! «...т. е. усвоить все правила светских приличий настолько, что в лучших домах, среди природных аристократов, он ничем не выкажет своего плебейского происхождения и будет держать себя с тактом и изяществом настоящего дворянина. Ибо, как сказал один из мудрецов: великие свершения достигаются не силой, а упорством».

Сморгнув, Марта перечитала ещё раз.

До чего же длинно, пока до конца предложения доберёшься — забудешь, с чего начала... Но суть она уловила. И задумалась. Чай, не дураки книгу-то писали по приказу самого Его Величества, просто так не скажут... Значит, даже простому человеку сия наука этикетная может быть доступна, нужно только как следует постараться. Не силой, а упорством. Заучивала же она перед первым причастием целые страницы из Катехизиса, не с первого, конечно, раза, но ведь до сих пор помнит! И тётушка Доротея, что наставляла всех деток перед конфирмацией, её, Марту, очень хвалила. Значит, и здесь... Нужно только как следует постараться. А работать ей — не привыкать.

«В семье», «Об обязанностях вообще», «Торжества. Семейные праздники», «Светский этикет», «Увеселения», «Общие советы в разных случаях жизни». И это только части, шесть частей, а внутри каждой — по несколько глав! Взгляд невольно зацепился за самую последнюю: «О прислуге». Из любопытства Марта заглянула на указанную страницу.

«Хозяева никогда не должны забывать, что отдавать приказания гораздо легче, нежели исполнять их. Они всегда должны помнить, что прислуга — такой же ближний, который по взаимному договору, за условленную плату, соглашается исполнять их волю и подчиняет себя их приказаниям, чтобы посвятить службе им своё время и свои силы.

С прислугой всегда следует обращаться добродушно, однако, вместе с тем, не унижать и чувства собственного достоинства; избегать всякой фамильярности с ними; не слушать их разговоров и не вступать в разговоры с прислугой; только при таком обращении можно сделать её внимательной и предупредительной к нам, и вместе с тем довести до того, чтобы все возлагаемые на неё поручения она исполняла с готовностью и с соблюдением должного порядка. В особенности не должно вступать в спор с прислугой и лучше всего отказывать ей от должности без дальнейших неприятностей».

Не удержавшись от крестьянской привычки, Марта почесала в затылке. Эх... Что-то не больно церемонились с её сводной двоюродной сестрицей в баронском замке, то по щекам налупцуют, то щипцами прижгут. А уж ругали-то как! Про то, как лакеи в углах то и дело зажимали, лучше не вспоминать. Не просто так девушки долго не держались в горничных. А ежели Анна и здесь, в Гайярде, не стеснялась — понятно, почему на Марту при знакомстве все так странно поглядывают. Видать, герцог с герцогиней совсем разные книги в детстве читали.

Впрочем, Евангелие тоже добру учит, а понимают его все по-разному: и пастор, и его сестрица. Барон вот грамотный, в Святое писание хоть раз в жизни, да заглядывал, а какие дела творит, хоть и немощный? Ой, что-то она не о том думает. Работать надо. И не скакать по книжке вдоль и поперёк, а вернуться к началу, чтобы не упустить ничего.

...И всё же дело шло туго. Спасали красочные интересные картинки на каждом листе, но Марта старалась не отвлекаться, одержимая идеей познать как можно больше. Не удивительно, что через час с небольшим она выбилась из сил, а на покрасневшие глаза навернулись слёзы. Такой её и застал герцог.

— Вот так так! — сказал он огорчённо, подсаживаясь рядом. Марта всплеснула руками, и этот радостный жест заставил сердце герцога ответно затрепетать. — Я-то надеялся, что ты меня встретишь, как вчера, а ты тут зачиталась... Ни-ни, — он перехватил вскочившую в смущении девушку и ловко усадил себе на колени. — Милая, я рад, что ты нашла себе занятие. Ну-ка, рассказывай, что тебя так огорчило? Ты что — плакала?

— Что вы, ваша свет... — Марта осеклась. Герцог вопросительно приподнял бровь. — Жильберт... — неуверенно выговорила Марта. Глаза мужчины потеплели.

— «Ваша светлость Жильберт» тоже неплохо, для начала. Но почему ты сидишь в темноте? Не догадалась приказать зажечь люстру? А сама затаилась, никто и не знал, что ты здесь? Эй, кто там!

...Через пять минут они читали вместе. Марта уже привыкла к герцогским коленям, тем более, после заверения, что между супругами это в порядке вещей. Где-то в отдалении были слышны перебежки прислуги — накрывали обед, в столовой, как попросил герцог. Его светлость с удовольствием придерживал жёнушку за талию, принудив себя относиться к сидевшему у него на коленях существу не как к желанной девушке, а как к ребёнку. Марта переворачивала страницы и читала вслух, он поправлял её в трудных местах и по необходимости делал пояснения, заставлял обращать внимание на мелкие детали в картинках, рассказывал... За полчаса они продвинулись вперёд куда дальше одиночного Мартиногo рывка.

— Кушать подано! — объявил слуга, склонившись в поклоне. Отсюда, с антресолей, была видна его смешная косица, перехваченная по столичной моде чёрным бархатным бантом.

— Идём! — отозвался его светлость. И, наконец, поцеловал супругу за ушком и в щёчку. — Ну что, теории на сегодня достаточно, перейдём к практике? Нас ждут столовые приборы, дружок, но ты не пугайся: я буду рядом. К тому же разделять ими мы будем весьма вкусные вещи, а где не получится — поможем себе руками, никто не увидит, не бойся.

— Ох, ваша свет... Жильберт... — только и сказала Марта.

— Скажи ещё раз, — прошептал он, потираясь щекой о душистую щёчку.

— Жи-ильберт, — протянула она, словно пробуя на языке каждый звук. — Жи-иль...

— Ещё!

«...Так-то оно лучше», — с удовлетворением заметил пожилой слуга, тихонько притворяя за собой двери библиотеки. «А то всё «ваша светлость», «ваша светлость»... Это супругу-то... Будто чужие вовсе». Хмыкнул. «А ведь могут господа и засидеться при такой беседе-то, забыться... Пойти предупредить, чтобы блюда прикрыли, а то простынет обед-то».

***

— Ваша св... Жильберт! Вы не спите?

— Ммм... — Герцог словно нехотя приоткрыл глаза. Хотел взглянуть сурово, но не вышло — заулыбался. На эту милую озабоченную мордашку невозможно было сердиться даже притворно. — Почти сплю. Что тебе неймётся?

А ведь он нарочно сделал вид, что засыпает, видел, что она всё ещё смущается — лежать рядом с ним. Здоровые инстинкты требовали одного, разум же советовал не спешить, пусть девочка к нему привыкнет. По рассказам Марты, немного сбивчивым, Жильберт д'Эстре уже имел кое-какое представление о её прошлом, и та часть, которая была связана с повышенным вниманием к ней пастора и «всесильного» барона, ему категорически не нравилась. Беспредел какой-то творился на землях де Бирса... Оставалось надеяться, что умница Винсент на месте во всём разберётся.

Поэтому он и не торопился с решительными действиями. У девочки невольно сложилось отрицательное впечатление о так называемой «любви» и о скотском отношении мужчин к женщине. Да и он сам, надо признаться, проявил себя при первой их встрече с той же стороны, чего уж там... Хотелось не просто отмыться. Хотелось подарить этой малышке все лучшее, что так долго томилось не востребуемым в самых тайных закоулках его сердца, истосковавшегося в одиночестве. Чувство, что он испытывал к Марте, по силе и наполненности могло соперничать разве что с любовью к матери, которую Жильберт потерял давно и которую обожал до сих пор, так и не смирившись с потерей. Но разница была. Вспоминая мать, он представлял себя мальчиком и страстно желал уткнуться ей в колени, ощутить на затылке ласковую руку, услышать утешительное слово... Он снова возвращался в детство, где мать, особенно в частые дни отсутствия отца, была всем: опорой, защитой, миром.

С Мартой — он ощущал миром себя. Её вселенной, её богом, её мужчиной. И сама мысль о том, что неловким, торопливым или грубым действием он сможет разрушить свой образ, была невыносима.

— Спрашивай, — снисходительно разрешил он. — Что-то мне подсказывает, что ты не утомнишься и разбудишь меня среди ночи, если не добьёшься своего. — Марта сконфуженно заморгала. — Давай, что у тебя там?

Она в смущении повертела у него перед глазами рукой с обручальным кольцом.

— Вот...

— И что? — Его светлость руку перехватил и запечатлел на ладошке искренний поцелуй.

— Ах, я не затем... Ваша... Жильберт, это кольцо... Я его сейчас и снимаю, и надеваю свободно, так? А почему, когда оно на мне только-только оказалось... ну, в тот день, когда меня нашли... Я никак не могла его снять, хоть трес... э-э... хоть пыталась изо всех сил.

Даже палец распух. Оно что — заколдовано?

Герцог посерьёзnel.

Кольцо само скользнуло ему в руку. Он внимательно просмотрел его на лунный свет, льющийся в окно — Жильберт не любил глухих портьер, а потому окна в спальне не занавешивались. Переместил в тень. Даже бледное подобие прежних способностей, что начали недавно просыпаться, вдруг просигналило: а на кольце-то — навесочка! Во всяком случае — была ещё недавно.

— Была магия, — сказал он вслух. — Посмотри-ка, действительно... Не бойся, дружок она уже выветрилась. Скорее всего — это кольцо магически привязали к твоему пальчику, как улику, считая, что тогда тебя уж точно сочтут герцогиней, как бы ты ни утверждала обратное. То-то я гляжу, на меня находило, когда я всё пытался различить, ты это или Анна. И Винсент тоже сомневался... Я же сказал — не бойся. Оно давно чистое.

Марта с опаской покосилась на драгоценный камень, вновь засиявший на пальце. Раз герцог так говорит... хорошо, она не будет бояться. И вспомнила ещё кое-что.

— А на нём и впрямь... и в самом деле ваша печать?

— Магический оттиск. Потому обманка долго и не продержалась, печать её заглушила. Я ведь сам её ставил...

...когда был в силе, хотел добавить герцог. Но смолчал. Отвечать на неизбежные вопросы он пока не был готов. Но Марта, кажется, не заметила его умалчивания.

— А почему же вы велели мне его продать? Я помню! Это же... Если фамильная печать, то как же её отдать в чужие руки?

— Глупенькая. — Его светлость снисходительно, как маленькую, погладил её по голове. — Я бы его выкупил. Дюпон мой личный ювелир, и уж будь уверена, через несколько часов эта вещичка была бы у меня в руках. Но, как видишь, судьба распорядилась по-своему. Всё?

— Ну...

— Без «ну», — строго поправил герцог. — Следи за речью. Так что тебя ещё интересует? Ну-ка, с чего это ты так покраснела?

Марта в смущении отвернулась, но герцог со смешком развернул её к себе.

— Спрашивай, — шепнул заговорщически. — Я люблю секреты. Не стесняйся.

— Ваша свет... Жиль...

— Ну-ну?

— Без «ну», — поддела Марта. И, справившись со смущением, задала-таки вопрос. — А мы с вами будем спать... по-настоящему?

— А мы как спим?

— Как-то неправильно. Не как муж с женой. Вот в книжке, что мы читали, сказано: высшая радость для женщины и её предназначение — дарить супругу детей, продолжателей рода. Вы ведь, наверное, тоже этого хотите, да? А как я вам их подарю, если мы с вами — как брат с сестрой?

Герцогу внезапно расхотелось спать. Организм здорового мужчины был полностью согласен с женской логикой и желал продолжать род немедленно и неоднократно, и гласу разума не внимал. Жильберт заключил любимую в объятия, стараясь, чтобы между его и женским телом оставалась толстая складка одеяла. Зная свой темперамент в любовных битвах, он справедливо полагал, что может напугать неискушённую девушку проявлениями слишком уж бурной страсти... а спокойно выражать свои чувства он просто не умел.

— А ты хочешь детей? — спросил, нежно касаясь губами девичьей шеи. Это действие позволило ему сменить позу и слегка отстраниться.

— Конечно, — с удивлением ответила она. И погрузилась. — Если только ваша светлость действительно меня в жёны взяли, а не для того, чтобы мной прикрыться и госпожу Анну наказать. Ежели так — я навязываться не буду.

И попыталась отодвинуться.

Его светлость остоленел.

— Куда? — рыкнул почти свиреп. — Выброси подобную чушь из головы немедленно, слышишь? — Подмял её под себя и заглянул в глаза. — Ты моя. Поняла? Моя супруга. Моя женщина. Моя Марта. Не развлечение, не забава — жизнь, поняла?

И, помедлив, осторожно поцеловал в губы. Почувствовал, как она ответила, как, вздрогнув, подалась к нему, как обвилились не слишком умело вокруг шеи девичьи руки... С трудом прервался.

— Мы будем спать по-настоящему. — Но в сторону всё же откатился. — Как муж и жена. Но не сейчас. Знаешь, когда? — Приподнялся на локте: — Когда ты окончательно привыкнешь называть меня по имени и перейдёшь на «ты». Поняла?

В кои-то веки Марта чуть не застонала от разочарования и досады. Показать свою обиду она могла единственным способом: повернуться к герцогу спиной. В душе всё кипело от негодования.

«А что это я возмущаюсь?» — вдруг подумала она. «Иная рада была бы без памяти, что с ней так носятся, а я... Да и нетрудно это — привыкнуть, всё ведь от меня зависит. Правда?»

Окончательно успокоившись, она приступила к делу немедленно. «Жильберт», — сказала мысленно. «Жильберт», — повторила уверенней. «Ты хороший и добрый, хоть и герцог. Ты читал со мной весь вечер. Ты учил меня есть смешными маленькими вилами и посмеивался, когда я роняла куски, и радовался, когда получалось... Жильберт. Ты мой... Неужели, правда мой? Ты — мой, Жильберт. Вот так».

Его светлость тихонько прикоснулся губами к золотистой макушке. Кровь всё ещё кипела после недавнишнего. И, похоже, не только кровь. Будто каждая косточка в его организме переплавлялась по-иному, наливалась заново жизнью... На какой-то миг ему стало не по себе. Если на него так подействовал лишь невинный — хорошо, пусть не совсем невинный — поцелуй, то не сорвётся ли он, дорвавшись до большего? Похоже, приучаться надо не только Марте...

У них есть время, с невольной усмешкой подумал он. Пока это она отбросит свою природную стеснительность...

Он ещё не знал, что Марта — настоящая труженица. И что с каждым повторенным словом времени у него оставалось всё меньше.

***

Капитан Винсент Модильяни терпеть не мог бумажную работу. Ему, как человеку деятельному, претило рыться в архивах, разбирать одинаково нечитабельные каракули или готическую вязь, ломать глаза над совсем уж выцветшими пергаменами... Да, приходилось иногда иметь дело и с подобными раритетами. В то же время он отдавал себе отчёт, что самая главная ценность в этом мире — не золото, не власть, и даже не магия; главное — и н

формация, и владеющий ей — владеет ситуацией. Вот и приходилось, пересиливая себя, собирать её — иногда по каплям, по крохам, по крупичкам. Как сейчас.

Впрочем, так или иначе, а личные бумаги барона требовали тщательного ознакомления. Но для разогрева капитал решил начать с отчётности управляющего. Пересмотрел «единственную» книгу расходов. Потом ещё одну — на сей раз действительно единственную — настоящих расходов, отчислений, дележей, черновых отчётов. Прикинул реальные доходы и сумму недополученного казной налога. Ознакомился с содержимым найденного в тайничках сундука и нескольких кожаных кошель, с количеством девушек в личном гареме управляющего и его компаньонов, с числом безымянных холмиков, время от времени появляющихся на погосте. Поинтересовался семейным положением вора. Не женат? Ну и правильно. Зачем ему жена при таком цветнике... И распорядился повесить всех троих: и выжигу, и помощников.

— Почему молчал? — сухо спросил у старосты, не сводящего глаз с покачивающихся в петлях казнённых. — Если неграмотен — мог сам приехать. Жалобы принимаются и рассматриваются канцелярией герцога.

Староста промолчал и сейчас, как и все в немногочисленной толпе челяди и селян, собравшихся во дворе замка. Лишь перекрестился. Потом повернулся к капитану спиной и задрал до лопаток рубаху. Жаловался, ваша милость. Вот он, ответ, расписали во всю спину. Задницу показать? Не иначе, в канцелярии сидел кум, сват или брат вора, упредил, отослал назад челобитную с предупреждением.

— Собирайся, — бросил капитан старосте. — Проедем по деревне. А там видно будет, что с тобой делать.

Тот лишь поклонился — без тени страха в глазах. То ли и впрямь — устал бояться, то ли — осталась ещё какая-то вера в лучшее. Капитан бросил беглый взгляд на кучку крестьян. В измождённых лицах было то же выражение. Надежда.

Два десятка человек пришли просить работу. Половина — женщины. Это понятно. Кузнец... Тоже понятно: при захиревших хозяйствах какие заказы? Двое здоровенных лбов — не иначе, как тех самых псов, что из пастора дух вынимали. В глазах тупая готовность. Судя по тому, что до сих пор не в подвале — поумнели и вели себя чинно, иначе Гвидо живо им мозги вправил бы. Несколько мужичков неопределённого возраста, хиленьких, одни мослы торчат, да ещё руки... как клешни, это от тяжёлого крестьянского труда с малых лет. Все умыты, в чистом, хоть и поношенном, переминаются с ноги на ногу... Ждут. Что-то новый хозяин скажет?

А ведь это — самые смелые. И, должно быть, самые отчаявшиеся. Не каждый сунется вот так, в неизвестность, большинство предпочло отсидеться и посмотреть: как там э т и, а уж мы после...

— Берите в помощники дворецкого и пристройте всех, — распорядился капитан, подозвав Лурье. — Приглядитесь к этим двоим, может, годятся в новобранцы, пока брат Тук не переманил, у них таких орясин любят подбирать. — Понизил голос: — Обратите внимание на мастера Жана, на что он способен, кроме своего дела. Лейтенант, я понимаю, вам претит возиться с гражданскими, вот и посмотрите, насколько он годится для этого. Вчера он проявил себя как хороший организатор.

— Мужик толковый, — кивнул Лурье. — Свои у него по струнке ходят, а замковые — не любят.

— Нам их любовь ни к чему. Сумеет их построить — одной заботой меньше перед

отъездом. Нужен лидер из местных, по крайней мере, до того, как его светлость пришлёт сюда нового управляющего. Что-то я не вижу нашего монаха?

— Так он на похоронах, ваша милость, у пастора. Сестра за ним мальчонку прислала, очень уж просила быть. Вот баб... женщина! — с непонятым восхищением добавил Лурье. Заметив вопросительный взгляд начальства, пояснил: — Она ведь с покойным братом вчера так и осталась в доме, сюда не побежала. Не брошу, говорит, тело на поругание.

Капитан Винсент, уже вдевший ногу в стремя подведённого коня, остановился.

— Что, так и сказала? И никто с ней не остался?

— Так солдат вы отозвали, не могли же они нарушить приказ. Арданье оставил ей заряженный пистоль, из запасных, она сказала, что справится, случись что, хоть на один выстрел да сил хватит, а там — на всё божья воля. Сильна... — покрутил головой лейтенант.

Сильна, мысленно согласился капитан. Вот так, перед лицом опасности, и открываются люди с совершенно неожиданной стороны.

Он вспомнил о так и не просмотренных книгах. И о некоей задумке, промелькнувшей не так давно. Заедет непременно, хотя бы к вечеру. А пока — объехать Сар, и если окажется, что староста на своём месте не дурака валял, а делал всё, что мог — оставить, вразумив и разъяснив. Потом уже — заняться архивом барона, никуда опечатанные документы за это время не денутся, Лурье проследит.

***

— Взгляните на эту вещичку, брат.

Стараясь касаться только цепочки, капитан Винсент выложил на стол вчерашнюю находку. Монах, нависнув над письменным столом, прежде чем прикоснуться к предмету, повёл над ним таинственным камнем из перстня архиепископа.

— Откуда это?

Капитан с удовольствием откинулся на спинку массивного деревянного кресла. Давно пора было расстаться с этим трофеем, но была у Винсента привычка: некоторые свои действия не афишировать. Вот и пришлось выжидать момент, когда он останется с братом Туком с глазу на глаз, как сейчас, в давно не посещаемом кабинете барона де Бирса, где прислуга еле-еле успела до возвращения капитана из деревни смахнуть пыль с мебели и проветрить.

— Снял с вождя орков. Кстати, в главных у них был не соплеменник, и даже не из их расы.

— Это как раз понятно, тупых овец всегда водит умный козёл... Должно быть, кто-то из последних уцелевших дарков. Врожденная харизма позволяет им сбивать в настоящий слаженный рой самых неорганизованных баранов. Весьма ценная находка, брат мой, я бы даже сказал — улика. — Брат Тук глянул вопросительно. — Вы же позволите мне забрать её с собой?

— Безусловно. Магия — это больше по вашему ведомству. Насколько я знаю, у вас хорошие эксперты. Однако не премину напомнить о нашей договорённости: мне бы хотелось знать результаты исследований.

— Они у вас будут, заверенные лучшими специалистами. А навскидку могу пока предположить... — Отец Тук потянул за цепочку, всмотрелся в наплывы оплавленной поверхности медальона. — Это чрезвычайно напоминает пару к тому амулету, коим

воспользовался покойный барон для открытия удалённого портала. Я слышал о подобных. Своеобразный компас, который приводит вызываемого к месту вызова.

— Вы что-то говорили об улике? — напомнил Винсент.

Монах аккуратно завернул загадочный кругляш в лист бумаги, обжал в кулаке. Коротко вспыхнул перстень. Брат Тук опустил бумажное яйцо, приобретшее твёрдость камня, в карман.

— Совершенно верно, брат мой. Вещи умеют говорить. А у этой — есть изготовитель, который произвёл её на свет, вложив при этом своей частичку ауры, специфические заклинания... Наши специалисты, подобно графологам, могут вычислить и отследить мастера по его почерку, магическому, конечно. Да, а ведь у меня тоже есть чем поделиться.

Брат Тук опустился на стул, потёр глаза. С утра на ногах, одно отпевание за другим, и достаточно «тяжёлые» покойники. Провожая человека в последний путь, творящему отпускные молитвы надобно отрешиться от личных неприязней, а в данном случае это было нелегко. Тем не менее, служитель Божий справился со своей задачей достойно. И даже отогнал несколько тёмных сущностей-падальщиков, желающих полакомиться остаточными эманациями бывших грешных душ пастора и барона. Долг есть долг, хоть и жалко иногда растрачивать силы на недостойных.

— У меня было время перелистать отложенные вами храмовые книги, капитан. Раз уж вы не изъяли их сразу, я счёл, что они доступны для ознакомления. Вынужден огорчить... — Брат Тук сцепил пальцы в замок. — К нашему обоюдному сожалению, как я думаю, сведений об интересующей нас особе нет. Записи начинаются с той поры, когда ей было уже лет шесть-семь, и не содержат ничего касающегося её лично. Разве что единожды её имя упоминается в числе детей, получивших первое причастие. Да ещё отмечены даты рождений племянников... Более ранних сведений я не нашёл. Но меня заинтриговало одно обстоятельство, которое выявилось, так сказать, попутно. Знаете ли вы, что у дяди известного нам лица, у этого деревенского кузнеца, у этого мастера Жана есть то, чего не должно быть у крестьянина?

Он сделал паузу.

Капитан побарабанил пальцами по столу.

— Я так и думал. Вы хотите сказать — у него есть фамилия?

Монах с досадой развёл руками.

— Вас не удивит... Признайтесь, вы ведь тоже что-то раскопали?

Глаза Винсента заблестели.

— Кое-что, брат Тук. А давайте сверим наши находки. Мне тут попались несколько странных документов, явно не из семейного архива, и теперь я гадаю, то ли это то, что мне нужно, то ли всего лишь бумаги, отданные на хранение или оставшиеся от умерших родственников барона.

Монах задумался. Потянул к себе чистый лист, карандаш, и нацарапал несколько букв. Прикрыл ладонью и хитро взглянул на капитана. Улыбнувшись, тот, в свою очередь, вывел что-то на другом листе. Одновременно они свели свои записи вместе.

На обоих листах было выведено:

«Жан Поль Мари Дюмон».

***

На прошении о подтверждении дворянства была начертана подробная резолюция секретаря его светлости — мэтра Этьена Фуке. Капитану не нужно было видеть подпись: по точёному почерку, по сухому педантичному стилю, свойственному потомственному делопроизводителю ещё пятнадцать лет назад — а таков был возраст документа — безошибочно угадывалась нынешняя сухопарая тень, следующая по пятам за герцогом и идеально регулирующая полноту бумажного потока, адресуемого Жильберту д'Эстре лично. Впрочем, в данном случае упрекнуть секретаря было не в чем. Достаточно внятно он объяснял некоему Жану Полю Мари Дюмону, что петиция данного рода должна сопровождаться письменными свидетельствами как минимум двух лиц, знающих просителя или его почтенных родителей, как носителей дворянского звания. Поскольку во время последнего конфликта с соседним государством (так дипломатично мэтр отозвался о трёхлетней войне с королевством Бриттанией) было значительное количество лиц, вынужденных сменить место жительства (читай — беженцев и пострадавших), просьб, подобных той, с которой обратился господин Дюмон, поступает в высочайшую канцелярию множество. Служители архивов перегружены. Дабы быть уверенным, что ходатайство имеет под собой законные основания и не отвлекать архивных работников на бесплодные поиски, к рассмотрению принимаются лишь просьбы, подкреплённые заверениями поручителей. Без предъявления последних — запрос в архив Его Величества короля Генриха, где хранятся копии всех грамот на пожалование дворянства, делаться не будет.

Более того, осторожно намекал секретарь, в случае повторной подачи прошения, опять-таки, без сопроводительных документов, может возникнуть подозрение в злонамеренном стремлении просителя обходными путями выправить подтверждение звания, на которое он, возможно, претендовать не вправе.

— Намёк на возможное самозванство, — пояснил капитан монаху. — Фамилия «Дюмон» достаточно распространена, были случаи, что и в самом деле некие ловкачи умудрялись «отыскать» подходящих предков. После ряда проверок и вынесения жёстких приговоров самозванцам мэтр Фуке счёл обоснованным делать на прошениях, подобных этому, соответствующую приписку. Я помню, у нас с ним как-то был разговор на эту тему... Тот, кому бояться нечего, соберёт нужные бумаги, говорил он, а жулик или аферист — остережётся соваться. Канцелярии же — меньше работы.

— И ведь не докажешь этим канцеляристам, что за каждым документом — человеческая судьба, — пробормотал монах. — Что за трагическое стечение обстоятельств... Каким образом этот, тогда ещё совсем молодой человек, оказался перед необходимостью доказывать своё происхождение? А свидетелей, судя по всему, найти не мог. Или ответ так и не дошёл до отправителя, раз уж это прошение хранилось здесь, в бумагах барона?

— Да видите ли, какая странность, — задумчиво отозвался Модильяни, — бумаги-то — барона, это верно, однако все знают, сколь долго блуждают документы по инстанциям. Мне неизвестна точная дата смерти старого де Бирса, но прошение было отправлено ещё при нём — смотрите, в самом низу приписка от его имени: писалось в его замке, с его ведома. Подпись — Антуан де Бирс, не нынешний Филипп. В данном случае — барон выступает в роли косвенного свидетеля, подтверждая, что знает просителя и может, в случае необходимости, выступить поручителем. Говорят, старый де Бирс был не в пример нынешнему, добродушный хлебосольный хозяин, людишек не обижал, привечал соседей... Такой мог и в самом деле похлопотать за юного Жана, просто по доброте душевной. Вот

только не знал, что поручителей нужно двое и что дни его самого уже сочтены. Думаю, ответ на письмо был получен уже наследником.

Монах свёл брови.

— Но почему именно им?

— Субординация и следование букве закона, брат Тук. Письмо отбыло из замка — туда же послали и ответ. Вдобавок, звание писавшего ещё не доказано, стало быть, пусть с этим инцидентом разбирается старший по титулу дворянин в округе. Зная характер Филиппа де Бирса, нетрудно понять: вряд ли он загорелся желанием поспособствовать молодому человеку. Скорее всего...

— Злорадствовал, — мрачно отозвался брат. — Да ещё наверняка ознакомил его с отпиской, особенно с последней частью, и приказал впредь не соваться, куда не надо, иначе с парня снимут голову. Нетрудно догадаться. Эта чёрная душа наверняка находила изощрённое удовольствие, осознавая, в каком унижении держит себе подобного. И, по-видимому, условия были созданы такие, что бедняге было некуда деваться. Живого человека, да к тому же не одинокого, всегда найдётся, чем шантажировать.

Мужчины помолчали.

— Вы спрашивали об обстоятельствах, могущих довести дворянина до такого состояния, — нарушил тишину капитан. — Помните, я говорил вам о н е с к о л ь к и х документах? Ознакомьтесь ещё с тремя. Они лежали в общей связке с прошением.

Первые две бумаги Винсент выложил перед монахом в ряд, по-видимому — для сравнения. Бросалось в глаза, что писаны они одной и той же рукой, на бумаге одного производства, на той и другой были печати мэрии города

— Лисс, — не веря своим глазам, пробормотал монах. — Так эта семья — оттуда!

— Совершенно верно. Дети родились соответственно за три и четыре года до того страшного пожара.

Выписки были из храмовой книги города Лисса, выгоревшего во время войны настолько, что его даже не пытались отстроить заново, а возвели новый град в нескольких лье от пепелища. Какие там архивы, бумаги... Ничего не сохранилось. Должно быть, родители этих детей были весьма предусмотрительными людьми, выправив для чего-то копии из храмовой книги.

Одна сообщала о рождении и крещении Жана Поля Мари Дюмона, другая — о Мартине Селесте Дюмон, родителями которых были добропорядочные прихожане храма святого Серафима Лисского — Шарль Анри Мари Дюмон и Жанна Вивьен Дюмон.

Поль и Мартина, брат и сестра, каким-то чудом попавшие сюда... Нет, вряд ли чудом. В то время уже начались стычки на границах, предвестники очередной войны были налицо, да к тому же — в окрестностях Лисса началась чума. Поговаривали, что и пожары случились из-за попыток неких подвижников «выжечь» заразу. Не удивительно, что молодая семья решила покинуть город. Должно быть, искали безопасное место и вот каким-то образом очутились в Саре... Но если родители заблаговременно позаботились о документах на детей — что-то должно было остаться и о них самих?

Перед отцом Туком легла ещё одна бумага.

Свидетельство о браке родителей — Шарля Анри Мари Дюмона и Жанны Вивьен Дюмон, в девичестве — Лорентье. Венчание происходило в том же храме города Лисса.

Подлинность документов не вызывала сомнений — ни у капитана, ни у брата Тука. Оба привыкли, несмотря на далеко не осёдлый образ жизни, иметь дело с бумагами различного

рода и возраста.

Винсент внимательно следил за реакцией собеседника. Надо сказать, она ему понравилась.

— Я распоряжусь поднять архивы, — сообщил капитан, — и найти, в конце концов, указ о возведении в дворянство — самого Шарля Анри или его предков. Такие документы на особом контроле. У меня есть все основания полагать, что они найдутся.

Монах шумно выдохнул. Потёр лоб.

— Д-да... Это всё меняет, брат мой. Вы даже не подозреваете, как это всё меняет... Придётся поднимать не только светские архивы. Я ведь слышал когда-то эту фамилию — Лорентье, причём в разговоре, касающемся дел именно нашего, как вы соизволили выразиться, ведомства. Что ж, вы берёте на себя линию деда, я отслежу бабу.

— Минуту, — незамедлительно отозвался капитан. — Хотите сказать, что Жанной Лорентье интересовалась Инквизиция?

Брат Тук успокаивающе выставил ладонь.

— Ни в коем случае, брат мой, разговор касался совсем иной области. — Поколебавшись, продолжил. — Видите ли, мои догадки могут оказаться неверны, да и память человеческая несовершенна. Могло быть созвучье имени или фамилии, однажды мною услышанных, а я уже решил бог знает что. Хотелось бы сперва кое что проверить. С вашего позволения, я сниму копии.

***

— А ведь ты не кузнец, мастер Жан, — с удовольствием отметил лейтенант, поглядывая на то, как ловко крепкие жилистые руки вертят пистоль, в которой только что подправили замок. Было дело, пришлось Лурье, расстреляв оба заряда, перехватить доппельфаустер за ствол и шарахнуть насевшего орка прямо в лоб рукояткой, благо на той специально ради утяжеления приварено свинцовое навершие. Приём безотказный, только оружие после него приходилось править, дабы потом в руках не рвануло.

Трёхфутовая пистоль и сама по себе тяжела, а уж с довеском-то... Тем не менее простой мужик из неизвестного ранее Сара легко с ней управлялся, и пальцы его, на вид мощные, как шкворни, при работе становились необычайно ловкими и гибкими, словно у первоклассного докторуса, зашивающего рану от сабельного удара на лице какого-нибудь стонущего аристократишки. Умные пальцы, не делающие ни одного лишнего движения, и явно не только тяжёлый молот держать привыкшие.

А когда мастер без малейшего усилия прикинул налаженную пистоль на вытянутой руке, проверяя прицел, и оглянулся, что-то разыскивая глазами. Лурье готов был поклясться, что у мужика руки чесались опробовать, проверить собственную работу, вот он и искал пороховницу и мешочек с пулями, на его месте у лейтенанта первый порыв был бы тот же самый. Вот тогда лейтенанта и осенило:

— Не кузнец, видно по всему. Ты, брат, похоже, оружейник, и не абы какой. Пистоль держишь в точности, как ученики мастера Тибо, я его выучку знаю. Признайся, был в гильдии?

И кинул Жану кисет с порохом. А что, пусть пальнёт, потешится. Заработал. Хоть простолюдинам оружие держать не положено — но то ж мастеровой человек. Да никто и не видит такой вольности, десятник Гвидо всех — и местных, и пришлых давно к делу

пристроил, и сейчас на широком замковом дворе, в углу которого притулилась местная кузня, порядком запущенная, никого не было. Разве что часовые со стен поглядывают — но это свои ребята, болтать не приучены.

— Был, да вышел, — коротко, словно огрызнувшись, ответил кузнец. И добавил, словно извиняясь: — Не мастер я, ваша милость, зря не называйте.

— А что так? — не удержался от вопроса Лурье.

— Не женат был к тому времени, да и молод показался. В мастера, сами знаете, только женатых берут. И дорогу перешёл одному сынку... Выгнали. Нашли повод.

— А-а, — понимающе протянул лейтенант. — Гляди-ка, интриги, совсем, как при дворе. Выжили, значит. Одиночно работать тоже не дали, это понятно. А почему сюда, в эту дыру вернулся, что, больших городов мало? Гильдии-то не только в Эстре — и в Нанте и в самой Лютеции, и...

— Тут сестра оставалась, ваша милость. Молоденькая совсем, одна, без присмотра. И с собой взять нельзя, сам у мастера в углу жил, куда я её потащу? Говорю же — молод был. Сейчас бы уж многое не так повернул бы... Да что теперь.

— Вот оно как. А что сестра-то, почему одна? Родители умерли?

Кузнец помолчал. Однако не отвечать, да ещё офицеру, было очень уж невежливо и нежелательно. Мало ли...

— Отец давно уже умер, — сказал неохотно. — Мать — когда мне четырнадцать было. Мы с сестрой одни остались. Тогда ещё старый барон жив был, вечная ему память, он мне сразу работу предложил, да не хотелось мне в прислугах всю оставшуюся жизнь бегать. Глупый был, гордый... — Он усмехнулся. — С железками сызмальства возился, да и отец учил... — Осёкся. — В общем, господин барон походатайствовал, чтобы меня подмастерьем к мастеру Тибо взяли, тут вы правильно подметили, ваша милость. Потому как хотелось мне настоящим делом заниматься, чтоб кормильцем для семьи быть. А всю жизнь у барина на побегушках — какое же это дело?

— А землю пахать, как другие?

Кузнец глянул коротко, остро, и внезапно у лейтенанта пропала всякая охота задавать вопросы. В самом деле, чего это он разболтался, как баба? Нужен-то ему этот мужик... Главное — чтобы дело своё знал. И припомнилось заодно, как рейтар Картье, что до прихода орков за Жаном приглядывал, успел шепнуть: видел, мол, в мастерской пару кинжалов работы удивительной, успеть бы заглянуть до отъезда, прикупить. Нет, господа хорошие, хоть звание и не присвоено, хоть лицензии нет, а мастерства не отнимешь, ежели они от Бога. И нечего его глушить, на земле без того есть кому работать.

Жан тем временем легко вскинул пистоль и, не целясь, как на первый взгляд показалось бы, выстрелил в очерченный мелом на снятой амбарной двери человеческий силуэт. Доппельфаустер этот был далеко не первым за сегодня, что пострадал в бою и побывал в руках умельца. Для пробных выстрелов была снята с амбара щелястая створка, которая и без того болталась на единственной полуоторванной петле. На сей момент импровизированная мишень была уже изрешечена пулями: «ребятушки» Лурье постарались, пристреливая оружие по новой. Но и кузнец не сплеховал: его пуля вошла точно в центр нарисованной головы.

— Хорош, чертяка, — одобрил Лурье. — А что, мастер Жан, может, к нам подашься? Стрелок ты отличный, как я погляжу, в седле не мешком держишься; натаскаем, научим — ещё тот молодец из тебя получится. Жалованье, верный кусок хлеба... опять-таки — семью

поддержишь, я слышал — у тебя полон дом ребятни. А что простолюдин — так в рейтарах и до дворянского звания дослужиться можно. Слышал о последнем указе Его Величества? Дворянство теперь может простой человек заслужить, услугами перед Отечеством и Государем. Так что, брат, ты подумай. Перспективы у нас есть. Да ты знаешь ли, что такое «перспективы», деревня?

Кузнец коротко вздохнул и отвёл глаза. Прочистил маленьким шомполом ствол оружия, протёр ветошью, вернул владельцу.

— Извольте, ваша милость. Как новенький. За предложение — благодарствую, но только я — человек мирный. — И, поколебавшись, спросил: — А вы здесь надолго?

— Как господин капитан прикажет. — Лейтенант ловко пристроил оружие в кобуру. — Наше дело солдатское: по сигналу — и в бой, и в поход... Подумай всё же. Пока новому барону эти земли не отписали, над тобой хозяев нет. — Заговорщически подмигнул, заметив, как внезапно напрягся мастер. Шепнул: — Вольным будешь, дурак, неужели не понимаешь?

— Не помню, чтобы у вас в отряде были вакансии, лейтенант, — любезно напомнил капитан Винсент, невесть откуда возникший за их спинами. Лейтенант вздрогнул. Что было, то было: капитан славился умением возникать нежданно-негаданно, совершенно незаметно. По непроницаемому лицу трудно было угадать, много ли он услышал. — Впрочем, вам виднее. А какие ещё способности, кроме физических данных, вы заметили у вашего кандидата? Не забудьте, у вас уже два новичка, с которыми и без того придётся повозиться. Этих самых данных у них в избытке, а вот по части ума и сообразительности, что немаловажно, от природы недобор... Приказы приказами, но в армии нужны не только исполнители.

— Подучить немного, так на десятника малый потянет, — твёрдо ответил лейтенант. — Уверен, господин капитан. Сей кандидат сметлив, умеет организовать людей и нацелить их на нужный результат, может действовать самостоятельно, и в то же время понимает, что такое дисциплина.

— Экий вы знаток, Лурье, — с усмешкой бросил капитан. — Так-таки всё разглядели... — Окинул испытующим взором кузнеца, нахмурившегося, скрестившего на груди руки, всем своим видом показывающего, что раболепствовать и спину гнуть в поклоне не желает. — Вот что я вам скажу, лейтенант, в отряд я его не возьму. Такие самостоятельные мне и здесь нужны... Господин Дюмон, — повернулся он к Жану. И тот, не сразу поняв, к кому это обращаются, внезапно побледнел. — Разбирая документы бывшего владельца замка, я обнаружил ваше прошение и намерен вновь дать ему ход. Не так уж загружены архивные крысы, чтобы не ответить на персональный запрос. Уверен, они найдут искомое.

Жан коротко выдохнул:

— Не нужно.

— Отчего же, позвольте спросить? — полубопытался капитан, старательно не замечая округлившихся от любопытства глаз лейтенанта Лурье.

— Оттого, что время вышло. Мне больше не найти поручителей. В лучшем случае — меня ждёт виселица за самозванство.

— Это и есть тот самый крючок, на котором держал вас барон? Так скажу вам следующее: он был не слишком надёжен. Вы говорите — нет поручителей? Но есть документы, подтверждающие ваше рождение от родителей знатного происхождения, находящихся в законном браке; у родителей, в свою очередь, наверняка осталась родня...

Человек не может жить среди себе подобных и не оставить хоть какой-то памяти. Отыщем, господин Дюмон... Или вам больше нравится «мастер Жан»?

— Жан Дюмон к вашим услугам, сударь, — твёрдо сказал кузнец. — Чужих званий мне не нужно. Что сам заработал, на том и стою, своё честное имя ценю дорого и менять не собираюсь.

— Похвально, — кивнул капитан. — Что ж, мэтр Жан, давайте-ка остановимся на этом варианте. Полагаю, вы давно хотите со мной поговорить. Как и я с вами. Пройдёмте в кабинет, там нам никто не помешает.

***

Подобных историй, с вариациями и небольшими поправками на названия городов, возраст действующих лиц и иные обстоятельства помимо ужасов приближающейся войны и разорений, Винсенту Модильяни приходилось слыхивать немало. Да и брат Тук отнёсся к повествованию кузнеца с полным пониманием, иногда кивая, мысленно соглашаясь, иногда вопросительно поднимая бровь, но не вмешиваясь, оставляя вопросы на потом. В лице этих двоих Жан Поль Дюмон нашёл терпеливейших и внимательнейших слушателей.

Впрочем, говорить он начинал неохотно. То и дело поглядывая в окно, как будто соображая, нельзя ли через него сигануть наружу, если совсем уж к стенке прижмут... Хоть был он человек неглупый и прекрасно понимал, что, если уж понадобится — достанут отовсюду, хоть пока и непонятно, зачем. Раз уж племянница исчезла так загадочно — нужны ли те, кто о ней знал? Может, как раз и приехали, чтобы и свидетелей убрать, и следы подчистить... Причины косить на окно имелись веские. До тех пор, пока не осенило внезапно: да ведь захоти приезжий капитан разделаться с Жаном, а заодно и с другими — какой смысл тогда деревню спасать? А если надумали сберечь новые владения и новых людишек герцога, то достаточно было его одного, Жана, не брать в замок, предоставить своей судьбе. Погиб, мол, сгинул, как многие при таких заварушках, пропал вместе с семейством. А вот поди ж ты, всё не так... Значит, он им нужен.

Не навредить бы Марте. Не сказать бы лишнего.

Сидеть на господском стуле — с высокой спинкой, с подлокотниками — было непривычно и неудобно. В нынешнем его доме такой роскоши не было, только лавки и табуретки, впрочем — достаточно добротные. Обращение на «вы» резало слух, Жану всё чудилось в этом какое-то изощрённое издевательство. Подсознательно он готов был к худшему: что вот, наконец, узнав всё, что им нужно, эти двое перестанут ломать комедию, велют его арестовать и увезут в том же самом чёртовом возке, в котором несколько дней назад канула в неизвестность малышка Марта. Но снова он вспоминал о спасённом несожжённом Саре, о женщинах, избежавших надругательства, о мужчинах, избежавших позорной и лютой смерти — и понимал, что капитан не чета покойному барону, и то, что было в порядке вещей для одного, для другого неуместно. К тому же — у Жана не было выхода. Иной возможности узнать о малышке, кроме как пойти на невольную откровенность, он не видел.

— Слово за слово, — сказал в самом начале беседы капитан. — Вы мне — о себе, я вам — о вашей племяннице. В ваших интересах ничего не скрывать.

Говорил он спокойно, дружелюбно и в то же время весомо. И что-то после его слов в груди у кузнеца щёлкнуло и разжалось, будто треснул и слетел невидимый обод, сжимающий

с той поры, когда влетел во двор запыхавшийся пастушок и, задыхаясь от бега, завопил, что Марту увезли страшные солдаты, а пастора, что вздумал за неё вступить, едва не зарубили на смерть. Едва выслушав, сперва сомлев, а затем заметаившись по двору, запричитала Джованна, заплакала злыми слезами. Он тогда выбежал, в чём есть, в одних штанах и фартуке, даже забыв положить на верстак клещи. Кинулся к дороге, но уже и пыль улеглась под копытами рейтарских лошадей, и куда увезли его девочку — неизвестно: у ближайшей развилки дорога растранивалась, могли свернуть в Эстре, могли в Роан, там тоже был тюрьма и какой-то сверхсекретный розыск... Пришлось вернуться. Надо было закончить срочный заказ от управляющего, у него же отпроситься хотя бы на несколько дней — без разрешения хозяина деревушку никто не мог покинуть надолго. В схроне оставалась последняя золотая вещичка и несколько серебряных монет, пришло их время.

Тайничок в мастерской был вскрыт. Как Джованна смогла скинуть с бочки, наполненной песком, тяжёлую наковальню, непонятно, но только та так и осталась лежать на земляном полу, опрокинувшись набок и присыпанная песком, который, должно быть, кузнецова жёнка выгребала из бочки прямо горстями. Сундучок с сиротливо разинутой крышкой встретил хозяина пустым донцем. Метнувшись в дом, Жан застал там картину полного погрома, который могла оставить за собой разве что разъярённая фурия. Даже плохонькие занавески были сорваны с оголившихся окон. Зарёванные близнецы глотали слёзы, сидя на коленях у старших братишек.

— А мамка ушла, — еле слышно сказал Клод, самый старший из четверых. — И Сару забрала, и Кору...

Кузнец осторожно опустился на лавку. Унял дыхание. И без того мальцы напуганы, а если сейчас и он взбеленится...

— Что ушла — я понял. — И вдруг стиснул зубы, заметив на щеке сынули яркое пятно, как от пощёчины. Хотел остановить сбрендившую мать... — Клоди, бедняга... Не бойтесь, парни, я-то с вами. Что она сказала?

— Сказала: с в о и х дочек я забираю, а арестантские выкормыши мне даром не нужны, — тихо, но отчётливо проговорил средний. — Чтоб вам всем, говорит, пропасть, кузнецовым отродьям, и зачем я, купеческая дочка, с мужиком связалась! Провалитесь, говорит, все, а я и без вас проживу.

Кузнец обвёл взглядом безрадостную картину разора. Знал, что жена — не сахар, и многое прощал — за то, что была первой любовью, и не её вина, что отдали за другого. За то, что, согласившись со вдовством развязаться, уехала с ним в Сар, за то, что нищету терпела, когда после пожара так и не смогли наладить жизнь, за четверых сыновей...

...которых бросила, как щенков, добавил с горечью. Воровство тебе прощаю, Джованна, женщина ты, слабая, испугалась, это можно понять. Даже то, что единственную Мартину вещь, наследство от её матери, стащила — и то прощу. Но детей-то бросить?

Кузнецово отродье, значит?

— Мужчины мы или кто? — сказал сыновьям строго. — Ну-ка, живо, носы утереть, веник, тряпку разобрать, порядок навести. Разберёмся...

И вычеркнул преступную жену из своего сердца. Раз и навсегда. Но скрепил его железными обручами, как верный Ганс из сказки о принце-лягушонке.

Немедленные поиски откладывались. Нужно было хоть как-то наладить новую жизнь, чтобы спокойно оставить детишек одних на какое-то время, договориться с соседями, чтобы присмотрели в его отсутствие. Выбрать для продажи пару кинжалов да шпагу, из тех, с

коими никак не соглашался расстаться под видом того, что нужны образцы для заказчиков господ...

А вскоре рейтары вернулись. И получилось, что никого не надо искать, вот он, их капитан, тот самый, что Марту увёз, сам, можно сказать припожаловал, и говорит о ней сейчас такие вещи, в которые невозможно поверить.

...Что он мог рассказать о своей семье, Жан Дюмон, если отца еле-еле помнил, а матушка, красивая, но суровая строгая женщина, была нелюдимой молчуньей? Оно понятно, сделалась Жанна такой не сразу. Хоть немного, но осталось в детской памяти, как мать улыбается, нежно воркует с ними, ерошит отцу волосы, поёт... Голос у неё был изумительный, чистый, серебристый, словно колокольчик в горле звенел. После смерти отца в тот страшный чумной год ничего этого больше не было. Как им удалось выжить?

То-то и оно, что отец успел их вывезти из Роана, где они на несколько лет осели после Лисса — сам-то он бегства не помнил, но знал о нём из разговоров родителей. В Лиссе было страшно и нехорошо, он «весь пропах грядущей смертью», шептала мать. Такой невыразимый ужас слышался в её голосе и такое облегчение — от того, что их миновала беда, что малыш Жан невольно запомнил эти слова на всю жизнь. Только много лет спустя, узнав однажды о сожжении Лисса, он понял, какой участи они избежали.

В Роане было тихо, спокойно, даже появились друзья — и у маленьких Жана и Мартины, и у родителей. Правда, иногда было голодно, зато они были вместе и живы, а значит — счастливы, так часто повторяли мама и папа. Жан был согласен. В конце концов, если выходили из-за стола не сытые, можно было пошарить с такими же сорванцами по соседним огородам и садам... Хотя однажды отец и отстегал его за это хворостиной по ногам, не больно, но обидно, и строго сказал: воровство дворянину не к лицу. Как бы тебя жизнь не била, сынок, сохраняй достоинство. А кусок хлеба — его сегодня нет, а завтра обязательно появится, с Божьей помощью и с помощью твоей головы на плечах. А потому — лучше ремеслом простолюдина не побрезгуй, если случится на него жить, а воровством и другими гадкими поступками — брезгуй и даже соблазны гони прочь. Стыдно это тому, чей прадед дворянство получил за заслуги перед Отечеством. Запомни на всю жизнь, сынок.

Жан и это запомнил.

А потом в Роан пришёл мор. Однажды на глазах у мальчика прямо на улице упал и забился в судорогах обычный дядька, прилично одетый горожанин... Прохожие в страхе пятились, освобождая место, мужчина стонал, держась за шею, а когда руки его внезапно разжались и упали плетьюми, да и сам он затих — хорошо стали видны две страшно вздувшиеся чёрные шишки на шее. Два бубона. «Чума!» — охнула толпа, уже собравшаяся за спиной мальчугана. «Чума!» — отозвалось эхо топотом разбегающихся ног. «Чума», — мрачно сказал отец, выслушав Жана. «Сынок, ты не подходил к нему близко? Точно, не подходил? Хорошо. Собирайся, Жанна. Уезжаем. В Эстре? Нет, опасно, большой город, скопища людей... Придётся отсидеться в какой-нибудь деревушке. Поторопись, скоро выставят кордоны, и тогда нам отсюда не вырваться».

Он почти довёз их до Сара. Почти. Оставил в дорожной гостинице и к утру исчез. Понял, что заболел сам, и сделал всё, что мог: бросил тех, кого любил больше всего на свете. Мать нашла его прощальное письмо, мешочек с деньгами, и... угасла.

Нет, она не сломалась. Она довезла живых и невредимых детей в Сар, где арендовала, а затем и выкупила домик, смогла наладить нехитрое хозяйство, ужиться с соседями, которые поначалу шарахались от приезжих и не доверяли — мол, высоко нос дерут, хоть сами не

пойми кто и откуда... Она умела найти подход к каждому, дать хороший совет — как лучше лечить скотину, чем кормить корову или козу, чтобы молоко было гуще, как отбеливать холсты — словно всю жизнь в деревне жила. Малышом Жан об этом не задумывался, ему казалось, что так и надо, мать должна быть самой умной. И лишь потом понял, что ничего не знает о ней. Все рассказы о прошлом сводились у неё к истории о том, как они с их отцом познакомились, полюбили друг друга, как тот даже очень ловко увёз её из монастыря, где она, слава Богу, была не монахиней, а лишь послушницей, значит, особого греха не совершила, сбежав-то. И немного рассказывала об их с отцом счастливой жизни, о том, как рады они были сыну и дочке...

Но очень редко люди видели с той поры её улыбку. А уж чтобы Жанна Дюмон, чью фамилию произносили всё реже, а чаще называли по-простому — «тётка Жанна», хоть этой «тётке» ещё и тридцати не было — чтобы засмеялась она хоть раз — сроду такого никто не замечал.

А когда Жану стукнуло четырнадцать, дети осиротели окончательно. В недобрый час в самую июльскую жару вернулась Жанна с ярмарки. Радовалась, что удачно вышивки продала, давно такого прибитка не было. Не успев остыть, хватанула колодезной воды — и вдруг упала замертво. Даже проститься не довелось. И остались ребяташки одни. В таком-то возрасте девочки уже невестились, а мальчики из семей побогаче в оруженосцах да пажах ходили, а их тех, что беднее — к делу приставлялись, к крестьянскому или к ремеслу. Тут-то и вспомнил Жан-Поль отцовский наказ и решил податься в город, на выучку, и не к кому-нибудь, а к хорошему мастеру-оружейнику, о котором слыхивал не раз от баронских гостей и прислуги. К Антуану Бирсу частенько наведывались сыновья-рыцари, и свита у них была соответствующая, со своими специфичными разговорами.

Старый барон сироте посочувствовал. Выразил некоторое недоумение, поскольку кое-что о происхождении юного Жана знал: самую малость, но достаточную, чтобы удивиться выбранному пути. Предложил пойти в оруженосцы к одному из своих сыновей, да к тому времени парень насмотрелся, знал, что у стремени каждого рыцаря идёт грызня и выбивание зубов за почётную должность. Зубы хотелось поберечь для чего-то более стоящего, чем подавание копыя и чистку чужих коней да доспехов. Не его это было дело, не его. А вот если бы всё-таки господин барон замолвил словечко перед мастером Тибо... Барон пожал плечами, но... что ж, в таком возрасте мальчик достаточно большой, и сам должен знать, чего хочет от жизни. Сиротам помочь хотелось, но в то же время — сделать это так, чтобы помощь не расценили превратно. И без того поговаривали, что слишком много внимания он уделяет скромной вдове — то пошлёт людей перекрыть крышу на домике, то в неурожай поможет с хлебом, то ребяташкам подарки пошлёт к Рождеству... Приходилось сдерживать собственные добрые порывы, а то уж сыновья время от времени хмурились и намекали: не надумал ли отец им безродную мачеху в дом привести? Сиротам хотелось помочь, но так, чтобы подмоги этой хватило надолго. Хочет в оружейники? Отлично. Станет мастером при Гильдии, осядет в столице, выпишет сестрёнку к себе — и куда как с добром. Глядишь — обеспеченным человеком станет, без дворянского звания тоже люди живут неплохо. А маленькая Мартина пусть пока в старостином семействе поживёт, чтобы никто в отсутствии брата не обидел. У них три дочери, сыновей нет, приставать некому будет, а чтобы со стороны никто не позарился — об этом барон позаботится.

Добр и справедлив был старый барон. Жаль, сын не в него норовом пошёл.

И когда через несколько лет не вышло у Жана со званием Мастера, и вернулся он в Сар

— барон только головой покачал. Не говорил: «Я так и знал», а только подумал-подумал... и вынес юному Дюмону несколько бумаг, кои оставлены были у него на хранение ещё Жанной. Барону женщина доверяла больше, чем хлипким стенам деревенского дома, а потому — вверила ему самые важные документы, касающиеся её детей. «Тебе надо вернуть дворянское звание, сынок», — отечески посоветовал де Бирс. — «Плюнь на Гильдию и иди на службу герцогу либо королю, там такие нужны — молодые, безземельные, нуждающиеся в деньгах. Ну да, военная служба опасна, зато такой, как ты, многого достичь сможет. А погибнешь...» — Барон подавил вздох. «На всё Божья воля, но хоть сестре пенсию оставишь, будешь ей и с того света кормильцем, пока замуж не выйдет».

Потом пришло лютое время неурожаев и бескормицы, мора и всяческих казней небесных. Но Жан и Мартина были вместе, были живы, а значит — счастливы. Годы обучения даром не прошли, из Жана получился довольно хороший кузнец... да что там говорить — великолепный кузнец, и с заказами к нему частенько наезжали господа из близлежащих городов. Мартина, перенявшая от матери мастерство владение иглой и ниткой, вышивала покровы для храмов, гобелены для богатых домов, и не просто так шила, а по специальным картинам для рукодельниц-белошвеек, которые привозил ей Жан из столицы. Теперь уже язык не повернулся бы назвать их с братом сиротами: оба с уверенностью держались на ногах в нелёгкое время. На ногах — и друг за друга.

Однажды в замок приехала погостить дочь барона. Не одна приехала — с годовалой дочкой и с целой свитой провожатых, поскольку нехорошо и опасно было путешествовать молодой женщине без сопровождения: чем голоднее было в округе, тем чаще пошаливали разбойники. И не прошло и недели после приезда шумной кавалькады, как, вернувшись однажды к вечеру из Эстре, кузнец с замиранием сердца увидел златогривого жеребца у своей коновязи.

Юноша годами ненамного старше Жана, сидел в почтительном отдалении от Мартины и держал на разведённых руках ворох пушистой пряжи. Сестра, не торопясь, сматывала клубок, молодой человек, когда нужно, чуть опускал пальцы, давая ход проворной нити, и взирал на мотальщицу с немым обожанием. Да и та... Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: теперь в сердце девушки кроме Жана появился ещё один мужчина. Тот самый, с волосами такого же чистого золота, как грива коня, смиренно поджидающего во дворе. «Жеребец!» — с бессильной злобой подумал Жан неизвестно о ком...

Заметив хозяина, юноша, не прерывая своего важного занятия, встал и почтительно поклонился. Редко кому удалось бы не выглядеть смешным — в расшитом золотом и украшенном жемчугами и кружевом камзоле и с распяленным мотком пряжи в руках, но этому, похоже, удавалось всё. Гневный оклик так и не сорвался с губ кузнеца. Он сдержанно поздоровался... и снова посмотрел на сестру.

Та вспыхнула от смущения и радости и бросилась к брату на шею. И радостно хлопотала, собирая на стол, как обычно при его приезде. Ни отводимых глаз, ни стыда, ни страха... Жан знал её как самого себя и поэтому — вздохнул с облегчением. Похоже, того, чего он так в первый момент испугался, не произошло. А раз так — с красавчиком он как-нибудь справится.

Его звали Артур, и был он вовсе не в свите приезжих, а привёз письмо для кого-то из гостей. Да вот, проезжая через деревню, остановился воды напиться, буквально час назад... Час? Молодой человек в ужасе выглянул в окошко, уловил первые лучи заката и поспешил к выходу. Причина задержки была ясна, но не объяснишь же её адресанту, а письмо срочное...

А на следующее утро Мартина, отправившись в лес за земляникой, услышала ржание, топот — и прямо на неё выскочил из зарослей знакомый златогривый конь, изрядно потрёпанный и без седока. Увидав девушку, шарахнулся было, но потом подошёл, дрожа. Мартина тоже затряслась от страха, но перехватила жеребца за уздечку и привела прямёхонько домой.

Выскочивший из дому в одних штанах, босиком, Жан оценил увиденное в один момент. Вырвал пучок травы, сунул в ведро с водой, подставил коню. Умное животное, хоть и сгорало от жажды, однако было вынуждено отгонять губами травинки, а потом уже пить. Жёстко, зато не застудится... Дав жеребцу напиться и успокоиться, кузнец безжалостно потянул его обратно в лес.

И угадал. Верный конь привёл прямиком к хозяину, сброшенному в лесной овраг и отделанному так, что смотреть страшно. В чём только душа держалась... Не было даже речи о том, чтобы взгромоздить это бесчувственное тело в седло, и, покачав головой, кузнец отправился за волокушей. А по дороге хорошенько подумал, и привёз не волокушу, а телегу с сеном, которым и закидал измордованного посыльного. Ещё неизвестно, кто его так отделал. Татей в их округе вроде не водилось, а парень прямиком в замок направлялся, с известием... Может, неугодного гонца так приветили? Когда два часа спустя к ним в дверь стукнул лизоблюд от управляющего, стал выпытывать, нет ли никого чужого — Жан убедился, что был прав, и от души порадовался, что сразу, едва войдя в дом, потащил раненого на чердак. Мартина совсем недавно замыла кровь с лестницы, ступени ещё не высохли... Чудо-конь, умница, дрожал на конюшне, и молчал, хоть бы раз всхрапнул, пока недобрый человек во дворе мялся, гляделками зыркал туда-сюда.

...Парня не только отдубасили, но и порезали. Пришлось звать бабку-знахарку; та промыла раны горячим настоем зверобоя, послала Мартину за болотным мхом для повязок, что можно — зашила. Гонец от боли начал дёргаться, приходит в себя, Жану пришлось его сдерживать. Тут-то он впервые и увидел у него на груди золотой медальон, который потом долго хранился под наковальней. Который был украден Джованной.

Артур уставился на кузнеца ошалелыми глазами. От боли зрачки расширились настолько, что почти закрывали радужку. Раненый перевёл взгляд на Жана, на тонкие лучи солнца, пробивающиеся сквозь трещины в черепице... Поднёс здоровую руку ко рту и зубами стянул с мизинца перстень.

— Отдай, — показал глазами на знахарку, вдевающую очередную, вымоченную в крепком эле, нить в иглу. — Пусть... молчит. И вы. А то... добьют...

Так вот оно всё и случилось.

Он удивительно быстро шёл на поправку. И через месяц уехал.

Обвенчавшись с Мартиной.

Оставив ей всё золото, которое так и не удосужились отобрать те, кто изображал из себя грабителей. И сняв с себя кольца, что ещё оставались, серьгу из уха, медальон с груди, пластины накладного серебра с упряжи Буцефала. В общем, оставил всё, что мог. И то, о чём пока сам не знал. Он обещал вернуться через полгода. Но не вернулся до сих пор.

И кузнецу пришлось лгать, оправдывая растущий живот сестры, про какую-то несчастную любовь к молодцу из соседней деревни, который обещал жениться, да был убит в недавней стычке с разбойниками. Ибо неизвестно, как могло бы отлиться им с замужество с тем, кого новый барон приговорил к смерти. Барон, конечно, Филипп де Бирс, а по чьему ещё приказу могли убить гонца?

Вот, собственно, и всё...

Когда малышке Марте было два года, кузнец женился. Ему вдруг страстно захотелось своих таких же малышей, да и природа брала своё — желала, чтобы рядом было крепко сбитое горячее женское тело, податливое на ласку, чтобы хоть кто-то улыбался в этом доме, чёрт его дери, потому что, чем дольше Мартина ждала, тем больше становилась нелюдимее и угрюмей, совсем как их мать... Жить хотелось. Нормально, по-человечески. Поэтому, когда встретил в ожившем Роане бывшую свою зазнобу, к тому времени овдовевшую, даже порадовался: ну и пусть, что с двумя дочурками, даже лучше: будут Марте старшие подружки.

И ведь как получалось: никогда он не делал разницы между своими детьми и Джованны. А что в ответ получил?

Как его звали полностью, гонца? О том знала только Мартина. Но упорно отмалчивалась. Лишь однажды призналась: Артур просил полного имени и титула никому не называть, даже ему, Жану. Опасно. Вот он и не спрашивал, чтобы беды не навлечь. Нет, плохо он о своём несостоявшемся зяте не думает, тот ведь мог опять угодить в переделку и просто-напросто к ним не доехать. Но раз уж они с Мартиной венчались — настроен молодой человек был куда как серьёзнее. Скорее всего, сгинул бесследно в далёких краях...

Что было на медальоне? Портрет. Женский. Скорее всего — матери, больно они с ним похожи. Работы тонкой, ювелирной, можно сказать. Жан только однажды посмотрел — и больше его не открывал. Нет, кроме него ничего не сохранилось. Однажды от удара молнии загорелся дом, пришлось отстраиваться заново и потратиться куда больше, чем скромные сбережения самого Жана. Потом на деревню напала оспа. Что поделать, надо было и самим выживать, и соседей поддерживать, хотя бы самых неимущих. Потом... Да мало ли этих «потом» случается... Так наследство Артура и разошлось по каплям. Хотя, ежели мёртвые на небесах всё видят, зять не должен быть в особой претензии: многим его золото сохранило жизнь.

Может, и Мартина с ним встретилась...

Обидно: ни один мор её не тронул, сама по соседям ходила, помогала, ухаживала — и хоть бы прыщик вскочил. А пошла однажды по осени на болото за клюквой — и наступила на гадюку. Хорошо, не одна была, с племянницами, те хоть успели домой привести, а то ищи потом тело в лесу. Бывало ведь, что и хоронить некого, после зверья-то... Единственная хорошая знахарка в селе, та, что Артура зашивала, к тому времени померла, и помочь было некому.

... Но почему-то Мартина перед смертью улыбалась, будто и не чувствовала боли в распухшей ноге, будто не сводило судорогой уже синеющие губы... Глаза её лучились, словно видела она кого-то, незримого для других, очень дорогого сердцу. Артура? Мать? Отца? Этого никто уже не узнает.

Глава 9

Ни разу со времени заключения договора на постоялом дворе капитан Винсент не пожалел о принятом решении. Помощь монаха оказалась неоценимой. Поэтому-то он и пригласил его на беседу с новоиспечённым родственником его светлости: брат Тук оказался тем ещё кладёзем информации, и, судя по всему, выудил из рассказа кузнеца немного больше, чем сам капитан. Винсент готов был поклясться: у его компаньона, во многом с ним самим схожего, несмотря на их принадлежность к разным лагерям, присутствует то же «шестое чувство», интуиция, которая не так давно сделала стойку на фамилию «Лорентье». Брат Тук почуял н е ч т о. Причём, не стал от него утаивать, поскольку честно соблюдал условия: информацию — пополам! Успев изучить напарника, капитан был уверен: дотошный монах докопается до чего-то интересного, как пить дать. Наверняка у Церкви свои архивы, и весьма содержательные, отчего же не воспользоваться и не припасть к этому источнику, закрытому от посторонних?

Жильберт, конечно, будет поначалу морщиться и фыркать, как Маркиз, потому что не любит вмешательства святых отцов в его дела. Однако придётся ему смириться. Как умный человек, он должен понимать, что любая легенда, не подкреплённая весомыми доказательствами, не протянет вечно. Сказочка, которую они с ним сплели на скорую руку, погуляет в народе с неделю, а затем, не получая дополнительной подкормки, разрастётся невесть во что. Найдутся любопытные, среди них наверняка и такие, что не побрезгуют лично наведаться — сперва в казармы, а потом и в Сар, порасспрашивать, кого же здесь всё-таки арестовали. И понесётся одно за другим, обрастая всё более фантастичными подробностями. Хоть рейтарам и велено блюсти молчание о том, где были, тем не менее... Человек слаб и на вино, и на деньги, да иной раз просто любит поговорить, отдыхая от трудов праведных в каком-либо кабачке или у милашки. Не уследишь.

Им с молочным братом нужен союзник. Недругов у Жильберта полно, особенно при высочайшем дворе, и ежели Его Величеству Генриху донесут о странных метаморфозах с супругой герцога, то наверняка вывернут всё наизнанку, дабы представить происходящее в дурном свете. Начнутся разбирательства. Вот тогда и пригодится уверенный в своей правоте зычный глас архиепископа Эстрейского, имеющего ох какой вес при высочайшем дворе, и не только за духовные подвиги. Но почву для этого нужно готовить уже сейчас.

Капитан поднялся в привратную башню, кивнул часовым. Пока Лурье разгонял дворню и вникал, кто при каком деле и куда лучше пристроить вновь прибывших, он решил сам проверить посты, дабы не расслабляться. Оглядел сверху мост, блестящие цепи и начищенные зубцы подъёмного механизма и в который раз одобрительно хмыкнул. Хорошо сработано, быстро, добротнo. Само по себе характеризует того, кто этим занимался...

Выше, со стены, был хорошо виден опустевший двор. Никто не шатался без дела, как это частенько наблюдалось среди сытой и набалованной дворни аристократов: здесь десятник и лейтенант успели всех пристроить к работе, и местных, и вновь прибывших. Женщины отмывали до блеска окна и наводили чистоту в изрядно запущенных комнатах,

проветривали, выбивали ковры и портьеры, трясли перины и подушки, затевали большие стирки. Мужчины были брошены на работы потяжелее: разбирали груды мусора, невесть за сколько лет скопившегося в углах двора, расчищали сток для рва, чистили конюшни... Вот уж невольно вспомнишь мифологического царя! Рейтары просто в негодование пришли, узрев, в каком состоянии денники. Конь для рейтара — друг и хранитель, ты о нём заботишься в мирное время, он о тебе — в бою, а потому — ничего удивительного, что стойлам, кормушкам и поилкам сейчас уделялось внимания не меньше, чем барским покоем.

Ревизовались амбары, кладовые, погреба, весело пылали очаги в обеих кухнях — и господской, и людской. Винсент приказал не жалеть провианта — ни для своих, ибо голодный солдат — не солдат, ни для местных. Пусть учатся жить заново по-человечески. На первое время капиталов, вытряхнутых из схронов управляющего и компании, хватит, а дальше — не его забота. Скоро здесь появятся люди, куда лучше соображающие в хозяйственных делах, чем он, человек военный.

Нежаркое солнце, лёгкий ветерок, чудесный вид, открывающийся на окрестности, в особенности, на людей, занятых делом — всё это располагало не только к созерцанию, но и к размышлениям, а потому Винсент невольно вернулся к своим мыслям. Раз уж так обернулось, что простушка Марта по происхождению вовсе не проста — нужно этим воспользоваться. Ко всеобщему благополучию. Стройной картины в голове у него ещё не складывалось, но... Он был уверен: сложится. Выстроится. Нужно только улеться полученным данным, утрястись, как грибы в лукошке, разные по размеру: встряхнёшь несколько раз, они попрыгают, покрутятся — да и попадают именно так, как нужно, ровным слоем...

По широкой стене капитан направился к смотровой башне, мысленно перебирая список оставшихся насущных дел. Пока это герцог назначит временного управляющего из своих имений, пока тот приедет — время пройдёт, а без «головы» и без охраны Сар бросать не годится: ни деревню, ни замок. Разведчики, посланные лейтенантом, отследили путь орков и принесли отрадные вести: следов портала в лесу не обнаружено. Зелёные появились словно бы ниоткуда, если судить по многочисленным следам, начинающимся на одной из полян и ведущим прямо к дороге к замку. Следовательно, проход был разовый, сделал своё дело — и захлопнулся, а чтобы вернуться туда, откуда прибыли, оркам пришлось бы создавать новый, как пояснил брат Тук, для чего и служил тот самый артефакт, что сейчас лежал, опечатанный, в кармане его рясы.

Так что вряд ли в ближайшее время следовало ожидать нападения, но на всякий случай рейтаров следовало оставить здесь. Спокойнее. К тому же — как только в соседних деревнях прознают о смерти барона, народ начнёт пошаливать, это как пить дать. И среди доходяг найдутся паршивые овцы, которым только дай повод — решат, что всё позволено. А безвластие — повод достаточный. Придётся Лурье побыть настороже, а в помощь ему останутся староста да бывший мастер Жан.

Впрочем, мастера бывшими не бывают, как ни отнекивайся от этого звания. Вполне подходящий случай — показать, каков он хозяин. Вот пусть и потрудится, сначала в паре с Лурье, потом с новым управляющим, за это время станет видно, годится ли Дюмон в бароны. Не всё сразу, его светлость зря титулы не раздаёт, равно как и дворянские звания, предпочитает приглядеться, заслуживает ли человек оно? Да и семейные связи демонстрировать не любит. О том, что прелестная Анна была замужем за всесильным герцогом, не знали даже её земляки. Поговаривали: сразу, мол после монастыря, едва

приехала — просватали, отдали за хорошего жениха... Не более. Жильберт не допускал даже тени мысли о семейственности, о том, что, по примеру державных родственников, придётся ему прикармливать многочисленных прихлебателей, чьи достоинства заключаются в толике родства или землячества с герцогиней. Вот и пресёк изначально. Придётся бывшему кузнецу постараться, если хочет чего-то добиться в жизни, не думает же он с обрётённым дворянством по-прежнему молотом размахивать. Пусть пробует себя на новом поприще. Не выйдет из него барон — годится и для военной службы, это лейтенант верно подметил.

Или ещё для одного дела. Опасного, демоны его заберут...

Винсент припомнил мужественный разворот плеч, суровый профиль мастера Жана, как по привычке всё ещё его величал... Бывший — уже без всякого сомнения, бывший — кузнец кого-то весьма и весьма напоминал. Не с первого взгляда — мешала борода, она всё-таки порядком меняет человека, да и возраст придаёт; но если её сбрить... Да, сходство несомненное. Может статься, именно такого человека давно подыскивает некая тайная служба, с которой ему, Винсенту, иногда приходится пересекаться. Впрочем, с этим после. Миссия опасная, а у этого Жана-Поля ещё четверо парней не пристроены. Мать-то найдётся, не иголка... Впрочем, куда вероятнее, что раньше выплывет пресловутый медальон. Родни у этой дуры в столице — какая-то четвероюродная тётка, это капитан уже испытал, тётка жадная, держать нахлебников задарма не будет, деньги Джованне понадобятся ох как скоро. Немного выждать — и безделушка объявится у кого-нибудь из ювелиров, заранее предупреждённых, а там — и отследить недолго, кто продал, даже если через перекупщиков. Вопрос только в том, нужна ли детям такая мамаша?

Ему-то, капитану, интересен был в первую очередь медальон. Если внутри, по словам Жана, действительно находился чей-то портрет, то, скорее всего, вещь-то фамильная, могла оказаться с гербом или вензелем, а это уже подсказка, в каком направлении искать пропавшего Артура. Возможно, тот и оставил медальон Мартине именно для этой цели — подтверждения их законной связи. Или не исключал, что жена могла уже понести, решил сохранить для будущего ребёнка.

...А Джованну следовало разыскать хотя бы для того, чтобы развести с мужем. Факт кражи — налицо, пренебрежение обязанностями супруги и матери — тоже. Не захочет мастер Жан её простить и принять — пусть идёт на все четыре стороны. Или в монастырь, если заартачится, тогда уж никакой возни с разводом.

Всё?

Пока да.

Капитан чуть прищурился от солнечного света, резанувшего по глазам после полусумрака башни. И лестница винтовая здесь запущена, как и многое в замке, ступени кое-где повреждены, надо сказать, пусть займутся... С этой площадки обзор был ещё лучше, чем со стены. Винсент одобрительно покосился на смотрового. Тот внимательно изучал окрестности через подзорную трубу — чудо оптической техники шестнадцатого столетия, без которого нынешние моряки как без рук. Сухопутный люд ещё не оценил сию новинку по достоинству, а вот у его, Винсента, молодцов она уже в ходу.

...- Карета, господин капитан, — не отрываясь от окуляра, сообщил наблюдатель. — Остановилась у церкви. Большая, дорожная, человек десять уместится. Сами посмотрите?

Да, карета была сродни популярным нынче дормезам, объёмистая, с грузовым отделением, с трубой для перевозной печурки. В такой можно и спать с удобством, путешествуя в лунные ночи; главное — по возможности менять лошадей, тогда время, и без

того угнетающе долгое в дорогах, не тратится на ночёвки в придорожных гостиницах и постоянных дворах. А на козлах экипажа капитан с удивлением узрел фигуру в рясе.

Да и те, кто выходили из кареты, впечатления мирских не производили. Один — в лиловой сутане, в аккуратной папистской шапочке, другой в чёрном строгом одеянии с белоснежным воротничком, в круглой пасторской широкополой шляпе. Судя по тому, как спокойно эти двое пошли к дому покойного пастора — ладили представители разных течений церкви неплохо. Вслед за ними последовали двое, служек или послушников, ростом пониже, но ладно сбитые, крепкие, этакие уменьшенные копии брата Тука. Духовные лица, стало быть, прибыли с помощниками.

Быстро сработал его высокопреосвященство, с некоторым уважением подумал капитан. Не спят они там, что ли, и держат духовных отцов наготове, дабы по первому запросу послать на выручку? Около суток прошло, как Винсент отправил сообщение о смерти пастора, а на вакантное место уже прибыла замена, да в двойном экземпляре, чтобы, значит, ни протестантов, ни католиков местных не обойти окормлением. Что ж, надо встретить. Сколь он обозначил себя куратором здешних владений, пусть и временным, его долг, как гостеприимного хозяина, оказать уважение прибывшим. Заодно и пригласить в замок, ибо не станут же они гнать из дома бедную вдову, в одночасье потерявшую брата, а находиться особам духовного звания под одной крышей с женщиной как-то не принято. Хм. Ещё одна забота...

***

Доротея Смоллет ответила на поклоны гостей сдержанным реверансом, отметив мимоходом, что давненько ей не приходилось заниматься ничем подобным. И в самом деле, кого в этом Богом забытом местечке приветствовать подобным образом: крестьян, редких торговцев, трактирщика, почти разорившегося от недостатка посетителей? Единственный в округе дворянин, барон де Бирс, не жаловал их вниманием, и госпожа Смоллет, хранившая, поелику возможно, остатки гордости, отвечала ему тем же. Прихожанам она вежливо кивала, сердечно здоровалась с теми, кого хорошо знала и уважала — да, были здесь и такие, несмотря на то, что покойный Август упорно отказывался признавать в селянах хоть что-нибудь, достойное уважения, считая их тупыми и забытыми, и это последнее повергало его сестру в смятение. Питер и Мария Глюк, почтеннейшие родители, твердили, не уставая, своим детям, что мужики, хоть и «чёрная кость», а тоже создания Господни, и, может, заслуживают куда большего снисхождения и жалости, чем высшие сословья, которым по одному праву рождения дадено куда больше, чем холопам. Не презирать, а любить и жалеть, поддерживать надо «малых сих» Словом Божьим и человеческим... Самой себе Доротея боялась признаться, что брат был плохим... или слишком уж хорошим священником, ибо вся его пастырская любовь была направлена к Храму, а не к прихожанам в этом Храме. Но кто она такая, чтобы осуждать? Тем более, сейчас, когда брат предстал перед высшим Судией.

Смерть Августа и встреча с синеглазым капитаном перечеркнули всю её прошлую жизнь.

Блестящий офицер, чью красоту и выправку так и не сумел замаскировать простой дорожный запylённый плащ, одним присутствием своим внезапно напомнил ей, что она женщина, и, в сущности — ещё не старая, и что не нужно опускаться даже в этом Богом забытом Саре. А если она ещё не стара...

...А главное — свободна, ибо нет больше обязательств перед братом, по отношению к

которому у неё сложилось сильнейшее чувство вины, поскольку, как она считала, Август пожертвовал всем — карьерой, хорошим приходом, духовным ростом — ради того, чтобы спасти её, Дори, от преследований злобных родственников мужа. Из-за неё Август-Доминик прозябал в глуши и не делал попыток затребовать себе место где-то ещё, хотя после пяти лет службы в одном приходе имел право перевестись. Сроки его давно вышли, но пастор Глюк твердил о своей незаменимости и о том, что никуда не уедет. Но теперь она свободна. Ещё не старуха — значит, может попытаться как-то устроить судьбу самостоятельно. И есть у неё небольшие сбережения, которые помогут ей продержаться хотя бы первое время, пока она не найдёт, за что и за кого ей зацепиться...

Она много передумала в эту ночь во время бдения над покойником. Говорила с ним — но не получала ответа, даже мысленного. И тогда стала задавать вопросы себе самой. Должно быть, присутствие мёртвого тела, напоминающего о неизбежном конце каждого, подразумевало, что лгать нельзя, бесполезно, ибо Смерть, которая незримо всегда рядом, не обманешь. Поэтому пришлось Дори быть честной и осознать, не лукавя и не уклоняясь, множество нелицеприятных о себе вещей. Чтобы к тому моменту, когда первые розовые лучи косо легли на белоснежное покрывало гроба, принять едва ли не самое важное в своей жизни решение.

Скоро придут люди и закроют крышку, и приколотят её гвоздями. Чтобы не рыдать у всех на виду, она попрощается с братом сейчас.

Доротея бережно прикоснулась губами к холодному, отчего-то влажному лбу и удивилась тому, что слёз больше не было. Должно быть, потому, что в деревянном ящике, несколько грубо, но добротнo сколоченном, был уже не её Август, которого она, единственная помнила ещё ерепенистым сердитым мальчишкой. Там лежала восковая кукла с поджатыми обесцвеченными губами, слишком маленькая, потерявшаяся в парадной сутане её брата, и сразу было видно, что это не живой человек, на плечах у которого одеяние при жизни сидело без единой лишней складочки. А раз неживой, не человек — сердце уже не скорбело.

Она поднялась в свою пустынную комнатуньку-келью и за полчаса собрала дорожный сундучок, который давно, лет десять пылился без применения под кроватью. Хоть и говорят, что на одном месте человек рано или поздно обрастает скарбом — не так уж много у неё было вещей, и ещё меньше она с собой забирала. «Бери в дорогу не то, что может пригодиться, а то, без чего не обойтись», — посмеиваясь, наставлял её когда-то муж... Вот тут Доротея и всхлипнула, ибо только сейчас поняла, насколько старше она теперь, чем был когда-то её ненаглядный Александр Смоллет, Алекс, Лексик...

Платьев у неё было всего три. В одно она переоделась, другое уложила в сундучок, третье... Его она подарит старой Филиппе, за труды, за то, что столько лет помогала по хозяйству, довольствуясь скромной платой и безропотно терпя все капризы Августа Глюка. Немного белья, хоть и ветхенького, запасная пара башмаков, вышитый бисером кошелек с тридцатью пятью монетами (в основном, медь, и ещё три серебрушки остаются в потайном кармане дорожного платья, на всякий случай). Зеркальце в оправе из слоновой кости, подарок любящего мужа юной Дори — всё, что осталось, остальные безделушки пришлось со временем продать... Мешочек с рукодельем, молитвенник, пара носовых платков.

Всё.

Негусто она здесь разжилась. И хоть брат был не скуп, но из денег, что он ей выделял, она тратила только на хозяйство, не думая о каких-то сбережениях для себя. Сердце

разрывалось всякий раз, когда она вспоминала, за что к нему приходит это серебро. Скромные средства в потёртом кошельке — её собственные, она по праву может ими гордиться. То была плата за подготовку детишек к первым причастиям, за то, что каждые полгода «тётка Дора» собирала, как насадка под крыло, мальчиков и девочек, и обучала их катехизису, правилам поведения в Храме, наставляла, как должен вести себя добропорядочный христианин, какие таинства должен исполнять. Она старалась заложить в юные головки хотя бы основы Закона Божия, от души радуясь успехам птенцов и не жалея времени даже на самых туповатых, потому что понимала: добро, если после первого причастия она увидит этих детишек в церкви хотя бы на праздники. А то ведь по воскресеньям некоторым и пойти не в чем, в иной семье снаряжают одного из троих: чистая рубаша от Пьера, штаны свои, куртка Симона, ботинки общие... А после конфирмации каждая из семей, где выпало быть счастливчику, обязательно выделяла «тётке Доре» по монетке. Самые бедные платили вскладчину. Жаль, пастор не видел, с каким удовлетворением и гордостью за своих Пьеров и Симонов отдавали ей эти деньги. Не взять их было невозможно.

Она посмотрела на тяжёлую книгу в толстом кожаном переплёте, чернеющую на так и не расстеленной в эту ночь постели. Книга эта давным давно когда-то была положена в сундук, сундук задвинут под узкую кровать — и благополучно забыт вместе с содержимым. Затеяв сборы, Доротея выудила с самого дна увесистый том, повертела в руках, отложила до поры, до времени на кровать...

... а теперь не знала, что с ним делать. Вроде бы он ей и ни к чему, сохранила она его в своё время из чувства протеста, да ещё от непонятной жалости. Столько лет пухлый фолиант пролежал, никем не востребованный, никому не нужный, а теперь и вовсе охотников до него не найдётся. Сжечь за ненадобностью, чтобы после себя не оставлять лишнего хлама? Пожалуй. Там, в печке на кухне, ещё должны тлеть угольки. И вроде бы правильное решение, но Доротея вдруг заколебалась.

С каким вниманием синеглазый капитан просматривал записи в церковных книгах! С какой явной неохотой он отложил их в сторону, когда был вынужден отвлечься на беседу с ней... Что он в них искал?

Отдам ему, внезапно решила Дори. Не понадобится — тогда и сожгу.

И аккуратно водворила книгу в сундучок, поверх всех вещей. Чтобы и глаза не мозолила, и сразу о себе напомнила бы, чуть откроешь крышку.

Так и получилось, что к тому моменту, когда подъехала карета с отцом Франциском и пастором Коаие, Доротея Смоллет была готова и к встрече гостей, и к тому, чтобы передать ключи, не только от храма, но и от дома. Вот только не упустить бы момент, поинтересоваться как бы между прочим, когда приезжие собираются отпустить карету. Им ведь всё равно, вернётся ли их экипаж пустой или с пассажиркой, а ей — было бы в чём добраться до Эстре. Всё ж лучше, чем собственные ноги сбивать по пыльному тракту.

И не забыть попросить Филиппу, пусть присматривает за могилкой Августа. Не слишком-то его любили в деревне, но ей, сестре, старуха не откажет. А появятся деньги — она закажет надгробье, приличествующее духовному лицу, и обиходит всё как следует.

Мыслями она была уже в столице. Там её ожидала совсем иная жизнь, нежели много лет назад: не блестящие балы и празднества, а работа за хлеб насущный и крышу над головой. Ничего, она справится. Обучение манерам в одном из лучших Итоновских пансионов, двухгодичная практика светской жизни — этого не вытравишь ни прозябанием в

провинции, ни вынужденным аскетизмом. Поэтому-то на поклон обоих прибывших духовных лиц она ответила машинально — руки, пусть и загрубевшие в домашней работе, изящно, как прежде, подобрали юбку, правая нога слегка ушла назад, в привычную позицию для лёгкого полуприседа, левая чуть вперёд; спина при почтительно склонённой голове осталась прямой, по всем правилам. Идеальный лёгкий реверанс, предназначенный для приветствия равных по происхождению, особ пожилого возраста, а также лиц духовного сословия чином не выше архиепископа.

«Всё ещё могу показать себя», — усмехнулась горько. «Что ж, Дори, практикуйся. И прячь подальше свою гордыню, она тебе ещё долго не понадобится».

***

Душой Доротея рвалась прочь из Сара. Тело же вынуждено было задержаться. Как ей любезно объяснили, лошади, живые создания, протрусив в дороге полночи и полдня, нуждались в отдыхе и хорошей кормёжке. Сейчас их отведут в замковую конюшню, а в путь можно будет тронуться не раньше, чем завтра с утра, заодно проверив, всё ли в порядке с каретой. Скрепя сердце, Дори была вынуждена заняться рутинными делами: передачей ключей и небольшой церковной казны, показом... Хорошо ещё, что капитан Модильяни, вовремя подоспевший, избавил её от объяснения роли некоторых комнат, в которые и при жизни брата стыдно было заглядывать, а уж сейчас-то... Да она сгорит со стыда, доведись ей признаться в некоторых постыдных действиях брата. Чутьё подсказывало, что методов своего предшественника вновь прибывшие не одобрили бы. А Доротею посчитали бы... пусть не сообщницей, но ведь нехорошие дела творились здесь и с её молчаливого попустительства. Не станешь же лепетать, что на первых порах она пыталась протестовать, переубедить, но тщетно, Глюк был фанатично упрям, а она — слаба и... должно быть, труслива. Всё, что она может — постараться в новой жизни упорным трудом и смирением искупить свои и его грехи.

А ещё она опасалась, что на кухне её поджидает катастрофа. Два дня назад, когда с пастором случилось несчастье, старая Филиппа сбежала и не смела к ним и носа сунуть. Доротея не отходила от брата, шокированная несчастьем, как могла — перевязывала, облегчала страдания, отпаивала болеутоляющими отварами, но готовить еду, проверять запасы съестного в кладовой, послать хотя бы за продуктами было некогда. Да и не до того... Даже огонь в очаге в конце концов погас, когда Доротея заснула, измученная бессонной ночью, его развёл заново тот самый рейтар, которого оставили при доме для охраны и бдения. Он-то потом и согревал воду, чтобы промыть раны Глюка, поставить припарки — человек бывалый, знал, что может потребоваться, а свободного времени у него было в избытке. Впоследствии Дори даже испытывала неловкость за то, что иногда покрикивала на солдата, воспринимая его не иначе, как надзирателя, приставленного к ней чьей-то злой волей. В те горькие часы многое смешалось у неё в голове, и далеко не всё она оценивала правильно.

Только сейчас, проводив капитана с новоприбывшими священниками в церковь, Дори почувствовала голод. И пришла в ужас. Готовить она худо-бедно могла, хоть и без изысков, но хватит ли её запасов, чтобы накормить такую ораву? Проще простого уехать и забыть о прошлом, перечеркнуть в памяти всё, что было, а вы уж тут, голубчики, разбирайтесь сами, как хотите. Но раз уж с немедленным отъездом не получилось — надо возвращаться к обыденности и подумать о гостях.

Переступив порог, Доротея замерла в изумлении. В открытом очаге и в печи уже вовсю весело потрескивали дровишки, стол, обычно практически пустой, был завален снедью настолько, что не проглядывали доски столешницы. Пахучая копчёная рыба, пшеничные лепёшки, головка сыра, на разрезе которой уже сочилась слеза, бутылки с чем-то белым... Неужели с миндальным молоком? Вряд ли монахи употребляют обычное, да и в дорогу брать его с собой... Пласты вяленого тёмного мяса, какие-то горшочки с плотно пригнанными крышками, похоже, засмолёнными. Венцом всего был великолепный окорок — да что там, целая свиная нога, стыдливо рдеющая на разрезе тёмно-розовой мякотью в мраморных прожилках.

— Из самой Каталонии хамончик, — перехватив женский изумлённый взгляд, весело подмигнул один из послушников, про которых Дори и думать забыла, а вот они, оказывается, зря времени не теряли: успели разгрузить багаж, и, судя по всему, начали с самого насущного, близкого сердцу всякого мужчины независимо от звания и происхождения. — Прислали его высокопреосвященству, так он нам отослал, решил послушников побаловать... Тысячу извинений, хозяйюшка, мы тут у вас расположились по-своему, по монастырски... У нас ведь, знаете, как? Всё общее, всё на всех. Как призвали в дорогу, да среди ночи — братия засуетилась, грех ведь отпускать без припасов, а брат Флор, повар у нас такой, живёт по правилам: едешь на день — хлеба бери на неделю. Вот и накидал в корзины всего поболее. Как в воду глядел. Насмотрелись мы, пока ехали, на здешнюю нужду, да, грешным делом, кой чего по дороге-то раздали. Ну, да на первых порах нам хватит...

Не давая Доротее опомниться, он уже нашарил на верхней полке самый большой котёл, провёл пальцем по слою пыли и неодобрительно покачал головой. Протянул напарнику. Тот молча подхватил ёмкость, ведро для воды и вышел вон. По всей вероятности, к колодцу.

— Ох, и запустение, — пробормотал послушник. — Ничего, с божьей помощью выправим приход-то. Одному, видать, братцу-то вашему тяжеленько было за паствой смотреть, потому двоих и послали. Ничего, хозяйюшка... А вы не горюйте. Уныние — грех. Брату вашему царствие небесное, но вы-то живы и здравствуете, и ещё, дай Бог, множество годочков потянете...

Доротея сверкнула глазами. Терпеть не могла, когда её жалели.

— Нынче пятница, — сурово сказала она, кивнув на свиную ногу.

Помощник пастыря расплылся в улыбке.

— Зато послезавтра воскресенье, что ж себя не порадовать! Святые отцы, знаете, как говорят? Плоть — как мул, перекормишь — лопнет, заморишь воздержанием — околеет. Во всём придерживайтесь золотой середины! — Наставительно поднял указательный палец. — Прекрасные слова, хозяйюшка. А покажите-ка мне, невоспитанному, свои владения, и я вам немного заботы облегчу, что ж вам в печали-то своей о приезжих хлопотать, мы и о себе, и о вас позаботимся...

Суровость женщины его нисколько не смутила. Он уже ловко орудовал кочергой, разбивая обуглившиеся в очаге поленца, подвешивал котелок с крупой, кидал туда какие-то травы, а заодно и горсть изюма, резал на толстой доске сыр, и при этом говорил, говорил, говорил... Голос его журчал как-то успокаивающе, и Доротею вдруг перестало волновать, что в кухне распоряжается невесть кто. В конце концов, это уже не её кухня. И не её дом. Когда-то он был выделен для проживания пастору Глюку, а теперь как бы по наследству перешёл к его преемникам, ей же здесь больше нет места. Правильно она сделала, что собрала вещи.

Смягчившись, она украдкой заправила выбившиеся из-под не снимаемого вдовьего чепца белые пряди, и достала из шкапчика стопку оловянных тарелок. Не взыщите, господа, фарфора здесь нет. Придётся вам привыкать к жизни попроще...

И ничего, и гости, и прибывший поприветствовать их капитан Модильяни её тарелками не побрезговали. Отдали должное и наваристому, хоть и постному, супу из неведомой сушёной мелкой рыбки, и упаренной каше с изюмом, сваренной из редкого в этих краях сарацинского пшена, называемого р и с о м. Да и подогретое вино для подкрепления сил после долгой дороги пилося из оловянных кубков ничуть не хуже, чем из драгоценного венецианского стекла. Святые отцы не поскупились на похвалы и скромной трапезе, и хозяйке, расхвалив её умение обиходить дом и создать уют, восхитились вышитыми скатертями и занавесками. Никто и словом не обмолвился о той половине жилища, о которой Доротее было жутко вспоминать. Обед пошёл мило, по-домашнему. Слишком мило, потому что при покойном хозяине такого уюта, доверительных бесед и мягких подшучиваний не случалось, редкие совместные трапезы брата и сестры проходили пресно и скучно, либо в угрюмом молчании.

Наверное, оттого-то, несмотря на радушное отношение к хозяйке, Доротея уже не чувствовала себя таковой. Дух прошлого ушёл, выветрился — вместе с запахом ладана и мирры после отпевания и выноса гроба из скромной пасторской спальни. Свято место пусто не бывает, и вот уже её обиталище, за столько лет так и не ставшее родным, напитывалось новыми запахами и голосами, привыкало к новому, приспособлялось... Дори оставалось лишь проститься.

После обеда, несколько примирившего женщину с тем, что немедленный отъезд невозможен, она пригласила общество в свой крошечный садик. Скамья там была, правда, всего одна, под старой ухоженной яблоней, но послушники вынесли из гостиной несколько стульев, а сами принялись добродушно перемигиваться через ограду с парочкой пацанов, в коих остроглазый капитан тотчас опознал известных ему гусевладельцев. Получив по лепёшке, мальцы исчезли — только пятки засверкали, но Винсент подозревал, что это были разведчики, основные силы подтянутся позже, как только распробуют добычу. Скоро поймут, что здесь можно пожить. Усмехнувшись, Винсент на правах человека светского подсел к даме.

— Будет ли мне позволено поинтересоваться вашими дальнейшими намерениями, сударыня? — Он осторожно отвёл в сторону спускающегося на невидимой нити из густой кроны паучка. — У вас есть кто-нибудь в столице, куда вы собираетесь отправиться? Согласитесь, я не могу бросить вас на произвол судьбы.

— Вы, сударь? — удивлённо переспросила Доротея. — Вот уж не думала, что моя судьба может в малейшей мере хоть кого-то беспокоить.

— Разумеется, беспокоит. Я не могу позволить даме путешествовать одной, без сопровождения; в дороге, знаете ли, всякое может случиться. С вашего позволения, мы с братом Туком составим вам завтра компанию и проводим до места назначения. Вот только я хотел бы убедиться, что таковое существует. Право же, мне хотелось бы знать, что вы в безопасности. Приняв на себя заботу о здешних землях и жителях, я не могу упустить из виду и вас. Вы остались одни, но это не значит, что вам не к кому теперь обратиться за помощью, а посему — всегда рассчитывайте на моё участие.

У Доротеи перехватило горло. Давно уже, со времён ушедших молодости и красоты, с ней не разговаривали подобным образом.

— Я... — Она запнулась. — Я благодарна вам за заботу, господин капитан. Однако не хотела бы оказаться вам в тягость...

— Помилуйте, о чём вы? Женские трудности не сравнить с мужскими. Думаю, мы их одолеем. Но не уклоняйтесь от ответа. Я всё же хотел бы услышать о ваших дальнейших планах, если, конечно, вы изволите ими поделиться. Или это тайна?

— Присоединяюсь к вопросу господина капитана, — неожиданно подал голос отец Коайе. Не глядя, поднял руку, в которую тотчас упало спелое яблочко. Пастор с наслаждением понюхал спелый плод, бережно опустил в карман сутаны. — Эстре, конечно, город больших возможностей, но одинокой женщине без помощи, без покровителей будет нелегко. Да и какая нужда вам покидать Сар? Уверен: в самое ближайшее время мы с братом Франциском обустроим для проживания какое-нибудь из тех заброшенных опустевших жилищ, что видели неподалёку. Дома здесь добротной постройки, привести их в порядок не составит труда, а до этого мы воспользуемся гостеприимством капитана Модильяни.

— Разумеется. В замке достаточно места, чтобы разместить не только вас четверых, но и всю резиденцию его высокопреосвященства, — подхватил Винсент.

Доротея почувствовала себя той самой мухой, что запуталась в сетях, раскинутых ловким паучком. Она уже решилась, сделала первые шаги — и снова остаться? Решительно покачала головой.

— Вы же знаете, господин капитан, я не по своей воле сюда приехала, а лишь в силу обстоятельств. Сколько лет я здесь задыхалась... Да, со мной больше нет брата, но, в сущности, какая разница, где мне оставаться одной, здесь или в другом месте? Мне будет тяжело здесь оставаться. Слишком много воспоминаний.

— Понимаю. — Капитан на несколько мгновений опустил веки. Потом взглянул пытливо. — На что вы рассчитываете? Что умеете? Может, у вас всё же кто-то остался из прежних знакомых? Не станете же вы работать, как простолюдинка, достойно ли это вашего происхождения.

Доротея горько усмехнулась.

— Пятнадцать лет я только и делала, что работала на своего брата, — неожиданно для себя язвительно заметила она. — Да, мой муж был графом. Но я-то — дочь священника из небольшого бриттского городка, и наша семья в своё время собирала последние крохи, чтобы отправить меня на обучение в Итонский пансионат. Там я была в числе тех девушек, которые могли рассчитывать разве что на невероятно удачное замужество, или на место воспитательницы детей в семействе аристократов. По прихоти судьбы мне выпало первое. Думаю, пришло время эту ошибку исправить. С детьми я умею находить общий язык и могу научить их не только хорошим манерам и грамоте, но и началам некоторых дисциплин.

— Например? — неожиданно заинтересовался пастор. — Спрашиваю отнюдь не из праздного любопытства, дочь моя. Дело в том, что в патронируемом нами монастыре урсулинок в Эстре как раз не хватает преподавательницы. Наши сёстры уже больше десятилетия берут на воспитание приютских девочек-сирот, но в последнее время на обучение стали поступать дочери из состоятельных семейств. Монастырская школа зарекомендовала себя с наилучшей стороны, и многие родители не прочь, чтобы их дочери получили образование в её стенах. Однако всё чаще слышатся просьбы о том, что не мешало бы сугубо духовные дисциплины дополнить и светскими. Для деток-сирот будущая стезя определена изначально, в связи с их, в основном, неясным происхождением, из них растят хороших швей, вышивальщиц, сиделок. А вот девочек из дворянских — впрочем, уже и из

купеческих семей — готовят к будущему пребыванию в свете. Поэтому и зашла речь о том, чтобы подыскать учителей арифметики, географии, истории, музыки, этикета и даже танцев. Но, увы, — святой отец развёл руками, — пансион находится в монастыре, куда доступ мужчинам воспрещён. Мы оказались в затруднении.

— Но вы подали отличную мысль, — подхватил отец Франциск. — До этого нам и в голову не приходило, что можно привлечь к подобной службе бывших воспитанниц аналогичных заведений, но только светских. Некоторые из них после выпуска достаточно стеснены в средствах и вынуждены искать место гувернанток. Н-да... — Он задумался. — Единственный их недостаток — молодость. Многие из них, в сущности, ещё сами дети... Но идея хороша. Пожалуй, я напишу об этом его высокопреосвященству, а заодно порекомендую вас, как бесценную кандидатуру на роль первой светской преподавательницы.

Привстав, отец Франциск учтиво поклонился.

— Не считите за навязчивость, дочь моя, возможно, у вас есть какие-то иные замыслы. Но буду счастлив оказаться вам полезным.

Пастор Коаие покивал.

— Сочту за честь присоединиться.

Доротея Смоллет растерянно опустила руки на колени. К такому повороту она не была готова. Это же просто... подарок судьбы, не иначе! Познав изнанку жизни ещё в девичестве, хлебнув тычков и оскорблений от воспитанниц-аристократок, наслышавшись, уже будучи замужем, о презрительном отношении высокопоставленных особ к гувернанткам и воспитательницам, ничего хорошего от будущей жизни она не ждала. Иное дело, что у неё не было выхода. Однако место в пансионе при монастыре давало ей нечто большее: не только заработок и кров, но и сохранение самоуважения.

Она готова была рассыпаться в благодарностях, но слова замерли у неё на устах после реплики капитана Модильяни:

— Что ж, это всё замечательно, но лучше, когда на выбор есть несколько вариантов. Я ведь тоже хотел предложить вам нечто подобное. У меня есть для вас ученица, госпожа Смоллет.

***

Дракон был мрачен и... похоже, зол. Хвост его нервно подёргивался и временами хлестал по земле, вырывая клочья дёрна. Но Марта отчего-то не испугалась. Она успела привыкнуть к «старикану» — так его для себя окрестила — и в её понимании он был добр, мудр и справедлив, совсем как её герцог... Как Жильберт — с улыбкой поправила она себя мысленно — надо учиться называть его так. Жильберт временами бывал и гневлив, и яростен, в этом она убедилась, но он никогда не позволит себе обидеть невинного или слабого. Её Жильберт. Жиль...

И почему это мужчины так любят, когда их называют по имени?

— Арман, — несмело позвала она. — Ваша светлость! Или... как вам больше нравится?

Крупночешуйчатый хвост с острым шипом на конце с силой опустился на землю. Но уже без последствий.

— Хммм... — Дракон повернул к гостье голову, выпустил из ноздрей струйки пара. — Не зссаметил тебя сссразу... Ну ка, повтори...

— Арма-ан, — протянула Марта, словно пробуя на язык мужское имя. — А вот интересно, ваша светлость, вы умеете оборачиваться человеком? Иначе, почему вас так

зовут?

— Ишшшь, любопытная, — благодушно фыркнул дракон. — Много будешшь знать... Как это у вассс говорят? Сссоро состаришьсса... А ессси я скажу, что не помню?

— Я вам не поверю, — безмятежно ответила Марта. И вспомнила не к месту, как недавно Маркиз, охотясь за золотой рыбкой, свалился в фонтан и сидел потом злой, мокрый, просыхая на солнце, со встопорщенной шерстью, и точно так же, как ящер сейчас, нервно лупил хвостом. Ну, до чего же похоже! Не удержавшись, засмеялась. — Да пожалуйста, храните ваши секреты при себе, ваша светлость, вы мне и таким нравитесь!

Её чешуйчатый собеседник прикрыл глаза. То ли от удовольствия, то ли... Марта прикусила язык.

— Ой, простите, ваш св...

— Безсс «ой», — усмехнулся дракон. — Ты неподражаема в сссвоей непосредственности. Нельзсса быть такой откровенной с мужчинами, Марта, это не доведёт до добра.

— Но я же не со всеми.

— Хочешшь сказать, я не мужчина?

— Да что вы, ваша светлость! — Марта снова засмеялась, и рассерженный взор янтарных глаз умягчился. — Хочу сказать, что вы из тех, с кем можно говорить обо всём. Ну... мне так кажется. Простите.

— Безсс... — наставительно начал дракон.

— Без «ну», — торопливо поправилась Марта. — Всё время вспоминаю, когда уже ляпнула. Но вспоминаю же!

— Детёнышшш, — ласково протянул ящер. И девушка поняла, что гроза миновала. С облегчением положила на знакомый пенёк тяжёлую книгу.

— А-а, принесссла, — одобрительно заметил Арман. — Молодец. А где новое платье? Я чувсствую на тебе запах этой Бланшшш, я его запомнил. Она приезжала?

— Ага. То есть да, прямо с утра. Но пока что была только примерка, ваша св... Арман. — Собеседник довольно сощурился, и Марта заулыбалась. — Завтра мне уже будет, в чём показаться. Я помню, конечно, вы первым увидите платье!

— Первее твоего герцога?

— Первее. — Девушка вдруг опечалилась. — Он же до вечера пропадает по делам... Ваша светлость, а что, в суде без него не обойдутся? Он уже второй день там.

— Хммм...

Дракон внимательно заглянул Марте в глаза.

— Малышшшка... Присутсствие герцога в суде весссьма желательно, ессси вина преступника насстолько велика, что его, сссорее вссего, казнят. Чтобы не утомлять его сссветлость лишними докладами для утверждения приговора, либо петициями о помиловании, его нижайше проссят приссуществовать при разбирательсстве. Этот порядок ещё... ммм... кажется, прежний герцог уссстановил.

Марта ошарашено села прямо на книгу. Дракон вздохнул.

— Проссти, детёнышшш. Я тебя огорчил? Поразил? Ты разочарована в сссвоём мужчине?

Девушка задумалась.

— Нет, пожалуй. Его св... Жильберт лишнего не присудит, мне так кажется. Ну да, получается, это по его приговору и разбойников вешают, и отравителей на кол сажают? —

Она поёжилась. — Но ведь преступники, ваша светлость! Даже в писании сказано: око за око. А тем, чьих отцов и матерей разбойники погубили, наверное, такая казнь ещё и слишком малым наказанием покажется. А у нас в Галлии, я слышала... — Она запнулась. — Ничего, что я об этом? Девушкам вроде не положено о таких вещах рассуждать...

Дракон кивнул.

— Ничего. Продолжай.

— У нас в Галлии, я слышала, казнят быстро. И особо не пытаются. Это в народе говорят, может, что и придумали лишнего, но ведь дыма без огня не бывает, правда ведь? Однажды приезжал к дяде Жану заказчик, из Фландрии, говорил: надо же, у вас, мол, и колесование отменено, и в кипящем масле не варят, и лошадьми не рвут. Кол вот только оставили, он, говорят, мучительный, но отравителям поделом, потому что страдания от яда бывают невообразимые, человек может сутками умирать, так пусть, мол, эти нелюди сами испытают то же... Ох, ваша светлость, страшно это всё. Но, наверное, нужно... если суд праведный.

Она задумалась.

— Вот он и приезжает оттуда... такой. Наверное, страшно это — на смерть осуждать, хоть и преступника. Тоже грех...

— Нет греха, — тяжело ответил дракон. — Правитель, сссправедливо приговоривший к казни, оказссывает двойное благодеяние. Первое — осссвобождает общество от новых зссслодейств, кои прессступник ещё совершит, будучи помилован. Второе — облегчает посссмертную участь казнённого, ибо претерпевший муки несколько сссмягчает наказание для своей бессмертной души, ведь ей предссстоит долго мучиться в аду. Вижу, ты всё поняла. Ты умная девочка, Марта. Похоже, ты умеешь принимать людей, как они ессть.

— Да ведь их не переделать, ваша свет...

— А почему тогда сsslёзы?

— Мне его жалко, — не сдержавшись, всхлипнула Марта. Вытерла глаза ладонью, спохватившись, полезла в карман за платочком. — Оказывается, власть — это так тяжело! Что же к ней так все рвутся?

— Дурни, — снисходительно пояснил Арман. — Но... хватит о груссстном. На чём это ты уселассь? Я всссё видел! Пора зсссаниматься.

Погрустнев, Марта вытащила из-под попы нагретую от сиденья книжищу. Ох, хорошо, мэтр Фуке не видел такого кощунства! Со вздохом приготовилась открыть. Насколько она любила читать, но вчерашнее обучение даже её изрядно утомило.

— Арма-ан, — протянула она застенчиво. — А вы так и не скажете, что вас так рассердило?

Нарост над драконьим глазом, напоминающий бровь, скептически выгнулся.

— Малышшшка, ты тянешь время? Хорошо, сскажу, так и быть. Я гневался из-за того... что не могу пока летать, понимаешшшь? Крылья оссслабли. — Драконий хвост дёрнулся, но его хозяин сдержался от дальнейшего выражения гнева. — Это плохо. Сссилы не возвращаютсся. Хммм... Обидно доживать в немощи. В такие минуты я начинаю жалеть о том, что вообще просснулся.

Он отвернул голову и уставился немигающим взглядом на ларец, выглядывающий из высокой травы неподалёку. Изогнулся — и самым кончиком хвоста точным движением откинул крышку.

— Посссмотри. Что ты там видишшшь? Можешь даже взять.

Порадовавшись отсрочке, Марта с готовностью вскочила с пенька.

В ларчике оказались два синих камушка, прозрачных, как бокалы, из которых полагалось красиво пить вино. Но разница была. Стекло, на которое вчера Марта долго любовалась, было подкрашено совсем слегка, дымчатое, а эти камни так и лучились васильковой синевой, тёмной, насыщенной... Заворожённо девушка протянула к ним руки.

— Ой, совсем как яйца дрозда, даже в крапинку, — не сдержавшись, заулыбалась она. — Только тяжёлые. Нет, лёгкие! И тёплые, будто на солнце целый день лежали...

— В крапинку, говоришь? — переспросил Арман заинтересованно. — А ну, неси их сюда. Поможешь мне?

— Конечно, ваша светлость. А что надо делать?

Дракон развернул крыло. Огромная кожистая перепонка, обтягивающая длинные массивные кости, была кое-где полупрозрачной.

— Видишь? У драконов моего вида вместо рук вот это...

Он несколько раз сжал и разжал перепонку... и вдруг Марта всё поняла. Эти две боковые кости — основа, опора, они похожи на человеческие плечо и предплечье, а вот те, меньше и тоньше — словно удлинившиеся пальцы, меж которых и натянута толста плёнка кожи.

— Они сейчас бесполезны, — со сдерживаемой злобой сказал Арман. — Демоны их заberi... Ни крыльев, ни рук... Эти камни нужно приложить к ссочленениям с ключицей, точно, а я этого не могу ссделать — нечем, понимаешь?

«Всего-то?» — подумала Марта, но благоразумно смолчала. Недаром говорят: близок локоть, а не укусишь. У драконов, видать, свои локти, и не стоит над этим смеяться. Слабое место у каждого сыщется.

— Куда надо приложить? — спросила только, подходя ближе.

— Ссмотри внимательно, видишь, где ссходятся плечевая кость и ключица? — Арман подвигал крылом, напрягся, и стал отчётливо виден выпирающий сустав. — Приложи один из камней, и зафиксируй... поддержи немного. Поссмотрим, что это за крапинки... — добавил непонятно.

Он вытянул шею и отвернул в сторону огромную голову, давая Марте возможность подойти вплотную. Она с готовностью прижала ладонь с камнем к указанному месту. Чешуя была гладкой, сухой, тёплой и не такой крупной, как на спине. Касаться её было приятно, словно не сказочное чудовище поглаживаешь, а человека, затуго в тончайшую кольчугу, которая повторяет все изгибы, впадины и выпуклости живого тела и сквозь которую пробивается стук большого могучего сердца. Марта отняла руку и посмотрела на пустую ладонь. Сморгнула. Когда это она упустила камушек? Хотела уже нагнуться, поискать в траве, но прямо над ухом Арман выдохнул:

— Хорошшо. Теперь другое...

В этот раз она была внимательней и успела почувствовать, как второе «яйцо» дрогнуло, расплылось и... словно без остатка всосалось в чешую.

— Ты прелессть, малышка, — шепнул дракон. — Теперь поссто посиди рядом...

Марта с восторгом наблюдала, как тяжёлые кожаные складки наполняются объёмом, цветом — сперва лазоревым, затем гранитно-розовым. Наливаются силой. Крылья оживали.

— Вот это да-а, — прошептала заворожённо. — Что же это за камушки?

— Ссапфирит, — отозвался Арман. — Крапчатый, редкой разссновидности. Это прочие камни ценятся за чистоту, а вот ссамый лучший ссапфирит — с вкраплениями. Он не у каждого активируется... Потом расскажу...

Уже другим, энергичным, мощным движением, родившим воздушную волну, он взмахнул крылами. С наслаждением подставил их ветру. Марта захлопала в ладоши.

— Получилось! Вы прямо сейчас полетите, да?

Зажмурившись, дракон подставил морду солнечным лучам. Помедлил с ответом.

— Ночью, — выдохнул. — Не надо, чтобы меня видели... Получилось, детёнышшш, да... Хочешшш со мной, в небо?

— Спрашиваете! Конечно, хочу!

— Хммм... Думаю, дня черезсс три... нет, ночи черезсс три получится... Надо разсссработать мышцы, чтобы я был в ссебе уверен. И тогда уже можно будет летать с седоком. Я подумаю, как это лучшшше сделать. А сейчассс...

С шумным хлопком крылья свернулись. Арман довольно подмигнул.

— Зсса учёбу малышшшка! Больше тебя ничего не отвлекает?

Приняв неизбежное, Марта раскрыла первую главу «Правил светской жизни и Этикета», надеясь, что вчерашний урок с герцогом не прошёл зря. Она прилежно читала — куда лучше, чем раньше, а сама нет-нет, да подумывала: надо же, какая сила воли у её учителя! И он ещё в состоянии ждать ночи? Да появись у неё самой крылья — она бы ни за что не стерпела, чтобы тотчас их не испробовать!

Арман её поправлял, но не так часто, как это делал Жиль И Марта порадовалась: ага что-то она всё же усвоила!

Но бывало, когда она начинала толковать сказанное сама, он досадливо морщился.

— Понимаешшш, — сказал, наконец, — я не могу тебя править вечно. И не потому, что рано или позссдно надоессст — проссто мы редко встречаемссся, а тебе нужно практиковатссся как можно чаще. Помнишшш вашу ссказку о Синдерелле? Платье, карета, башмачок, бал — это всё можно уссстроить, а вот то, что принц на балу принял девушку за принцессу — это и есть ссказка. Дочь лесснического — это дочь лесснического, рано или позссдно её выдадут речь, манеры, просстонародные привычки. У тебя хорошее воспитание... для крестьянки, удивительно хорошее, я бы ссказал, но... огрехи вссстречаются. Рядом с тобой поссстоянно должен находитьссся некто, кто подмечал бы, нассставлял, учил. Хорошо, ессли это будет женщина, ибо некоторые вещи может подссказать только она...

Дракон задумался.

— Сскажи ссвоему герцогу вот что: тебе нужна компаньонка. Дуэнья. Сссошлись на мессто в «Этикете», где говоритссся, что девушка или юная женщина не должна появлятьссся вне дома одна. Пуссть ищет тебе нассставницу, в возрассте, хорошего происсхождения, неболтливую, умную, верную...

— Где ж такую найти? — растерялась Марта. — И почему именно женщину? Жи... Жильберт хочет приставить ко мне учителей...

— Женщина более наблюдательна, оссобенно в мелочах, и зссаметит то, мимо чего мужчина пройдёт, не глянув. А преданная хозсссяевам — хранит ссекреты куда лучше, чем болтливый гувернёр. Придётссся искать, а до этого — не торописсь выходить в ссвет, детёнышшш. И вообще — изсс Гайярда...

***

«Nemo omnia potest scire». «Никто не может знать всего», — любили повторять древние латиняне.

Тем не менее, косые неприязненные взгляды, бросаемые исподтишка, рано или поздно невозможно не заметить. Особенно если они исходят от существа, обязанного по долгу службы припрятать свои эмоции подалее и не выказывать.

— Вот что, матушка Аглая, — сухо обронил герцог, покидая библиотеку, куда заглянул было в поисках супруги, — чтобы эту вертихвостку я здесь больше не видел. Я об этой... как её... Флоре, кажется? она тут крутится, как будто что-то вынюхивает. Ещё раз попадётся на глаза — пусть убирается в Фуа, откуда её и взяли.

Лицо домоправительницы пошло пятнами.

— Ах, мерзавка! Да ведь я запретила ей появляться на господской половине! Внушу, ваша светлость, не беспокойтесь. Слишком много о себе стала думать... Обед куда прикажете подавать?

— В малую столовую, пожалуй... — Его светлость замедлил шаг. — Нет, лучше сразу ко мне, устал я что-то от этой парадности... А что, госпожа Анна в саду?

— Нет, в танцевальном зале.

— Где? — Жильберт д'Эстре едва не споткнулся. — И чем она там занимается?

— Учится делать реверансы, ваша светлость, — домоправительница скромно опустила глаза. — Там большие зеркала, очень удобно видеть себя со всех сторон.

— Ревера... И как, получается? Матушка, я же знаю, ты наверняка подглядывала, скажи, не стесняйся!

— Пока не очень, ваша светлость, — честно призналась домоправительница. — Должно быть, начиталась в своей книжке о деликатном обхождении, попросила девочек ей показать, но только что они умеют! Так, перед господами присесть робко, да глаза не мозолить, пока службу справляют... Но они стараются, будьте уверены, все трое.

Его светлость вздохнул.

Его малышке нужна гувернантка, ей-богу! И не только для изучения манер и этикета. В не столь отдалённом будущем — через каких-то три недели — запланирован приезд некоего высокопоставленного лица, уж настолько высокого, что отодвинуть сей визит, сроки которого оговорены ещё полгода назад, не представлялось никакой возможности. Хоть лицо и прибудет инкогнито, но как раз угодит на традиционный осенний бал, который устраивается Жильбертом, как правителем провинции, ежегодно, и этого тоже не отменить — традиция. А ему, герцогу, полагается открывать бал с супругой. Танцев ещё можно избежать, сославшись на её дурное самочувствие — в самом деле, по сравнению с цветущей Анной его Марточка бледна и прозрачна... Впрочем, это он себя накручивает, у неё уже сейчас расцветают щёчки от хорошей еды и спокойной жизни... Да, от танцев ещё можно уклониться, но надо, помимо этого, встречать гостей, улыбаться и приветствовать, сказать каждому ласковое слово, пройти по залу... Хотя бы полчаса его супруга должна побыть на глазах у всех, дабы пресечь разросшиеся к тому времени слухи и сплетни — а они уже сейчас начинают завязываться и среди знати, и в толпе черни, ему уже докладывают...

Это будет куда серьёзнее, чем предстоящая встреча с архиепископом.

— Может, мэтр Фуке подберёт ей учителя манер? — осмелилась предложить матушка Аглая. — И танцев заодно... Вот уж кто-кто, а он-то постарается, разыщет с самыми лучшими рекоменда...

— Нет! — рявкнул Жильберт, и домоправительница даже отступила, приложив руку к ёкнувшему сердцу. Чёрт её дёрнул ляпнуть... Совсем забыла, что первая Анна, подменная-то, как раз и обозначила свою гнусную сущность, наставив его светлости рога с учителем

танцев, которого наняли, чтобы развеять скуку герцогини и обучить нескольким новинкам, вошедшим в моду при дворе. Длинный язык и короткая память до добра не доведут, посетовала про себя матушка. И благоразумно не стала развивать тему.

А герцог, остыв, задумался. Прошёлся по галерее, заложив руки в карманы, по юношеской привычке, от которой его так и не смогли отучить никакие воспитатели. Нехорошо. Он как-то не привык заниматься делами супруги, отвлекался на неё только в случае особой необходимости, когда случалось гасить очередной назревающий скандал. Должно быть, поэтому сейчас дал увлечь себя каждодневной рутине, в которой изначально места для жены не было. Зато теперь — должно быть место и время для Марты. Изначально преисполненный благих намерений, он, тем не менее, вот уже который день подряд оставляет её одну, в праздности и в одиночестве. Хорошо, что она, умная девочка, сама находит себе занятие, а дальше?

Подумать об этом непременно.

— Обед в моих покоях, — повторил уже спокойно матушке Аглае, переживающей приступ его гнева в почтительном отдалении. — Кстати, что там с ремонтом на женской половине? Только начали? Передай, чтобы ни в коем случае не торопились. Пусть все работы согласуют со мной.

— Поняла, ваша светлость. — Матушка строго поджала губы, и только когда её сиятельный питомец скрылся из виду, расплылась в улыбке. Чего ж тут не понятного! Так и передаст Франсуа: хозяин желает, чтобы хозяйка у него в покоях оставалась подольше. Напрямую и скажет, а то ведь старик намёков не понимает.

...Герцог шёл по галерее и бессильно сжимал в карманах кулаки. К его девочке, е г о Марте приставить одного из этих прощелыг, шелкопёров, учителяшек, дрыгоножцев похотливых, пустоголовых брехунов... к е г о Марте? Свирепо выдохнул и остановился, от ярости ничего не видя перед собой.

Прикосновение маленькой ручки к запястью заставило его очнуться.

— Жильберт...

Её голос отозвался в ушах хрустальными колокольчиками.

— Жи-иль... Что случилось?

Он через силу улыбнулся. Не объяснишь же, что надумал себе бог знает что и сам же поверил, до того впечатлился...

— Ничего, моя голубка. Просто устал. Вспомнил тут кое-что... нехорошее.

... К его Марте, воплощению чистоты и невинности — и какого-то шелкуна? Да будь он даже добровольным евнухом — герцог с ума сойдёт, представляя, как е ё касаются чужие мужские руки, пусть даже и в невинном па...

Так нельзя. Глупо ревновать к выдуманному сопернику, которого и не будет никогда... Он почтительно поцеловал узкую ладошку, и от вида зардевшихся в смущении девичьих ланит так и защемило в груди. О чём он думал, втягивая её в свои игры? Она даже к тому, чтобы ей руку целовали, не привыкла, а что будет в свете, среди дежурных, но цветастых комплиментов, на кои так щедрЫ галантные кавалеры? При её искренности она ведь начнёт всё принимать за чистую монету, бедняжка...

— Никаких учителей, — сурово сказал он вслух. — Не потерплю!

— Тогда компаньонку, — в мгновение ока отозвалась его девочка. — Или дуэнью. Кто-то ведь должен... Что? — она испуганно заморгала и добавила тише: — Жиль, кто-то должен показать мне, как правильно делается ре-ве-ранс, а то у меня ничего не получается, а

я так боюсь тебя опозорить!

Герцог судорожно сглотнул.

— Милая... Ты читаешь мысли?

Марта покраснела ещё сильнее.

— Ах, что вы, ваша светлость, просто я, должно быть, подумала о том же. А вы только что изволили упомянуть каких-то учителей...

— Стоп. Подожди. — Его светлость потряс головой. — Ну-ка, повтори, что ты сейчас сказала, только слово в слово... — С удовольствием выслушал, как Марта, только один раз запнувшись, повторила сказанное, проследил, как, смущаясь, она присела перед ним, почтительно склонив голову...

— Мило, — сказал с одобрением. — Ещё не отшлифовано, но у тебя природные грация и умение двигаться легко и изящно. И какая прекрасная память... Ещё вчера я и представить не мог, что услышу от тебя: «изволили упомянуть», «должно быть, подумала о том же»... Из тебя получается превосходная ученица. Голубка моя...

Не сдержавшись, Жильберт д'Эстре нежно притянул к себе супругу и склонился, желая запечатлеть вполне целомудренное лобзание на чистом лбу, но отчего-то угодил прямо в губы. Не признаваться же в досадном промахе! Тем более, что, кажется, девочка сама приподнялась на цыпочки и подставила ему очаровательные уста и даже обвила руками шею...

Конечно, делала она это ещё неумело. Но всё же — благослови, Господь, девушек, чьи поцелуи пока столь же неловки, как их реверансы!

***

Знай Марта о необычайно чутком сне герцога — ни за что не решилась бы. Его светлость подобно хищнику способен был проснуться от малейшего шороха и сломать руку тому, кто имел неосторожность приблизиться к ложу. Правда, случилось такое всего дважды, и не в Гайярде, полном испытанных и верных слуг, где Жильберт был гораздо спокойнее, а в военных походах. В первый раз — покушались на герцога, во второй — на его супружескую верность. Правда, в последнем случае его светлость успел ослабить железный захват и не стал калечить преступницу, пожелав выяснить, сколь далеко заходят её намерения. Узнав, что злоумышленницей двигало здоровое желание денег, обретаемых в случае удачного шантажа, герцог зевнул и распорядился отпустить авантюристку на все четыре стороны, проследить, зачинщиков выявить и наказать по всей строгости, после чего доложить о результатах капитану Модильяни, а его самого более по пустякам не беспокоить. Юдифь заинтересовала бы его куда больше.

Особенно затруднительно стало будить герцога после его женитьбы. Об этом знали все. Кроме, естественно, Марты: кто бы догадался ей сообщить? Супруга всё-таки, родное спасённое из плена существо... А ведь даже камердинер предварительно выстукивал условную дробь по двери, прежде чем зайти, даже капитан Винсент, имеющий доступ в личные апартаменты его светлости, сперва давал о себе знать нарочито громким постукиванием каблуков. А уж что касается преступной Анны... После того, как подосланный ею в спальню супруга убийца был найден со свёрнутой шеей — прелестница поняла, что вдовой ей вряд ли удастся побывать. Во всяком случае, в ближайшее время, пока ненавистный муж, хоть и лишённый способностей к магии, обладает воистину звериными чутьём и рефлексам.

Марта этого не знала. Поэтому, дождавшись, пока её мужчина уснёт — как ей

показалось — тихонько приподнялась в постели и осторожно поправила на нём одеяло. Потом спохватилась: а не жарко будет? Герцог... нет, Жиль такой горячий, ему это одеяло, должно быть, только мешает... и убрала пониже. Затаив дыхание, провела по курчавой поросли на груди, зарылась пальцами в чёрные завитки — и даже вздохнула, так ей отчего-то понравилось это ощущение шелковистости. Ласково погладила ещё раз, удивляясь твёрдости мышц... Как же он засыпает, в таком напряжении? Марта покраснела. Или ему всё-таки не хватает того, чем обычно занимаются мужчина и женщина? Чего уж там греха таить, у себя в запечном углу доводилось ей слышать возню дяди и тётки; а куда деваться, если после пожара пришлось им перебраться в меньшую избу, с единственной комнатой, хоть и большой. Летом-то было свободней — взрослые то на сеновал пойдут спать, то на чердак, а зимой... Хоть и таились от детей, да толку-то. Но ведь греха нет между мужем и женой, отчего-то эти дети должны родиться. Тётка-мачеха каждый раз после того добрела, да и дядя Жан разговорчивей становился, словно отмякал. Видать, ладились у них...

А вот у Марты с Жилем...

Она огорчённо вздохнула, не заметив, что с белоснежного плеча сползла ночная сорочка, почти полностью подставив лунному свету одно из прелестных полушарий, чуть прикрытых золотистыми локонами.

Герцог уже и сам был не рад, что проснулся. Ему бы сейчас потянуться губами к нежно-розовому соску, тронуть языком, ощутить на вкус, почуять упругость и аромат нежной кожи — и легко, не пугая, обнажить и второе плечико, и вторую грудь... Останавливало, как ни странно, любопытство. Насколько может зайти в своих исследованиях юная дева?

Он прикрыл глаза и постарался дышать размеренно, словно и впрямь спал.

И с трудом сдержал радостный вздох.

А ведь он не дёрнулся и не вскочил, почувствовав её прикосновение, несмотря на то, что начал было проваливаться в сон, когда ладонь на груди заставила его проснуться. Он в который раз убедился — ещё с первой их совместной невинной ночи — что на эту женщину его организм реагирует правильно. Как на самого близкого человека, которому доверяет беспредельно.

Он чувствовал её взгляд, любопытство, страх пред неизведанным, непонятные ей самой азарт и возбуждение. Вот тонкие пальчики несмело коснулись щеки, обвели губы, брови, переносицу. Ладонь потёрлась о щетину. Демоны... Надо бы бриться перед сном. Или не надо? Похоже, ей нравится колоться о жёсткую поросль. Герцог в недоумении невольно шевельнул бровью — и Марта испуганно отпрянула. Пришлось лежать смирно.

Одеяло сползло ниже. Он почувствовал прохладу воздуха — и тепло ладони, вновь улёгшейся на грудь. Чуть не задохнулся, получив робкий поцелуй в шею, пониже кадыка. Чуть не сошёл с ума, когда девочка с интересом проверяла, действительно ли на мужских сосках такая мягкая нежная кожа... Ладонка скользнула вниз, по животу, и вот тут-то герцог не на шутку забеспокоился. Интерес интересом, но скоро он себя выдаст по причинам, которых не скроешь самым плотным и толстым одеялом. А тем временем Марта уже заворожённо провела по дорожке курчавых волос от груди и почти до лобка... и замерла, смущённая собственной храбростью. На большее её не хватило. Трясущимися ручонками она натянула на обожаемого мужа одеяло, как броню, и обняла поверх, словно заслоняя от себя самой. Ему стоило великих усилий унять бешено стучащее сердце.

Марта шумно вздохнула. Она и сама не рада была затеянному. Будто подсматривала за чем-то запретным. Осторожно нырнула под одеяло, прижалась к горячему боку. Герцог

замедленно, будто машинально, во сне, повернулся и сжал её в объятиях. Его девочка, словно большой тёплый зверёк, пристроилась у него под мышкой — и утомонилась.

Жильберт д'Эстре улыбался. «Nemo omnia potest scire», говорили древние. Но он-то определённо знает, с чего начнётся его завтрашний день.

Теперь его очередь — экспериментировать. А с сорочкой этой... он как-нибудь разберётся.

Глава 10

По устоявшейся деревенской привычке Марта проснулась рано. Где-то в далёком Саре и иже с ним — в крохотных деревушках на пять-шесть дворов, в обширных сёлах с собственными храмами и кладбищами, на спящих ярмарках и городских рынках — в клетях с живой домашней птицей уже всюду заливались петухи, приветствуя первую розовую полосу на восточной кромке небесного свода, там, где он плотно смыкается с земной твердью. Орали звонкоголосые солнечные птицы, из овина подавала голос скотина, оголодавшая не хуже людей, хоть её иной раз кормили лучше — недаром тётка любила приговаривать: «Молоко у коровы — на языке!» И потому каждым летним днём Марте с малолетними братцами был урок: собрать не меньше мешка травы для коровушки-кормилицы. Да плотно набить, не отлынивать, чтобы тяжёлый был. И глядеть, что рвёшь, дабы ни одуванчик, ни дикий чеснок в корм не попались, иначе молоко горчить будет. Опять-таки, от сурепки и ромашки, от дикого лука и конского щавеля вкус портится. Самим ещё можно потерпеть, но Джованна-то носила молоко в замок, на кухню, так что проглядишь горькую пахучую добавку — оставишь семью без двух-трёх медяшек, а они ох как не лишни...

Осторожно сняв с плеча руку спящего герцога, Марта выскользнула из-под одеяла и на цыпочках подошла к окну. Ей не послышалось, и впрямь — за стеклом в темноте мелькнул мохнатый комок, и чья-то лапа вновь требовательно заскрежетала когтями по раме. Девушка приоткрыла створку, впуская Маркиза, и черногривый разбойник, едва его обняли, немедленно ткнулся широким лбом в плечо. Из-под толстой мохнатой шерсти, впитавшей ночной холод, пробивался жар сильного кошачьего тела. Кот с удовольствием потёрся щеками о девичью грудь, поурчал — и только затем разжал пасть, громыхнув по подоконнику чем-то весомым.

— Ах, ты, воришка... — прошептала Марта, углядев синий в тёмных пятнышках камушек не больше фасолины и такой же формы. Кот спрыгнул с рук на широкий подоконник, выгнув спину, распушил хвост и принялся довольно топтаться, впуская-выпуская от удовольствия когти, и всем видом напрашиваясь на похвалу. Нагнулся — и башкой подтолкнул камушек к хозяйке. Что, мол, непонятливая такая? Бери!

А если это от Армана? Дракон очень дружен с котом. Могло ведь случиться, что для чего-то он попросил передать ей этот... как его... сапфирит? Если «старик» общается с ней мысленно, то почему бы ему и с Маркизом не разговаривать — возможно, даже на кошачьем языке, драконы ведь очень мудрые! Но зачем ей, Марте, этот камушек? К тому же, наверняка, очень дорогой...

Когда на плечи ей бережно легли мужские руки, она даже вздрогнула, настолько задумалась. Герцог бережно поцеловал её в макушку и привлёк к себе.

— Что там у нас? — спросил шёпотом. — Маркиз принёс тебе мышку? Дай-ка взглянуть... Я только посмотрю! — строго одёрнул кота, недовольно зафырчавшего. — Где ты только не шляешься, бродяга, а мне разбирайся с твоими трофеями...

В крупных пальцах его светлости камушек казался ещё меньше.

— Вот он и объявился, — задумчиво сказал его светлость. — И что теперь с ним делать? Давай закажем для него оправу, в кольцо уже не потеряется. Впрочем, нет, форма у

него неправильная, не хотелось бы стачивать лишнее... Закажем тебе подвеску. Или серьгу, я подыщу что-нибудь подходящее в пару.

— Я не ношу серёжек, — растерянно отозвалась Марта, тоже шёпотом. Отчего-то ей казалось, что нарушать предрассветную тишину громкими голосами просто грешно. — У меня даже уши не проколоты.

Складывалось впечатление, что в Гайярде в порядке вещей — обычным котам таскать в зубах драгоценные камни, иначе почему Жильберт даже не удивился? Вместо этого он, не меняя позиции, одной рукой потянулся и прикрыл окно, другой — пристроил камушек меж двух нежных грудок и теперь придирчиво вглядывался в отражение девушки. Удовлетворённо кивнул, словно не замечая, как зачастило под его ладонью юное сердечко.

— Да, думаю, это будет кулон, на достаточно длинной цепочке. Чтобы не демонстрировать лишний раз, да и к солнечному сплетению ближе, хорошо для энергетики... Голубка моя, не смущайся, если этот камушек у тебя появился — значит, и он тебе нужен, и ты ему, ибо нередки случаи, когда умные камни сами находят себе владельцев. Стало быть, так и задумано, чтобы этот — нашёл тебя...

Камень осторожно лёг на подоконник, а освободившиеся ладони его светлости — на нежные холмики и погладили, заставив затрепетать.

Жильберт вдохнул запах чистоты и юности. Теперь вроде бы надо и с сорочкой разобраться, как он и загадывал на сон грядущий, но рукам было так удобно, приятно, что хотелось задержаться на этих местах хоть ненадолго.

— Скажи-ка, милая, — шепнул он, внезапно кое-что вспомнив, — тебе ведь понравилось гулять в парке... А ты не встречала там ещё кого-нибудь?

— Ни одного человека, — честно ответила Марта. — Они, наверное, все прячутся, чтобы меня не напугать.

Герцог тихо засмеялся. Хорошо, пусть у его малышки будет свой маленький секрет. Он более чем уверен, что Марта держит язык за зубами не просто так — для женщин это сам по себе подвиг — а наверняка по просьбе одного старого упряма, который не хочет раньше времени выдавать своё пробуждение. Но зачем тот передал ей магический накопитель? Да не простой, уникальный... Или это просто подарок? И для кого-то это не драгоценность немыслимой стоимости, а красивый яркий гольц, переданный заботливым одиноким драконом для того, чтобы порадовать детёныша... Однако как ловко этот детёныш вывернулся, не солгав ни на йоту!

Он ласково огладил девичий живот, руки скользнули с тонкой талии на бёдра. Ох, какой изумительный изгиб, какое тело... словно не он, а оно само ласкается, подставляясь именно так, как ему приятно. Воистину, эта маленькая женщина создана для него.

И почему-то хотелось, чтобы Марта испытывала такое же наслаждение. Ведь срывать удовольствие обоим в два раза слаще, чем в одиночку... Он склонился и запечатлел на белой шейке нежный поцелуй.

— Пойдём в постель, милая, у окна холодно. Зачем ты поднялась так рано? Нет никакой необходимости, можешь понежиться.

— Я не привыкла, — придушенно ответила Марта. — Я... дома всегда рано...

И слёзы вдруг сами брызнули из глаз. Всклипнув, она закрыла лицо руками. Ревела — и ничего не могла с собой поделать.

— Что? — Жильберт даже испугался. — Марта, милая, я что-то сделал не так? Я напугал тебя?

Она затрясла головой, сию минуту унять рыдания. Судорожно вздохнула — и прикусила косточку на кисти, чтобы хоть как-то остановиться. Герцог поспешно развернул к себе девушку, и она уткнулась лицом ему в грудь. Глубоко вздохнула.

— Простите... Прости, Жильберт. Я больше не буду. Вспомнила сейчас о своих, и так грустно стало. Я никогда до этого не уходила из дома надолго, даже в чужом месте не ночевала, а сейчас так далеко от родных... Они, наверное, с ума сходят, потому что не знают, где я и что со мной. Дядя Жан уж точно. И за мальчиками присмотра нет, тётя всё на хозяйстве... А что они думают после того, как меня увезли? А если дядя Жан побежал за мной, и его, как пастора... ударили? Я такая свинья, честное слово, что о них забыла. Меня тут и кормят, и поят, а я даже не знаю, есть ли у них, что поесть на завтра. Жи-иль... — Она оттерла слёзы ладошкой и робко подняла покрасневшие глаза. — А можно хоть как-то... Ну, хотя бы сообщить им, что я жива и не преступница? А то ведь барон их со свету сживёт из-за меня, он и без того, наверное, разозлился...

Она осеклась.

— Из-за тебя? — обманчиво спокойно переспросил герцог, чувствуя, как в жилах закипает кровь. — Ну-ка, ну-ка, расскажи об этом... Марта, я должен это знать, слышишь? Как правитель этих земель, в конце концов. Мне с самого начала не нравилось то, что я от тебя слышал — о пасторе, о ваших каких-то диких нравах... Я уже послал туда Винсента, но у него-то свой взгляд на вещи, сторонний, а я хотел бы послушать и тебя. Пойдём-ка, присядем и поговорим, голубка моя.

***

— ...Удивительно. — Доротея нарушила, наконец, затянувшееся молчание и провела ладонью по лицу, словно снимая флер таинственности, осевшей повсюду во время рассказа собеседника. — То, что вы рассказываете, господин Модильяни, словно вышло из-под пера какого-нибудь романиста. Вот уж не думала, что подобная история может случиться на самом деле, и в наше время, и совсем рядом...

Повествование настолько увлекло её, что Дори и не заметила, как миновала дорога от последнего постоянного двора до Эстре. В придорожной гостинице любезнейший брат Тук оставил их, дабы поговорить со своим «новым подопечным» — так назвал он какого-то маленького человечка, потерянно бродящего по пустому залу меж столов и натыкающегося на лавки. Казалось, в эту минуту из вошедших людей он видел только монаха; едва углядев могучую фигуру в тёмно-коричневой рясе, подпоясанной простым вервием, молитвенно сложил руки на груди и теперь взирал на приближающегося Тука, словно на пророка. Потом зарыдал. «Как жить? Я не знаю, как дальше жить, что делать? Я всё провалил... меня теперь из-под земли достанут... из нашего ведомства так просто не уходят...» Монах прижал его к объёмистой груди, как папаша — заблудшего младенца, и похлопал по спине. «Ну, ну, брат мой... В этом мире только смерть неискоренима и конечна, всё остальное с божьей помощью можно уладить, так что — справимся, брат мой, справимся... Пойдём, расскажешь мне всё толком, а то ведь в прошлую встречу нам и поговорить не удалось... Хозяюшка! Принеси-ка нам...» Капитан Винсент посмотрел внимательно — то ли одобрительно, то ли с досадой — и тоже окликнул хозяйку... Доротею предоставили возможность получасового отдыха от дорожной тряски и угостили обедом, удивительно приличным для дорожного заведения. Потом, усевшись в карету и очутившись с капитаном наедине, она почувствовала некую неловкость: ранее присутствие в их обществе брата Тука придавало совместной поездке

вполне благопристойный окрас, теперь же...

Но долго предаваться смущению ей не дали. Проследив, плотно ли прикрыто оконце, отделяющее пассажиров от возницы, капитан, придав лицу суровое выражение, сообщил:

— А теперь, сударыня, я хотел бы поговорить с вами о вашей новой подопечной, которую вы, на самом деле, очень хорошо знаете...

...-Удивительно, — повторила Доротея и покачала головой. — Марта всегда казалась мне девочкой из совсем другой среды, хрупким цветком, по капризу судьбы выросшим на болотной кочке, да и сам Жан-кузнец никогда не производил впечатления неотёсанного мужика, а вёл себя... достойно, да именно так. Его всегда можно было отличить по прямой спине. Не улыбайтесь, господин капитан. Крестьяне, привыкшие с малолетства кланяться всем, кто выше их по происхождению, сутулы, ходят с низко опущенной головой, глядят, как правило, исподлобья, а руки у них...

— Я улыбаюсь лишь потому, что мне нравится ваша наблюдательность. — Капитан почтительно наклонил голову. — И незаурядность, смею заметить, госпожа Доротея. В очередной раз убеждаюсь, что сделал правильный выбор.

Почувствовав, что зарделась, Дори мысленно застонала: при её-то обветренном лице только багровых щёк не хватало! К счастью, в карете царил полумрак: шторы на окнах были приспущены, спасая путешественников от полуденного солнца. Борясь со смущением, она продолжила:

— Насколько вы уверены в правильности выбора, господин капитан? Всё ли вы продумали?

Винсент вопросительно приподнял бровь.

— Вас что-то смущает?

— Вы, очевидно, хорошо разбираетесь в людях и можете делать долго идущие выводы уже после кратковременного знакомства. Однако... — Доротея поколебалась. — Обстоятельства замены супруги герцога на «настоящую»... — Последнее слово она выделила интонацией. — Нельзя не понять, что данная история со всеми её деталями не подлежит огласке. Тем не менее, вы приглашаете меня, прекрасно осведомленную о том, кем была ранее Марта — простой деревенской девушкой, да ещё с пятном незаконнорожденной — на роль её компаньонки, и посвящаете в мельчайшие подробности её настоящего происхождения... Если я правильно понимаю, сударь, вы отчего-то уверены в моём молчании.

Капитан одобрительно кивнул. С каждой минутой эта умная женщина нравилась ему всё больше.

— Абсолютно уверен, сударыня. Ни одно доброе дело не должно остаться безнаказанным, а я собираюсь предложить вам за ваше молчание цену, которая, уверен, вас заинтересует. Что вы скажете о моём предложении разыскать, наконец, истинного виновника смерти вашего супруга и тридцати пяти человек, принявших кончину лишь из-за того, что в роковую ночь оказались с вами под одной крышей? Говоря о виновных, я имею в виду не только отравителей, но тех — или того — кто поручил им эту гнусную работу. К сожалению, дело было закрыто за недостаточностью улик. Но сейчас, похоже, я обнаружил новый источник сведений, и не премину им воспользоваться, чтобы справедливость, наконец, восторжествовала. Кроме того, я намерен поднять вопрос о возвращении вам законного титула графини Смоллет-Фицкларенс с выделением вам полагающейся доли наследства. Думаю, это будет сопряжено с некоторыми дипломатическими трудностями,

поскольку покойный ваш супруг был верным подданным бриттской короны, и те земли, что вам достанутся...

— Это лишнее. — Дори неосознанным жестом чуть оттянула воротничок, словно он вздумал её удушить. — Уверяю вас. Найдите убийц Александра, и я... — Она справилась с волнением. Добавила спокойно: — ... буду помнить об этом всю оставшуюся жизнь.

Капитан Винсент поморщился.

— Сударыня, ваша скромность в данном случае не принимается во внимание. Хотите вы этого или нет — но дело о наследстве будет нами выиграно. Поймите, его светлость при щепетильности своей согласится видеть в качестве наперсницы супруги отнюдь не неизвестную особу из глубокой провинции, а даму титулованную, имеющую определённый вес в свете. Думаю...

Доротея похолодела. Боже мой, она ведь ничего не помнит из прошлой жизни, ничего не помнит... какой свет? какое влияние? она даже не знает толком, что творится в мире и при дворе, каковы последние новости, слухи и сплетни, кого следует опасаться, кого — избегать, а к чьим словам прислушиваться и брать на заметку, кто в фаворе, а кто смешон... Ещё немного — и смешной окажется она, она, в своём стареньком дорожном платье — и это лучшем из двух, что у неё остались, в перчатках с потёртостями, тщательно замазанными чернилами, в стоптанных ботинках, растолстевшая, с грубым обветренным лицом... Она зажмурилась, временно ослепнув и оглохнув — от страха ей словно заложило уши, и голос капитана доносился откуда-то издалека...

Думай не о том, приказала она себе. Он найдёт убийцу Алекса — вот что главное. Капитан Винсент не из тех, кто даёт пустые обещания. О-о, да, он сумел найти к ней ключик, этот Модильяни, он прекрасно просчитал, ч е м можно выкупить её молчание и вечную благодарность. И ради того, чтобы божья и человеческая кара постигла её злейшего неизвестного врага, Доротея Августа Терезия Смоллет-Фицкларенс, в девичестве просто Глюк, согласна даже побыть смешной. Только, если уж приведётся — недолго, чтобы не испортить важной миссии, в обмен на которую, собственно, капитан и намерен поднять похороненное когда-то в судебных архивах страшное дело. Выходит, от неё, Дори, зависит, улыбнётся ли Алекс там, у себя на небесах, или останется неотомщённым.

Глубоко вздохнув, она открыла глаза. И поняла, что уже давно в карете царит тишина, нарушаемая лишь мерным цокотом копыт снаружи да еле слышными уличными звуками, с трудом пробивающимися через дверцы, обитые войлоком. Капитан искоса наблюдал за ней, но трудно было что-то прочесть в его спокойном терпеливом взоре. Отчего-то Дори была уверена: он видит её насквозь со всеми её сомнениями, страхами и надеждами. Хотя, может, она слишком его идеализирует... или демонизирует, неважно. Главное — он сможет сделать то, о чём она и мечтать не смела долгие годы, прозябая в провинции, в нищете, влача вместе со своими односельчанами унылое тусклое полуголодное существование. Он дал ей надежду — не на месть, нет! На Справедливость. А уж Дори теперь надо землю грызть, не отработать...

Она спокойно сложила руки на коленях. Да. Отработать. Цель приезда всё ближе, а, значит, совсем недолго осталось до встречи со всемогущим герцогом, от милости или гнева которого будет во многом зависеть, как ей удастся прижиться на новом месте, начать обучение Мар... герцогини и дожидаться, в конце концов, когда же доблестный капитан выполнит свою часть обязательств. Она должна произвести на герцога правильное впечатление. Не просительницы-нищенки, во всяком случае, за которую можно её принять в

этом платье...

— Не считите за вымогательство, господин Модильяни, но мне придётся попросить у вас некоторую сумму в счёт оплаты за мою работу, авансом. Мне нужно одеться соответственно новому положению. Я не могу явиться перед его светлостью в столь непрезентабельном виде.

Ничуть не удивившись, капитан кивнул, всем видом показывая, что весь внимание.

— Кроме этого, мне нужна хотя бы предварительная подготовка. — Доротея вдруг разволновалась, но, опомнившись, взяла себя в руки. — Насколько я понимаю, его светлость не собирается держать супругу взаперти? Ей хотя бы изредка придётся бывать на людях, в свете? Могу я узнать основные конъюнктуры в политике и при дворе, как здешнем, так и королевском, чтобы моя воспитанница, не дай бог, не сказала чего-то лишнего, могущего в дальнейшем оборотиться скандалом или другого рода осложнениями. Ибо с герцогини спрос совсем иной, нежели с деревенской девочки, и малейший промах либо некстати сказанное и истолкованное слово могут иметь печальные последствия. К тому же...

Она задумалась. Не слишком ли резвый темп она набрала для простой компаньонки, в сущности — гувернантки при великовозрастной воспитаннице? Однако заданный тон ничуть не удивил её собеседника.

— Я познакомлю вас с мэтром Фуке, секретарём его светлости, — доброжелательно отозвался он. — Этот человек — ходячая энциклопедия, он в курсе всех событий, и государственной важности, и, на первый взгляд, кажущихся незначительными, но в последствие играющими существенную роль в нашей жизни. Он не слишком жалуется дамское общество, но, уверен, ваш подход к делу его обезоружит. Право, есть в вас обоих нечто общее, я бы сказал — дотошность и желание разложить всё по полочкам... я прав? Что касается вашей первой просьбы... Безусловно, подъёмные будут выданы. Однако, сударыня, я надеюсь, что вы их потратите по более приятному назначению, на какие-нибудь мелочи, милые женскому сердцу, но до коих я, солдат и мужлан, не в состоянии додуматься. Сейчас же нам предстоит...

Он выглянул за занавеску. Карета остановилась.

— Приехали, сударыня. Нет, не пугайтесь, это ещё не Гайярд. Это всего-навсего мастерская некоей Бланш Леро, пока не слишком известной, но подающей большие надежды модистки. Её-то мы и навестим в первую очередь, ибо, как мы уже оговорили, перед Жильбертом д'Эстре должна появиться не сестра неизвестного сельского пастора, а вдова известного дипломата, сиятельного графа бриттской империи, пусть на сей момент и в несколько стеснённых обстоятельствах. Доводилось ли вам бывать в театре, сударыня? В Итоне во времена вашего обучения уже должны были играть пьесы господина Марло и иже с ним... Шекспера, кажется? Представьте, что идёт подготовка к новой роли. Преображение. Выбор сценического костюма.

— Будет вам, — Доротея нашла в себе силы скептически усмехнуться. — Какая уж из меня Изольда или Беатриче, я уже стара для таких ролей. Разве что, как вы соизволили выразиться, вдовствующая... м-м-м...

— Королева-мать, — серьёзно подсказал капитан Винсент, но в его синих глазах заплясали смешинки. — Я же, в таком случае, осмелюсь претендовать на роль тайного советника и доброго гения, а также... искреннего друга.

Последние слова он проговорил, почтительно склонившись над её рукой.

И вся улочка Сухого Дерева, и все прохожие, собравшиеся в немалом количестве,

благодаря послеполуденному времени, знаменующему завершение короткого субботнего рабочего дня, и помощницы мадам Бланш, прилипшие в приступе любопытства к окнам мастерской, и досужие трубочисты, вынырнувшие одновременно из двух печных труб старика Жозефа-булочника, и мальчишки-рассыльные, и парочка соглядатаев бриттского посла, совершенно случайно выглянувших из соседнего кабачка — все видели, как небезызвестный капитан Винсент Модильяни, правая рука светлейшего герцога, со всеми полагающимися предосторожностями помогает выйти из богатой дорожной кареты величественной даме, чей туалет можно назвать весьма скромным и, откровенно говоря, потрёпанным, но не скрывающим ни благородной осанки, ни умения нести себя значительно и важно, как и полагается особе голубых кровей.

— Какая-нибудь герцогиня в изгнании, не иначе, — пробормотала Бланш Леро, посматривая в окошко и одновременно примеряя лучшую из своих улыбок, предназначенных для Очень Высокопоставленных Особ, желающих по какой-то причине сохранить инкогнито... а уж будьте уверены, она на таких нагляделась! — Опять этот Винс... этот капитан что-то затеял. То он тащит сюда барышень и велит наряжать нищенками, то мы переодеваем для него цветочницей какую-то маркизу... Помяните моё слово, он и сейчас что-то учудит: придумает, например, что эта мадам — его дальняя родственница из какой-нибудь далёкой Тартарии, нагрянувшая в столицу по серьёзному делу, и кроме как у нас, ей негде подобрать моднейший туалет. Ох, Аглая, дорогуша, кумушка моя незабвенная, ну и затейник же твой сыночек... — И радушно поспешила навстречу гостям. — Добро пожаловать, господа! Что я могу для вас сделать?

***

Заложив руки за спину, его светлость размеренно вышагивал по кабинету: от стены до стены, от старинной амфоры драгоценного нефрита на высокой колонне чёрного мрамора до незажжённого за ненадобностью камина, сконфужено косящегося на хозяина потухшим оком-зевом. Мэтр Фуке за своей конторкой не сводил с фигуры герцога внимательнейшего взора, застыв изваянием, и лишь глаза на неподвижном лице двигались, как маятник — вправо-влево, вправо-влево. Чуткие уши подрагивали в ожидании распоряжений. В такие минуты капитан Винсент готов был руку дать на отсечение, что в венах секретаря наряду с обычной алой жидкостью течёт кровь лесных эльфов. Весьма вероятно, что один из не столь далёких родственников мэтра мог часами так же замирать в густой кроне четырёхсотлетнего дерева, таясь в засаде или в дозоре... Впрочем, иметь предков иной расы не считалось позорным, скорее уж накладывало печать определённой и з б р а н н о с т и, ибо довольно часто при этом человеческая порода улучшалась способностями, недоступными для прямых потомков Адама и Евы. Однако догадки догадками, а секретарь до сих пор во многом оставался для Модильяни «тёмной лошадкой». Много лет назад его светлость, будучи ещё наследником правящего герцога, привёз с собой из эмирата Кордовы сухопарого смуглого молодого... или моложавого... человека, который, в сущности, не изменился за эти годы, разве что стал строже и чопорнее. Узнай капитан, что не так давно мэтр Фуке обучал молодую герцогиню пользоваться Оглавлением, зачитав при этом целую лекцию — не поверил бы. Разговорить этого сухаря на темы, не касающиеся служебных обязанностей, редко кому удавалось.

— Итак, — герцог решительно остановился, сунув руки в карманы. — Действия по отстранению барона де Бирса от титула и власти одобряю. Не сдохни... не скончайся он так

вовремя — пришлось бы созывать комиссию по расследованию, а это лишняя волокита, да и шум... Скандалы ни к чему. Досадно, что прямо под носом оказалось осиное гнездо, и гадило вполне благополучно для себя столько лет... Винс, ты зря повесил управляющего, надо было допросить, как следует. Успел? Хорошо. Проверь потом, кто в налоговом ведомстве курировал его красивые отчёты и что с этого имел.

Жильберт д'Эстре задумался.

— Это для разминки. А вот то, что в ближайшем лесу была заготовка портала, в паре лье от пограничных застав... Через такую дыру и в стороне от пограничников не то что сотню бойцов — армию можно протащить, никто не заметит. Но армия требует готовности к перемещению, ей нужно время, а на вас выступил, скорее всего, какой-то дежурный отряд. Бирс так и сказал, что это Анна ему оставила артефакт? И здесь успела... — Его светлости явно проглотил бранное слово. — Наверняка орки поджидали по ту сторону границы, в самой Моравии, следуя закону... как его там, мэтр Фуке?..

— Закону симметрии порталов, ваша светлость, — тотчас ожил секретарь. — Входной портал, аналогичный выходному, должен быть выставлен симметрично оси, коей представляется, в данном случае, граница Галлии и Великого Моравского государства. Исхожу из гипотетических пропускных способностей, предполагаемой мощности портала и дальности переноса. Конечно, нужен более тщательный расчёт, но, думаю, лагерь орков, а, стало быть, и выходной портал равноудалены от кордона — для максимальной безопасности, чтобы наши дозоры не могли их обнаружить, просто ведя наблюдение вдоль границ.

— Вот-вот. Равноудалены. Надо бы проверить... Максимилиан, подготовьте соответствующее распоряжение для людей маршала Конте, чтобы прочесали ту сторону, естественно, не обнаруживая себя. Сволочи, — тихо добавил. — Нашли способы обходить магический барьер... Пусть проверяют аналогичные области вдоль границы и усилят бдительность, возможны новые вторжения. Население проинструктировать, чтобы не подбирали никакой непонятной блестящей дряни, и чтобы детей и нищих на улицах не было, они-то в первую очередь всё тащат, как сороки. Происхождение амулета выяснили?

— Он у брата Тука, — коротко ответил капитан.

Жильберт поморщился.

— Не хотелось бы лишний раз связываться с тонзурами, но дело уже сделано... Впрочем, из этого можно извлечь кое-какую пользу. Отрицательный опыт — тоже опыт, неплохо было бы механизм переброски наших людей в тыл врага принять на вооружение, с соответствующими поправками. Говоришь, у них есть специалисты по артефактам? Их и привлечём. Впрочем, об этом позже. Максимилиан, помнится, под Беарном и Альбре вы не так давно были с ревизией и неплохо отзывались о помощниках управляющих, решите сами, кого из них оставить на месте, кого отправить в Сар. Принесёте мне бумаги на утверждение. Вместе с новым управителем организуйте полную проверку всех дел на месте, жду подробный отчёт и предложения через неделю, не позже. Так, это общее... Теперь о частностях. Что там с кузнецом? Винс, ты упомянул вкратце, давай подробно.

Капитан с герцогом в совершенстве владели искусством говорить о секретных делах в присутствии посторонних, поэтому Винсенту не составило особого труда представить развёрнутое жизнеописание интересующей их семьи без указания излишних деталей. В умении секретаря хранить тайны капитан не сомневался, однако насколько его молочный брат посвятил — или не посвятил — помощника в некоторые обстоятельства появления в

доме новой «Анны» — не знал, а посему держал это обстоятельство в уме.

— Я помню это прошение, — неожиданно подал голос мэтр Фуке. — Прошу прощения, ваша светлость, вы позволите?.. Да, я ответил молодому Дюмону фактически отказом, но в то время и не мог поступить иначе. Однако подобные документы не уничтожаются и хранятся в архивах — на случай, если проситель обратится с повторным обращением.

— Помню, Макс. Что-что, а делопроизводство и ведение архивов поставлено у тебя на редкость образцово. А почему ты вспомнил именно об этом случае? Память у тебя, конечно, феноменальная, но...

Ответ был неожиданен.

— Потому что дважды отвечал Дюмону. Прошений о восстановлении в дворянство не так много, все они — на особом контроле и пересматриваются раз в три года. В первом письме я сообщил, что в связи с изменением требований к количеству свидетелей — таковых может понадобиться не более одного, причём, возможно, из числа родственников. Ранее подобные свидетельства от кровной родни не признавались, как от лиц заинтересованных, но затем сделалось исключение для особ, носящих дворянское звание. Второе извещение я послал спустя год после первого. В Эстре скончался, не оставив наследников, некто Жан Поль Мари Дюмон, полный тёзка уже известного мне просителя. Я подумал: возможно, здесь налицо — родство? Родовые имена часто совпадают — у деда и внука, например, или у дяди и внучатого племянника, а разница в возрасте покойного и молодого Дюмонов вполне отвечала данным условиям. Но... — Секретарь развёл руками. — Оба моих послания вернулись без ответа.

— Барон, — желчно бросил герцог. — И гадать не надо. Похоже, разок подцепив Жана Поля на крючок кары за возможное самозванство, он не собирался его отпускать. Тешил своё извращённое самолюбие... Что, у того Дюмона, что скончался, и впрямь никого не осталось?

— Я говорил о наследниках, ваша светлость. Мужского пола — нет, никого. Была на то время уже престарелая сестра, но она умерла вскоре после того, как вернулось нераспечатанным моё последнее письмо. Незадолго до смерти она приняла постриг, и всё имущество отошло во владение сестёр-урсулинок, согласно завещанию.

— Хммм...

Его светлость в очередной раз пересёк кабинет.

— Не сочти за труд, Макс... Ты — человек на редкость дотошный и целеустремлённый, займись-ка лично этим вопросом. Выясни, не осталось ли от покойной каких-либо личных вещей, записей, книг, документов... Ну, не мне тебя учить. Времени, конечно, прошло много, но если среди святых сестёр окажутся радетели порядка и аккуратисты вроде тебя — возможно, что-то и сохранилось. Вдруг да пригодится...

Мэтр позволил себе дерзость с сомнением покачать головой. Но... Не в его привычках было обсуждать распоряжения. К тому же, обстоятельства жизни кузнеца-дворянина, услышанные от капитана, неожиданно взволновали Максимилиана Фуке. Он по себе знал, каково это — быть лишённым прав, данных от рождения, каково — жить не там, где хотелось бы и получать от судьбы совсем не то, что заслужил. Если бы не помощь господина герцога в своё время — ещё неизвестно, дожил бы секретарь до нынешних лет и своего, скажем, довольно-таки неплохого положения в обществе...

— Я постараюсь, ваша светлость, — только и сказал он.

Капитан Винсент удовлетворённо прикрыл глаза. В устах мэтра Фуке это обещание

значило, что секретарь, если понадобится, будет землю рыть, исполнять языческие пляски с бубнами и, на крайний случай, продаст душу дьяволу, но нужные сведения добудет.

— Отдыхайте, дорогой мэтр, — неожиданно мягко сказал герцог. — За последние три дня я вас изрядно загонял этими судебными делами, а впереди у вас ещё уйма всего... Я знаю и ценю ваше усердие, однако вы мне нужны здоровым и трудоспособным. На сегодня закончим. Можете идти.

И только после ухода своей всезнающей тени, дождавшись, когда за закрывающейся дверью опустится тяжёлая портьера, заговорённая от подслушивания, обернулся к Винсенту с вопросом.

— Так что там с этой сестрой пастора?

***

По роду занятий, а так же в силу природной интуиции Бланш Леро прекрасно знала, что делает женщину Красивой Женщиной. Отнюдь не платье, нет. Вернее сказать, не одно только платье. Конечно, далеко не последнее место в облике Прекрасной дамы отводится продуманному туалету, но это ещё не всё! Нелепо можно выглядеть даже в парче, осыпанной жемчугами и камнями настолько, что не понадобится и болван-манекен для хранения — сия диковина будет стоять сама, ибо от количества нашитых украшений и золотой канители не сможет согнуться. Конечно, в мастерской прелестницы Бланш такие шедевры не создавались — и не только из-за дороговизны «товара», но... попросту говоря, рылом пока не вышла простушка Леро, чтобы обшивать господ такого умопомрачительного ранга. И решил это никто иной, как некий господин Ламбер, некоронованный король портняжного и модного мирка столицы, король, обхаживающий клиентов исключительно из круга, приближённого ко двору его светлости, и даже вызываемый иногда в сам таинственный и загадочный замок на острове.

Своим умением обаять, закружить голову, уверить, что все его творения пошиты «точь в точь, как при дворе Его Величества Генриха, честь ему и хвала!», а также щедро и вовремя раздаваемой мздой, оседающей в кармашках горничных и камердинеров, умеющих вовремя похвалить пошив одного мастера и охаять другого — Ламбер занимал прочные позиции в сердцах столичных дам и кавалеров, как непревзойдённый знаток моды, новых веяний и тенденций... Этаким паук, умело опутавший сетями десятки лучших домов Эстре, и горе той мушке, которая, не подумавши, осмелится пролезть со своими дешёвыми платьицами и дерзкими замыслами сквозь щелку в паутине: сожрёт! Под незримым контролем Огюста Ламбера были все мастерские и салоны, ибо он, сколопендр гадский, решал, кого можно милостиво допустить до кормушки — за соответствующую благодарность, конечно — а кому вообще лучше всего убраться, и не только с его глаз долой, но и вообще из столицы.

Года три тому назад, едва открыв собственное дело, Бланш умудрилась крепко получить от него по зубам — хорошо, что в переносном смысле, не в буквальном. Несмотря на устоявшееся положение мсьё Ламбера, как единственного и неповторимого знатока, ценителя и Мастера, некоторым из дам и мадемуазелей приходила время от времени в голову такая блажь — во время променадов по магазинчикам и лавкам нет-нет, да и заглянуть в поисках чего-то новенького во вновь открывшийся салон, кондитерскую, кофейню... А простушка Леро возьми и придумай: для привлечения клиенток предлагать им по чашечке только-только вошедшего в моду горячего шоколада, причём бесплатно, и это в то время, когда «чеколатт», привозимый полулегально из Нового Света, был безумно дорог!

Да и варить его правильно могли далеко не все, нужно было ещё найти и переманить к себе умельца... Когда по простоте душевной маркиза де Брюс выболтала на очередной примерке у Огюста, что «вот хорошо бы сейчас чашечку шоколада, как у малышки Бланш, я, право же, иногда только из-за этого к ней заглядываю, дорогой мэтр, а вовсе не из-за её кружев и мантилий из Севильи...» — божок и законодатель Эстрейской моды не на шутку обеспокоился. Мелочь, конечно, чашка диковинного напитка — тьфу, это и ему под силу, можно и кофий, и сладости этим капризницам предложить, пусть обожрут, лишь бы ткани не заляпали... Но его обставили! Опередили!

Нахалку требовалось проучить.

С умиротворением в сердце, одобрительно кивая, мэтр созерцал, как под руководством двух его человечков окрестные нищие бьют безумно дорогие зеркальные окна в мастерской нахалки, возомнившей о себе слишком много. До того, как поспеет дозор, его молодцы должны были успеть справиться с дверью и основательно пошерудить внутри мастерской, а может, и пощупать саму цыпочку с белошвейками... так, попугать на первый раз, до серьёзного членовредительства дойти дело не должно было... сегодня. Свидетели происходящего безобразия чудесным образом растворились в вечернем сумраке; впрочем, кое-кто из них исчез не бесшумно, а с криками, подзывая караул, на что, собственно, и рассчитывал паук-сколопендр, затаившийся в своём возке на углу квартала и предусмотрительно не высовывающий нос наружу. У обнаглевшей мушки должно сложиться впечатление, что только неожиданно подоспевшая помощь доблестной городской стражи спасла её от неминуемой гибели.

Но... как это иногда случается, некие высшие силы решились вмешаться. И совсем не вовремя послали на вовсе не центральную улочку богатую карету с гербом не кого-нибудь, а его светлости... У Ламбера потемнело в глазах. Герб д'Эстре был, конечно, не во всю дверцу, а в правом верхнем углу, и куда меньше, чем на каретах, в коих обычно выезжал сиятельный властитель. Но миниатюрный разъярённый дракон на золотой эмали, украшенной тремя венценосными лилиями, недвусмысленно давал понять: едет некто из самого Гайярда, из личного штата обслуги, и горе тому, кто осмелится встать на пути позолоченного возка, даже если на атласных подушках сидит щербатый поварёнок, по прихоти судьбы или домоправительницы срочно посланный за ценными пряностями к послезавтрашнему обеду...

Кучеру довольно было беглого взгляда, чтобы оценить ситуацию. Оглушительно свистнув, он направил лошадей прямо на тротуар, на суетящихся клошаров, распалившихся в полном осознании своей безнаказанности до такой степени, что никто даже головы не повернул на стук копыт и сердитый оклик. Оглушительно, выстрелом, щёлкнул в воздухе кнут — и вот уже один из бродяг, заорав, рухнул на мостовую и завыл, корчась и пытаясь схватиться за спину. У другого кнут обвился вокруг шеи и свалил с ног, едва не придушив. Хитро потянув на себя кнутовище, возница ослабил натяг, затем дёрнул на себя, освобождая полоску кожи, а другой рукой ловко выхватил пистоль, заткнутую за пояс.

А как же! Время вечернее, городская стража не вездесуща, а матушке Аглае может придти в голову заглянуть и в бедный приют, и к знакомой старушке на окраине... Капитан Модильяни строго следил за тем, чтобы дураков и трусов на козлы не сажали, да и на запятки тоже. Кучер только ухмыльнулся, глядя, как парочка лакеев от души пинками разгоняет враз присмирившую сволочь. Вот, а госпожа Аглая каждый раз бурчит, на кой им столько народу с собой возить, лучше бы делом занимались, дармоеды... Ан нет, не

дармоеды, службу знают!

Огюст Ламбер был весьма чуткий и отзывчивый человек. Вот и сейчас: он прямо-таки почуял всеми фибрами души грядущие неприятности. И тут же отозвалась интуиция, вопя, что домоправительница — это в других домах, может, невелика фря, а у этой — сыночек в первых помощниках у С а м о г о, каждый день, почитай, великие дела вместе творят... Ох, не повезло... И что ей в сытости и покое не сидится, этот Модильяни, вон уже выскочила, глазищи сверкают, синие, гневливые, такие же, как, поговаривают, у сынка, когда он порядки начинает наводить, а после кого на плаху, кого на виселицу... Ему-то, Ламберу, по простоте происхождения, сразу верёвку намылят.

Бежать!

Даже не оглянувшись на шум срывающегося с места возка, матушка Аглая, гневно выдохнув, откинула с дороги носком туфли особо крупный осколок стекла, упёрла руки в бока и внятно и доходчиво разъяснила подоспевшему, наконец, дозору в количестве пяти человек всё, что думает о расторопности и смышлённости стражей порядка. А заодно и о тех, кто подбирает на ответственные должности молодых неоперившихся сосунков и любителей дарового пива, коим животы уже мешают бегать достаточно быстро. Не дослушав возражений, затребовала имена, звания и номер развода и заверила, что разбираться с ними окончательно будет уже не она. Резво обернулась на скрип приоткрывающейся двери мастерской.

— А вы тоже хороши, милая, — напустилась на побелевшую от страха Бланш. — Женщина должна уметь защищаться! У вас на окнах полно горшков с цветами, почему они до сих пор на месте? Один метко пущенный горшок — минус один мерзавец! Все-му-то вас надо учить...

Бланш присела в глубочайшем реверансе. Не только из благодарности, а просто — подогнулись ноги. Хотя нервы у неё были железные, но переволновалась она изрядно. Ей пришлось собраться с силами, чтобы достойно ответить.

— Завтра же заставлю своих девочек упражняться, сударыня. Не соизволите войти? Чем я могу вас отблагодарить?

— Можете, — великодушно отозвалась матушка Аглая. — Очень даже можете, милая. Мне позарез нужен этот ваш... кофевар-шоколадник. Одолжите мне его дня на три... нет, пожалуй, на недельку. Его светлости вздумалось иногда баловать себя чашкой кофия по утрам, а мои оболтусы не справляются: то зёрна пережарят, то сварят какую-то бурду... А уж о цене мы с вами договоримся.

— О цене? — Бланш схватила за сердце. — Ни в коем случае! Пьер! Где ты? Отыщите Пьера, немедленно, бездельницы! — рявкнула сунувшимся в дверь хорошеньким девичьим мордашкам. — А вы, сударыня, проходите же, мы обо всём поговорим в доме, на втором этаже стёкла почти целы, там не будет сквозить... Пьер, где же ты, остопоп!

Вот уж никогда не подумаешь, в какую личину обернётся ангел-хранитель!

... Больше Ламбер на неё не замахивался. Так, жалил иногда по мелочам. То партию настоящего китайского шёлка перекупит из-под носа, то разнюхает, что в её мастерской пользуются успехом расшитые бисером кошельки, да и купит весь бисер вкупе со стеклярусом и бусинами — для своих швей... Пару раз Леро выгоняла затесавшихся среди прислуги шпионов. Одним словом, приходилось держать ухо востро. Это всё были мелочи, булабочные уколы, а вот если бы не дружба с госпожой Аглаей — неизвестно ещё, чем дело кончилось бы. Дружба — не из меркантильных соображений, а по схожим душевным

качествам, напористости, энергичному характеру. Женщины редко сходятся по-настоящему, выходя за рамки простого, ни к чему не обязывающего приятельства, но уж если так вышло — дорогу им лучше не перебегать. И не раз окрепшая и морально, и финансово госпожа Леро ловила себя на мысли, что, несмотря на перешёптывания за спиной и понимающие взгляды новых заказчиц — мол, конечно, может себе позволить многое, у неё такая покровительница, случись что с Аглаей — мало ли, переворот, война, бедствие, не приведи Господь... Она, Бланш, не задумываясь, предложит кров и защиту. И отдаст всё, что у неё есть. Не жалко. Добро наживётся. А вот другой настоящей подруги она уже не встретит.

Именно Аглая послала за ней, чтобы пристроить к новой, чудом найденной герцогине-девочке. Похоже, она дала Леро шанс — не только на богатый заказ, но и на то, чтобы турнуть с пьедестала мсьё Ламбера. Смещать его никто не собирается, но... места на портняжном Олимпе достаточно. Авось подвинется, цел будет.

И очень хорошо, что душка Винсент привёз к ней эту странную женщину, на первый взгляд очень уж напоминающую ворону в едва приглаженных перьях — так неудачно сидел на ней этот старомодный наряд, бывший, очевидно, когда-то траурным, но сейчас побуревший местами, как это часто бывает с дешёвыми тканями, покрашенными дешёвым красителем. Дама была высока, дородна, величава, но порядком измучена, и не только тряской в карете. Бланш хорошо знала подобное выражение глаз, как у её гостыи — казалось, в них накопилась бесконечная усталость от вечной работы, безденежья, безнадёжности и прочих многих «без-»... Такие же глаза были у её покойной матери — женщины, в одиночку поднявшей пятерых детей и всех выведшей «в люди», жаль, не успевшей за всех порадоваться... Досталось приезжей даме, досталось. Впрочем, не её, Бланшетты, дело. Её задача — изобразить из почтенной матроны красавицу на покое, бывшую графиню, ожидающую возврата привилегий, в ожидании высочайших решений покамест приставленную к молоденькой герцогине в качестве компаньонки... И незачем гадать, откуда и зачем капитан откопал это чудо.

Графиня на покое... Н-да, работёнка ещё та.

Много вы понимаете, господин капитан, душка Винс, которому так безуспешно строили и строят глазки все её девочки без исключения, да и она сама не прочь бы... Останавливает, что — мезальянс, не такая нужна невестка её подруге, а в любовницы Бланш идти не хотела. Мужа бы ей, мужа...

Итак, женщину делает Прекрасной Дамой отнюдь не нарядное платье, вернее сказать — не только оно, продолжила мысленно владелица модного дома, стремительно набирающего популярность. А то, что, большей частью, скрывается п о д платьем. Изящная обувь, сжимающая ножку не сильно, а в самый раз, как вторая кожа, невесомые чулочки, ажурные или плотные, телесного цвета, белые, цветные, в тонкую полосочку... Ох уж эти маленькие друзья женских щиколоток, лодыжек, голеней, выставяющие их в ещё более выгодном свете, особенно при усаживании в карету или восхождении по лестнице, либо в танце, когда при изящном подбирании юбок ножка приоткрывается для любопытных мужских взоров! Не меньший друг женщины, дарящий ей чудесный настрой на весь день — невесомое бельё, нежно прилегающее к телу и дарящее ласки шёлковых прикосновений. И нижние юбки, льнущие к бёдрам и коленям, согревающие в холод и дарящие чувство защищённости — попробуй, справься-ка с ними со всеми, начти тебя домогаться кто-то против воли, запутается... И корсажи с хитроумной шнуровкой, которые красиво приподнимают грудь, обрисовывают талию, позволяя выгодно контрастировать с пышными бёдрами...

А руки? Оттого, в порядке ли они, зависит иной раз душевное равновесие. Да что там: если у дамы ногти отполированы или покрыты перламутровой краской, пальчики ухожены, без заусенец, без траурной каймы, которой грешат некоторые безалаберные особы — стоит ей протянуть хорошенькую ручку по направлению к ближайшему кавалеру, как тот немедленно поспешит на помощь. Что ещё? Не должны быть обделены вниманием и волосы, это уж безусловно. Чистые, блестящие, здоровые, уложенные в самую простую причёску, без изысков, они прекрасны сами по себе, без сонма гребней и булавок, без хитроумных начёсов, подушечек под шиньоны и прочих приспособлений...

А ещё у дамы должна быть чистая шея, и никаких грязных подтёков от воды с мылом и катышков застарелой пудры, обновляемой ежеутренне вместо нормального мытья... Да-да, были и такие неряхи, которые по привычке, укоренившейся с тех времён, когда в Эстре не открылись ещё общественные бани и не пошло веянье среди аристократии принимать ванны хотя бы раз в неделю, считали чистоту греховной и соблазнительной. На самом-то деле — просто экономили, воду-то греть было дороговато, дровишки в цене кусались, пока из Лотарингии не стали привозить дешёвый уголь

Пока гостя пила предложенный кофе, Бланш успела оценить и благородную осанку, и отсутствие жеманства — некоторые клиентки, дабы показать утончённость воспитания, держали крошечную чашечку еле-еле, двумя пальчиками, оттопырив мизинец и едва смачивая губы горячим экзотичным напитком. Морщились, лицемерки, но сахар не клали — в моде было наслаждаться природным вкусом, сиречь горечью. Госпожа Доротея завоевала сердце модистки тем, что, не поведя бровью, щипчиками подхватила из сахарницы и отправила в свою чашку три кусочка желтоватого тростникового сахара, и без колебаний разбавила кофе горячими густыми сливками. И выражение лица при первом же глотке у неё было такое...

Господи-боже, будто она этого кофе уже лет сто не пила. Откуда Винсент её откопал?

Перво-наперво распорядиться приготовить ванну, определилась Бланш. Гостя с дороги, пропылённая до макушки своего дурацкого вдовьего чепца, ей-богу. Мало того, что предложением освежиться она завоюет её сердце, но и... гкхм... Примерку всё же лучше делать на чистое тело, не так ли? В перечень их дополнительных услуг омовение клиентов не входило, но Бланш решила ради такого случая уступить гостье собственную деревянную объёмистую лохань. В горячей воде недостатка не было. По примеру многих мастерских, рабочие помещения и зал для приёма клиентов располагались на первом этаже, на втором — жилые комнаты, её и девочек, прислуга же неплохо расположилась в мансарде: там зимой было, как ни странно, теплее, чем на остальных этажах — из-за большой бочки с водой, под которой постоянно поддерживался огонь. Это Бланш собезьянничала с того устройства горячего водоснабжения, что внимательно изучила в доме его светлости. У неё, конечно, было всё намного проще, и воду на верхотуру таскала прислуга, а не качали ручными насосами, как в Гайярде, но всё же... Таковую роскошь, как ежедневная горячая ванная, не каждый горожанин средней руки мог себе позволить.

— Вот что я вам скажу, господин Винсент, — с некоей фамильярностью, позволительной для закадычной подруги матери, обратилась к капитану Бланш. — Даже не думайте сидеть здесь и дожидаться результата, за полчаса мы не управимся. Помните, сколько пришлось потрудиться над вашей маркизой? А тут у нас случай потруднее будет... Езжайте-ка по своим делам и возвращайтесь не раньше вечера. Госпоже Доротее, помимо всего прочего, нужно будет немного отдохнуть после дороги, это освежит и улучшит цвет

лица. Никакое платье не отбелит кожу и не заставит глаза сиять лучше, чем полноценные два часа сна после обеда. Так что — ступайте себе, капитан, и ни о чём не беспокойтесь: за результат я вам ручаюсь.

***

Джеймс Вильям Гордон, посол бриттской империи, пребывал... испытывал...э-э... несколько смешанные чувства.

— Так ты говоришь...

С натугой поднял грузное тело из недр обширного кресла. Ножки жалобно скрипнули. Посол тяжело прошёлся по кабинету, утапливая каждый шаг в густом ворсе персидского ковра. Остановился у камина. Поморщился от кислой отрыжки... ох уж это пиво по утрам, до сих пор вспоминается, пора бы уж переходить на милый его соотечественникам чай... Потёр над пламенем руки. Последние два дня его то и дело бил изнурительный озноб, но теперь-то Гордон доподлинно знал — отчего.

— Так ты говоришь... — повторил он, обернувшись к маленькому человечку, что почтительно замер в полупоклоне, да так до сих пор и не выпрямился. Очаровательная субретка лет двадцати, стоявшая рядом, свеженькая, как бутон английской розы, помедлив самую малость, присела в изящном реверансе, как будто всю жизнь только этим и занималась, несмотря на то, что платьишко на ней было не ахти какое роскошное. Впрочем, старый толстый интриган повидал на своём веку всяких — и принцесс в лохмотьях, и епископов в кирасах, и девок в горностаевых мантиях. Эта же... м-м-м... особа была на редкость интересной. И с весьма богатым потенциалом. Многообещающим, как и её лукавые взгляды.

— Сара больше нет, — быстро прошептал маленький Джон Клеменс, он же — Жан Клеман, он же — шпион по особым поручениям секретного ведомства Бриттской внешней разведки при посольстве в Эстре. — Сар стёрт с лица земли. Сара больше нет...

Лёгкая ладонь его спутницы отвесила Клеменсу подзатыльник.

— Не обращайтесь внимания, ваше сиятельство, — снисходительно извинилась за убогого красotka Аннет. — Он с тех пор, как с того местечка приехал, ведёт себя, словно пришибленный, только одно и твердит: Сара больше нет.

— Сара больше нет, — согласился шпиончик. — Сар стёрт... — И вдруг словно что-то оборвалось в его груди. — Орки. Зелень. Растерзанные женщины, — забормотал он. — Сгорело, всё сгорело... Люди умирали в муках, без покаяния, но господь всё равно принял их на небесах, потому что — в муках... Сара больше нет...

И замолчал, склонив голову. Две крупных слезы покатались по худым щекам.

— Только это и талдычит, — огорчённо сообщила бывшая трактирщица. — Иной раз его отпустит — тогда говорит понятно, только редко. Но ничего, я всё-таки выпытала, куда его привести. Вот перед ваши очи и доставила, ваше сиятельство, господин Гордон. Что, будет ли бедной хозяйке гостиницы какая-то награда за труды?

Джеймс Вильям почувствовал вдруг приятное волнение.

— Чего же ты хочешь? — спросил игриво, буравя взглядом. А сам уже непроизвольно втянул живот и расправил плечи, стараясь придать фигуре больше величия и значимости. Малыш Клеменс был ему уже неинтересен. Всё было ясно, как день. Герцог наверняка послал к старому барону своих людей за дополнительными сведениями о беглой жене, те взяли Бирса в оборот и барон, не выдержав, схватился за артефакт, который до этого посол

Бриттанской империи лично передал Анне. Это было сделано ещё перед началом акции с похищением документов — на всякий случай, дабы, если псы Троегубого побегут по следу, начнут вынюхивать в Саре — тут-то их и накрыть... Собственно, аналогичное нападение в Анжи проводилось в рамках прикрытия, чтобы подумали, будто зеленокожие время от времени прорываются вдоль всей границы. Что ж... Портал открылся несколько запоздало, однако всё пошло на пользу делу. Хотя сколько-то, да удалось подгадить герцогу: запугать страшными слухами население и подорвать доверие к правителю, рассеять часть армии на дополнительные кордоны вдоль рубежей, спровоцировать конфликт с Моравией — ведь наверняка его светлость разозлится и полезет разбираться в соседнее королевство за то, что упустили неклеймёных орков...

Артефакт для открытия портала был замкнут на Гордоне, вернее сказать — на массивных перстнях с сапфирами на толстых пальцах, холёных, белых, слово баварские сосиски... Маг из Джеймса Вильяма был никудышный, но частичку силы он в себе всё же носил. Вот её-то и оттянуло порталное яйцо: выпив энергетику камней, закусил хозяйской. Оттого-то в тёплые августовские дни в бриттском посольстве жарко топились все каминьки.

— Ах, ваше сиятельство, — Аннет кокетливо сощурилась. — Много ли надо такой бедной женщине, как я!

— Сколько? — теряя интерес, бросил Гордон. Похоже, он ошибся, и девица всего лишь жадная до денег мешаночка. Жаль, если так... Провести с ней приятно четверть часа, кошелек в зубы — и пусть идёт на все четыре стороны.

— Ах, господин посол! — На смуглых щёчках трактирщицы заиграли соблазнительные ямочки, одна — прямо под очаровательной родинкой, натуральной, ни чета какой-то пластырной мушке. — Что — деньги, ветер! долго ли они у меня задержатся? Да и не бедствую я, сударь, это так, для красного словца сболтнула, а Жано сюда привела по расположению, больно жалко стало человечка. Нет, денег мне не нужно, могу и сама одолжить...

И засмеялась, бесстыдница, сощуривши ресницы, настолько густые, что тени от них казались нарисованы углем на щеках.

— Чего же ты хочешь? — Гордон подпустил в голос суровости. Ситуация начала ему нравиться.

— Чего... — Аннет словно невзначай отпихнула от себя Джона Клеменса, развернув к ближайшему стулу, и несчастный рухнул на сиденье, закрыв лицо руками. Всё. Бедолага спёкся. Некоторые... лично наблюдаемые сцены операций ломают хороших сотрудников навсегда.

— Ваше сиятельство, — смуглянка взмахнула чудо-ресницами и устремила на посла взгляд томный и загадочный. — Я ведь впервые в большом городе, у меня нет здесь ни друзей, ни знакомых, а одинокой женщине тяжело и опасно. И очень страшно, — прошептала быстро и вроде бы смущённо. — Ах, если бы я осмелилась просить вас о...

И запнулась, искусно изобразив приступ стыдливости.

— О... — многозначительно подхватил бриттский посол, тонко усмехнувшись и пошевелив пальцами, отчего опустившиеся было кружевные манжеты зашевелились, как живые. — О чём, дитя моё?

— О покровительстве... — чуть слышно отозвалась скромница Аннет, присев в очередном реверансе и продемонстрировав посредством двух случайно расстёгнутых

перламутровых пуговиц на корсаже прелестную ложбинку между совершенных грудей. — Уповаю на ваше милосердие и припадаю к вашим стопам. Ах, ваше сиятельство, я так одинока в этом большом и шумном городе! Но мне совсем не хочется возвращаться назад, к мужу-тирану, я уже почувствовала вкус свободы...

Поднимать почти с колен хорошенькую женщину было весьма приятно. Поддерживая Аннет за талию, Джеймс Вильям подвёл её к окну, ближе к свету, и... осмотрев внимательно, остался доволен. Глянул ещё раз в бесстыже-скромные глаза.

— Дитя моё... — Голосом посол мог играть виртуозно, и сейчас в нём зазвучали взволнованные нотки, свидетельствующие о непритворном сочувствии. — Помочь слабой женщине — долг каждого мужчины... особенно состоятельного. Ибо заповедано нам — по мере сил и средств оказывать благо своим ближним, особенно обездоленным. — Ты говоришь, — добавил участливо, — муж-тиран? И ты, дорогая...

— Аннет О'Малли, ваше сиятельство, просто Аннет, к вашим услугам.

— К моим, конечно, — усмехнулся посол, становясь всё больше похожим на толстого кота в кружевах, добравшегося до кувшинчика со сливками. — Мила, очень мила... А что, Аннет, не хотела бы ты уехать от постылого муженька подальше, а то ведь мало ли — вздумает искать, пригрозит судом, инквизицией... Я мог бы увезти тебя в Бриттанию, пристроить на тёплое местечко. Разумеется, за небольшое одолжение. — Глаза его вспыхнули. — Скажем так: несколько небольших одолжений... Как, согласна?

И многозначительно заглянул в глаза.

Дыхание юной дамы участилось. С треском отлетела от корсажа ещё одна пуговка.

— О-о, — севшим голосом проворковала хозяйка «Индюка и кастрюли». — О-о... Думала ли я о т а к о м? А вы умеете говорить с женщинами, господин посол...

— Джеймс, — мурлыкнул Гордон. — Для тебя, дорогая... Джеймс. Но только наедине, — добавил строго, спохватившись.

— Конечно, ваше сият... О-о, Джеймс, — с придыханием протянула Аннет. — Всё, что угодно. Я всё сделаю...

— Прелестно.

Посол провёл тыльной стороной ладони по бархатной щёчке. Вот так не знаешь, где найдёшь, где потеряешь... Похоже, он таки нашёл кандидатку в Летучий отряд своей будущей королевы. До своего отъезда он как раз успеет испытать её в деле... Он усмехнулся. И в теле.

В мыслях Джеймс Вильям бывал далеко не таким утончённым, как на светских приёмах.

— Вот что мы сделаем, дорогуша... — Он сделал вид, что задумался. Нельзя накидываться на женщину сразу, даже если видишь её готовность, следует «подогреть» интерес ожиданием. Да и намёками на аванс, чтобы лучше старалась. — Сама понимаешь, я — человек заметный, и ы со мной рядом открыто быть не можешь...

— Что же я, не понимаю? Кто вы — и кто я... Не волнуйтесь, ваше сиятельство, я своё место знаю.

И улыбнулась, чертовка. Гордон даже с мысли сбился от её улыбки.

— Э-э... О чём я... Ах, да. Устрою-ка я тебя горничной — или девушкой по поручениям, как повезёт — в один очень важный для меня дом... Не бойся, работой мучить там не будут, но, конечно, надо зарекомендовать себя хорошо, чтобы тебе доверяли и свободно выпускали из замка. Я составлю для тебя подробные инструкции: кем

представиться, как себя вести. Есть одно дельце, которое надо довести до конца, и чем лучше ты с ним справишься, тем быстрее я отсюда уеду... с тобой, естественно.

Аннет молитвенно сложила руки:

— Всё сделаю, ваше сиятельство, будьте уверены! А... — словно случайно скосила взгляд на притихшего Клеменса. — А с этим болезненным как? Жалко ведь...

Первым желанием посла было схватить ополоумевшего шпиона за шиворот и вытолкнуть вон. Не мешкал бы, дурак, поспешил — глядишь, поспел бы в Сар раньше, успел бы хоть что-то разузнать. Убил бы этого тряпку, если бы не брезговал. Но... рядом с ним в ожидании хлопала чудными ресницами хорошенькая женщина, к тому же — только что завербованная, и показывать при ней, к а к Джеймс Вильям обходится с отработанным материалом, было, по меньшей мере, неразумно.

Подойдя к письменному столу, он собственноручно, не вызывая секретаря, начертал на особом бланке несколько слов. Иногда можно было поиграть в великодушие.

— Бедняга, — сказал скорбно. — Твоя преданность не останется без награды. Джон, слышишь меня? Я к тебе обращаюсь, Джон Клеменс. Встань. Вот так... Держи эту бумагу. Иди к моему казначею и получи расчёт и хорошее вознаграждение. Здесь распоряжение оформить тебе пенсию за заслуги перед империей. Иди, да пребудет с тобой Бог!

Кажется, Клеменс его понял. Во всяком случае, распоряжение на гербовой бумаге он взял почти недрожавшей рукой. И вышел на почти сгибающихся ногах. И — словно кто его за руку вёл — дошёл до казначея, до канцелярии, получил наградные, расчётные, грамоту об освобождении от государственной службы, кою бумажку следовало обменять на свидетельство о выходе на пенсию уже в Лондоне...

Он обратил внимание на несколько равнодушных лиц чиновников при канцелярии посольства и сообщил им:

— Сара больше нет. Сар стёрт с лица земли. Сара больше нет...

И добившись, чтобы на него глянули с ужасом, добавил еле слышно:

— Бегите, несчастные! Этот человек — дьявол!

Глава 11

Казалось, ещё немного — и от бесконечных хождений его светлости по кабинету проляжет тропа в наборном паркете.

— Сперва я сам с ней побеседую, — смурно покосился Жильберт на капитана. — Она мне не нравится. И вообще, сама твоя идея не нравится. Согласен, Марте нужна наставница, но уж не та, что была свидетельницей её унижений. Как эта женщина вообще допустила, чтобы на её глазах творились подобные бесчинства? Я могу, хоть и с натяжкой, понять, что селяне глядели в рот пастору и внимали каждому слову, и раз он сказал — надо смирять в девицах грех прежде, чем он зародится — значит, действительно, надо... Что с убогих взять? Пастырей в деревнях иной раз почитают выше сеньоров, с этим я сталкивался. Но крестьяне темны, а Доротея Смоллет — образованная женщина, вкусившая не только плодов просвещения, но и вольных столичных нравов. Что же она молчала? Отчего не пресекла в корне порки и продажу девушек?

Винсент, не удержавшись, хлопнул зажатой в руке перчаткой по столу. Резко отъехал вместе со стулом (в отсутствии секретаря молочный брат герцога мог позволить себе такую вольность, как рассиживание на хозяйском месте).

— Ты ни с кем её не перепутал, Жиль? Привык, понимаешь ли, к нравам здешних львиц, которые из мужей верёвки выют... А то, что простые горожане иной раз жён смертным боем бьют — забыл? Давно подобные дела в суде не разбирал? Правильно, давно, потому что пресёк подобные измышательства... поблизости. А чем дальше от столицы, тем сильнее устои: любой сморчок для женщины — царь и бог, ему и подчиняйся. «Жена — да убоится мужа своего!» — помнишь? — Герцог на такие слова фыркнул и отвернулся к камину, заложив руки за спину, под камзол, но капитан по взлохмаченному сердитому затылку понимал — слушает. — Это тебе не Маргрет Маульташ, что спасла осаждённый Тироль и свой брак по любви, наплевав на отлучение от церкви; и не Алиенор Аквитанская, два года воевавшая против собственного мужа. Это обычная женщина из простой пуританской семьи, где слово мужчины, кем бы он ни был — отцом, мужем, братом — закон. Вот она и молчала. Хоть и пыталась иногда возражать; удивляюсь, как сумасшедший братец на неё руку не поднимал... Хотя, может, и было дело, да ведь она женщина гордая, не скажет.

— А девушки? — рыкнул герцог. — Ты по собственной шкуре знаешь, что такое порка, тебе в детстве влетало за нас обоих. Каково было девушкам, этим нежным созданиям?

Винсент скептически заломил бровь.

— Скажи откровенно, сильно ты интересовался их судьбой, да и вообще крестьянами, когда приезжал в поместья? Тебе хватало доклада управляющего и разбора отдельных жалоб. Девушки... Спроси любого из баронов, и тебе ответят — твоими же словами, кстати: это же простые девки, селянки, всё, для чего они нужны — обеспечить приятные час-другой. Ты даришь им за это безделушку, кошелек или домик, в зависимости от длительности связи и возможных плодов — и вы расстаётесь, обоюдно довольные друг другом. Так ведь было до сих пор? Почему же ты вдруг проникся их судьбами? Уж не оттого ли, что одна из них запала тебе в душу? Жиль... Эй, Жильберт!

Помедлив, герцог обернулся.

— Ты даже не представляешь, как.

— Вот оно что...

Капитан прошёлся по намеченной его светлостью тропинке, затем, нарушив маршрут, свернул к окну, забранному ажурной решёткой, щедро перевитой охранными чарами. Провёл ладонью по волнистой поверхности причудливо изогнутой кованной лозы. Та отозвалась привычной дрожью, опознавая, успокаиваясь...

— У тебя почти пропал шрам, я заметил, — сказал, не поворачивая головы. — И седина... пробивалась на висках — теперь её нет. Поэтому — очень хорошо представляю, Жиль. Похоже, ты нашёл свою Единственную. Я рад за тебя. Давай не будем ломать копья из-за Доротеи Смоллет. У каждого из нас есть поступки, которых стыдишься всю оставшуюся жизнь. Ей — стыдно. Прошое не исправить, но, по крайней мере, она рвётся сделать для твоей девочки... нет, не просто сделать. Она отдаст ей всё, что имеет, что знает. Поверь, я всё-таки разбираюсь в людях.

Жильберт д'Эстре неслышно встал рядом с молочным братом. Помолчал. Усмехнулся.

— Винс...

Хлопнул по плечу.

— Когда ты переходишь на высокий шпиль, я начинаю волноваться. Это не к добру. И с чего вдруг такое заступничество? Хоть ты и не называл её в глаза пугалом, но по твоим рассказам я отчего-то представил себе нечто этакое, и всё же — ты её выгораживаешь. Уж не встретил ли и ты...

С улыбкой капитан качнул головой.

— Это всего лишь знание человеческой натуры и жажда справедливости. Последнего, кстати, я набрался от тебя. К тому же, буду откровенен: меня заинтересовал сам по себе выверт судьбы. Подумать только, чудом уцелеть во время массового, хорошо организованного отравления, лишиться всего, прозябать много лет приживалкой при полоумном братце, терпеть, терпеть, ничего не видя впереди... Казалось бы — жизнь кончена. Нечему больше случаться, оставшиеся годы промелькнут, похожие, как один дубовый лист на другой... И в конце жития — небольшое надгробье на сельском погосте. Но вдруг оказывается, что все пути так или иначе разворачиваются — и тянут в Эстре, сюда... Я подумал: почему бы и нет? Приятно иногда почувствовать себя Богом, меняющим судьбу простого человека к лучшему.

Герцог приподнял брови.

— У-у, брат, — протянул насмешливо. — Вот ты на кого замахиваешься...

— Не всё же вам, ваша светлость, — огрызнулся капитан. — Разочарую: моей дорогой матушке рано хвататься за сердце. Отяготить себя невесткой и внуками в ближайшие пятьдесят лет ей не грозит.

Жильберт д'Эстре хмыкнул.

— При случае я тебе напомним эти слова. Однако... мы теряем время. Давай, вези сюда свою протеже, посмотрим, какой из тебя Пигмалион. Я всё же хочу с ней побеседовать.

***

С возрастом всё труднее расставаться с привычным, обжитым, даже если ты твёрдо решила начать новую жизнь. Доротея Смоллет не то, чтобы тосковала по дому... Нет, «Дом» для неё — безопасный, уютный, полный покоя и любви, остался далеко-далеко, в детстве. Хоть и был он не всегда хорошо протоплен, и крыша протекала, и отцовские книги

приходилось летом раскладывать на освещённые солнцем подоконники — для просушки — но это был отчий кров, настоящая крепость, бастионы которой надёжно хранили покой обитателей, убежище, место, в Которое Хотелось Вернуться.

В дом преподобного Августа Глюка возвращаться не хотелось. Убежищем — невольным — для Доротеи стала её комнатка наверху, но тосковала она сейчас не по ней. Найдётся ли в Гайярде, в котором услуги больше, чем жителей в покинутом ею Саре, местечко, которое станет для неё очередным Убежищем? Место, куда можно спрятаться, перевести дух, выплакаться, побыть собой, чтобы затем надеть личину невозмутимости и вновь предстать перед миром, готовой ко всем неприятностям? Позволят ли ей оставаться одной, либо она будет под неусыпным контролем?

Отведённая компаньонке её светлости комната казалась очаровательной и уютной, несмотря на непривычный простор и роскошь. Доротея осторожно присела на край козетки, стараясь свыкнуться с мыслью, что в этих стенах, обитых драгоценным восточным шёлком, ей предстоит жить довольно долго. Да, отвыкла...

Да и когда было привыкать? Замужество пронеслось как один день, тогда ей тоже пришлось долго обживаться в новом для себя мире, наверное, как сейчас — Марте. Детство же прошло в скромном домишке на окраине Лондона, где на шестерых детей приходилось всего две комнатки — причём, в одной, как во дворце, обитал их младший братец, единственный наследник и надежда пастора Глюка-старшего, во второй кое-как ютились пятеро сестричек. На единственной кровати умещалось трое, поэтому старшие, поздоровее, спали на полу, а когда малышки подросли — установили порядок, кому в очередную ночь отлёживать бока на жёстком тюфячке. Зато им выделялись почти все одеяла, а тем, кто спал на кровати, оставалось единственное, но ведь втроём-то было теплее.

Первой из их комнаты исчезла высокая сухопарая Матильда — старшая, решившая по своему добиться отцовского уважения и признания. Она ушла в монастырь, и уже месяц спустя из послушниц стала монахиней, а затем и помощницей настоятельницы. Анну и Марию не пощадила лихорадка, занесённая бриттскими морями из Нового света. Почему-то иноземная хворь обходила стороной светлые сухие районы, зато, чем ближе к Темзе, тем щедрее был её урожай. А уж если ещё и в низине, и дом на самом берегу, и густой туман не рассеивается по полгода — всё, пиши пропало. Не покинешь гиблого места — не выживешь, будет тебя каждую ночь кидать из горячки в озноб, до семи потов, пока один не окажется предсмертным.

Почему-то злая болезнь охотилась только на детей и подростков, взрослые перемогали её относительно легко. На переезд из гиблого места денег у бессеребренника-пастора не было, но, заручившись поддержкой и рекомендательными письмами архиепископа Виндзорского, Питеру Глюку удалось пристроить сына в духовную семинарию, а младших дочек — в пансионат, пользующийся наилучшей репутацией. Что, впрочем, не спасало его воспитанниц от жесточайшего расслоения по социальным признакам. Именно там девочка Дори впервые узнала, что она — «низшая», «нищая», «голодранка», да ещё и «живущая здесь из милости». Но за все семь лет обучения и мытарств дочерей преподобный Питер не слышал от них единой жалобы — лишь благодарности за то, что устроил их в «такое прекрасное место, где все их любят и заботятся о них». Дори и Милли, несмотря на юные лета, прекрасно понимали, каких трудов и денег стоило папочке с мамочкой пристроить их в это богоугодное место. И хорошо помнили о судьбе рано умерших сестричек. А пуще того — что ничегошеньки не могут решать сами, пока не станут совершеннолетними. Вот вырастут,

получат настоящий диплом, будут работать — тогда докажут, на что они способны.

Не в пример прочим пансионеркам, на удачное замужество девочки не рассчитывали, будучи откровенно некрасивыми и слишком рано осознав, что вряд ли кто польстится на бесприданниц, да ещё из сословия священнослужителей. Ладно бы — обедневшие дворяночки, на таких женились иной раз только ради титула. В результате семья получала от какого-нибудь богатого купца или мещанина, сколотившего состояние из удачных вложений в заморские компании, крупное содержание: при условии передачи наследственной приставки «де-» к родовой фамилии. Этого у пасторских дочек не было, разве что честное имя да незаурядный ум, но последнее вряд ли можно было отнести к достоинству или капиталу девушки.

...Вспоминая годы обучения, Доротея неожиданно улыбнулась. А ведь, оказывается, ещё до трагедии с Алексом был в жизни период, когда, казалось, ни будущего, ни просвета. Их с сестрой спасла дружба с Изольдой Смоллет, одной из немногих девочек, ни капельки не кичащейся происхождением и знатностью своего рода, а также тем, что родители её были приближены ко двору. Дори порой не понимала, почему обществу будущих фрейлин и светских дам Изольда предпочитает компанию её и малышки Милли, «белых мышей», как их презрительно называли местные воображалы. Иззи, отец которой удостоивался чести читать утренние доклады Его Величеству, а матушка — разбирать цветные шелка для рукодельной корзины Её Величества, красавица Иззи, которую ожидала блестящая светская карьера и, уж, безусловно, не менее блестящая партия, Изольда Белорукая, как её в шутку называл собственный братец Александр... Алекс, Лекси... — находила куда более интересным грызть орехи на монастырской кухне вместе со своими «мышками», или, затаившись в садовой беседке, читать вместе с ними запрещённого Бокаччио, вместо того, чтобы сплетничать с барышнями своего круга. Скандальный «Декамерон» подсунул им тот самый весёлый лукавый брат Изольды, что придумал ей эпичное прозвище, столь обаятельный молодой человек, что даже суровые монахини, неодобрительно поджимавшие губы при виде любого существа мужеского полу, сердечно улыбались этому юноше. Да и невозможно было ему не улыбаться...

«Господи, как вы похорошели, мисс Доротея», — закричал он однажды восхищённо. «Вы просто расцвели за это лето, как одна из прелестных роз в вашем монастырском саду. Только вы ещё краше. Какое счастье, что в этих стенах нет мужчин, и вас больше никто не видит! Пожалуйста, не торопитесь покидать это место, пока я не добьюсь разрешения на брак с вами».

Она лишь расхохоталась в ответ. Разве можно было воспринимать сказанное всерьёз? Но долго потом рассматривала себя в зеркало, под смешки и хихиканья мышки-Милли, которая, не отставая от сестры, за последний год и вытянулась, и обзавелась изящными округлостями — несмотря на скудный рацион из овсянки и чечевичного супа — и стала вдруг прехорошенькой. То-то щипков и тычков от будущих выпускниц прибавилось!

А через год, ровнёхонько к выпуску, Алекс и впрямь попросил её руки. Он был очень упрям, её Лекси, и умел добиться своего, а, главное, ему попались на редкость понимающие родители, в бурном прошлом которых была грандиозная романтическая история. В отличие от себе подобных небожителей, они не считали будущую женитьбу сына мезальянсом, им, оказывается, было главное, чтобы их мальчик обрёл счастье и любовь — вот глупости-то... Именно, что глупости, подумала сперва Доротея — и... отказала Алексу. Получив нагоняй от Изольды, настоящую истерику от сестры, злые смешки за спиной и непонимающе-

презрительные взгляды в лицо. Отказала, скрепя сердце, чтобы не портить жизнь молодому человеку, которому втайне успела отдать своё разбитое сердце.

Через неделю Александр Смоллет вернулся. С новым предложением руки и сердца, с назначением дипломатической миссии в Галлию, и... в сопровождении родителей. Которые и взяли бывшую «белую мышку» в оборот, да настолько прочно оплели уговорами, обещаниями, похвалами, рассказами о прекрасном будущем супругов... что очнулась бедная Дороти уже в каюте корабля, отплывающего в Гавр. Словно восстав ото сна, она с недоумением посмотрела на драгоценный обручальный перстень с монограммой супруга, на роскошные ковры, устлавшие пол каюты для новобрачных, на сияющего... мужа, да, мужа! Вспомнила плачущую от счастья Милли, которой оставалось протянуть в пансионате ещё год, но уже никто не посмеет смеяться над ней и унижать! Вспомнила недоверчивые глаза своих родителей, их переглядывания, вздохи, но — последующее благословение, вспомнила венчание в громадном соборе и непонятным образом взявшееся на ней великолепное подвенечное платье, нежный запах ладана и мирры, торжественный хор певчих — а затем более скромную церемонию в церкви, где служил отец. Да, это же он настоял на двойном браке, ибо жених был католиком, а невеста — протестанткой, а, дабы брак был признан обеими конфессиями, допускалось свершение обрядов представителями и той, и другой ветви христианской церкви, лишь бы в один день... Вспомнила дорожные сборы и суету вокруг — именно что вокруг, она сама была не в состоянии и пальцем пошевелить, всем распоряжались свекровь и золовка. Всё было как в угаре.

И только сейчас, когда Алекс нежно и бережно притянул её к себе, прикоснулся губами к макушке — поняла, что всё это — не сон, и счастье возможно. И заплакала сладкими слезами.

...Доротея, невольно улыбнувшись, вздохнула.

Пусть недолгое, но своё, личное Счастье у неё было. Воспоминания о нём помогали ей сохранить себя в глуши, не опуститься... совсем уж, не превратиться окончательно в «тётку Дору». Да, она расплылась, что удивительно, потому что разносолов в доме брата не водилось, в основном хлеб, каша, иногда — солонина, и вечная чечевица... Августо всё постился и худел, наверное, оттого то и был таким желчным, а вот она почему-то всё раздавалась вширь, хоть иногда кусок застревал поперёк горла. Должно быть, женская натура такова, всё старалась себя сохранить, как будущую мать, вдруг ещё получится понести, выносить младенца, а для того надобно быть «в теле». И не объяснишь ей, натуре, что зря старается. Доротея молча страдала от своей нежеланной полноты, и смиряло её лишь одно: дородство у крестьян считалось красивым, тучный человек пользовался, как ни странно, куда большим уважением, как достигший успеха в жизни. Слабое утешение, конечно...

Но совсем недавно, зашнуровывая на ней корсаж, хитрюга Бланш промурлыкала:

— Право же, приятно иметь дело не с мощами, а с нормальной женской фигурой. Вы даже не представляете, мадам, как надоело подгонять фальшивые груди и задн...прошу прощения, ягодицы. Ох уж мне эти модницы! С одной стороны — хотят быть утончёнными и голодают, пьют яблочный уксус пинтами, портят зубы и желудки... Нет, худеют, конечно, но в первую очередь в области самых что ни на есть женских прелестей. Почему-то груди при похудении сдуваются сразу, а я — изволь их наращивать, но ежели их нет — так и не будет! Пока дама сидит или стоит — подделка ещё не заметна, а вот когда начинают танцевать — тело же живое, двигается, то, что своё, вздымается при дыхании, а вата сбивается, некрасиво,

да и... фи, одним словом. Мне нравится, когда у женщины собственный бюст, на такой и платье подгоняешь с удовольствием. Да и мужчинам это по вкусу, поверьте, тем более, что женщин они предпочитают видеть... гхм... ну, вы меня поняли. В натуральном, так сказать, виде. И все эти фальшивки гроша ломаного не стоят, да и чести их носительницам не прибавляют. А у вас, мадам, такое богатство, я вам скажу, не сочтите за фамильярность, многие позавидуют. И плечи великолепные, не тощие цыплячи, а настоящие женские плечи; и шея, и руки... Эх, мне бы такие, да что-то я от природы без телес, никак не наем, всё не в коня корм...

Так, приговаривая сквозь зубы и умудряясь не давиться булавками, зажатыми в зубах, Бланш носилась вокруг Доротеи, а вслед за ней маленькими смерчками поспешали девочки-мастерицы. Поначалу Дори только морщилась, трескотня модистки казалась ей неприкрытой и грубой лестью, коей обычно забивают голову богатым клиенткам, но волей-неволей она всё чаще поглядывала на себя в высокое зеркало. А ведь не хотела, стеснялась — нет, не то слово: боялась! — увидеть там настоящего монстра, неуклюжую бесформенную тушу, какой себя и представляла в последние года. Но то, что открывалось её поначалу робким, а после — удивлённым взорам, приятно разочаровывало.

Да, конечно, она поправилась. Но тридцать пять — не семнадцать, и трудно ожидать от женщины её возраста осиной талии. На её памяти присутствующие на балах матушки, тётушки и даже незамужние дамы её нынешнего возраста редко когда могли похвастаться природной хрупкостью, скорее уж — к этому времени они набирали изрядную долю солидности и телес — как раз в области «наших женских прелестей», как выразилась Бланш. Тогда-то, будучи совсем юницей, Дори не особо обращала на это внимание, а сейчас вдруг поняла, что за молоденькими девушками мужчины гонялись, подыскивая себе партию, а за зрелыми — в поисках амурных утех. Значит, они их привлекали, и отнюдь не душевными качествами...

И этот бледно-голубой цвет ей удивительно шёл. Однако Бланш Леро решительно забраковала понравившееся Дори платье и извлекла на свет сиренево-розовое.

— Мы же готовимся к первому визиту к его светлости, не так ли? А то платье отвлечёт внимание от ваших глаз, они у вас прелестные светло-голубые, но на фоне платья меркнут. Вот это, — она победоносно потрясла корсажем в нежных лилиях, — прекрасно их оттенит. И это замечательно, что при ваших волосах у вас, тем не менее, чудесные тёмные брови. Ах, сударыня, просто грех было прятать такие волосы под вдовьим чепцом...

— Традиция, — сухо обронила Дори.

— Да, конечно. — Бланш спохватилась, заметив, как замкнулась, ушла в себя клиентка. — А давно ли у вас траур? Может, мы слишком рано переходим на светские тона, и надо будет подобрать что-то из чёрного, коричневого или фиолетового?

— Они мне до смерти надоели, — услышала, к немалому изумлению, собственный голос Дори. — Мужа я потеряла давно, это так, но на днях похоронила брата... Вот что, Бланш, я уже не могу смотреть на это чёрное. Давайте оставим живые цвета, я по ним так соскучилась... — Неужели это она рассуждает, сама, вслух? Как ополчился бы сейчас покойный Август на её суетность! — Добавим только отделку чёрным кружевом...

Леро энергично закивала.

— Да-да, оно здесь будет уместно. И бархатную чёрную ленту в волосы. И траурное кольцо, я пошлю девочек за ювелиром, пусть принесёт вам что-нибудь на выбор. Не слышали о траурных кольцах? О, это уже лет пять как в ходу. Если этикет обязывает даму

показываться в обществе или при дворе, ей не обязательно демонстрировать, что она в глубоком трауре, и навевать тем самым на окружающих лиц мрачные мысли, а достаточно носить такое кольцо — как обозначение скорби по усопшему. Очень удобно, особенно при дворе, где среди пышных нарядов дама в чёрном чувствует себя этаким вороной...

Надо отдать должное Бланш Леро: она умела и задурить голову, и очаровать, и вместе с тем сделать своё дело непринуждённо и профессионально. Ничего удивительного, что капитан Винсент, вернувшись к вечеру, лишь скользнул взглядом по женской фигуре на диванчике в приёмном холле и обратил терпеливый взор на лестницу, ожидая модистку со своей новой подопечной. Но что-то словно толкнуло его и заставило развернуться к посетительнице.

Дама настолько была увлечена какой-то книгой в ожидании, по-видимому, заказа, что даже не заметила входящего. Усмехнулась прочитанному, перевернула страницу... Сочтя неудобным оставаться в тени и не желая напугать чтицу, капитан кашлянул, дабы обозначить своё присутствие. Женщина подняла взор... Винсент почувствовал, что подошвы его ботфорт прилипли к полу.

«Тысяча демонов!

Тысяча... миллион, черти бы их взяли!

И где были мои глаза!

Сколько же ей лет?

Я идиот! Она не седая! Дурацкий чепец, чтоб ему... Она не седая! Она...»

Все эти рулады сумбурно и бессвязно проскочили в голове капитана в считанные секунды. Глубоко вздохнув, он завершил, уже спокойно:

Она блондинка. Но какая!.. Теперь я верю, что равных ей не было...»

Конечно, никуда не деть малость располневшую талию, и прожитые года не скроешь под атласным платьем, и цвет лица, хоть и освежённый отдыхом и лёгким облачком пудры, выдаёт длительное житие на лоне природы, сиречь в деревенской глуши, и у самых глаз при улыбке чуть обозначаются первые лучистые морщинки... Но о красоте Доротеи Смоллет сейчас никак нельзя было сказать, что она «былая». Она расцвела, как бутон, случайно попавший под заморозки, но оживлённый солнцем, тёплым ветром и живительной влагой.

На миг прикрыв глаза, капитан Модильяни строго-настрого приказал себе: впредь — не поддаваться первому впечатлению и смотреть глубже... Там, в Саре, он не ждал ничего необычного; увидел мощную женскую фигуру в бесформенной одежде, знал заранее, что это родственница пастора, к которому он не питал ни малейшей симпатии, несмотря на свалившиеся на голову Глюка испытания. Видел светлые пряди, выбивающиеся из-под бесформенного чепца. В его представлении — такой могла быть женщина пожилая, пусть и не старуха, но далеко не первой молодости. И что же? Первое неправильное впечатление не позволило ему в дальнейшем быть беспристрастным, затмевало глаза...

Светлые пряди...

Мало того, что Бланш Леро подобрала наилучший фасон платья, выгодно подчеркнув плавные изгибы фигуры и в очередной раз доказав, что полная женщина может быть необыкновенно привлекательной и соблазнительной. Умница Бланш, сама того не зная, относилась к своим творениям, как знаменитый Леонардо — к рамам и багетам для своих картин, считая, что достойное обрамление должно не привлекать к себе внимание, а лишь оттенять то, вокруг чего располагается. Удачно подобранная рама становилась единым целым с картиной, мало того — готовила зрителей к созерцанию шедевра. Платья Леро

творили шедевр из той женщины, для которой были созданы.

Капитан низко поклонился, сорвав шляпу и не замечая, что перьями щедро обметает пол.

Церемонно присев в реверансе, Доротея Смоллет склонила голову, и свет зажженной по случаю наступающего вечера люстры заиграл отблесками в её чудесных белых локонах... да, почти белых, цвета старой слоновой кости, столь редкого и удивительного оттенка, какого и не встретишь в природе. Из-за которого-то её с Милли нещадно дразнили в пансионате «белыми мышами», и которого нынче многие модницы пытались добиться химическими и алхимическими препаратами, но либо превращали волосы в паклю, либо обесцвечивали до прозрачности. Чудесные локоны, выпущенные, наконец, на волю, преобразили женщину до неузнаваемости.

И в то же время — не было в ней лоска светских красавиц, навощенного нескромными взорами, томности избалованных мужским вниманием гурий, распушенности дерзких сердцеедок, хорошо знавших силу своих чар. Была затаённая боль в глазах, сжатые губы, свидетельствующие о серьёзности характера, твёрдо очерченный упрямый подбородок... Нет, это не графиня, вдруг отчётливо понял Винсент. Это бунтарка на покое. И герцогу она понравится. Ему придётся это признать, видит Бог!

...А дальше...

У Доротеи сложилось впечатление, что когда-то она уже попадала в подобный угар. Почему-то в памяти оставались лишь отдельные моменты. Разрумянившаяся Бланш, с удовольствием принимающая вместе с весомым кошельком сдержанные похвалы Модильяни, странные огоньки, пляшущие в глубине синих капитанских глаз... Чёрный герцог... Почему чёрный? Потому что первое, что бросалось в глаза — великолепная иссиня-чёрная шевелюра, не поддающаяся, судя по всему, ни щипцам, ни прочим приспособлениям цирюльников, но замечательная именно в своей дикости. Доротея не могла припомнить ни единого слова из его вопросов и своих ответов, лишь то, как разглаживалась морщинка на светлейшем челе, как поглядывал он на неё сперва снисходительно, затем с интересом, затем даже прищурившись... потом отвёл жгуче-вишнёвые глаза. «Дорогая...» — только и успел сказать, как на Доротею обрушился вихрь из шелков, батиста и девичьих слёз. «Тётушка Дора! Неужели это вы? Какая же вы красивая!» «Дорогая...» — только и смог повторить его светлость беспомощно, но его, похоже, е слушали: «Вы ведь останетесь с нами, тётушка Дори, да? Жиль, скажи!»

И ещё чья-то фигура, тоже мужская и тоже чёрная... Секретарь его светлости, мэтр Максимилиан Фуке, торопливо подбирает с пола рассыпанные отчего-то бумаги. Ах, да, это она, неловко повернувшись, задела его локтём! Забыв об условностях, Доротея, присев, поднимает несколько свитков, откатившихся в сторонку. Секретарь сердит, его глаза мечут молнии, но он поспешно помогает ей встать и едва не обрывает оборку платья, наступив на подол. Оба бормочут извинения. Обоим неловко. Ситуацию спасает рослая синеглазая женщина, кажется, домоправительница, которая не стесняется сделать громогласный выговор мэтру, подхватывает Доротею под локоть и влечёт показать её комнату...

Вот эту самую.

Теперь это её новый дом. Надолго ли?

Дори вздохнула.

Милая девочка Марта... Богатство и слуги не испортили её, и не испортят, в этом можно не сомневаться. У неё светлая умная головка, впитывающая новые знания, как губка.

Ей для обучения потребуется не так уж много времени. Это в пансионах на тридцать учениц одна патронесса, а здесь — на одну воспитательницу одна подопечная. Всё будет намного легче и быстрее, нужно только продумать программу занятий, согласовать с его светлостью — Дори нужно знать его требования, она же ничегошеньки не помнит из предыдущего разговора. Полгода, от силы год — и её услуги больше не понадобятся. У Марты-Анны появятся подруги в новом кругу, она, Доротея, как старшая и более опытная, просто поможет ей определиться с тем, кому можно доверять, а кому не следует. Потом, рано или поздно, у герцогской четы родятся детишки, а для них наберут воспитателей и няnek совсем другого уровня...

Полгода-год.

Что ж, это немало. За это время можно присмотреться, заглянуть в тот самый монастырь, о котором говорили недавно святые отцы, возможно — подготовить местечко для себя. Там будет видно. А сейчас — помнить, что она здесь не в гостях, а на службе. Прийти в себя после столь неожиданной перемены в своей жизни и... Доротея устало потёрла лицо. Хотя бы разобрать вещи. Гардеробная ещё пуста, шкафы и комоды — тоже, словно ожидают, когда, наконец, обрастут новыми вещами... Всё вокруг новенькое, с иголочки, как платье на ней, и только её дорожный сундучок скромно стоит возле кровати, единственное линялое пятно во всей обстановке, но оно ей мило, как напоминание о старой жизни. Этот сундучок был с ней ещё в те далёкие времена, когда она путешествовала с Алексом. Она ни за что с ним не расстанется.

Руки сами вспомнили, как развязывать ремни, дополнительно поддерживающие крышку. Пошарили в поисках ключа... Но ключ остался в старом платье, которое она не стала забирать у модистки. Не беда. Ключи она теряла часто, а потому ещё с детства научилась открывать нехитрые замки погнутым гвоздём или шпилькой, наука нехитрая. Послушно звякнув, замок открылся. Дори откинула крышку.

И увидела ту самую книгу.

А ведь она её специально положила сверху, чтобы не забыть!

Постучавшись, заглянула горничная.

— Госпожа Доротея, вас ждут к обеду в малой столовой! Вам помочь приготовиться?

— Спасибо, милая! — Новая компаньонка герцогини, такая величественная и неприступная с виду, но ничуть не гордячка, с сожалением вернула церковную книгу на место, поднялась с колен. — Нет, переодеваться мне пока что не во что. Просто проводи, я же здесь пока ещё ничего не знаю...

***

— Жи-иль! Жиль, ты такой... Необыкновенный! Я так рада! Как ты догадался привезти сюда тётушку Дору? Она ведь столько знает, она такая умная, и так хорошо учит! Я у неё всё понимаю! Спасибо, Жиль!

— Э-э... Милая... не приписывай мне чужих заслуг. Её привёз Винсент. Но если хочешь меня поблагодарить — посиди со мной немного... Нет не здесь, кресло и без того тесное, садись на колени... вот так.

— Жи... Ох... А это ничего, что мы так... обнимаемся? Всё-таки ещё светло...

— Это от свечей светло, моя ласточка, сейчас мы их потушим.

— Жи-иль! Подожди немного... Можно спросить?

— Спрашивай, солнышко.

— А дядя Жан тоже сюда придет? И мальчики? Им можно?

— М-м... Не всё сразу и не все сразу, ласточка моя. Не забывай, ты всё же для всего мира теперь — Анна, и если вокруг тебя будет слишком много чужих родственников... Ну, ну, сердечко моё, не огорчайся. Мы что-нибудь придумаем. Мне уже сейчас нелегко называть тебя чужим именем, я всё время опасаюсь проговориться на людях, но... подожди немного. Однажды я перед всем миром назову тебя Мартой, только нужно, чтобы это никому не принесло вреда, понимаешь? И в первую очередь тебе, милая.

— Да, Жиль, я знаю, ты всё продумаешь и всё сделаешь лучше всех. Ты такой добрый, Жиль...

— Правда?

— Правда-правда! Можно, я тебя...

.....

...- Марточка, это ужасно.

— Ой, что ужасно?

— Без «Ой»!

— Да-да, я поняла, так что?

— Ты совершенно не умеешь целоваться, моё сердечко. Это меня огорчает. Такая умная девочка — и такой пробел в обучении... Надо срочно всё исправлять. Начнём прямо сейчас. Делай, как я...

.....

— ... Ух... Жи-иль...

— Ласточка моя...

— А что это ты затеял?

— То, что должны делать твои горничные. Повернись, никак не найду начало этой шнуровки... Я ужасно ревнив, милая, а ещё, оказывается, жуткий завистник, я только недавно это понял. Стоит мне подумать на досуге, что Берта и Герда тебя каждый раз раздевают перед сном и смеют лицеизреть эти...

— Ох, Жи-иль...

— ...эти прекрасные белоснежные грудки... эту впадинку между ними...эти сосочки, розовые, как губки Амура...

— Ох... что ты там видишь, в темноте?

— А я уже привык. Да и на ощупь вдвойне интереснее. Дай-ка сниму второй рукав; не правда ли, из меня получается отличная горничная?

— Не слишком, ваша светлость. Всего полдела сделано, а как же юбки?

— Я больше привык их задир... нет, не слушай меня, сердечко моё. Я и впрямь нерадив. Помоги мне, и мы вместе справимся с этим ворохом ненужной ткани, она давно уже мешает.

— Мешает? Чему? Ой, щекотно...

— Прекрати хихикать, девочка. Я очень серьёзен. Та-ак, ещё одну юбку долой... Чему мешает? Да я уже дымлюсь от напряжения, неужели ты не видишь?

— Не вижу, ваша светлость, вы же сами погасили свечи... Как вам не стыдно? Чем это вы ко мне прижимаетесь?

— Раздевая девушку, что сидит у тебя на коленях, нет-нет, да прижмёшься чем-нибудь к талии.

— Это не талия, она выше. Я уже кое в чём разбираюсь, ваша св... Ой!

— Я же сказал, что дымлюсь... это от излишней горячности. Ты не боишься? Марточка,

милая...

— Не боюсь. Поцелуйте меня ещё раз, ваша св...

— Жиль...

— Жи-иль...

.....

— А как же мы найдём в темноте мою сорочку? Это неприлично — спать голой!

— Очень даже прилично, особенно с мужем.

— Правда?

— Конечно. Только спать в кресле неловко, пойдём... в кровать, в конце концов!

Марточка, сердечко моё...

— Жиль, Жиль, погоди...

— Ничего не бойся, солнышко. Давай-ка я тебя уложу поудобнее... Слушай меня внимательно. Сейчас я задам тебе один вопрос, очень важный, и ты мне на него ответь, пожалуйста. Ты будешь моей женой?

...

— А разве мы... мы не...

— Однажды назвав тебя перед всеми Анной, я не оставил тебе выбора. Родная, я благодарен тебе за всё, но хочу, чтобы ты решила всё сама, а не стала моей от безысходности, от того, что некуда деваться.

— Ты просто дурачок, Жиль. И вы, ваша светлость...

— Марточка, ну что ты, не плачь!

— Это я от счастья. Я люблю тебя, Жиль. Правда-правда. Не веришь?

— Боюсь поверить, милая. Вдруг — открою глаза, зажгу свечи — и всё попадёт?

— Нет уж, ты поверь... Хочешь, поклянусь?

— Не надо, я и так...

— Послушай, Жиль, я должна, понимаешь? Должна сказать. Я же знаю, что у нас не будет настоящей свадьбы, и венчания не будет, когда же мне ещё это сделать? Вот подожди, только соберусь с мыслями, вспомню, как это говорится — и всё скажу, как надо... А потом — пусть у нас будет всё, как у настоящих мужа и жены, ты ведь этого хочешь, да?

— Да, да, моя ласточка... А ты?

— Ужасно хочу. Так слушай же... И не перебивай, это важно... Жильберт, муж мой и господин, я, Марта, перед Богом и людьми обещаю быть тебе верной женой, быть всегда рядом — и в горе, и в радости, и во здравии, и в болезни, и в годы, когда... в общем, пока смерть не разлучит нас. Всё. Аминь. Правильно?

— Аминь. Да будет так. А я — тоже должен что-то сказать?

— А ты уже сказал. Не помнишь?

— Бей меня, ласточка моя, но не помню... Когда?

— Тогда, в карете. Когда кольцо мне надел. И сказал: «Этим кольцом, Марта...» Ты уже тогда на мне женился, не понял?

— Марта...

— Жи-иль...

— Это сколько же времени потеряно! Не волнуйся, я всё наверстаю, солнышко, прямо сейчас и начну... Иди же ко мне...

***

По случаю воскресного дня прислуге давалось небольшое послабление. Желаящие могли пойти на обедню в часовню самого Гайярда, кое-кто из слуг отправлялся в центральный собор или знакомую церковь. Даже бывшие пленники из Кордовского эмирата освобождались до полудня от работ, и пусть не все из них ещё согласились принять таинство Крещения — сколь уж живёте в христианском мире, то соблюдайте его законы, а христианский Бог заповедовал отдыхать от трудов праведных в каждый седьмой день. Разве плохо?

Отпустив горничных, матушка Аглая спохватилась, что не всё за вчерашний день успела сделать. Задал её сынок задачу, распорядившись обустроить покои для компаньонки душеньки-её-светлости... Дело-то хорошее, только вот с бухты-барахты... Гостевые комнаты всегда наготове, так только убираются, пока в них не живут, раз в две недели. Вот и пришлось давеча всех девушек согнать на срочную работу, да кое-что поменять из мебели, да поставить ширмы, проверить камин, поставить новый экран — осень на дворе, ночи уже прохладные... Да потом, после того, как господа отобедали, ловить момент, чтобы побеседовать с госпожой Доротеей о её привычках, наклонностях, узнать, когда её будить, что она предпочитает на завтрак, сколько ей нужно горничных... Заодно и присмотреться: как-то нехорошо у матушки Аглаи ёкало сердце, стоило лишь припомнить, какие взгляды негодник Винсент бросал в сторону этой мадам, когда она того не замечала.

Не такой хотела бы видеть Аглая будущую невестку. Госпожа Доротея — дама во всех отношениях положительная, достойная, но... вдова. А хотелось бы для сына девушку, что ни говори, и помоложе... Впрочем... Матушка Аглая сердито одёрнула самоё себя. Нечего надумывать, на пустом месте огород городить. Ну, глянул сыночек на красивую женщину раз, другой... На неё все таращились. Даже престарелый Гийом шею выворачивал, бабник, а уж лакеи-то — так и стреляли глазами, пока блюда разносили да у дверей дежурили, как без этого.

А вот за вчерашними внеплановым хлопотами домоправительница совсем забыла о том, что простыни, да и вся постель его светлости меняются еженедельно, и никак не реже. Упустила, а помощница Филиппа не напомнила, клуша... Что ж, раз такое дело — она, Аглая, и сама управится, чай, не белоручка. Одну-то постель заправит, тем более светлейшую...

Она откинула лёгкое пуховое одеяло... и замерла.

Красное пятно на простыне так и бросалось в глаза.

...Что-то ничего ни Берта, ни Герда не говорили о том, что госпоже понадобятся специальные панталончики с накладками. Да и... прямо с утра, не позавтракав — что не удивительно, ибо так полагается — госпожа Анна с новой компаньонкой отправились на воскресную службу в монастырь святой Урсулы. А в «женские» дни храм не посещают, это каждая девушка знает, как только в зрелость войдёт...

Аглая вытерла внезапно вспотевший лоб.

Вот оно что. Такая вот «госпожа Анна»...

Постояла. Подумала. Оглянулась на двери... Да нет в крыле никого, никто не заглянет. Решительно сдёрнула с постели батистовую простыню, всмотрелась в обшитый фестонами край и — р-раз! — дёрнула там, где обмётанный зубчик был вырезан чуть глубже остальных. Как раз рядом с вышитой герцогской лилией и короной. Тончайшее полотно весело затрещало под руками. Вот так... Такое добро выкидывать — заметят. Сжечь в камине — будет долго вонять палёным. А если простыня порвалась — обычное дело,

домоправительница сочла, что его светлости негоже на рванине лежать, отдала прислуге, как водится, а у кое-кого из девушек как раз начались регулы, отсюда и пятно. Бывает.

Вот и всё.

Не глядя, Аглая сунула простыню с корзину для белья.

Раз его светлость велел называть свою душеньку Анной — на всё его воля. Он, может, рядом с этой девушкой за три последних дня улыбался чаще, чем за три года жития со своей стервозой. Вот и славно. Пусть её ненаглядный молочный сынок будет, наконец, счастлив.

И его матушка Эстер там, на небесах, наконец, возрадуется...

Глава 12

Под куполом храма Серафима Эстрейского звуки хора переплетались с радостными голосами певчих, возвещавших здравицу венценосной герцогской чете. Над подрагивающими серебряными трубами органа дрожало дымчатое марево благовоний. Хор юношей и мужей выводил многоголосую мелодию столь чисто и благостно, что казалось — не на латыни, а на языке ангелов, недаром у слушателей сладостно стискивало грудь, а на глазах появлялись слёзы.

— Герцог, сам герцог здесь... — шептались в толпе.

Солнце играло в восхитительных мозаиках Джоджи на мощных четырёхугольных колоннах-столпах, коих в храме было ровно двенадцать, по числу апостолов, и каждая грань колонны была посвящена одному из деяний сподвижника Спасителя. Щедрое светило вкупе со снопами зажжённых свечей разогревало и без того усердно тлеющие курильницы, и от дрожания нагретого воздуха казалось, что фигура Сына Человеческого в скромном синем хитоне выплывает из витражного окна над алтарём прямо к прихожанам, простирая руки в вечном благословении.

Не перебивая, но вплетаясь в гармоничный ритм богослужения, носились по храму шепотки.

— А проповедь-то будет читать сам высокопреосвященство... Нечасто он соизволит... Не иначе, знал, что герцог будет.

— Дура... Вот, прости-Господи, ляпнул же из-за тебя в Божьем Доме. Как ему не читать, когда, говорят, он обещал его светлости мессу во здравие спасённой герцогини! Вот они и оба — тут...

Солнечные блики задорно переливались в золотом шитье казул, плясали над епископской митрой и шапочками клириков, растекались по кистям цингулумов — нарядных поясов алтарников.

— Гляди-ко-ся, вся братия в праздничном, ой-йе, богато... Ой-йе, свезло нам, кум, на какую службу попали! Красота-то какая! А герцог-то, герцог, ну до чего хорош...

— Т-с-с, а ну, кто там? Тихо, не мешать! Не по чину заглядываешься, ворона!

— А ты на мою куму не цыкай, мил человек... Пстой, не серчай, бабий ум-от недалёк, сам знаешь — никакого почтения к высшим мира сего! А вот я смотрю, мил человек, ты из здешних, а поспрошать позволишь?.. Благодарствую! А что же с а м — то один, без светлейшей? Поговаривали, и о н а будет, а уж как моим бабам-то хотелось глянуть на новую герцогинюшку. Что ж так?

— Говорят, должна была. Тихо, говорю, не мешайте... Дика, говорят, новая герцогиня, да боязлива, пугается, когда людно.

— Эх...

— Ох, батюшки!

— Да неужто того... разумом-то...

— Цыть, сороки! Я вам... Люди сказывают — очень даже не «того», а наоборот: умна, говорят, добра да приветлива. Только память у неё на многое отшибло.

— А что, мил чел, правда бают, будто в лесу её держали да в пещере, да голодом

морили?

— Может, и морили, потому как — говорят, больно тонка стала... Энта, подменная, гладкая, как кобылица, что ей, на дармовых харчах-то... А настоящей — кус хлеба да кружку воды совали, и то через день, ежели о бедняге вспомнят.

— Вот оно как... Ах, бедная: а ведь в холе, в воле до этого жила, как у Христа за пазушкой, а тут — пещера, свету белого не видать, спала, поди, на гнилой соломе...

— Да не, я вам скажу — от товарки слыхала, а у той племяш в конюхах при графе одном, так тот слыхал от герцогского конюха...

— Вот растрещалась... Граф, что ли слыхал?

— Тю-у! Сказываю же: племяш! От другого конюха, что в Гайярде — что, мол, в Анжи её томили разбойники. И не в пещере, а в погребе...

— И не разбойники, бабоньки, а орчий прихвостень. По их наущению, орков-то, герцогинюшку-то нашу и выкрали. А энту кобылицу вместо неё приставили, чтобы муженьком вертела по ихним, орчьим, приказам. Да только нашим-то не повертишь, во он какой... Как зыркнет — наскрозь всего тебя увидит

— То-то, увидит... Что ж он сразу обман-то не распознал? А, кума? Эх, бабы... А ты, мил человек, что думаешь?

— А то! Да тише, я же просил, на вас, дурней, уж оглядываются... Не знаешь, разве, что силу он свою потерял?

— Как так?

— Как... Деревня! А за что его светлость... — говорящий опасливо понизил голос, — Троегубым-то прозвали, честь ему и слава? Он самого короля спас, в Пуату, когда маги, сволочи, захотели своего Фридриха на престол посадить. Тут наш орёл-то и поспел. Собой короля закрывал да от колдунов отбивался, а последний-то его боевым заклятьем и вдарил, самое сильное приберёг напоследок. Шрам с той поры и остался. Еле оклемался его светлость, а магию с той поры как отрезало — выжали его досуха проклятые колдуны.

— И чё?

— Чё... Деревня! На самозванку-то, поди, чары наложили, глаза мужу отвели, вот он и не распознал сразу. А потом, как она стала дела непотребные творить — вовсе от себя отдалил. Не жена ты мне, говорит. Хоть и венчаны, а что б я тебя не видел. Прочь с глаз моих!

— У-у... круг...

— Ой, какой!

— А как же энту супружницу нашёл, настоящую?

— Ах, кум, говорят тебе: в Анжи её отыскиали. Когда стали леса шерудить, последних окров отлавливать — на разбойничий притон и наткнулись. Шасть в погреб... а там — о н а, на цепи, бедняжка, уже при последнем издыхании... Говорят, три менталиста силы в неё вдыхали, что б живой до дому довести, в чём только душа держалась.

— Вот оно как...

— Три менталиста, бабоньки...

— Белая кость... Над нашей сестрой так бы не крутились. Ну, дай ей Бог, пущай здоровычка набирает. Правда, мил человек?

— Да уж. С ней и светлейший ожил. Бывало, туча тучей здесь стоит, глазищи горят, как у чёрт... тьфу, прости-Господи, в Храме-то... А нонче — благолепие какое на лице. Эвон оно как, с законной-то супругой под бочком; видать, сладилось...

Высокий, плотно сложенного монах, доселе погружённый в благочестивые размышления, улыбнулся каким-то своим мыслям, но на стайку разряженных горожанок, расчирикавшихся не в меру на соседней скамейке, взглянул с укоризной, покачавши головой. Одна, наиболее совестливая, ойкнула и спряталась за спину муженька, судя по эмблеме на шапке, судорожно сжатой в ручище — сапожника.

— Будет вам пустословить, — густым шёпотом выговорил монах. — Ох, дочери Евы...

А службе праздноговорящему, от своих дел отлынивающему, строго велел впредь не болтать. И не только лишнего, а вообще... «Мил человек», переменившись в лице, пораскрывал беззвучно рот — и захлопнул, завздыхав. Кумушки в страхе и почтении часто закрестились и замолчали — сами, к великому облегчению их спутника, который уж и не знал, угодит ли после службы домой — или прямо в пыточную, к мастеру Карру, за особо длинный язык...

Смиренный брат же, усмехнувшись, бесшумно поднялся со скамьи и, не торопясь, заскользил в толпе по направлению к центральному приделу, туда, где, неподалёку от алтаря, располагались места для почётных прихожан. Несмотря на грузность, походка у святого брата была лёгкая, а оттого, что при ходьбе он слегка загребал носками, казалось, что идёт могучий медведь, и люди расступаются перед им, как деревья в лесу. А людей было много, мест на скамьях не хватало, и потому теснились в проходе.

Ближе к центру храма «лес» разределся — тут уже была публика высокого ранга: почётные горожане, аристократы, вельможи. И немного поодаль — места для высочайших особ. Туда и правил, ничтоже сумняшеся, скромный монах, и уже некоторые из барыnek удивлённо раскрывались сонные от проповеди глазки, а мужья или кавалеры торопливо поясняли на ушко, что, мол, опять кто-то из братии самого Бенедикта пожаловал, им везде доступ открыт, хоть, вроде и не по чину...

— Приветствую, брат мой. — Монах поклонился синеглазому офицеру, стоявшему неподалёку от кресла его светлости. Намётанный глаз брата Тука отметил четверых охранников в непосредственной близости и ещё двоих — на хорах. Но подошедший заговорил не с объектом охраны, а потому — был всего лишь прошупан взглядами.

— Рад видеть, брат Тук, — шёпотом отозвался капитан Винсент. Момент бы удачен: Литургия Слова закончена, архиепископ ещё не начинал омовения рук, и можно было обменяться несколькими фразами, не нарушая торжественности обряда освящения Даров. — Каким ветром занесло вас сюда? Я думал, в свободное от поручений время вы не выходите из кельи.

— А вы — из казарм, капитан. Примите мои поздравления. Похоже, мы оба не вписываемся в каноны наших Уставов.

— И всё же?..

— Вы здесь со своим кормчим, я со своим. Его Высокопреосвященство весьма рад, что его светлость, как истинный христианин, почтил в воскресный день своим присутствием сии священные стены, но выражает сожаление, что не видит рядом с ним прелестной добронравной супруги, во здравие которой, собственно, и служит сегодняшнюю мессу.

Капитан многозначительно приподнял бровь.

— Позвольте уточнить: он выражает только сожаление?

— И некоторое недоумение. Его светлость много лет посещал службы в одиночестве; сейчас, когда супруга чудесным образом вернулась — народу было бы отрадно видеть их вместе. Был бы достойный пример, а кроме того — пресеклись бы слухи о якобы хитрой

выдумке некоего лица, призванной обелить распутницу, списав её грехи на самозванку. Чем раньше новая герцогиня появится на людях, тем лучше.

Тонкая улыбка промелькнула на устах капитана Модильяни.

— Его светлость вряд ли нуждается в рекомендациях подобного рода, брат Тук. Он осведомлен о настроении народа и, будьте уверены, печётся о его благонравии. К сожалению, госпожа герцогиня пока не готова к выходу, её тревожит переизбыток внимания. Но она выразила желание отстоять воскресную службу в Божьем храме, и его светлость посоветовал ей навестить монастырь святой Урсулы, который удалён от шумного центра города. Госпоже Анне будет там спокойнее.

Брат Тук безмятежно кивнул. С видом, что уж ему-то это нисколько не интересно.

— Отрадное известие, брат мой. Вы позволите передать эти новости его высокопреосвященству?

— Полно, брат Тук, можно подумать — вас так волнует мой разрешение... Скажите-ка лучше, удалось что-нибудь выяснить по интересующему нас предмету?

Тук кивнул, вроде бы небрежно, но губы дрогнули в торжествующей улыбке.

— Артефакт изучается, но уже сейчас можно сказать: он был замкнут на некоем лице, находящемся здесь, в Эстре. Как и пояса умертвий, сопровождающих покойную... лже-герцогиню. Пряжки на поясах держали тварей в безусловном подчинении.

— И замыкались, стало быть... — задумчиво продолжил как бы про себя капитан.

— На одном известном нам обоим субъекте.

— С дипломатической неприкосновенностью, сдаётся мне... В кружевах и павлиньих перьях.

— Совершенно верно, брат мой.

— Но ведь мы наступим ему на хвост, не правда ли?

— Уж безусловно. Вы со своей стороны, мы со своей. Боюсь только, как бы после этого наш павлин не остался бы голозадым.

— Что это? Смиранный служитель божий знает подобные слова?

— Для пользы дела, брат мой, приходится узнавать многое.

— Верю. Однако же...

Капитан заколебался. Краем глаза увидел, как герцог недовольно на него покосился. Ну, простите, ваша светлость, иного места встречи просто не нашлось! Да и времени не хватает, с вашими-то постоянными поручениями...

— Помните, брат Тук, вы собирались выяснить ещё кое-что из своих источников. Насчёт одной фамилии, показавшейся вам знакомой.

Монах сдержанно вздохнул.

— На здешнем уровне — пусто. Нужно обращаться в Папские архивы.

— Даже так?

— Терпение, друг мой — высшая добродетель. Вооружимся же им...

***

...Нехорошо, думал Бенедикт, бросая на герцога взгляды поверх чаши со Святыми дарами. Совсем нехорошо... Глаза сияют, затаённая улыбка, мыслями витает в облаках... Из мужчины в подобном состоянии духа можно запросто вить верёвки. И кто её знает, эту новую герцогиню, так ли уж она проста и бесхитростна, как судачит прислуга. И не стоит ли кто за этой простотой?

Марта Дюмон. Почему-то в уме архиепископа к простому женскому имени добавлялась

совсем иная фамилия: Марта Лорентье. Дочь Мартины Дюмон-Лорентье, внучка Иоанн Дюмон-Лорентье... Неужели той самой?

Иоанну Лорентье долго искали после признания самим Папой её невиновности, но так и не нашли. Дело легло в тайные архивы уже лет... семь назад, кажется. Настала пора их перетряхнуть. Дождаться известий от Тука — о чём там они беседуют с капитаном, будто добрые приятели? — и послать его, пожалуй, прямо в Ватикан.

При раздаче причастия Бенедикт Эстрейский внимательно взгляделся в безмятежное лицо герцога и увидел самые наихудшие признаки, подтверждающие одно: его светлость, как заурядный школяр, был пьян любовью. Отсюда и лёгкое золотистое сияние — новое вкрапление в ауре светлейшего — и прозрачный взгляд, и, главное, полностью исчезнувший шрам над губой. Плохо дело...

«Ты снова мне нужен, брат мой», — потянулся он мысленно к брату Туку. «Жду тебя сразу после окончания...»

... Карета его высокопреосвященства была достаточно высока и широка, чтобы большой и сильный мужчина мог переодеться на ходу, не испытывая тесноты. К тому же, походный образ жизни изрядно упростил привычки Бенедикта, и для смены парадного облачения на простую рясу ему не требовалась помощь шести лакеев и целого штата придворных, как если бы это было при дворе Его Величества Генриха. Архиепископ по простецки стащил одежды через голову, обтёрся мокрым полотенцем, насухо вытерся и лишь после этого натянул на голое тело простую льняную рубаху, а поверх — коричневый балахон с объёмистым капюшоном. Теперь он был неотличим от членов собственной братии.

— Святой Урсулы, говоришь? — только и сказал, выслушав Тука. Помолчал. — Отлично. Я давно собирался навестить сестёр, посмотреть их хвалёный сад и поговорить о новой школе, да всё было недосуг. Вчера они послали мне уже третье слёзное напоминание. Нехорошо столь долго откладывать встречу...

И в последних его словах брату Туку послышалась скрытая угроза.

***

...А яблоки в монастырском саду были чудо как хороши. Желтобокие и полосатокрасные, с глянцевой, почти фиолетовой кожицей — и с нежно-розовым матовым восковым налётом, с кулак молотобойца — и с перепелиное яичко, мягкие, для уже немолодых челюстей — и твёрдости почти каменной, для зимней лёжки; тугие, крепкие — и наливные, чуть надкусишь — брызнет сок, сладкий, липкий...

Искушение, одним словом. Для окрестных мальчишек — гибель почти смертная. Потому что гонял их из того сада инвалид Гомер, даром что почти слепой, как легендарный тёзка, но слух имеющий отменный, и уж так ловко посылающий на подозрительный треск веток тяжёлый голыш из пращи — только держись! До смертоубийства не доходило, но многие лакомки, и из малолеток, и постарше, щеголяли, бывало, радужными синяками разной степени зрелости. Мало того, по испуганному вскрику дед мог вычислить и самого злоумышленника, и частенько бывало, что того по возвращении домой ждала хорошая порка...

Вот и получалось что, хоть и невысока монастырская стена — а не сунешься. Себе дороже. Крепкая сухая рука деда Гомера хорошо выбивала из юных голов тягу к чужим яблочкам. А куснуть так хотелось... Особенно, когда брюхо к спине подводило.

— Хочешь с нами играть — выдержи испытание, — сурово сказал Томас, вожак

местной «шайки разбойников», новенькому. — Ты — лёгкий, мы тебя посадим в хорошем месте, там от сторожки далеко, авось дед не сразу услышит. Вот тебе торба, принеси хоть пяток яблок, и тогда ты наш, с потрохами, понял?

Маленький Никола засопел. Совсем недавно ему пришлось выдержать куда более страшное испытание, неужто сейчас испугается? Подумаешь, старик с пращей. Вот принесёт он яблок — и не пяток а на всю честную компанию, полнёхоньку суму, а уж потом расскажет, как прятал от диких орков сестрёнку, как чуть не задохнулся в погребе, как изрезал все ноги — случайно задел горшок с соленьями, а он и разбейся, Никола сдуру-то на черепки напоролся, да не раз. Босой, в темноте... Так сестрёнку маленькую на руках и держал, на пол не опуская, чтобы не поранилась. А её уж третий год пошёл. Поначалу ничего, лёгкая казалась, а потом руки оттягивать стала, словно с каждой минутой по пуду весу прибавлялось.

Да ещё боялся он, что Жанетта заплачет, и тогда уж им точно — крышка, найдут их дикие. Укачивал дитя, шептал слова ласковые... Нет, про слова он никому не расскажет, они — мамкины, только для него с Жанетточкой.

— А и принесу, — солидно ответил. — Думали, испугался?

Пацаны перемигнулись — и потащили его за угол. Отсюда уже не видны были ни узорчатые ворота монастыря, ни чьи-то кареты, давно поджидающие седоков... Кучера и лакеи, пристроившись у фонтанчика неподалёку, перекидывались в кости. В другое время маленький Никки уж непременно подкрался бы поближе — рассмотреть гербы, заглянуть в застеклённые дверцы и, если повезёт, упросить прокатиться на запятках. Но то было баловство, а его поджидало настоящее серьёзное дело.

— Сейчас подкинем, — заговорил вполголоса Томас, — только ты сразу не прыгай: там у самой стены крапивы полно, её из-за нас не косят. Стена, вишь, широкая, пройди по ней восемь шагов... э-э, твоих вся дюжина... внизу увидишь мешки с травой, её для коз собирают. Сигай прямо туда. А как дело сделаешь — сюда возвращайся да свисни, мы ждать будем. Верёвку перекинем... — В доказательство честных намерений вожак выудил из-за пазухи моток крепкой верёвки с навязанными узлами. — Э-э, а ты лазить-то умеешь?

«Авось как-нибудь!» — подумал Никола и энергично кивнул. Его уже увлекала за собой великая сила азарта, из-за которой всё казалось по плечу, и отказываться от испытания из-за такой малости — неумения лазить через забор по верёвке с узлами — казалось неуместным. Ёжась от щекотки, он позволил приподнять себя за бока и... Мелькнули перед глазами красные кирпичи, гребень стены... Он едва успел схватиться за верх, заболтал пухлыми ножками в новеньких башмаках с пряжками, но потом удачно попал носком в какую-то выемку в кладке и сумел, опершись, подтянуться на руках. Перекинул одну ногу, другую. Оглянулся, чуть не сверзившись.

Новые друзья делали ему восторженные знаки и махали руками в одну и ту же сторону: туда, мол, туда! Помнишь? Мальчуган кивнул и кое-как поднялся.

Стена и впрямь была широка. При желании по ней мог спокойно пройти и взрослый. Не было на ней ни битого кирпича, ни железных колючек, что частенько раскидывали для непрошенных гостей; но вот беда — вездесущий ветер намёл земли, природа-мать и птахи щедро удобрили — и зелёной щёткой торчала вдоль всего краснокирпичного хребта свежая травяная поросль. Почти как на лугу. Эх, тут лучше бы босиком, да и привычней, а то ботиночки-то скользят...

И конечно, на пятом шагу Никола чуть не растянулся.

Он пискнул и испуганно взмахнул руками. Казалось, вот-вот выправит равновесие, и всё закончится благополучно, но тут — пролетавший особо низко стриж чиркнул молнией почти перед глазами, и мальчуган, отшатнувшись, грянулся вниз, с высоты почти трёх своих росточков.

Падая, он успел заметить густую крону с развешанными жёлтыми плодами, инстинктивно попытался уцепиться за ветки, и у него почти получилось — по крайней мере, он перевернулся головой вверх, но и только: хрустнуло сперва сверху — обломились ветви — затем снизу, когда больно ударила по ногам земля, вовсе не матушка, а мачеха, больно твёрдая. Падение вышибло из мальчишки дух. Он лежал на спине, разевая рот, как рыба, выброшенная на берег, и всё никак не мог заорать от боли, которая, наконец, накатила. Но вот он сумел выдохнуть, и одновременно брызнули слёзы.

Он не хотел плакать. Не ревел же в погребке, хоть было и страшно, и больно. Просто само собой получилось... А встать было боязно — как-то уж очень страшно хрупнуло совсем недавно в голени.

— Ах! — услышал он словно сквозь сон. — Держись! Держись, малыш!

Голос был девчачий, и звонкий, словно колокольчик. Или это у него в ушах зазвенело? Помотав головой, Николя всё же вздёргнул себя над землёй — и завопил от нестерпимой боли. Ногу резануло, будто раскалённой кочергой приложили — было дело, напоролся однажды дома...

— Держись, парень! — услышал он с другой стороны. — Не двигайся, слышишь?

Да уж он и так замер, словно кролик, которого за шкурку вот-вот возьмут. Даже глаза прикрыл. Ох, сейчас ему будет... воришке!

Только сейчас Николя понял, что он — вор. Залез в чужой сад. За чужими яблоками. Согрешил. Вот и наказание...

И снова всхлипнул.

— Тихо, тихо, сынок.

Перед ним на колени опустился громадный — как показалось семилетнему мальчику — монах: таких он ещё не видел! В Анжи братья были худые, измождённые, только настоятель толстый, аж щёки лопались. Этот — был большой, но не от жира, а от бугрящихся под сутаной мышц — словно кузнеца смеха ради нарядили в рясу да подпоясали вервием, а он сейчас ка-ак возьмёт молот... И лишь стрижка в кружок да тонзура подтверждали, что лицо-то духовное. Ох, как начнёт сейчас распекать Никки за его дурные дела...

Однако ругать его почему-то не торопились.

— У него что-то с ножкой, — обеспокоенно сказал девчачий голос, и вновь Николя слышалось, будто рассыпались по гравию горсти бубенчиков. — Ох, осторожно... Давайте, я придержу ногу, а вы его развернёте.

«Ой, не надо!» — едва не завопил мальчик, но вспомнил о своём героическом прошлом и одновременно встретил взгляд испуганных карих глаз, да таких...

... прекрасных, словно у ангела небесного...

...аж дыхание перехватило...

Почему-то сразу стало легче. Фея-ангел нежно поглаживала больную ногу, Никки сквозь штанину чувствовал касания её пальчиков, а вот боль почти не ощущал. Монах меж тем уложил его на спину, осторожно прощупал голову, руки, плечи, рёбра...

— Всё остальное цело. Удачно упал, сынок, с такой-то высоты... Мог бы и шею сломать, а отделался только ногой.

— Сломал? — в ужасе спросила девочка-фея. И Николая задрожал, ибо, несмотря на малый возраст, успел послушаться от взрослых, что перелом — это очень плохо, и чаще всего, нога после этого загнивает, и её приходится отрезать. Как же он — безногий?

Но тяжёлая мужская ладонь погладила его по голове, и почему-то показалось — батюшка рядом, и ничего страшного не случится, уж он-то не даст отрезать ногу, где это видано!

— Мы наложим шину, — сказал незнакомый низкий голос, и мальчик стряхнул наваждение. Конечно, это был не отец. Но некто, такой же сильный и всемогущий. — Лежи спокойно, поговори пока с этой доброй госпожой, а я подыщу что-нибудь подходящее. Госпожа... — Он осёкся, вглядываясь в лицо феи-ангела, будто узнавая. — Займите отрока разговорами, отвлеките его.

— Дяденька, мне не отрежут ногу? — успел пискнуть Николая.

— Ни в коем случае. Я отвезу тебя к хорошему врачу, и через месяц ты будешь скакать, как заяц. Но прежде, чем трогать тебя с места, надо закрепить сломанные кости так, чтобы они не двигались и не причиняли тебе боль. Понял? Жди и терпи. Господь тебя не оставит, да и мы тоже.

— Жди, — строго повторила фея-ангел. — И добавила совершенно как матушка: — Горе моё...

Она была рядом всё это время, пока монах, не найдя поблизости ни рейки, ни палки, не срезал невесть откуда взявшимся ножом две толстых яблоневых ветки и обстругал их, сделав плоскими, как дощечки. Девочка-госпожа гладила его по лбу, по щекам, утешала, просила потерпеть, а когда заметила, что Николас облизывает пересохшие губы — сбегала к стоящей неподалёку бочке с водой, намочила платок и обтёрла Никки лицо. Сразу полегчало. Нога онемела, он не мог пошевелить даже пальцами, но готов был повредить и вторую — лишь бы подольше оставалась с ним эта красавица, настоящая взрослая госпожа, снизошедшая со своих небес к простому маленькому воришке, у которого всё уже перепуталось в голове.

Монах приложил одну из дощечек к боку мальчика.

— Мне нужно их чем-то закрепить. Привязать. Госпожа... э-э...

— Мар... — Анна, — быстро ответила небожительница, отчего-то вспыхнув.

— Вам придётся сходить за помощью. Нужны бинты или хотя бы полотно.

— Да ведь сёстры после службы разошлись, и у них Час Молчания, их нельзя тревожить. У кого же спросить? Погодите-ка... Дайте-ка мне ваш ножик, отец... — она глянула вопросительно.

— Бенедикт. Это кинжал, дочь моя, — помедлив, отвечивал монах. Но нож из голенища, куда было его припрятал, достал вновь. — Он очень острый. Не порежьтесь.

— Ой, спасибо! — непонятно чему обрадовалась фея и тут же пробормотала: — Без «ой», я знаю... И отвернитесь, пожалуйста, не считите за дерзость с моей стороны...

Отвернуться-то она просила только монаха с чудным именем, а потому Николая пошире раскрыл глаза и всё видел: как юная госпожа завернула до самого пояса сперва одну плотную богатую юбку, затем вторую — и тут мальчик даже прижмурился от смущения, а ещё пуще — от кипельной белизны пышных нижних юбок. Но всё равно углядел, как его фея ловко отчекрыжила ножом изрядный кусок подола — сперва от одной юбки, затем от второй. И прелестные ножки в крошечных туфельках узрел, и даже одну подвязку на чулке.

— Вот. — Феечка торопливо оправила наряд и принялась надрезать полотнища и

надёргивать из них узкие полосы. — Этого хватит?

Монах посмотрел на неё во все глаза — конечно, ведь уже можно было глядеть! — и молча кивнул. Вновь опустился рядом с Николасом и стал прилаживать одну обструганную дощечку, подлиннее, со стороны бока, другую — с внутренней стороны ноги. Тут Никки, даром, что маленький, даже засмутился. Но и начал вскрикивать — когда мужские пальцы случайно задевали конечность, и та отзывалась болью. Но отче как-то по-особому провёл широкой ладонью над больным местом, прикрыл глаза, помолился...

— Вы его исцелили? — благоговейно прошептала госпожа.

— Что ты, дитя моё. Если бы я мог — к чему тогда эти приспособления? Нет, я лишь унял боль и снял отёк, это поможет ему перенести дорогу. А вот теперь... Придётся вам всё же потревожить сестёр. Нам нужны носилки. Я бы донёс нашего юного друга до кареты и на руках, но — видите, как я зафиксировал ногу? Её желательно не беспокоить.

— Сестёр тоже, — решительно ответила госпожа. — Пойду-ка я, схожу за нашими слугами. У них отличные крепкие плащи: мы их натянем — и вынесем мальчика. Четверо больших и сильных мужчин прекрасно справятся.

— Но, дочь моя... — как-то беспомощно сказал монах.

— Что? — удивлённо вздёрнула бровки фея.

— Это женский монастырь, смею напомнить, и появление в его стенах мужчин...

— Это? — Госпожа смешно завертела головой. — Я вижу здесь сад, святой отец, и разбившегося ребёнка. А монастырь — где-то там, за стенами, там ничего и не узнают. Мы и не скажем.

И в один момент подхватила юбочки и убежала. Отче только головой покачал и прошептал что-то.

Кажется, «...-тье...». И потом ещё что-то вроде: «Так вот ты какая...»

Четверо дюжих молодцов влекли Николя на туго натянутых плащах, как самую драгоценную в своей жизни ношу, поминутно оглядываясь то на стены церкви святой Урсулы, высящиеся за кромкой сада, то на юную госпожу. Чем она занималась где-то в отдалении, Николя не видел, как ни пытался. Но только когда со всяческими предосторожностями его уложили на сидение настоящей кареты, куда он давно мечтал заглянуть хоть одним глазком, когда монах пристроился напротив и по хозяйски гаркнул вознице «Едем! Да смотри, не трясись!» — снаружи вдруг донеслось: «Подождите!»

И распахнулась дверца, и поспешно втиснулась фея-ангел, и тотчас на всю карету запахло яблоками. А под бок Никки улеглась торба, полнѣхонькая, с восхитительно круглыми твёрдыми выпуклостями.

— А это — вам, — зардевшись, маленькая госпожа протянула монаху красивое-прекрасное яблоко. — Спасибо, — добавила отчего-то шёпотом.

— За что? — тоже шёпотом спросил монах. И если бы Никки мог в это поверить, он подумал бы, что на глазах у того — слёзы.

Засмеявшись, девочка-фея исчезла. Должно быть, она вполне по-человечески выскочила из кареты, но мальчику хотелось верить, что она просто растворилась в яблоневом духе — чтобы через минуту очутиться где-то в своём сказочном замке, рядом со своим сказочным принцем.

...Или нет: принц приедет за ней позже. И звать его будут — доблестный рыцарь Николас Карр из славного города Анжи.

***

— Веруешь ли, сын мой?

Более неуместного вопроса в пустыне, на горячем песке да с дыркой в животе, представить было невозможно.

Отряд рыцарей, брошенный королём Филиппом Вторым на выручку Арагонскому соседу, был вырезан до единого человека. Мавры напали на лагерь подло, ночью... Впрочем, и рыцари, к стыду юного Бенедикта де Труайяля, вели себя далеко не в соответствии с гордым званием, когда три дня назад, в священный для мусульман день пятницу, вышибли неверных из Теруаля. Вышибли — не то слово: поселение было разорено, пленные повешены, пленницы... Несмотря на молодость, Бенедикт повидал многое, но что б такое... Немногих, оставшихся в живых, разобрали для утех. Победа была быстрая, кровопролитная и... постыдная, как в глубине души считал Труайяль. В чём здесь подвиг? В том, что иноверцев застали врасплох, на молитве? Как мог отец Гуго благословить на подобное? «Не будет урона рыцарской чести — помешать гнусному служению язычников», — вещал он, подготавливая паству к штурму. «Доблестный рыцарь должен блюсти обеты чести лишь перед себе подобными и своим королём. Во имя Святой Церкви — благословляю! Исполните ваш долг!»

И почему-то никто не вспоминал, что местечко Теруаль испокон веков было арабским, мавров из него вышибли лет пять назад и устроили форпост на границе с эмиратом. Но вождь Аббас-аль-Хаид собрал богатый выкуп — не только за своих воинов, но и за город, и Тируэль вновь стал Теруалем, и за несколько лет расцвёл, оброс минаретами и часовнями, и жили в нём бок о бок и арабы, и христиане, и иудеи... Из уважения к верованиям соседей в городке было три дня, в которые жители не обременяли себя трудами и судебными разбирательствами: пятница, суббота и воскресенье.

И почему-то в эту роковую пятницу разгорячённым в бою латникам было всё равно, кого рубить — темнокожего или белокожего, в тюрбане или с непокрытой светлокудрой головой — разили одинаково всех. И женщин не жалели — тащили из укрытий и валили на землю, невзирая на то, к кому они взывали — к Аллаху или к Богородице.

И храмы грабили так же рьяно, как и мечети. Ибо, хрипел отец Гуго, с пеной на губах отрывая золотое распятие от двери часовни, что тот, кто терпит бок о бок неверных — опоганился и всю свою благодать растерял, и скверна на нём, и на жилище его, и на молельном доме его...

Нет, не о такой славе грезилось ещё не так давно Бенедикту, когда напросился он добровольцем в отряд королевских Белых Рыцарей. Не о таких подвигах. Сражаться мужчине против мужчины, воину против воина — это доблесть. А то, что творили его сотоварищи — хоть и не поворачивался язык, но хотелось назвать подлостью.

Поэтому, когда застали их ночью врасплох — ибо даже часовые упились забродившим от горячего Арагонского солнца молодым вином — когда почти не пивший, так, лишь бы дурные мысли заглушить, де Труайяль отбивался от четверых мавров голыми руками, благо Господь силой не обидел, когда обожгло ему сперва плечо, потом бедро, потом полоснуло по брюху, когда мир перевернулся — и одна из мерзких рож нападавших оказалась почему-то высоко над ним и смачно плюнула в лицо... Мысль, зревшая где-то на окраине сознания всё это время, наконец-то оформилась.

Всё правильно, отрешённо подумал он. И лишь коротко выдохнул, когда ногой в мягком сапожке ему заехали под ребро. Взглянул снизу вверх на злобно дышащего мавра, и плевок не стёр, потому что — заслужил. Всё правильно. Поделом. Так нам и надо.

Горла уже коснулась сталь, и с каким-то облегчением Бенедикт подумал: всё, конец. Но желанной быстрой смерти так и не получил. Чужеземный воин быстро проговорил что-то на гортанном наречии и вдруг усмехнулся. Поверженному гяуру связали руки и ноги и оставили — умирать. Или от потери крови, или от палящего солнца, если дотянет — до рассвета оставалось ещё долго.

Рядом добивали бывших товарищей, ругался непотребными словами, затем дико заорал капеллан, ему вторил узнаваемый, а после сорвавшийся на бабий визг голос Клода де Муа, командира отряда. Ветер донёс запах горелой плоти. Правильно, отчего-то снова подумал Бенедикт. Хоть и грех это — думать так о... единоверцах, о тех, с кем бок о бок провёл столько лье в дороге, мечом махал в сражениях, действительно доблестных, ни чета последнему, срамному... Там, в Теруале, все — создания божии, и неважно, какого цвета у них кожа и в какой день недели выносили во двор молельный коврик или статую Девы Марии. А они, доблестные галлы, надежда и гордость своей отчизны — что они натворили? И хоть молодой рыцарь не участвовал ни в оргиях, ни в мародёрстве — но и не в о с п р е п я т с т в о в а л. А потому — был сопричастен. Ибо, получалось, с его молчаливого согласия рвали одежды на осипших, потерявших голос от криков, женщинах, вспарывали животы в поисках проглоченных драгоценностей, гадили в святых местах...

И потому, когда склонился над ним чей-то пресветлый лик, сияющий ослепительно, и старческий надтреснутый голос спросил мягко: «Веруешь ли, сын мой?» — только головой мотнул. И как смог, просипел через саднящее горло:

— Не верую. Иди своей дорогой, ангел божий. Я не твой.

Сияние приутихло, и вот уже Бенедикт мог рассмотреть склонившегося над собой сухонького старичка, согбенного не годами — из-за плеч явственно проглядывал горбик. Лазоревые, ничуть не выцветшие от возраста очи смотрели без сострадания, но печально. И это мог понять व्यюнош: сострадания он, вроде, был не достоин, а печаль, может, и заслужил, ибо... Было ему о чём сожалеть.

— Значит, не веруешь, — огорчённо сказал... дедушка. Отчего-то так и хотелось его назвать — не ангелом, не святым — а кому ещё здесь взяться и пройти мимо разорённого войска, когда, вдобавок, ещё вопли пытаемых не стихли? А ведь на старичке сутана... или... да, что-то монашеское, хламида какая-то. Если уж не пожалели священника — и этому руки заломили бы, но его будто и не видят, значит — святой, из пустынников...

Конец простой суковатой палки тронул ремни, стягивающие ноги, коснулся пут на руках. Тонкие полоски кожи лопнули, будто по ним полоснули бритвой. Тут-то ему и конец, вяло подумал молодой рыцарь, жилы-то были перехвачены, а сейчас кровь по ним побежит — и раны откроются. Впрочем, лучше так, чем суток двое-трое загибаться от пекла в брюхе... И тут же его ошарашило полное б е з б о л и е. Не доверяя собственным ощущениям, он сел на мокром от крови песке, тронул живот. Через дыру подкольчужного свитера, ещё влажного от крови, хорошо прощупывалась гладкая кожа, налипший песок — но и только.

— Это мешало, — пояснил старичок и подсел рядом. — Так почему не веруешь, сын мой? Поясни.

Рыцарь глубоко вздохнул, в ответ больно кольнуло в печени. Всё ясно. Он просто бредит перед смертью. Ибо только тем можно объяснить и появление собеседника, и его странный интерес.

— Смысла не вижу, отче, — ответил всё же. Хотелось поддержать галлюцинацию, чтобы не исчезала вместе со спасительным телесным бесчувствием. Хорошо бы так и до

самого... конца в забвении продержаться, чтобы не корчиться под солнцем, аки червь, да выть, когда ещё живого начнёт клевать воронья. Они ведь, сволочи, с глаз начинают...

— Жить тебе отмерено до рассвета, сын мой, — сказала спокойно галлюцинация. — Но это не совсем правильно. Судьба тебе была уготовлена совсем иная: как последнему сыну в семье, стать священником и свершить немало подвигов. Ведь всё к тому шло, помнишь? И духовник у тебя был, отец Аврелий, и место в семинарии поджидало...

— Он согрешил с женщиной, — сквозь зубы ответил Бенедикт. Воспоминания о том, как его кумир слетел с пьедестала, было тягостно. — Я застал его... Они целовались. В храме. В исповедальне. Это был конец всему.

— Это была минутная слабость, сынок. Вспомни: Аврелий был молод и красив, и сердце у него было человеческое, полное жизни и любви. Не его вина, что он отдал его женщине.

— Священник? Женщине? — в ужасе спросил Бенедикт. — Изыди!

Старичок негромко засмеялся.

— Ах, вьюнош... Это был их единственный поцелуй, первый и последний, когда влюблённые признались в своих чувствах — и расстались навсегда... Знаешь, что было дальше? Девушка вышла замуж за достойного человека, родила троих сыновей, старшего назвала Аврелием. Лет через сорок, может, и раньше, он возглавит папский престол и отменит позорную Инквизицию. Это будет святой не мне, грешному, чета. И когда однажды против него организуют заговор, никто иной, как твой духовник Аврелий выпьет из кубка с отравленным вином, чтобы доказать Папе, как он ошибался в своих друзьях. Любовь к женщине, пронесённая через всю жизнь, укрепит его в намерении спасти её сына. И Христианский мир не рухнет...

Бенедикт оттер крупный пот со лба и уставился на влажную ладонь. В глазах время от времени двоилось. Бред или явь?

— Ты сбежал от своей судьбы, сынок. Впрочем, Господь не в обиде, он каждому даёт свободу выбора. Но вот ты здесь, и последние часы твои утекают, и какая-то в этом несообразность...

Старик замолчал, задумчиво поглядывая в пламя костра. Рыцарь не помнил, кто и когда зажжёт здесь огонь? Нет, всё-таки это горячка...

— Утекают... — Старец пожевал губами. — А знаешь, сынок, ведь это неправильно — то, что ты умираешь вместе с отпетыми грешниками. Они-то получили сполна, и не только за последние злодеяния, а вот для тебя кара чересчур сурова. Но скоро рассвет, и всё, что я могу сделать — самую малость. Перед смертью, а главное — после неё — многие сокрушаются о том, чего не вернуть. Ты — сможешь изменить то, о чём более всего сожалешь. Я помогу.

Бенедикт ошеломлённо молчал.

— Но ведь, — сказал, наконец, нерешительно, — ты не можешь воскресить мёртвых? Они уже мертвы, деяние содеяно, и как можно повернуть судьбу, ежели она уже свершилась?

— В царстве отца нашего обитателей много, сынок. Есть и такие, где того, о чём скорбишь, ещё не случилось. Мы сможем туда заглянуть и предотвратить то, что здесь уже свершилось. Ты заслужил. Пусть не в этом мире, но в другом — всё свершится по-иному.

Бенедикт уставился на языки огня.

Бред становился чересчур осмысленным.

Но — сон или явь, он должен попробовать. Сделать хоть что-то.

Что, например, если бы он попытался остановить своих товарищей?

Пламя иллюзорного костра вдруг взметнулось до небес, и в нём Бенедикт увидел себя, мечущегося по улицам городка от одного всадника к другому, пытающегося остановить вакханалию убийства... Но вот он падает на песок, оглушённый ударом палицы в голову.

— Не то, — шепнул над ухом голос старца, хоть самого и не видать было. — Тебя ударили свои же, чтоб не мешал...

А если попытаться переубедить Клода де Муа или отца Гуго?

Языки пламени затряслись, словно в беззвучном смехе, и рыцарь увидел себя связанным, на простом, без доспеха, коне. Бывшие друзья, отводя глаза, содрали с него рыцарские шпоры, а затем уехали, бросив одного в пустыне.

— За малодушие и измену, — печально сказал старик. — Прости, сын мой, но... может выберешь что-то иное?

Бенедикт до хруста сжал зубы.

Предупредить жителей Теруаля о нападении? Как? Кто ему поверит? И... очень уж это походит на предательство. Нет. Он только хочет уровнять силы. Чтобы не было бесчинств и мародёрства, чтобы не кричали в страхе дети, чтобы не срывали со стены золотое распятие...

Распятие! Он увидел его снова. Но не над алтарём в маленькой душевной часовне, а в приделе кафедрального собора Лютеции, куда зашёл исповедоваться, желая подготовить к предстоящему походу в Арагон не только тело, но и душу. Да, именно там он увидел этот крест впервые, и краем уха слышал, как пожилой священник благословлял более молодого на подвиг миссионерства в далёких враждебных эмиратах.

... Это и впрямь было видением, рождённым воспалённым мозгом, иначе как ещё объяснить, почему вдруг у Бенедикта начались провалы в памяти? Он хорошо помнит, как подошёл к обоим священникам и попросил его выслушать. Они приняли его слова за пьяную болтовню, и тогда, решившись, он рассказал в с ё, что с ним случилось, вплоть до того, что произойдёт полгода спустя в небольшом Арагонском городке, вплоть до встречи с синеглазым горбатеньким святым, до его последнего дара. Видимо, оттого, что дело происходило во сне, он забыл о приступах косноязычья, и речь его стала страстной, убедительной. А вот как он её закончил — не помнит. Помнит лишь опущенные глаза будущего миссионера. Не поверил...

А потом он увидел себя со своим отрядом здесь же, в пустыне, и при этом знал, что за плечами у него — долгий изнуряющий путь. Тяжелые переходы, скрип песка на зубах, вонь собственного тела, пекущегося в раскалённых солнцем доспехах, и жажда, постоянная непреходящая жажда. Вот они, плоские крыши Тируаля уже видны из-за ближайшего бархана, и пальмы с волосатыми стволами, и пики двух минаретов, уходящие в небо. И зубцы высокой стены, которая в прошлый приход рыцарей была пуста, а сейчас оцетинилась копьями.

А потом всё было... как полагается. Всадник против всадника. Воин против воина. Мечи против ятаганов.

Трижды они штурмовали ворота, и трижды отступали. Силы были равны. А на четвёртый день их настиг гонец от Его Величества Филиппа, с известием, что с Аббасом-эль-Хаидом подписан договор о двадцатилетнем мире и сотрудничестве — в обмен на передачу во владение Галлии алмазных копий. И все военные действия на территории Арагона должны быть немедленно и под страхом смерти прекращены.

Гонец прибыл не один, а в сопровождении небольшой роты. Де Муа плевал на его угрозы, очень уж распалился, так хотелось ему согнуть непокорный городишко. Но... Слишком много свидетелей. К тому же, одновременно с вестью о мире гонец прислал и приказ о срочном отзыве рыцарей. Его Величеству спешно снаряжал экспедицию в Новый свет, а уж туда-то требовались самые отчаянные... Было где остудить горячие головы.

Бенедикт очень хорошо запомнил так и не открывшиеся ворота Тируаля. А потом на их месте почему-то вспыхнул огромный, до неба, костёр, который вдруг опал, сжался и заполз подо рдеющие уголья. Когда во временно ослепших глазах перестали плясать чёртовы белёсые пятна — стало видно сереющее небо с гаснущими звёздами, а где-то над самым горизонтом уже растекалось багровое пятно рассвета.

Над остывшим за ночь песком висела туманная дымка. Стояла тишина. Бенедикт поднялся — и отчётливо услышал, как хрустнули суставы в занемевших коленях. Тела бывших соратников, пока не тронутые падальщиками, но уже обобранные, так и лежали на песке. Его почему-то не тронули.

И кто-то оставил поблизости походную кожаную флягу, к которой он так и припал пересохшим ртом, едва сдержавшись, чтобы не вылебать всё сразу. Вода — величайшая драгоценность, её надо поберечь, раз он жив и...

Похолодев, он схватился за живот — чистый, гладкий, без следов раны или воспаления. Зажал рот от внезапно вырвавшегося рыдания. Справился с собой. И истово перекрестился: — Верую, Господи...

А потом, пока не рассвело окончательно, он, отыскав латные перчатки, рыл руками яму в песке — не для погибших, при всём желании он не смог бы похоронить всех, а для себя. Ещё в самом начале похода у него возникла крамольная мысль: зачем изнурять себя переходом в самое пекло, когда можно ехать прохладной ночью? Но командир поднял его на смех и обвинил в малодушии и изнеженности. Теперь было самое время проверить свою теорию.

Мавры успели снять с убитых оружие и часть доспехов, сорвали с земли шатры, но Бенедикту удалось раздобыть два почти целых плаща, изрядно подпорченных кровью — должно быть, оттого на них никто и не польстился. Меча своего он так и не нашёл, но засапожный нож был при нём всегда. Им-то он и срезал несколько чахлых кустиков, укрепил по краям вырытой ямы, кое-как натянул заскорузлую от крови ткань. В два слоя. Чтобы ни один луч солнца не просачивался. Влез под импровизированный тент и решил: будь что будет. И тотчас уснул, будто и впрямь умер.

Очнулся только вечером. В самодельном убежище было душно — но и только. Скосив глаза, подождал, пока змея, свернувшаяся клубком на груди, не проснётся и не уползёт. На него нашло странное спокойствие. Теперь он твёрдо знал: если уж Тот, кто Свыше, решил, что Бенедикту де Труайялю помирать ещё рано — так и будет. Теперь он выживет, чтобы не случилось. Но и на рожон лезть не надо...

Он хлебнул воды и высунул голову из-под тента. В нос ударил душок разлагающейся плоти. Каркало вороньё, ругались гиены. Пора было уходить. У него были союзники — синеватый гребешок горной цепи у самого горизонта, как ориентир, и полная луна.

К утру он выдохся настолько, что, несмотря на разумное намерение сперва обустроить убежище, а только потом отдохнуть, привалился к небольшому плоскому камню, которых на подступе к горам попадалось всё чаще, и... уснул.

Проснувшись, торопливо поднял голову, вздрогнул. Прямо на него уставилась огромная

рептилия. Бенедикт лихорадочно пытался сообразить, успеет ли вытащить нож или не успеет — но тут заметил весьма странную вещь. Змей — впрочем, нет, дракон — сидел перед ним с раскрытыми крыльями.

А в тени от крыльев находился он сам, Бенедикт.

«Ссс добрым утром», — сварливо поздоровался ящер. «Так и будешь прохлаждаться? Вссставай, мне некогхххда...»

Он сложил крылья и встопорщил гребень на спине.

«Сссадись. Донесссу тебя до зсссамка. Тут недалеко...»

Минуту спустя Бенедикт уже цеплялся мёртвой хваткой в один из зубцов на драконьем хребте. Откуда только силы взялись! Ветер, нещадно бивший ему в лицо там, наверху, в поднебесье, выжимал слёзы и выдувал мысли, оставил единственную: холодно! Никогда бы не подумал, что под слепящим солнцем можно заледенеть до полусмерти... Он совсем окоченел, и девушке, которая выскочила на башенную площадку встретить дракона, пришлось звать на помощь людей, чтобы помогли сойти. Только, коснувшись стёртыми каблуками башенных плит, Бенедикт осознал, наконец, что это всё — не очередной горячечный бред, а самая что ни на есть реальность.

Тяжело опираясь о подставленные плечи стражников, он, как мог, поклонился девушке. Представился, не зная ещё — поймут его или нет, полным именем, полным титулом. Должно быть, со стороны это выглядело нелепо — оборванный, грязный, измождённый... граф де Труайяль. Но красавица, по-видимому, здесь многого навиделась.

— Эстрелитта дель Вальдес Леаль, сударь. — Её галльский был со смешным милым граассированием. — Прошу вас следовать за мной и ни о чём не волноваться — здесь вы в безопасности. Диас, Хорхе, помогите господину графу добраться, мы поместим его, пожалуй... в сиреновой башне, да.

«Надеюсссь, ты уделишшь потом и мне немного внимания», — услышал, уже уходя, Бенедикт. Девушка засмеялась.

— Ах, Арман, конечно! Чего ты медлишь? Превращайся и приходи к нам, отец тебя давно поджидает.

«А ты, Эссс?»

— Приходи, — уклонилась красавица от ответа. — И вечером я тебе всё сама расскажу... А сейчас — у нас гость, и в таком состоянии, ты же видишь...

Всё-таки Бенедикт был достаточно силён, чтобы, едва придя в себя, отстраниться от поддерживающих его мужчин и пойти самостоятельно. Он шёл по длинному коридору, привыкая к полумраку, чувствуя, как прибавляются с каждым шагом силы. «Эй! Нам сюда!» — окликнул его один из спутников, но Бенедикт лишь отмахнулся: его будто вёл кто-то, тянул за собой. Наугад открыл одну из дверей — и оказался в маленькой домашней часовне.

Опустился на колени перед Спасителем. Прикрыл глаза. И понял, как теперь он проживёт новую подаренную жизнь.

Было тогда будущему Бенедикту Эстрейскому неполных девятнадцать лет...

***

— Дяденька...

Вздрогнув, его высокопреосвященство отвлёкся от воспоминаний почти сорокалетней давности. Почему именно сейчас пришёл ему на память тот нелёгкий момент его жизни? Давно уже не возвращался он мысленно к тем годам, но вот, поди ж ты...

— Что, сын мой? Тебе неудобно? Болит?

— Всё хорошо, спасибо. Дяденька, а... кто она?

— Она...

Его высокопреосвященство усмехнулся и, словно очнувшись, посмотрел на яблоко, до сих пор словно хранящее тепло впитанных солнечных лучей и хорошенькой девичьей ладошки. И вдруг всё понял.

...Там, в часовне замка Лоарре, из-за плеча своего Сына глянула на него тёплыми карими глазами Сама. Богоматерь. И охватило юного Бенедикта неизъяснимое блаженство — на грани боли и наслаждения, умирания и восторга... Ему казалось, что в одно и то же время он и возносится к небесам, и низвергается в бездну. Обнимается с бесконечной Вселенной — и скукоживается в крошечное существо с головастика величиной, ещё без рук, без ног, один хвост, голова да жабры. И вдруг его сердце лопнуло. Чтобы вобрать в себя силу материнской Любви, сыновьей преданности, мужественности отца, верности брата и друга, мудрости наставника... И замкнуть в себе навсегда. С одним условием: делиться. Делиться щедро. Ибо столь велик источник этой силы, что не убудет вовек.

И дано ему было спокойствие принять то, чего не в силах изменить.

И мужество — исправить то, что можно исправить.

И мудрость — отличать одно от другого.

И понял он, что выбор его, там, в пустыне, у нерукотворного костра, рядом с безымянным старцем — правильный, оттого и удостоился пережить рассвет — вчерашний, сегодняшний — и, был уверен, переживёт бесчисленный сонм последующих.

Как ему сказали позже, он провёл ничком на полу, раскинув руки крестом, почти весь день. Но для Бенедикта время остановилось. Вот только что — он встретился глазами с прекраснейшим ласковым взором, познал благодать и откровение... Но чья-то рука настойчиво трясёт и трясёт его за плечо.

— Господин граф! Очнитесь! Бенедикт! Прошу вас!.. Арман, да что с ним такое?

— Это Благодать, я же объяснял тебе, Эсс, — отвечал странно знакомый мужской голос. Сперва рыцарь подивился тому, что некто со стороны совершенно точно определил то, что с ним творилось. И только потом — понял, что раньше этот голос слышал только у себя в голове, а теперь, вроде, по-настоящему.

— И к чему она ему, если юноша без сил, голодный, возможно — раненый... Ты же видел — он весь в крови! А сам — запрещаешь его трогать!

— Кровь на нём давно высохла. Если бы раны открылись — сочилась бы свежая... Нет, Эсс, это всё — лишь свидетельство того, что парень попал в серьёзную заварушку. А вот то, что в нём происходит... Этому мешать не надо. Подожди немного. Кажется, он приходит в себя. Скоро ты убедишься, что он в порядке.

Бенедикт повернул голову на голос. Оказывается, всё это время он лежал, уткнувшись лбом в дощатый пол. Поморщившись, потёр занывшую переносицу... и во все глаза уставился на склонившуюся над ним черноглазую девушку.

— Наконец-то! — всплеснула она руками.

А он не в силах был отвести взгляд от ласкового сияния, прозрачными всполохами играющего вокруг прелестной головки, увенчанной короной из кос, чёрных, как смоль. Лёгкий флер невинности, чистоты, целомудрия, нежности... Любви к тому, кто стоял рядом, к некоему Арману. Тревоги за него Бенедикта.

Всё это обрушилось на непривычную к подобным ощущениям голову разом и без

подготовки. Немудрено, что молодой рыцарь едва вновь не расстался с сознанием... С той поры он научился видеть людей по-особому.

Вот почему много лет спустя ему так важно было лично увидеть новую Анну д'Эстре де Фуа. Что бы там о ней не говорили — он д о л ж н е н был посмотреть ей в глаза — и окунуться в излучение её ауры, и тогда уже убедиться, что девушка эта чиста и непорочна, и никем не ведОма, кроме помыслов своей прекрасной души и порывов доброго сердца. И нет за ней кукловода, который через неё дергал бы за ниточки герцога; уж Бенедикт почувствовал бы...

Немало времени прошло, прежде чем он вернулся на родину — уже пройдя рукоположение и получив сан епископа. Он был направлен в Эстре, на освящение нового собора, и, войдя под высокие своды, вдруг впервые в жизни понял, что можно влюбиться с первого взгляда — не в женщину, а в Храм. В эти прекраснейшие лики на фресках, выписанных лучшими живописцами, в чудесные мозаичные колоннады, в голубя, парящего в неимоверной выси под самым куполом, в серебряные звуки органа...

Освящения ещё не было, однако в боковые врата робко, но настойчиво просачивались прихожане, кланяясь образу небесного покровителя сего храма, святому Серафиму. Столик перед образом, написанным на высокой кипарисной доске — по греческим канонам, но одобренным и разрешённым Его Святейшеством — ломился от плодов. Был конец августа, зрел урожай в садах, и простые труженики, в простоте своей, угощали любимого святого всем, что имели.

Бенедикт приблизился — и обмер.

С кипарисной доски на него тепло засияли знакомые лазоревые очи.

Маленький сгорбленный старичок ласково улыбался бывшему рыцарю. И само собой прыгнуло со стола в руки новому епископу румянобокое крепкое яблоко. Такое же, что сейчас много лет спустя протянула ему... Анна?

А ведь она оговорилась вначале...

Он непременно должен узнать о ней всё.

— Так кто она? — с жадным любопытством спросил малыш.

— Герцогиня Эстрейская, — улыбнувшись, ответил его высокопреосвященство. — Не веришь? Я вот и сам поначалу не верил...

И с беспокойством наклонился к мальчику, разглядев не замеченное ранее алое пятно на самодельном бинте.

Вроде бы перелом был закрытый, крови на ребёнке не было...

Осенённый догадкой, вытащил из ножен в сапоге кинжал.

Так и есть. Вдоль кромки лезвия присохла узкая, еле заметная глазу полоска. Девочка всё же порезалась. Предупреждай — не предупреждай...

Он осторожно вернул оружие на место.

Иной раз кровь может рассказать о человеке куда больше, чем он сам. Над этим надо поработать. И если его догадка верна... Именно эта герцогиня нужна Галлии и её народу.

Вместо эпилога

Братие! У нашего светлейшего герцога Жильберта Анри Рене де... ох, как бы не упустить титулы-то... де Бриссака де Фуа д'Эстре — ничего не забыл? — нашлась супруга.

Прекрасная златокошая Анна, добродетелью и умом, кротостью и милосердием явившая пример того, какой должна быть жена — и не только сиятельного владыки, но и любого доброго христианина. Скромна без жеманства, величава без гордыни, умна... не по годам, н-да...

А я, грешный, болтлив не по уму, н-да. Простительно мне. Ибо, проговорив изначально и неоднократно всё, что в летопись собираюсь занести, имею в пустой голове ясный образ самой страницы, которую вскорости начну исписывать самым лучшим почерком своим, особо для духовных книг предназначенным. Ведь писание мое, братие, осуждено — не побоюсь громкого слова — на века и века храниться и ведать людям о том, что с нами, малыми и великими мира сего, происходило.

Ох, как страшно, братие... Не поймёте? Страшно, говорю, в вечность угодить. А ну, как ляпнешь какую глупость и осрамишься перед потомками... Вот потому, брат Тук, никакой кружечки, ни даже глоточка. Отпишусь — тогда можно. А то, не ровён час, буквы перепутаю. Прошлый раз очень уж отец Михаил выговаривал: в двух местах у меня буква «пы» проскочила, как «пёс», а надо бы, как «псалом»... Вот ты — знающий человек, ты сразу понял, а какому-нибудь невежде и невдомёк, что альфа-вит для разных писаний свой: есть для возвышенного, духовного, весь из себя витиеватый, а для мирского — тот проще. Оттого-то мы, келари-летописы, и держим буквы в уме под разными прозвищами, дабы не попутать. А я согрешил, проморгал, хоть, вроде и проспался хорошо после такой вот кружечки... Ну да, не одной, а что делать, коли вы, мои почитатели, ко мне тоже не по одному приходите, надо всех уважить. Так что, братие, не вводите во искушение. Трезов, как стёклышко, должен быть оный вечер и ещё суток трое, пока писание не закончу. Долго? А как же. Зато — на века...

...Вот оно как бывает, братие. Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Как только не хулили прекрасную Анну, ан что вышло — не она это, а змея подколодная, суккубица, врагами нашего герцога и славной Галлии подставленная. А настоящая, Богом предназначенная супруга, была ещё до обручения выкрадена... так я понял, брат Тук? Сперва думали — женился герцог на правильной, которую потом выкрали, а — нет, на неправильной, и оттого сам наш епископ послал запрос Папе Аврелию: как же так? Что же это? Неужто в самом Ватикане — враги и недруги? Ведь отправляли для разрешения на брак его светлости с племянницей барона де Бирса ткань с каплями крови невесты: как положено, палец пришлось уколоть в трёх местах да омочить в руде платок. Что, неужто кровь суккубы не распознали хвалёные эксперты? Это ж чистота династии под угрозой, или вовсе вымирание, чтобы не было больше герцогов д'Эстре на нашей земле. Кому-то пришло на ум — подменить результаты, сказать, что брак одобряется, и будет у герцога славное и обильное потомство ему под стать. А на деле — вот оно как... И не случайность это, ибо одновременно с одобрением брака гонец из Ватикана принёс мессире Бенедикту послание, дабы тот срочно отъехал по высочайшему поручению. Оттого и венчал светлейшую чету какой-то пришлый епископ. Наш-то — змею подколодную враз опознал бы и не позволил сему грязному делу свершиться.

Оттого и выслал Аврелию нижайшую просьбу вместе с суровым требованием справедливости. Кровь новой невесты... Т-с-с, братие... не хуже моего знаете, что это секрет... Послал кровь не на платке, а на кинжале. Вот, мол разбирайтесь сами, как положено. Что это кровь самой Анны, в иной жизни, в плену, называемой Мартой и к этому имени привыкшей — я вам присягу даю. А что на лезвии — не обессудьте, платка под рукой

не было. Но только так я вам скажу, братие, что Аврелий, честь ему и хвала, тоже не дур... ох, прости Господи... тоже великого ума человечище, и выводы сделает правильные. Не сделает — за Галлию может заговорить железо, вот что отец Бенедикт в уме держал.

Да, братие...

А у мальчика-то нога срослась в считанные дни. Говорят, оттого, что капелька светлейшей крови на полотно попала, коим госпожа Март... Анна изволила пожертвовать, чтобы дитя перевязать, до чужих яблок охочее...

Н-да.

Водицы мне плесните, что ли, или взвару вишнёвого... Не могу молчать.

...Ну братие... Здоровье нашей светлейшей четы! За то, чтобы сладилось и у его Высокопреосвященства, да не подрался бы с Его Святейшеством, за то, чтобы сладилось у господина герцога с молодой супругой... тогда и всем нам будет хорошо, мир и процветание. Аминь. И спасибо, что хмельного не добавили, а то я шутки ваши давно изучил. Уважаете, значит... Ну, пошёл я на дело многотрудное и восхитительное. Молитесь за меня, молитесь, ибо чувствую я иногда, что после ваших воззваний словно Ангел Божий моею рукою водит... Вот теперь Аминь, братие.

Больше книг на сайте — Knigolub.net